

АКИМ ТАРАЗИ

л 2010
25886к

Коллекция
для
Адам

АКИМ ТАРАЗИ

Калыс
для
Адам

ПЬЕСЫ

Перевод с казахского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1991

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ

Художник Сергей ГЕРАСКЕВИЧ

00234278

Т $\frac{4702250203-232}{083(02)-91}$ 288-91

ISBN 5-265-01989-8

Осипов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А с а н — хозяин особняка.

Р а й — жена Асана.

С а н ж а н — гость Асана и Рай.

К а т я — подруга Рай.

Х а с а н А х м е т о в и ч — гость Асана и Рай.

Е л и з а в е т а — жена Хасана.

Б у л а н — писатель.

Р у ф ь — жена Булана.

К о к б а й }
 } гости.

К о п б а й }
К и т и — дочь Хасана, 17 лет.

Т и т и — подруга Кити, 17 лет.

М а т ь С а н ж а н а .

М у ж ч и н а в п и ж а м е .

Д в е д е в у ш к и .

Б а т и х а — жена Копбая.

Действие первое

Картина первая

Тихая, небольшая улочка. В зеленом саду роскошный особняк. На окнах ставни с резными узорами. Справа выкрашенный голубой краской гараж. От калитки по обе стороны узкой дорожки ряды яблонь, клумбы с цветами. В беседке за столом, накрытом белой скатертью, Р а й и К а т я пьют чай.

Р а й. Эх, вот бы сейчас соленого арбуза!

К а т я. Соленого? А разве такие бывают?

Р а й. Ты не знаешь, Катя? Это настоящий деликатес.

К а т я. Даже в этот умопомрачительный зной?

Р а й. Конечно, тебе жарко... Летом лучше носить ситцевые платья. А эта шерсть на тебе как чапан.

К а т я. А, пусть. Думаешь, кого-нибудь это волнует?

Р а й. Я тоже раньше так думала. Но, поверь, напрасно. Очень важно уметь одеться со вкусом. Мой Асан знает толк в этом. И меня научил.

К а т я. Твой Асан сейчас на высоте. Мой муж только о нем и толкует, перевозносит до самых небес.

Р а й. Ойбай, и не говори. Наверное, Катя, я счастлива... Только знаешь, иногда как-то становится тревожно на душе, боязно. Кажется, что все со мной происходит не наяву, а во сне... А почему ты смеешься?

К а т я. Нет, что ты. *(Помолчав.)* Счастливый человек точно стоит на вершине скалы. Ты счастлива, и теперь тебе не избавиться от страха.

Р а й. Ты хорошо это сказала. Еще пиалку?

К а т я. Можно и еще. *(Наливает себе чаю.)* А ты изменилась.

Р а й. Полнею... И ничего в этом хорошего нет!

К а т я. По-моему, тебе идет.

Р а й. Серьезно?! И Асану нравится. А вот ты до сих пор как девушка на выданье. Сойдешь за студентку-первокурсницу. Удивительно! И хорошенькая какая, точно в юности!

Катя встает с места.

К а т я. Ну, я пойду.

Р а й. Что ты заспешила?

К а т я. Поболтали, отвели душу, и хватит. Спасибо.

Р а й. Сейчас уж и Асан придет. Познакомишься с ним.

К а т я. Как-нибудь в следующий раз.

Р а й. Нет-нет, приходи сегодня. Приводи своего мужа. Очень хочется с ним познакомиться.

К а т я. Да ты его знаешь! *(Смеется.)*

Р а й. Да ну! Откуда? Почему ты смеешься? Скажи!

К а т я. Ты же его каждый день видишь.

Р а й. Не разыгрывай...

К а т я. Шучу. Я что-то в последнее время много болтаю. Вспоминается всякое.

Р а й. Короче, надеюсь, ты придешь? Через час, договорились? Мужа с собой захвати.

К а т я. Посмотрю. Ну, пока.

Р а й. Как хорошо, когда тебя помнят старые знакомые... Придешь, значит? Будем ждать.

Катя выходит. Рай садится в кресло. Слышится гул машины. Мужской голос: «Ну, пока!» Открывается калитка, входит Асан. Рай, вскочив, бросается навстречу мужу.

(Ласкаясь.) Наш папа пришел! Наш папа! Усталый пришел! Голодный пришел!

А с а н. И не говори! *(Целует жену.)* Прости, задержался. Ты зажала, наверное. *(Достает из папки розу, преподносит жене.)* Это тебе, Перизатка моя!

Р а й. Спасибо, милый. *(Целует мужа.)* Папа нас любит. Папа нас не забыл.

А с а н. Ты отвела Крошку-Точку? *(Пройдя в беседку, садится в плетеное кресло.)*

Р а й. Отвела. Женеше очень обрадовалась. Говорит, теперь, пока жива, не отдаст ее нам.

Асан располагается поудобнее. Рай ставит на стол чайный сервиз. Разливает чай по пиалам.

А с а н. Прямо с ног валюсь.

Р а й. А еще гости сейчас придут! Но ничего, они долго не задержатся. Сегодня я не позволю им играть в карты. Быстренько подам чай, бесбармак...

А с а н *(перебивает)*. У тебя все готово, Перим? Может, помочь?

Р а й. Все готово. Не беспокойся.

А с а н (*смотрит на часы*). Восемь. Давай хоть пойду вынесу мусор.

Р а й. Не надо, милый. Я сама.

А с а н. Перизатка моя, не позволю тебе таскать мусор!..

Р а й. Милый мой, какой ты у меня! (*Обняв мужа, ластится к нему.*)

А с а н. Сейчас всего лишь восемь часов. Гости обычно опаздывают... Как нам быть, а? Перим?

Р а й. Ах ты хитрец! (*Смеется. Щелкает мужа по носу.*) Не надо хитрить, сейчас нельзя... (*Смеются.*)

А с а н. Раньше всех примчится писатель с женой. Потом...

Р а й. Потом знаешь кто придет?

А с а н. Конечно, Хасан Ахметович.

Р а й. Нет, на этот раз ты ошибся. Придет Катя... С мужем.

А с а н. А это еще кто?

Р а й. Моя старая знакомая. Мы в школе вместе учились. Она сама разыскала меня. Только что была здесь. Удивительная женщина. Я ей сказала, чтобы она пришла с мужем.

А с а н. Интересно, кто ее муж? А сама она кто?

Р а й. Как кто? Я же сказала — Катя. А мужа ее зовут то ли Николай, то ли Несипбай.

А с а н (*смеется*). Перим, ну как можно спутать Николая с Несипбаем?

Р а й. И в самом деле! (*Смеется.*)

А с а н. А кем работает ее муж?

Р а й. Я не спросила.

А с а н. М-м... Значит, так...

Рай снимает со стола белую марлю, которой накрыты блюда. Стол ломится от яств.

Ты у меня мастерица, Перим. (*Внезапно.*) Ах, чтоб меня... Чуть не забыл. Знаешь, кто еще сегодня будет у нас?

Рай вопросительно смотрит на него.

Санжан.

Р а й. Санжан? Откуда он взялся?

А с а н. Разрази меня гром, если знаю. Сидел у себя в конторе как ни в чем не бывало, и вдруг звонит телефон. Поднимаю трубку — Санжан. Спрашиваю, каким ветром его сюда занесло, а он смеется. Что делать, пригласил в гости. Что ты молчишь? Испугалась?

Рай молчит.

Брось, не тревожься. Я давно все забыл. Кроме того, ничего такого не было. Дело прошлое. Я даже не ревную. По мне даже лучше, что он придет. Пусть приходит!.. Посмотрит, как мы живем...

Картина вторая

Занавес открыт, но сцена затемнена. Слышится шум начинающегося застолья. Смех, людские голоса.

Г о л о с Х а с а н а. Итак, друзья, хочу поблагодарить вас за оказанную честь, за то, что вы предоставили мне первый тост. Но, конечно, это в какой-то мере закономерно. Во-первых, думаю, я самый старший из всех собравшихся, во-вторых, мне представляется, что я самый близкий человек этому дому. Да простит меня бог, если я считаю вас не близкими, это просто так, к слову. Я должен сначала объяснить, что близок этому дому, а потом имел в виду, что вы гости, а значит, люди, более уважаемые, чем я... Раз уж мне предоставили слово, хочу сказать, что мы, казахи, всегда славились гостеприимством, потому лучше было бы предоставить этот тост одному из уважаемых гостей...

Г о л о с а. Нет, ойбай, нельзя!

— Говорите сами. Вы самый старший за этим дастарханом!

— Вы сегодня почетный гость дома!

— Первый тост должны произнести вы!

Г о л о с Х а с а н а. Что ж, может, это и правильно. В таком случае, еще раз спасибо за уважение. А теперь позвольте перейти к сути моего тоста. Постараюсь говорить кратко, тем более что радость переполняет мою душу, заставляя волноваться, и мешает говорить долго. Свой тост я посвящаю молодым хозяевам этого шанырака: Асану и Рай. Я думаю, что вы не будете против. Нынче Асана можно назвать настоящим мужчиной. Я хвалю его не потому, что мы с ним из одного аула. Асан в самом деле настоящий мужчина. Ему едва исполнилось тридцать, но несмотря на это он — гордость одного из наших предприятий. Конечно, пока (*шутит*) он управляет всего восемью служащими и одним «газиком». Но это ничего, со временем у него будет и «Волга», и «ЗИЛ», лишь бы здоровье не подвело. У Асана большое будущее. Я хочу поднять этот тост за счастливое будущее Асана, за будущее этого дома. Пусть и в дальнейшем Райжан будет счастлива счастьем Асана. Я желаю не просто счастья, а самого высшего счастья — счастья, основанного на человечности. Я прошу вас выпить за хозяев этого благополучного и гостеприимного, радушного и приветливого, доброго гнезда!

Возбужденные голоса, звон бокалов: «За ваше здоровье, за ваше счастье!» — «Спасибо!» — «Выпьем за вас!»

Пауза.

Опять возбужденные голоса: «Угощайтесь!» — «Какое прекрасное блюдо!» — «Это из вашего сада?» — «Конечно!» — «Спасибо!» — «Так и тает во рту!» — «Это же Рай приготовила!» — «Настоящая мастерица!» — «В том-то и дело, кулинарному искусству надо учиться у Рай!»

Г о л о с А с а н а. Товарищи, позвольте предоставить следующее слово нашей уважаемой жене Елизавете Филимоновне. Ну-ка, женгей!

Г р у б ы й ж е н с к и й г о л о с. Нет, что вы, спасибо! Не стоит!

Г о л о с Х а с а н а. Как же так, ведь это не что иное, как злоупотребление родственным положением. Только что говорил я, а теперь и жену мою заставляете.

Г р у б ы й ж е н с к и й г о л о с. Вот и я говорю о том же.

Г о л о с а. Тогда спойте, Лиза-ханум! Порадуйте нас своим искусством!

Г р у б ы й ж е н с к и й г о л о с. Ой, прямо не знаю как быть!

Пауза.

Мой супруг Хасан Ахметович, кажется, забыл одну существенную вещь. Он поднял бокал за прошлое и будущее, за процветание этого дома, но назвал имена только двух людей и забыл о баловне шанырака, богине благополучия, о бесценном цветке этого цветника — Светлане.

Г о л о с Х а с а н а. Да, да, да! Именно так, товарищи, виноват! И как я мог забыть? Видите, зря люди клеветают, говорят, что у женщины волос долог, а ум короток. Молодец, Лиза-ханум! Кстати, а где она?

Г о л о с Р а й. Мы отвели ее к женгей.

Г р у б ы й ж е н с к и й г о л о с. Я прошу вас поднять бокалы за здоровье маленькой Светланы.

Г о л о с а. Вот это тост! Ну, поехали! За будущее Светланы!

Г о л о с Х а с а н а. И как это я забыл, а?

Звон бокалов.

Пауза.

Картина третья

На сцену падает свет. На переднем плане высокие ворота. Из-за ворот видны верхушки яблонь, черепичная крыша особняка. Слева от ворот — калитка. Около нее — длинная скамейка. Выходит К а т я.

К а т я. Фу! Боже ты мой!

Садится на скамейку.

Грубый женский голос тянет песню. Выбегает Р а й. Веселая, радостная.

Р а й. Катенька, что ты здесь сидишь?

К а т я. Просто так.

Р а й. Почему ты ушла?

К а т я. У меня от сигаретного дыма голова болит.

Р а й. Это плохо. Твой муж не курит?

К а т я. Курит...

Р а й. Катенька, ты так расцвела!

К а т я. А из тебя так и брызжет веселье.

Р а й. Догадываешься почему?

К а т я. Нет.

Р а й. Мне весело, потому что... как бы это сказать... Ты заметила Санжана? Он сидел возле тебя. Такой молчаливый, мрачный.

К а т я. Да, помню такого.

Р а й. Как бы это сказать... Когда-то он... Вообще интересный он парень... Называл меня «золотым рассветом»! Золотой рассвет...

К а т я. Ну и потом?

Р а й. Конечно, он неплохой парень. Что ни говори, и на лицо приятный, и умный. Но разве его сравнишь с Асаном? Ты, наверное, и сама заметила, какой у меня муж?!

К а т я. Ну, дальше?

Р а й. Как бы тебе сказать. *(Быстро, взволнованно.)* Раньше я боялась встречи с ним. А сегодня рада, что это произошло. Пусть посмотрит, как мы живем с Асаном, какая мы счастливая пара!

К а т я. Ну и что?

Р а й. Сидит как в воду опущенный. Но я абсолютно равнодушна к нему. Слава аллаху, вечер заканчивается без всяких осложнений.

К а т я. Чего же ты так боялась? Каких осложнений?

Р а й. Глупая моя башка, и вправду! Бояться действительно было нечего. Хорошо получилось, что он пришел. Пусть посмотрит, узнает, как мы живем с Асаном.

К а т я. Эх, глупенькая ты, глупенькая... Хочешь обмануть саму себя.

Р а й. Что ты сказала?

К а т я. Так просто.

Р а й. Эх, надо было тебе привести своего мужа. Я бы познакомилась с ним. Поболтали бы.

К а т я. Можешь не жалеть об этом. Увидишь его еще не раз. Тем более что ты его знаешь.

Р а й. Что с тобой, не пойму, уже во второй раз ты говоришь, что я знаю его, что ты вертишь вокруг да около?

К а т я. Ты хорошо знаешь своего мужа?

Р а й (*встревоженно*). Ты что, издеваешься?

К а т я. Короче, мой муж точь-в-точь твой Асан. Разница только в том, что его зовут Николай, он русоволосый и голубоглазый, больше никаких различий.

Р а й (*успокаиваясь*). Все-то ты шутишь.

К а т я (*натянута улыбаясь*). Да, люблю пошутить... А у этого Санжана, между прочим, взгляд, как кинжал, проникает насквозь.

Р а й (*неуверенно*). Мне кажется, для меня все равно, есть ли в этом доме Санжан или нет его. (*Помолчав.*) Ладно, пошли.

К а т я. Пусть эта «певица» догудит свое.

Р а й. Ну, пойдём, послушаем. Ведь Лиза-ханум неплохо поет.

К а т я. Подожди, пусть кончит. Посидим пока.

Картина четвертая

Грубый женский голос умолкает. Ворота раскрываются. Декорации картины первой. Посреди двора длинный стол. На сцене Х а с а н, Бу л а н, Ру ф ь, К а т я, А с а н, Р а й, К о к б а й, К о п б а й, С а н ж а н, Е л и з а в е т а Ф и л и м о н о в н а. Гости аплодируют, выражая признательность певице: «Вот настоящая певица!» — «У вас потрясающий голос!» — «Почему вы не поете по радио?» Санжан сидит молча. Катя подходит к нему, садится рядом. Рай садится возле самовара, ближе к Асану.

Е л и з а в е т а (*встает*). Господи, разве теперь это голос? Вот в молодости было совсем другое дело! Тогда действительно могла артисткой стать. Но, слава богу, встретился Хасан Ахметович и уберег меня от этого шага.

К а т я (*насмешливо*). Как жаль...

Е л и з а в е т а. Что ты, что ты! Мне не о чем жалеть. Да и жалеть-то некогда. Предприятие у нас большое. Работы невпроворот, по-пробуй поуправляй. Вертишься как белка в колесе. Не то что песню, отца родного забудешь. Разве как сейчас, когда гости соберутся...

А с а н. Эх, если бы хоть раз выпустить Лизу-ханум на сцену, то даже Роза Рымбаева лопнула бы от зависти.

Кокбай и Копбай заливаются долгим смехом.

Е л и з а в е т а. Что вы, бог с вами, какая из меня певица!

Рай наполняет бокалы. Асан поднимается с места.

А с а н. Хасан-ага, Лиза-ханум! Простите, но с моей стороны произошло упущение. Я забыл как следует представить гостей друг другу. Вот этот парень (*смотрит на Булана*) был когда-то босоногим мальчишкой, приводившим в трепет наш аул. Теперь он, как видите,

стал писателем. У него вышло целых две книги. Трудно поверить, что вчерашний Булан сегодня — писатель. Но факт есть факт. Вот он сидит перед нами, еще почти юноша, и обещает порадовать нас многими прекрасными произведениями.

Беспричинный смех. Булан тоже расплывается в улыбке.

Рядом с ним — Руфь, его верная супруга. Она тоже не проста — кандидат наук! Видите, Хасан-ага, какие люди собрались за этим дастарханом!

Пауза.

Все смотрят на Руфь.

А теперь, Хасан-ага, уважаемые гости, разрешите предоставить слово моему другу Булану.

Елизавета закуривает.

Е л и з а в е т а (*Булану*). Вы и в самом деле писатель?

Б у л а н (*чувствуя себя неловко*). Да...

Е л и з а в е т а. Господи, как это хорошо! Я очень рада. Теперь в нашем кругу есть писатель. Я сейчас (*встав, направляется к дому, дойдя до крыльца, оборачивается к гостям*) позвоню-ка домой. Вы говорите, говорите!

Булан встает с места.

Б у л а н (*Асану*). Асан, мне, право, неловко. Ну что я могу сказать? Мы с Руфой очень рады, что волею судьбы оказались у вас. Мы нашли новых друзей, новых знакомых — и это нам тоже в радость.

Кокбай и Копбай радостно смеются.

Я хочу поднять этот тост за вас.

Р а й. Спасибо.

Все пьют. Всеобщее неловкое молчание. Чувствуется, что говорить больше не о чем. Возвращается Е л и з а в е т а.

Е л и з а в е т а. Сейчас придут Кити и Тити.

Х а с а н. Зачем?

Е л и з а в е т а. Я хочу, чтобы наша дочь познакомилась с дорогим писателем. (*Громко.*) У меня есть дочка, это я о ней говорю. Понимаете, она у меня такая умница — говорит, что хочет стать писательницей или киноактрисой.

Б у л а н. Но это же совсем разные профессии.

Е л и з а в е т а. Конечно, конечно... мы знаем. Я хотела бы, чтобы Кити посоветовалась с вами. У дочери моей голова кругом — не знает, что выбрать.

Никто не смеется. Все приходят в замешательство.

Дорогой Булан, извини, один вопрос. Я, конечно, рискую показаться мешанкой, но... Говорят, что Мухтар Ауэзов был миллионером, это правда?

Булан (*смешавшись и выдавливая улыбку*). Чего не знаю, того не знаю.

Елизавета. Зачем скрывать? Если вы не знаете, то я знаю. Это правда, он действительно был миллионером. (*Смеется.*) Столичные сплетни обычно берут начало в далекой провинции.

Булан. Интересная мысль...

Хасан. Простите, перебил. Лиза-ханум, но я не согласен! В наше время нет никаких провинций. Будь то Алма-Ата, или Чимкент, или наш Джамбул — везде одинаковые советские люди.

Катя. Чрезвычайно глубокая мысль!

Булан. Хасан Ахметович, как иногда люди бывают похожи друг на друга! Ваш характер, манера разговаривать напоминают мне одного моего знакомого. Вы не знаете случайно Безуглова?

Хасан. Константина Сергеевича? А как же, еще как знаю! Мы с Константином Сергеевичем, считайте, вылетели из одного гнезда. Он мой бывший начальник. И сейчас тоже на высоте. Во время известной вам реорганизации и переорганизации он перескочил через многие кресла. А теперь попробуй-ка стащи его! Если попал в хорошее кресло, так уж все.

Катя. Боже мой, Рай, у вас нет музыки?

Рай включает проигрыватель.

Хасан Ахметович, я хочу танцевать.

Хасан (*шутя*). Если позволит Лиза-ханум...

Елизавета. Пожалуйста, как хочешь, Хасан (*обходит стол вокруг*). Ах, молодежь, молодежь! О юность, юность!

Хасан с Катей танцуют.

Катя (*смеется*). Мне нравится, когда мужчина чисто выбрит

Хасан (*шепотом*). Мы готовы умереть за красоту...

Катя. У вас, оказывается, полный рот золота.

Хасан. Вам это нравится или нет?

Катя. Возни много.

Хасан. А вы себе на уме!

Катя. Чего уж там!

Пауза.

Может, закончим танец?

Хасан. Почему?

К а т я. У меня голова кружится. Кажется, я опьянела. Мы же слабые, нежные создания...

Х а с а н (*шепотом*). Во-первых, еще неизвестно, кто из нас слабее, вы или я. Во-вторых, в женских объятиях мужчины тают от слабости.

К а т я. Извините, я совсем лишилась сил (*садится*).

Открывается калитка. Входят Т и т и и К и т и. На них одинаковые платья с желто-красной строчкой. Кити довольно красива. Тити полная, кривоногая.

Е л и з а в е т а. Зрочки глаз моих! Ну-ка, идите сюда!

Девушки подходят к столу.

Р а й. Проходите, садитесь (*предлагает стулья*).

Девушки застенчиво стоят, не решаясь сесть.

Е л и з а в е т а (*смотрит на Булана*). Ну, вот это моя дочь Кити, а это ее подруга Тити.

К о к б а й, К о п б а й (*хором*). Ах, какие цветочки!

Булан и Руфь смотрят друг на друга. Санжан идет к проигрывателю и начинает перебирать пластинки. К нему подходит Катя.

Е л и з а в е т а (*Кити*). Кити, познакомься с дядей Буланом. Ты знаешь, кто этот человек?

К и т и. Конечно, знаю. Ты же только что сказала по телефону. Дядя Булан — писатель.

Е л и з а в е т а. Ну вот, тогда познакомься со своим дядей — писателем!

К а т я (*Санжану*). Найдите, пожалуйста, «Кобик шашкан». Санжан. Я и сам ищу...

Булан, встав с места, протягивает руку Кити, а затем Тити.

Б у л а н. Булан.

К и т и. Кити.

Т и т и. Тотыгуль.

Е л и з а в е т а (*указывая на Тити*). Это близкая подруга моей дочери. Дочь нашего соседа. Ее настоящее имя Тотыгуль. У них удивительно хорошая семья. Они совсем недавно переехали из аула. Кити и Тити дружны как близнецы. Одна оттеняет другую...

С а н ж а н (*Кате*). Вот, нашел...

К а т я. Дайте, я поставлю.

Звучит кюй Курмангазы. Санжан и Катя молча сидят у радиолы.

Х а с а н (*Руфи*). Таким образом, вы увлекаетесь глубинными течениями науки?

Р у ф ь. Можно сказать и так.

Х а с а н. Понимаю, понимаю. Это тоже очень важно. Очень нужная вещь... Муки познания и могущество знания поймут только те, кто испытал это на себе.

Р у ф ь. Я думаю, вы правы.

Е л и з а в е т а (*Булану*). Вы заметили, по Кити сразу видно городскую девушку? Бедняжка Тити так неопытна по сравнению с моей дочерью. Вы не считаете?

Звучит музыка. Наиболее эмоциональный момент кюя.

Б у л а н (*отвечает с трудом*). Да, да, правильно, верно, Лизаханум.

Е л и з а в е т а. Девочки до того дружны, что порой я и сама удивляюсь.

Б у л а н. Что может быть лучше дружбы?

Е л и з а в е т а (*смеется*). Конечно... Однако, если откровенно, эта дружба мне дорого обходится.

Б у л а н. Как это понять?

Е л и з а в е т а. Вы же видите, они одеты совершенно одинаково. Нашей Кити трудно угодить. А если ей и понравится что-то, то она не успокоится, пока мы не купим то же Тити. Что делать? Чтобы не обижать дочку, приходится одевать и ее подругу.

Тити готова провалиться сквозь землю.

Б у л а н (*морщится, но все же кивает головой*). Вы очень добры.

С а н ж а н (*Кате*). Вы знаете Булана?

К а т я. Читала его произведения.

С а н ж а н (*улыбаясь*). Не пойму только, как этот джигит преспокойно сидит среди тех, кого изображает в своих книгах в не очень-то... хм... приглядном виде...

К а т я. Не думаю, что они читали его книги.

Кокбай, Копбай подходят к Хасану. На их лицах глуповатые улыбки.

Х а с а н (*Руфи*). Кстати, о музыке...

К о к б а й. Боже мой, Хасан-ага, вы ли это?

Хасан удивленно смотрит на них.

К о п б а й. Мы очень рады вас здесь видеть.

К о к б а й. Хасан-агай, извините, но мы так наслышаны о вас! Не только мы, но и все Каратау гордится вами.

Х а с а н. Вы что, тоже с Кокузека?

К о к б а й. Да, агай.

Х а с а н. Оба?

К о п б а й. Оба, агай.

Х а с а н. Да, вспоминаю. Асан говорил мне о вас. Вы в этом году заканчиваете институт?

К о л б а й. Да, агай.

Х а с а н. Очень хорошо, держите со мной связь. Звоните, приходите. Вы, наверное, знаете мои координаты?

К о к б а й, К о л б а й (*хором*). Конечно, конечно, знаем, конечно.

Х а с а н (*Руфи*). Кстати, о музыке...

Е л и з а в е т а (*Булану*). Дорогой Булан, у меня к вам просьба: поговорите с Кити, наставьте ее на путь истинный. Кто знает, может, ей повезет и она станет писательницей. С сегодняшнего дня вы ангел-хранитель моей дочери. Прошу вас.

Б у л а н (*Елизавете*). Лиза-ханум! Как бы это вам сказать: одних советов и наставлений совсем недостаточно для того, чтобы стать писателем.

Е л и з а в е т а. Но это единственное, о чем я прошу вас, дорогой Булан. Не откажите в моей просьбе!

С а н ж а н. Живи в веках, Курман-ата! (*Смотрит на Тити и Кити.*) Как расцвели, а?

К а т я. Самое время цвести.

С а н ж а н. Бедная Тити, досталось тебе ни за что ни про что.

А с а н. А теперь, уважаемые гости, прошу к дастархану!

Гости рассаживаются.

Х а с а н. Только что звучала такая прекрасная музыка! Музыка — это удивительный мир чувств, это украшение нашей жизни... Велико ее значение в воспитании будущих поколений. Музыка пронизывает до костей, наполняет все существо и растекается по венам. Ни один из видов искусства не может сравниться с музыкой! Разумеется, я не принижаю литературу. (*Поворачивается к Булану, улыбается.*) О писателях разговор особый.

Кити и Тити достается место между Буланом и Санжаном.

А с а н. Мы достаточно поговорили. Теперь надо в ускоренном темпе наверстать упущенное. Один композитор как-то сказал: «Давайте выпьем, пока еще трезвы!»

Кое-кто смеется.

Х а с а н. Правильно.

А с а н. Хасан-ага, пусть тост скажет сидящий здесь Санжан. Он из нашего аула, да и для Рай не чужой. Мы с Санжаном пережили множество забавных приключений. Однажды, встретившись в автобусе...

Санжан прерывает Асана. Поднимаясь, он бросает что-то неразумительное и снова садится с видом опьяневшего человека. Все изумленно смотрят на него. Санжан пытается снова встать, но опять опускается на стул.

Санжан, что с тобой?

Санжан (*заплетающимся языком*). Как это что?

Асан (*растерянно*). Друг мой, я же тебе... Я тебе слово передал.

Елизавета. Родной, скажите же что-нибудь. (*Бормочет про себя.*) Ничего, бывает. Видали и похуже этого. Может, у него здоровье плохое? Может, он пришел выпимши?

Санжан (*заплетающимся языком*). Что ты сказала?

Елизавета. Не видишь, люди ждут, скажи что-нибудь. Весь вечер сидишь, будто воды в рот набрал.

Санжан. Неужели? В самом деле? Какой стыд!

Пауза.

Ах, какой стыд! В доме друга, за уважаемым и почетным дастарханом! Позор! Случись это где-нибудь в другом месте, то еще ничего, но здесь... Я, конечно, должен был бы поблагодарить хозяев, друзей и всех остальных, сказать им теплые слова! Но я, видно, пьян!

Все (*хором*). Ничего! Вы еще не пьяны! Вы почти трезвы!

Санжан (*продолжая изображать пьяного; теперь ясно, что он насмехается*). Какой стыд! Я пропал, пропал. Какой позор! Во-первых, если пришел в гости, нельзя сидеть грустным. Во-вторых, хозяин дома может подумать, что я обижен! В-третьих (*все смеются*) ... давайте осушим все это до дна, до последней капли. Ну, Катя, поехали! Тити и Кити! Цыплята! Вы тоже до последней капли. Думаю, ваша мама разрешит. (*Елизавете.*) Вы разрешите, да? Они уже почти взрослые, семнадцать лет — немало. Кроме того, в этом доме нельзя не пить. В окружении столько почетных гостей... Видите, здесь есть даже писатель. А если бы вы знали, кто я такой! У-ух! Если бы знали! Ну, мамаша, выпьем?

Елизавета. Что же делать...

Санжан. Вот это хорошо! Ну подняли!

Гости поднимают бокалы. Санжан опускается на стул, голова его свисает на грудь.

Елизавета (*долго смеется*). Как он забавно пьянеет! Можно даже сказать, красиво пьянеет!

Голоса. В том-то и дело...

Санжан (*поднимаясь*). А знаете, почему я молчу?

Голоса. Нет.

Санжан. Хотите узнать?

Голоса (*со смехом*). Говори.

Санжан. Тогда слушайте. Я каждого из вас знаю как свои пять

пальцев. Кто, что, когда и как скажет, кто и как смеется, я все знаю. Хотите, я скажу сейчас, кто есть кто из здесь сидящих?

Все, кроме Кити, смеются.

Р а й (*смеясь*). Ну, это не велика мудрость! Ведь Асан только что сказал кто есть кто.

С а н ж а н. Пусть будет так. Но я узнаю людей по глазам. Для меня не имеет значения ваше служебное положение. Каждому могу сказать, что у него на уме.

Все, кроме Кити, раскатисто смеются.

Е л и з а в е т а. Потрясающе! Вы прекрасно пьянеете!

С а н ж а н. Хотите, скажу, о чем каждый из вас сейчас думает? Правда, это совсем не трудно. Нет, лучше я вам покажу этюд!

Покачиваясь, выходит на середину сцены.

Е л и з а в е т а. Айналайн, не упади, пожалуйста!

Вновь раздается взрыв хохота. Тити и Кити покатываются со смеху.

С а н ж а н. Тихо! Катя, помоги мне. Я думаю, ты-то понимаешь меня.

К а т я (*игриво*). Слушаю и повинуюсь. Итак, я что должна делать?

С а н ж а н. Подойди сюда.

Катя выходит на середину сцены.

К а т я. Что прикажете, мой повелитель? Я к вашим услугам.

С а н ж а н. Сейчас. Посиди пока.

Катя берет стул, садится. Санжан неверным шагом подходит к яблоне.

Этюд называется «Моя жизнь», или «История одной жизни».

Сев на корточки, Санжан изображает плач младенца.

А-а-а-а... Па-па! Ма-ма! Па-па! Ма-ма!

Все смеются. Особенно покатываются Тити и Кити.

Па-па! Ма-ма! Ням-ням! Дай ням-ням! В лесу родилась елочка, в лесу она росла! Зимой и летом стройная зе-ле-ная бы-ла...

Надев шляпу, повязывает галстук и становится под яблоню. Изображает ожидание, поглядывая на часы. Катя, поняв его, улыбается, встает с места.

Держа в руке зонтик, подходит к Санжану.

К а т я. Ах, это вы?

С а н ж а н. Катя! Ну сколько можно ждать? Видишь, я взял билеты в кино.

К а т я. Зря взяли. У меня нет времени. Я пришла лишь на минуту, потому что знаю, вы ждете. Я очень занята.

С а н ж а н. Катенька (*суматошно бегая, чертит условный круг возле Кати и сам входит в него*), это наш дом. Весь мир для нас заключен теперь здесь! Ты моя богоданная супруга!

К а т я. Я твоя!

С а н ж а н. Я твой!

К а т я. Мой единственный! Как я тебя люблю!

С а н ж а н. Моя единственная, как я тебя люблю! Почему ты оглядываешься по сторонам?

К а т я. Это ты оглядываешься на кого-то!

С а н ж а н. Нет-нет!

К а т я. Я твоя!

С а н ж а н. Я твой!

К а т я. Я люблю только тебя!

С а н ж а н. Боже, как мы могли забыть про общество?

Вбегает из круга и чертит второй. Катя соединяет круги «тропинкой». Теперь Санжан поочередно переходит из одного круга в другой.

(*Ускоряя шаг.*) Я твой, ты моя! Я твой, ты моя! (*Перепрыгивает во второй круг.*) Да, да, Ван Ваныч! Да, да, Хас Хасыч! Хорошо, посмотрим, посоветуемся. Да, да, Ван Ваныч! Да, да. Как хочешь! (*Переходит в первый круг.*) Начинаешь заглядываться на соседа? Так ли это?

К а т я. Нет, нет! Это ты, наверное, заглядываешься?

С а н ж а н. Нет-нет! Я — твой, ты — моя! (*Входит во второй круг, степенно, важно.*) Д-да, не-ет! Нельзя! Я же сказал, нельзя! Это мы решаем! Мы еще посоветуемся. Да, да. Я же сказал, нет!

К а т я (*неожиданно*). О, боже! Не жизнь, а сплошное мучение.

Санжан и Катя кланяются публике.

Е л и з а в е т а. Разве это смешно? Что ты хотел сказать! Это же неприлично! Бред алкоголика. Нас, что ли, хочешь задеть? (*Возмущенно.*) Распущенность! Настоящее издевательство! Разве это воспитанно?

А с а н. Лиза-ханум! Успокойтесь. Всего лишь шутка.

Р а й. Он вообще всегда такой.

Х а с а н. Да это, конечно, шутка. К тому же, видимо, нашему юноше немного ударило в голову.

С а н ж а н. Мне? Пиф-паф! (*Садится.*)

Х а с а н (*возмущенно*). Что это еще за «пиф-паф»?

Булан и Руфь собираются домой.

Б у л а н. Ну, большое вам спасибо! Извините, пора. Семья, дети, сами понимаете...

А с а н, Р а й (*вместе*). Посидите еще немного. Ведь слишком рано!

Б у л а н. Спасибо, спасибо, поиграли, посмеялись. Сами знаете, что такое дети! Ну теперь приходите вы к нам, позванивайте.

Вежливо раскланиваются и уходят.

К и т и приглашает Санжана на танец. Тити одиноко стоит у радиолы.

К и т и. Вы в самом деле не артист?

С а н ж а н. Упаси бог!

Асан, Кокбай, Копбай сидят молча. Неловкая пауза.

Р а й (*Елизавете и Кате*). Лиза-ханум, Катя, помогите мне, пожалуйста.

Выходит в сад. За нею Елизавета и Катя.

А с а н. Хасан-ага, как видите, места у нас прекрасные! Удивительные!

Х а с а н. Да, один воздух чего стоит!

К о к б а й. Что и говорить!

А с а н. Хорошо. Давайте немного отдохнем. Может, вы посмотрите наш сад, а потом засядем за карты? (*Указывает, куда ушли женщины.*) Если нам разрешат...

Х а с а н. Ну что ж, пройдемся.

Смесь выходят.

К и т и (*Санжану*). Какое у вас холодное лицо! Совсем как у Жана Марэ...

С а н ж а н. Неужели? Ну что же, пора и мне уходить.

К и т и. Почему вы так заспешили?

С а н ж а н. Дела, дела, дела.

Санжан и Кити перестают танцевать, но музыка продолжается.

К и т и. Вы любите цирк?

С а н ж а н. Ненавижу!

К и т и (*меняясь в лице*). Я вас когда-нибудь поведу в цирк. Я покажу вам одного потрясающего клоуна. Не пожалееете.

С а н ж а н. И все же...

К и т и. Тити, пошли. Давай уйдем не прощаясь. Прощанье — пережиток прошлого, с ним много возни. Пошли.

Хватает за руки Санжана, тащит за собой. Сцена некоторое время пуста. Появляются Асан, Хасан, Кокбай, Копбай.

А с а н (*рассерженно*). Взять метров на сто подальше! Ну, что скажете? Неужели не нашлось для их проекта другого клочка зем-

ли? Неужели трудно взять на сто метров дальше? Это ведь надо — на месте нашего дома! (*Качает головой.*) Как можно уничтожить такой сад?! (*Хасану.*) Попробуйте, дорогой Хасан, поговорите с Василием Васильевичем. Ей-богу, никакого вреда государству не будет. Слава всевышнему, народ наш сыт, а государство богато. Мне не надо ни их квартиры, ни центра. Хочу одного, лишь бы меня не трогали.

Х а с а н. Хорошо. Попробуем поговорить. Думаю, тебе не стоит беспокоиться. Считай, что участок остается за тобой!

Рассаживаются за столом, начинают играть в карты.

Картина пятая

Аэропорт. Слышится гул самолетов, доносится голос из репродуктора. Слева над сценой висит созвездие Большой Медведицы. К и т и ведет С а н ж а н а за руку.

К и т и. Иди сюда! Иди сюда! Уф! Наконец-то избавились от Тити!

С а н ж а н. Она может заблудиться...

К и т и. Походит, походит у вокзала, да и вернется домой. Никто ее не съест.

Смеются.

С а н ж а н. Вот это дружба!

К и т и. Какая дружба? Я ее ненавижу. Это мама ее мне навязала... Только и думает, днем и ночью думает, как бы замуж выскочить. Это все мама (*передразнивая*) хочет, чтобы я посимпатичнее выглядела в глазах людей. (*Кокетливо.*) А я ведь и без нее красивая правда?

С а н ж а н. М-м...

К и т и. Иди сюда. Отсюда хорошо видны самолеты.

С а н ж а н. Ты часто приходишь сюда?

К и т и (*мечтательно*). Иногда. Я люблю слушать гул самолетов. Сердце замирает, когда фантастические гиганты взлетают в небо стремительно приземляются. Гудя и перемигиваясь огнями, они летят и летят к горизонту. И только потом, там, далеко, исчезают из виду. (*Загораясь.*) Глядя на них, я задумываюсь о том, сколько же там, в той далекой коробочке, судеб, умов и надежд! И тогда я начинаю осознавать, как мала наша старушка... Земля...

С а н ж а н. Удивительно!

К и т и. Что ты сказал?

С а н ж а н. Удивительно. Когда я вижу, как в вышине загораются

летающие точки, я тоже вспоминаю о нашей старушке Земле. И мне тоже нравится смотреть, как в бездне ночи исчезают самолеты!

К и т и (*шутливо*). А если я это все придумала, чтобы тебе понравиться?

С а н ж а н. Хорошо солгать тоже может не каждый. Это искусство, признак ума.

К и т и. Уж не хочешь ли ты сказать, что влюбился?

С а н ж а н. Нет, говорить об этом, пожалуй, рановато.

Оба смеются, но внезапно умолкают. Слышен гул мотора. Это самолет разворачивается, освещает своими огнями Кити и Санжана. Мотор гудит все пронзительнее, потом звук отдаляется и исчезает.

К и т и. Санжан, скажи, кто ты на самом деле?

С а н ж а н. Я тебя не понял.

К и т и. Скажи, Санжан, кто ты?

С а н ж а н. Я? Я — принц Фуми Насован!

К и т и (*смеется*). Нет, правда!

С а н ж а н. Я? Я — дуана¹. Советский красный дуана.

Кити смеется. Снова слышен гул мотора. Пронзительно взрывает, самолет замолкает.

К и т и (*задумчиво*). Самолет приземлился — конец дороги.

А ты влюблялся когда-нибудь?

С а н ж а н. Когда-то я был влюблен в одну женщину.

К и т и. Она была красива?

С а н ж а н (*игриво*). Ее лик затмевал солнце.

К и т и. Наверное, и имя было под стать. Как же ее зовут? Аэлита? Лоллобриджида?

С а н ж а н. Не скажу.

К и т и. Почему?

С а н ж а н. Потому!

К и т и. Тогда расскажи, как вы познакомились.

С а н ж а н. Однажды утром я ехал в автобусе...

К и т и (*перебивает*). И тут тебе повстречалась чудо-девушка. Глаза ее были, как звезды, лицо, как солнце, а брови, как полумесяцы. Она ярко выделялась в толпе и притягивала к себе взор. И сразу в сумрачном автобусе стало светло, как днем, да? Потом ты встал и сказал: «Ты та, которую я искал!»

С а н ж а н. Нет. В автобус вошла женщина чрезвычайно скромного вида, она прошла, неслышно ступая, и села напротив меня. Потом раскрыла сумочку, что-то искала и огорчилась: «Ах, я забыла дома кошелек!»

¹ Дуана — бродяга, юродивый, шут, арлекин.

К и т и. И тут ты встал и купил ей билет. Так началось ваше знакомство?

С а н ж а н. Нет, ты снова ошиблась. Рядом с ней был толстый, как бочка из-под капусты, один идиот...

К и т и (*смеется*). Откуда же ты, не успев и перемолвиться с ним, узнал, что он идиот?

С а н ж а н. По глазам... Так вот. Этот идиот покрылся красными пятнами и буркнул: «Слава богу, хоть голову не забыла». Бедная женщина готова была провалиться сквозь землю. Вообще-то ты права, глаза ее были действительно прекрасны, в них светился ум. Вот и все, что было. Потом мы познакомились, встречались. Однажды я понял, что она тоже влюбилась в меня, и вынужден был исчезнуть из ее поля зрения... Ах, это был золотой человек! Удивительный человек!

К и т и. А я?

С а н ж а н. Ты? Ты тоже.

К и т и (*капризно*). Как это понять? Ты что, не хочешь сказать, что влюблен в меня?

С а н ж а н (*встает с места*). Жена советского дуаны — интересно! А — Абас, Д — Дубна, М — Москва, Н — Новосибирск, Т — Талгар — все это взлетная полоса советского красного дуаны. Звучит, а?.. Но самое интересное то, что она в двадцать три года осталась вдовой. (*Грустно.*) Еще четыре года — и я исчезну из этого мира!

К и т и (*шутливо*). Да-а-а?

С а н ж а н. Да-а. Все великие люди рано предсказали смерть свою. Например, Лермонтов. Мне тоже известно, когда я умру. Путь советского красного дуаны закончится в дальнем космосе. В один из самых обычных дней, исполняя свои обычные обязанности, в далеком космосе конечно же не по вине конструкторов, запомни это, я внезапно* отдам богу душу и оставлю после себя вдову, которой будет только двадцать три года. Смешно, да?

Резкий луч прожектора из глубины сцены выхватывает парня и девушку.

К и т и. Ой! Нас заметили! Пошли быстрее!

Пригнувшись и ваявшись за руки, они спускаются с возвышенности. А свет прожектора, похоже, сияет все ярче и ярче.

(*Внезапно*). Ой! (*Схватившись за сердце, приседает.*)

С а н ж а н. Что с тобой?

К и т и. Кажется, я влюбилась.

Они весело смеются и уходят. Слышен громкий гул приземлившегося самолета.

Картина шестая

Просторная городская квартира, построенная по новому проекту. С а н ж а н в легкой пижаме лежит на тахте и читает книгу. В комнату входит К и т и со стаканом в руке.

К и т и. Санжан, ну-ка посмотри на часы!

Санжан, подняв голову, смотрит на часы.

С а н ж а н. Ой! Чуть не пропустил время вечернего кефира! (*Пьет кефир*). Спасибо! (*Опять ложится.*)

К и т и (*присев на краешек тахты*). Санжан!

С а н ж а н. Что?

Кити молчит.

А х, да! Я, Санжан, очень люблю, больше жизни люблю тебя, Кити.

К и т и. Вот теперь правильно. Ты чуть не забыл свою ежедневную молитву. Наверное, уже готов и забыть меня?

С а н ж а н. Ойбай, нет! Разве я сошел с ума? Разве мне жизнь не дорога, чтобы забыть тебя! Боже упаси!

Смеются, обнимают и ласкают друг друга.

К и т и. Санжан, по-моему, ты мне что-то обещал. Ну-ка вспомни!

С а н ж а н. Разве?

К и т и. Подумай!

Санжан делает вид, что задумался.

С а н ж а н. Что за обещание?.. Чтоб его... Пропал, совсем пропал!

К и т и. Я так и знала! Ты забыл! Не подлизывайся... признай свою вину!

С а н ж а н. Значит, теперь я пропал, да?

Кити смеется, встает с места, подходит к телефону, набирает номер.

К и т и. Алло! Руфь Трофимовна? Здравствуйте! Да, да. Спасибо. Прекрасно! Слава богу. (*Смеется.*) Да, да. И не говорите! (*Смеется.*) Дети здоровы? Как Кайратик? Да, да. Саулешка бегаёт? Булан-ага дома? Санжан здесь, со мной... Все держит трубку, не дает мне говорить. (*Подзывает Санжана.*)

Санжан, встав с места, берет трубку.

С а н ж а н (*неторопливо и несколько неуверенно*). Алло, Булан, как дела? Я прочитал твою повесть... Если бы в моих руках была власть, да, да, я из-под палки заставил бы их прочитать ее! Только не думай, что это лесть. Что? Ты всегда боялся лести? Да, уже новая

волна наступает нам на пятки. Хоть и молодежь, зато не языком чешет, а головой работает. Притом смело, остро! Я уже смотрю на них с завистью... Хоть ты и удивляешься, но я должен сказать, что уже числюсь в стариках. Особенно в этот последний год. Да-да. Что поделаешь!

К и т и (*шепчет, едва сдерживая смех*). Ну, давай! Говори скорее!

С а н ж а н. Рядом со мной... Кити... Да, Кити говорит... (*Смеется, глядя на Кити.*) Сказать?

К и т и. Ты что, с ума сошел? Ты же все испортишь сейчас!

С а н ж а н (*смеясь, как бы между прочим*). Кити, говорит, что в магазин поступил новый гарнитур... Да-да, ты попал в самую точку. Нас с тобой люди считают чуть ли не миллионерами. Знаешь, не хватает трех тысяч рублей... Да?.. Большое спасибо! Честно говоря, это мое основное дело к тебе, которое я все не мог высказать, а весь наш долгий разговор и мой похвальный отзыв о твоей книге — лишь прелюдия к нему. Нет-нет, это не шутка. Я действительно подлизывался к тебе. И все ради того, чтобы попросить у тебя денег. Ну раз понял, то хорошо. Да-да, спасибо! До свидания, привет, привет!.. Придем, обязательно придем. Меня уже распирает, наверное, надо немного развеяться. Да, да, именно так.

К и т и (*сильно обидевшись*). Ты что, жить без насмешек не можешь?! Можно так глупо шутить с близким другом?

С а н ж а н (*повесив трубку*). Боже мой, но ведь тебе нужна не его повесть, а...

К и т и. Ладно, хватит! Ты меня любишь?

С а н ж а н. Люблю! (*Валится на диван и берет в руки книгу.*)

К и т и. Ах, как хорошо! Без всяких слов, взяли и отдали три тысячи рублей. Прекрасно! (*Присаживается на краешек тапты.*)

Пауза.

С а н ж а н. Кити.

К и т и. М-м-м...

С а н ж а н. Открой, пожалуйста, окно.

К и т и. В доме и так холодно.

С а н ж а н. Открой, так хочется небо видеть... (*Вздыхает, помолчав.*) Ты веришь в судьбу?

К и т и. Почему ты спросил об этом?

С а н ж а н. Лично я верю. Судьба всегда жестока. Не раз она безжалостно топтала зазнавшихся гордецов и смеялась над ними.

К и т и. Санжан, смотри на часы!

С а н ж а н. Ах, еще ведь должен быть ужин! Но у меня нет аппетита.

К и т и. Почему?
С а н ж а н. Давай оставим это сегодня.
К и т и. Нет, нет, нет. Как же так?
С а н ж а н. Да! Да! Да! Мне лень!
К и т и. Лень поужинать?
С а н ж а н. Даже поднять голову!
К и т и. Ну что ж, ладно. Так и быть, побалую тебя, принесу сюда. Лежи, Санжанчик! *(Громко чмокает его и уходит на кухню.)*

Тишина. Затем снова входит К и т и с подносом. Ставит его на стол у изголовья Санжана, нежно целует его, ласково гладит по голове. Неожиданно Санжан вскакивает с тахты и, ползая на корточках, начинает мяукать.

С а н ж а н. Мяу-мяу-мяу! *(Ласкается, положив голову на колени Кити. Кити весело смеется.)*

К и т и *(подавившись смехом)*. Что с тобой? Что ты опять придумал?

С а н ж а н. Разве я не твой котик? Громадный, мохнатый, но очень кроткий, черный котик! Да, да! Я котик! *(Кити продолжает смеяться.)*

К и т и *(сюсюкает)*. Баловник ты мой! Айналайын!

Санжан встает, берет с книжной полки кусочек мела и выходит на середину сцены. Кити, будто ожидая чего-то, с удивлением смотрит на него. Санжан начинает чертить на полу круг.

С а н ж а н *(невозмутимо)*. Ты помнишь? Этот круг — наш дом, а это общество. *(Начинает, как в первом акте, прыгать то туда, то сюда.)* Я тя лю, ты мя лю! Я тя лю, ты мя лю! Да-да, Хас Хасыч! Да-да, Ван-Ваныч! *(Надевает очки.)* Если сравнить прошлый год с позапрошлым, то объем продукции... Я тя лю, ты мя лю, мя-ау, мя-ау!

К и т и *(громко)*. Хватит! Разве так шутят? Это не шутка, а насмешка. Прекрати издеваться!

С а н ж а н *(спокойно, как ни в чем не бывало, словно ничего не произошло, говорит между прочим)*. Я, наверное, схожу с ума. Кити... Я не могу так жить дальше, понимаешь? Так нельзя, теперь так нельзя.

В комнате гаснет свет. Так же неожиданно он гаснет на всей сцене.

К и т и. Ой! Я знала, что так случится! Я ожидала этого! Я знала... знала... И вот...

Картина седьмая

Лестничная площадка. Второй этаж. Три двери: направо, налево и прямо. Легко одетый С а н ж а н весело взбегает по лестнице. Нажимает на кнопку звонка у двери прямо, с нетерпением ждет.

Ж е н с к и й г о л о с. Кто это?

С а н ж а н. Это я!

Ж е н с к и й г о л о с. Кто?

С а н ж а н. Это я, мама! Я — Санжан! Твой сын!

М а т е р и н с к и й г о л о с. Разве у меня есть, у несчастной, дети?!

С а н ж а н (*растерянно смеется*). Мама! Мама!

М а т е р и н с к и й г о л о с. Нет! У меня нет детей! Прочь!..

Уходи прочь!

С а н ж а н (*растерянно*). Что ты, мама? Что с тобой? Я же Санжан!

Пауза.

Мама, зачем так жестоко! Открой дверь, я тебе все объясню.

М а т е р и н с к и й г о л о с. Десять лет я была тебе не нужна, а теперь что же?

С а н ж а н. Что ты, мама (*тихим голосом*), ты ведь тоже... В свое время... Я не уйду, даже если прогонишь! Ты нужна мне всю жизнь!

М а т е р и н с к и й г о л о с. Не прикидывайся! Не лги!

С а н ж а н. Мама!

М а т е р и н с к и й г о л о с. Твои клятвы все равно что упавшая в песок вода.

С а н ж а н. Мама! Что с тобой? Я действительно не мог приехать в последние два года. Не было времени. Был очень занят. Но я же писал письма и ежемесячно посылал деньги!

М а т е р и н с к и й г о л о с. Ты попрекаешь меня двумя письмами за двенадцать месяцев?!

С а н ж а н. Ты же знаешь, что я не мастер писать письма! Вот вся моя правда...

Справа открывается дверь. На сцену выходит лысый Мужч и н а в пижаме с мусорным ведром в руке. Санжан, смутившись, замолкает, но, когда мужчина исчезает, кричит.

Мама, прости меня, не обижайся! Я пришел всего на час. Я только посмотрю на тебя и уйду. Только посмотрю разочек. Ну открой, пожалуйста! Я должен увидеть твоё лицо. Мама, это все, что я хочу. Мама!

На сцене опять появляется Мужчина в пижаме.

М у ж ч и н а в п и ж а м е. Дорогой, кто вам нужен?

Санжан теряется, не зная что сказать.

Вы в эту квартиру? Хозяйка, наверное, где-то здесь, неподалеку.
Вы ей случайно не сын?

Санжан молчит.

Подождите, она, наверное, скоро придет. Может, пока зайдете ко мне?

С а н ж а н. Спасибо. Я подожду здесь.

М у ж ч и н а в п и ж а м е. Воля ваша. Я ей сосед. Моя фамилия Романов. Эх, парень, без жены жизнь собачья. Вот, видишь? (*Указывает подбородком на пустое мусорное ведро.*) Собачья жизнь, и только!

Уходит.

С а н ж а н. Мама! Ты слышишь меня? Я понимаю твою обиду. У людей дети как дети. Они не бродят по земле, как я. Работают, как все. Живут на глазах у родителей. Мама, но я ведь тоже работаю. Только тебе я кажусь таким непутевым... Если бы все дети были такие, как я... Я бы посмотрел!.. Эх, мама...

М а т е р и н с к и й г о л о с. Значит, я виновата в том, что ты вырос таким бессердечным?

С а н ж а н. Я бессердечный? (*Громко смеется.*) Если бы все бессердечные были такими, как я... Хотел бы я посмотреть... Мама!

М а т е р и н с к и й г о л о с. Прочь! Прочь! Я давно считаю тебя отрезанным ломтем и прокляла тебя. А теперь уходи!

С а н ж а н. Мама, не плачь!

М а т е р и н с к и й г о л о с. Я? У меня и слез-то не осталось, чтоб плакать! Для меня ты уже давно не человек, а дух, призрак. Убирайся!

С а н ж а н (*кричит*). Мама!

В подъезде открывается дверь. По лестнице, смеясь, поднимаются две юные девушки. Заходят в дверь слева. Немного погодя слышится джазовая музыка.

Мама! До свидания! Прости! Простила ли ты меня? (*Собирается уходить.*) Мама... семнадцатого числа следующего месяца ровно в двенадцать слушай радио. Слышишь? Ну, будь здорова! Эх, мама, ведь ты не поняла меня. Мама... (*Тихо самому себе.*) Я бы посмотрел, если бы все дети были такими, как я...

Медленно спускается по лестнице. Гаснет свет. В темноте слышится кюй Курмангазы. Вдруг музыку обрывает надрывный гул взлетающего самолета.

Самолет взрывается. Вспыхивает яркий свет. Та же лестничная площадка. Дверь слева все еще открыта настежь. Через некоторое время куранты бьют двенадцать. На сцену выбегают две девушки. Слышится голос диктора.

Г о л о с д и к т о р а. От Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана, Совета Министров Казахской ССР, Президиума Верховного Совета Казахской ССР... Сегодня...

Д е в у ш к и (*нажимая кнопку соседней двери*). Апай! Апай! Откройте, апай! Ваш сын Кошеков, Кошеков Санжан...

В квартире, по-видимому, никого нет, дверь не открывается. Девушки уходят. Тишина. Снова звучит прерванный кюй. Свет гаснет. Музыка все торжественнее и громче. Вступает женский хор. Дверь медленно открывается, на сцену выходит седоголовая М а т ь С а н ж а н а, одетая в белое, спускается по лестнице.

М а т ь С а н ж а н а. Сынок... Единственный мой! (*С рыданиями опускается на пол.*)

Действие второе

Картина первая

Декорации первого действия. В беседке сидит Р а й. В ее облике, в поведении произошла перемена. На лице Рай апатия. Вечер. Перед калиткой останавливается машина, скрипит тормоза, затем слышится гул мотора, и мужской голос громко произносит: «Ну ладно, завтра будь вовремя, Гриша!» Открывается калитка, входит А с а н. Под мышкой у него пухлая папка, сам он тоже пухлый, располневший. Сытое, лоснящееся лицо самодовольно. Походка твердая, уверенная.

А с а н. А-а, сидишь? Это тебе.

Вынув из папки цветок, протягивает жене. Рай равнодушно берет, крутит его в пальцах и бросает на стол. Асан заходит в беседку, садится за стол.

Светлана у женеше?

Рай утвердительно кивает.

С ума можно сойти! Что за люди! Что им мешает жить спокойно? Эти... мудрецы опять грозят снести наш дом. Говорят, мол, самое высокое, самое красивое место в городе. Хотят построить здесь кафе. Ну, это мы еще посмотрим.

Асан кончает ужинать. Рай уносит посуду в дом, затем выходит и начинает поливать цветы. Асан безмолвен, берет в руки газету. Звонок, Рай открывает калитку. Кто-то подает ей конверт. Рай приносит конверт мужу. Асан раскрывает его, читает.

Ур-ра! Ур-ра! Рай, танцуй, танцуй! Слава богу, пришло разрешение! (Чмокает Рай и, принимая важный вид, возвращается на свое место. Рай молчит.) Ты поняла, о чем я говорю? Разрешение пришло, разрешение! Теперь я спокоен, теперь нас никто не тронет, поняла?!

Р а й. Милый мой, это ты. Да, я слышу, слышу... (Обхватывает голову руками, садится на корточки.)

Асан спокоен, думая, что эти слова адресованы ему.

Картина вторая

Ночь. Все тот же дом. На первом плане ворота. Катя, подойдя к калитке, останавливается. Нажимает на звонок. Калитка открывается, выходит Рай. Увидев Катю, бросается ей на шею. Обняв, давится рыданиями, однако глаза ее остаются сухими. Калитка за спиной захлопывается.

К а т я. У вас гости?

Рай кивает. Из сада доносятся голоса.

Г о л о с. Мы не мещане и знаем, что обычай произносить тосты за дастарханом устарел. Среди нас нет чужих, мы все близкие и родные друг другу люди, поэтому в тостах нет особой необходимости. Да мы все близкие люди. Это доказало время. Итак, обычай поднимать тосты давно канул в Лету. Но несмотря на это, иногда, как, например, сегодня, приходится вновь говорить за дастарханом. Сегодняшний вечер особенный... *(Глубоко вздыхает.)* Этот вечер посвящается Санжану, это вечер памяти нашего друга, нашего любимого и уважаемого Санжана.

Это Хасан Ахметович?

Рай отрицательно качает головой, молча открывает калитку, приглашает Катю. В саду слева от беседки сервирован стол. Гости: Руфь, Елизавета, Булан, Хасан, Кокбай с женой Батихой и Кити в длинном черном бархатном платье. Правый угол дома по непонятной причине закрыт белой шелковой занавесью. Рай и Катя приближаются к столу.

Г о с т и. Смотрите, это Катя, Катя! Молодец, что пришла!
А с а н. Проходи, Катя, садись сюда, сколько лет, сколько зим!

Катя и Рай садятся за стол.

Х а с а н. Все та же стройная, неувыдающая Катя. *(Как бы шутя.)* Ойбай, я, оказывается, и забыл, что рядом со мной сидит мой Аргус — Лиза-ханум. *(Смеется.)*

Остальные также изображают смех.

Е л и з а в е т а. Мне от этого не жарко и не холодно. А ты, видно, совсем сдурел на старости лет. Хоть бы дочери постыдился, рядом ведь сидит!

Х а с а н. Сдаюсь! Ойбай, сдаюсь!

К а т я *(смущенно)*. Я тоже рада. Прошло уже целых четыре года, а Хасан Ахметович, оказывается, еще помнит меня!

А с а н. Катя, если ты позволишь, я налью тебе коньяка.

Катя кивает.

Итак, продолжим. Я уже сказал, что сегодня особый день. *(Скорбющим тоном.)* Ровно три года назад наш веселый любимый друг Санжан в последний раз отведал в этом доме хлеб-соль. Души наши

скорбят, да и как иначе? Чтобы излить эту неизбывную скорбь, надо говорить, не говорить нельзя! Извините, я, кажется, слишком увлекся и затянул свою речь. Разрешите предоставить слово аксакалу этого дастархана Хасану Ахметовичу. (*Садится, но тут же встает.*) Кстати, товарищи, у меня есть для вас сюрприз. Удивительная вещь. Я покажу, товарищи, ее вам попозже. Думаю, что она всем понравится. Посмотрите и сразу же оцените... Извините, Хасан Ахметович...

Х а с а н. Ничего, ничего! (*Встает с места. Солидно.*) Конечно, горе у нас большое. Но поплакали мы также достаточно, узнали, что такое скорбь, траур... Я хочу сказать, что смерть смертью, но никто не пойдет вслед за умершим, живым нужна жизнь, слезами горю не поможешь. Слезами не оживить умершего. А если честно, нам нечего горевать, ведь Санжай живой. Он будет жить вечно в наших сердцах! (*На глазах Хасана появляются слезы, жена Кокбай тоже утирает глаза.*) Может, это покажется странным, но иногда я думаю: каждому бы жизнь Санжана и каждому бы смерть Санжана... Что там говорить, Санжан был благородным человеком. Благородным! Мы, глупые, порой не понимали его и только сейчас осознали это. Я до сих пор помню, как страшно рассердился, когда он выкрал Кити! (*Кити плачет.*) Успокойся, дочка! Ведь и нам нелегко.

Катя обнимает Кити.

К а т я. Перестань, Кити, перестань, не расстраивайся!

Х а с а н. Что делать? Прекрасный был парень! Чуткий, умный! Он был самым близким другом Асана. Ведь они с детства росли вместе, бок о бок. И вот сегодня Асан собрал здесь всех нас в знак уважения к памяти друга. И у Асана тоже сердце скорбит. Разве легко потерять близкого друга? А теперь, дорогие, разрешите поднять тост за здоровье друзей Санжана. За самых близких и верных его друзей, которые никогда не забудут его имени!

Все встают. Слышится звон бокалов. Все выпивают, вновь садятся.

Пауза.

К о к б а й (жене). Батиха, ты теперь поняла, у кого нужно учиться искусству кулинарии?

Х а с а н. Да, в этом деле нашей Рай нет равных!

Б а т и х а. Не прошло и года, как мы переехали в город. Мы только знакомимся с городскими людьми. Еще научимся всему этому.

Х а с а н. Кулинария — это тоже искусство. Если я не ошибаюсь, а если ошибаюсь, Буланжан меня простит, кажется, это был Чехов. Ну тот, который говорил, что в человеке должно быть все прекрасно.

Если развить мысль Чехова... То есть посмотреть на это иначе, то человек должен с умом организовать свою жизнь: иметь чистые помыслы, красивую одежду и вкусную еду. Кстати, о пище. Приготовление пищи необходимо поднять до уровня искусства. И в этом смысле никто не может сравниться с нашей Рай. Многие должны бы у нее поучиться.

К а т я. Кстати (*поворачивается к Булану*), Марк Твен писал, что нет ничего хуже, чем восхищаться чужими добродетелями. (*Булан смеется.*)

Х а с а н. Ах, Катя, а ты, оказывается, все еще озорница!

Рай, безучастная ко всему, будто ничего не слышит. Встан с места, выходит из-за стола. Катя ставит пластинку. Играет джаз.

К а т я. Почему вы все загрузили? Давайте потанцуем!

Никто не двигается с места. Все молчат. Катя меняет джаз на «Кубик шашкан». Сад взрывается музыкой. Рай с кастрюлей в руках выходит из дома и застывает на лестнице.

Х а с а н. Музыка — это лучшее из искусств! Она пробирает до самых костей и так ласкает слух! Булан, не обижайся, литература это дело особое. Как, впрочем, и кино.

К о к б а й. Кино, говорите? Кино? Я лично готов умереть за кино. И время зря не уходит, и голову не надо ломать — все готово, все понятно, только знай полеживай себе перед телевизором... Я лично обожаю кино и футбол!

Х а с а н. Кстати, о футболе. Говорят, Сегизбаев заболел? А ведь послезавтра решается судьба «Кайрата»!

А с а н. Ойбай! Что вы говорите? Сегизбаев заболел? Да это же трагедия, настоящая трагедия!

Е л и з а в е т а. Не сойти мне с этого места, если я понимаю этих мужчин!

Подходит к столу и ставит кастрюлю.

Х а с а н. Не говори так, мамочка. Футбол — это потрясающе! Чтобы понять футбол — нужно родиться болельщиком. Вы, женщины, никогда этого не поймете! К слову сказать, мужчины вообще то тоже часто не понимают женских поступков. Потому что мужчины, это...

К и т и (*Хасану*). Перестань, перестань, перестань, говорю!

Х а с а н. Что случилось, дочка?

К и т и. Я же сказала, перестань!

Х а с а н. Дочка!.. Ну дома еще куда ни шло. Дай хоть здесь мне покоя!

К и т и. Боже мой! Ну хватит же, довольно... «Кстати, о му-

зыка!..», «Кстати, о футболе!..», «Кстати, о жизни». Ну сколько можно? Хватит!

Вскочив с места, убегает. Булан и Асан кидаются следом, но их останавливает Елизавета.

Е л и з а в е т а (*солидно и внушительно*). Булан! Асан! Не надо! Это бесполезно. Она должна побыть одна. И это теперь стало прямо бедой. У нее вдруг ни с того ни с сего резко изменился характер. Боюсь, как бы в конце концов она чего не натворила. Бедный ребенок! Как подумаю об этом, так волосы дыбом встают.

Рай подходит к радиоле и резко выдергивает шнур. Музыка обрывается, наступает тишина.

Р у ф ь (*Булану*). Отец, тебе не кажется, что мы забыли о своих детях?

Б у л а н. Да-да, Руфь. Рай, Асан, нам уже пора. Вы же понимаете, что такое дети.

Р у ф ь (*улыбаясь*). Вы знаете, как беспокойны наши дети, нужно побыстрее добраться, пока они чего-нибудь не натворили.

А с а н. Жаль, что Кити ушла!..

Б а т и х а. Ой, не говорите о детях! Это же просто мучение!

Р у ф ь. Верно, верно.

Б а т и х а. Ваши-то дети росли в городе, воспитанны. А наших совсем разбаловали старики в ауле. Теперь от них весь двор в ужасе.

Р у ф ь. Ох, наши дети тоже не сахар. Особенно — средний!

Б а т и х а. Сидела я вчера дома и вдруг слышу: кто-то колотит в дверь. Открываю, а это жена соседа. Ворвалась в дом и кричит: «Когда кончится эта наглость? Что за хулиганы такие! Почему вы не приструните их?» Оказывается, наш четвертый, Борибай, побил соседского сына. Стыд-то какой, ну кто мог подумать, что он побьет мальчика, который старше его на три года!

А с а н (*Булану тихо*). Садитесь, садитесь! Я пока не отпущу вас. Вас ждет сюрприз... Как посмотрите, тогда уйдете!

Б а т и х а. Ну и я тоже, конечно, не стерпела, говорю: «Как тебе не стыдно было приходить сюда и жаловаться! Если трусливый соплик получил трепку от ребенка, который младше его на три года, так ему и надо!» О, дети!

Е л и з а в е т а. Когда Кити была ребенком... я тоже натерпелась. Но никогда не надо сожалеть о прошлом. Вот вы сейчас ругаете своих детей, но кто знает, кем они вырастут. Мне, например, даже присниться не могло, что моя Кити выйдет замуж за такого человека, как Санжан.

Х а с а н (*Булану*). Кстати... У меня есть письмо Санжана. Как снимут копию, могу отдать его вам. Вам же оно нужнее. Может,

используете для будущей книги? Я читал в газете ваше интервью. Похоже, что вы еще не раз возвратитесь к этой теме. Это прекрасно. Мне только одного жаль, и я вам самому об этом неоднократно говорил. Жаль, что вы изменили имена Кити и Санжана. Дорогой мой, если дать своим героям их собственные имена, разве станет от этого книга менее удачной?

Булан, словно виноватый, смущенно улыбается.

Асан. Хасан-ага, разрешите прервать ваше слово? Дело вот в чем... Писатели вольны как угодно изменять имена персонажей...

Елизавета (*перебивает Асана*). Конечно, своя рука — владыка! Это все знают. (*С недовольным видом затягивается сигаретой.*)

Асан. Но если бы в повести Булана остались неизменными имена Санжана и Кити, он обязан был написать и о родных, и о друзьях-знакомых своих героев. А это связывает руки писателю. Сужает его горизонт. Например, в книге есть один отвратительный тип! Я даже удивляюсь, как только редактор пропустил эти страницы!

Катя. Может быть, я и задену вас, но скажу честно, что я сейчас не в силах смотреть на книги наших писателей. Многие из них никого не убеждают; видимо, читателей считают дурачками, потому что так и сыплют всякими поучениями. Все персонажи напичканы этими назиданиями и становятся в итоге чуть ли не гениями, а читатель, напротив, чувствует себя идиотом.

Булан (*вскочив*). Молодец, Катя! Правильно сказала!

Заметив кислое выражение на лице жены, тут же опускается на место.

Елизавета (*глубокомысленно*). Искусство вообще такая непредсказуемая вещь... Честно говоря, я слегка завидую людям искусства. У них интересная жизнь...

Батиха. Чему завидовать-то! Собачья у них жизнь. Возьмите хотя бы этих вертихвосток-артисток. Какое у них такое искусство? В год сотню раз разведутся да тысячу выйдут замуж. Не поймешь, кто кому муж, кто кому жена! Я и врагу не пожелаю такой жизни!

Елизавета (*закатывается хохотом*). Ах, невестка, невестка!

Руфь (*Булану*). Мы задерживаемся?

Булан. Да-да! Рай, Асан, Хасан, Лиза-ханум, до свидания!

Асан (*останавливая Булана*). Нет, сначала давайте выпьем, а там уж и бесбармак будет готов. Всего еще каких-то полчаса. Успеете! Итак, подняли! Булан, уж коли ты спешешь, сам и скажи тост!

Булан. Тогда за здоровье Рай!

Голоса. Вот это тост так тост!

- Как не выпить за Рай!
- Пейте до дна!
- За богиню кулинарии!
- За нашу мастерицу Рай!

А с а н. А теперь закройте глаза! Побыстрее! *(Встает.)*

Г о л о с а. Что случилось?

- Что еще за игру он выдумал?
- Вот интересно!

Асан, подойдя к углу дома, хватается за край белой шелковой материи.

А с а н. А теперь смотрите сюда!

С силой дергает ткань и обнажает четырехугольную мраморную мемориальную доску.

Все раскрыв глаза застывают, пораженные. Потом подходят к мемориальной доске и останавливаются в самых разных позах. Катя и Елизавета потрясены.

Булан и Руфь растеряны.

(Читает.) «В этом доме неоднократно бывал славный сын нашего народа Санжан Кокешев».

Б у л а н *(ошеламленно)*. Это просто потрясающе!

Х а с а н. Молодец, Асан!

К о к б а й. Вот это друг!

Е л и з а в е т а. Искренний друг верен своей дружбе до гроба.

А с а н. Я установил ее только сегодня утром. Завтра, наверное, об этом сообщат газеты. Что бы там ни было, мои мучения не прошли даром. Я приглашаю всех на поминки. Ровно через десять дней исполнится год, как погиб Санжан. Итак, товарищи, садитесь, и поднимем еще по одной. *(Разливает коньяк.)*

Неожиданно его взгляд падает на Рай. Рай равнодушна ко всему, одиноко сидит в конце стола. Асан пододвигает бутылку жене.

Поухаживай за гостями, разлей коньяк.

Рай встает, начинает разливать коньяк. Все снова рассаживаются по местам.

Х а с а н. Я растроган, товарищи! Молодец, Асан! Я и раньше знал, что ты способный парень. Честно говоря, я человек достаточно твердый, но сегодня дважды был растроган. Да и сейчас мне трудно удержаться слезы. *(Вытирает глаза.)* Во-первых, я плачу по Санжану. Во-вторых, сегодня вот здесь, на этом месте, я стал свидетелем кристально чистой дружбы и большой человечности. Вот второе обстоятельство, вызвавшее слезы на моих глазах. Молодец, Асан! Иди сюда, дай я поцелую твой открытый мудрый лоб. *(Целует Асана.)*

Батиха, всхлипывая, плачет. Кокбай растроган.

Поднимем этот тост за здоровье Асана, товарищи!

Звон бокалов.

Була н. Потрясающе! Я даже не ожидал такого... Но все же нам лучше идти. Большое спасибо.

Руфь (*глядя на мемориальную доску*). Такой подарок сделал нам всем дорогой Асан!

Руфь и Булан уходят, слышен шум мотора легкового автомобиля.

Хасан. Да-а... Как часто мы вспоминаем друзей после их смерти, а при жизни не ценим. Надо знать цену другу при жизни, быть вместе и в радости, и в печали... Нет у нас еще этого, нет!

Кокбай. Одно слово, Хасан-ага! По-моему, все это происходит от недостаточной учебно-воспитательной работы...

Катя встает с места и включает радиолу. Раздается кюй Курмангазы «Кокбик шашкан».

Рай подходит к радиоле и выключает музыку.

Катя. Как сейчас помню... Радиола и тогда стояла вот на этом месте. Мы танцевали... Санжан... Санжан... Как звезда промелькнула...

Асан. Пусть попробуют снести теперь этот дом! А ведь ни дня покоя не давали! Уж теперь я отыграюсь на них! Хасан-ага, может, за преферанс сядем?

Рай, прикрыв ладонью лоб и протяжно застонав, опускается на корточки.

Катя (*не замечая состояния Рай*). Я сегодня что-то сама не своя. Пришла с тобой попрощаться. Уеду, наверное. Правда, еще не решила, куда именно. Может, поехать на какую-нибудь большую стройку? А куда еще?.. Странно... мне так хотелось увидеть эту радиолу...

Хасан. В преферанс, говоришь? Лиза-ханум, может, сядешь четвертой? Да, теперь трудновато будет снести этот дом!

Елизавета (*смеясь*). Ох, хитрец! И не подлизывайся! Все равно не позволю играть в карты!

Хасан. Сдаюсь, сдаюсь, Лиза-ханум!

Асан, заметив, что Рай сидит на корточках, с недоумением подходит к ней.

Асан. Перим, что с тобой? Голова, что ли, болит? (*Поддерживая жену за локоть, сажает Рай на стул.*)

Хасан. Что случилось?

В замешательстве подходит к супругам.

А с а н (*Рай*). Перим, скажи, что с тобой? Может, ты устала? Может, ляжешь отдохнешь?

Р а й. Поддержите меня, я перепрыгну, поддержите! Где я стою? (*Улыбается, потом смеется.*) Это же скала над пропастью. Где я стою? Я хочу перепрыгнуть. Смотри... Осторожно... это же скала над пропастью... Ты видишь... Упадешь... Пропадешь... Ах, ах!.. Ах!.. Прочь!.. Прочь!..

Катя пронзительно вскрикивает. Все перепуганы. Постепенно отступая от Рай, отходят в сторону. Рай, застыв как статуя, бормочет и бормочет что-то непонятное.

З а н а в е с

Роботам
человек

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А х м е т Х а з и н — хозяин дома.

Б а л з и я — хозяйка дома.

У л ж а н

К а т и р а } их дети.

М а р а т

Ш а л к е з — молодой человек.

М у н т а з — сотрудник Ахмета.

С о с е д — любитель кроссвордов.

Ш о ф е р А б е к е.

М а л ь к о й с т а р у х а.

Действие первое

Картина первая

Дом Хазиных. Кухня. На кухне — Балзия и ее дочери Улжан и Катира.

Катира (*взволнованно*). Ей-богу, мамочка, ты удивишься, если я тебе что-то скажу. Сказать? Понимаешь, он очень похож на нашего папу! Ты ведь сама говорила, что наш папа в молодости был красавцем.

Балзия (*смеется*). Ваш папа и сейчас хоть куда.

Катира. Конечно, конечно. Я хотела спросить...

Пауза.

Мамочка, а как вы встретились с папой?

Балзия. Ах ты, озорница, я уж сколько раз тебе рассказывала!

Катира. Мамочка, ну расскажи, я прошу тебя, расскажи еще раз, пожалуйста.

Балзия. Ты уж могла бы запомнить наизусть.

Катира. Ну, мамочка!

Балзия. Ладно, ладно! (*После паузы.*) Это было летом... Ночью. Стояла такая светлая ночь. Мы, молодежь, собрались у алтыбакана, качелей. Качались, пели песни. Вдруг позади меня кто-то засмеялся. Я обернулась — это был твой папа. Зубы белые-белые, черноусый. Красивый был парень! Короче, кончилось тем, что мы поженились. Да я уже сколько раз вам рассказывала, хватит, довольно.

Катира. Еще раз, мама, ну как все было?!

Балзия. Ах ты, моя озорница... (*После паузы.*) Он был такой... Такой храбрый. Подошел ко мне, а сам смеется. В общем, мы поженились. Сначала ваш папа устроился на железную дорогу. Потом нам дали квартиру. Потом родилась Улжан.

У л ж а н (*змыкает*). Потом вас выгнали из квартиры, а вы получили еще одну. Потом родилась Катира. Так?

К а т и р а. Ну ладно, отвяжись, не вмешивайся! Мамочка, ты так хорошо рассказываешь!

Б а л з и я. Но ведь это все.

К а т и р а. Мама, а какой я была в детстве?

Б а л з и я. Ты была сладкоежка.

К а т и р а. Ну да! Это не я, а Улжанка была сладкоежкой!

Б а л з и я. Ах, да! И как я могла ошибиться! Это же Улжан была сладкоежкой.

К а т и р а (*ехидно*). Наверное, поэтому сейчас она такая изящная — кожа да кости!

У л ж а н. А ты жить не можешь без насмешек! (*Отворачивается, с обидой утыкаясь в книгу.*)

К а т и р а (*насмешливо*). Ойбай, простите, мы больше не будем, простите нас, если, конечно, можете! (*После паузы.*) Ладно, мама, продолжай. Я тебе завидую. Ты жила спокойно и счастливо, да, мама? Тебе хоть и за сорок, но ты как будто только что вышла замуж. Ах, вот бы и мне быть такой, как ты! Мамочка, расскажи еще что-нибудь!

У л ж а н. Вот болтунья! Хватит, надоело! Сколько раз ты уже слышала обо всем этом! Если забыла, могу рассказать. Потом родился Марат. Папа взял бронь. Потом кончилась война. Потом папу перевели на другую работу. Потом папа так и остался работать на этой работе. Ты все это знаешь.

К а т и р а. Я ведь не у тебя спрашиваю... Мамочка, ну расскажи о самом интересном в твоей жизни!

Б а л з и я. Об интересном, говоришь? (*Задумывается.*) Да что в нашей жизни могло быть интересного? Дни шли за днями, за годами — годы. Вот и вся жизнь.

К а т и р а (*подходит к окну и застывает, прижав руку к груди*). Ой, я думала, это он! Мамочка! Как у меня сердце прыгает!

Балзия смеется; Улжан, рассердившись, уходит.

Мама, скажи что-нибудь, а то мне будет плохо.

Входит М а р а т, скромно одетый высокий парень спортивного сложения. Ставит на пол маленький чемоданчик, бросает в угол боксерские перчатки.

Б а л з и я. Ах ты, мой неслух! Ну сколько раз я говорила тебе, что у каждой вещи должно быть свое место! Разве тебе не нужны больше эти перчатки? Ну-ка, повесь их на место.

М а р а т (*дурачась*). Простите, виноват!

Подняв перчатки, вешает их на стену, затем выходит из комнаты.

Балзия (*вслед сыну*). Побыстрой умойся и надень синий костюм, скоро придут гости.

Голос Марата. Какие гости? Что, умереть теперь из-за них?

Балзия. Я же сказала, будут почетные гости.

Входит Марат.

Марат. Какие это «почетные гости»?

Катира (*делает вид, что сердится*). Тебе же ясно сказали, что почетные.

Марат. Кажется, ваше сердечко беспокойно, да? Наверное, будет тот самый человек?

Катира (*делает вид, что сердится*). Ты угадал, тот самый!

Марат (*смеясь*). Ах, тот самый!..

Катира. Мама, скажи Марату, пусть не насмехается.

Балзия. Маратжан, перестань!

Марат (*не слушая мать*). Значит, тот самый?..

Катира. Вот нахал! (*Подскакивая к Марату, шлепает его по спине.*) Вот тебе, вот тебе, нахал!

Марат (*не перестает*). Тот самый, да?

Катира. Ну, мама, скажи ему, пусть перестанет. А то я заплачу.

С улицы доносится скрип тормозов.

Катира бросается к окну. За ней бежит и Марат.

Марат. Это же папа!

Балзия (*удивленно*). Папа? Он же никогда не ездит на такси! Что это с ним?

Звук отъезжающей машины. Входит Ахмет Хазин.

Ахмет. Здесь живет семья Хазиных?

Доволен собственной шуткой, смеется.

Катира. Да, да, здесь живет семья хорошего человека!

Ахмет (*игриво*). Вот как! Хороший человек Ахмет Хазин ваш папа?

Катира (*смеется*). Да, это так!

Ахмет. Ну, тогда он перед вами собственной персоной! Я не опоздал?

Балзия. Что с тобой, папуля? На тебе лица нет. Будто пожар тушил.

Ахмет. Ничего особенного, все, как обычно.

Картина вторая

Декорации расположены таким образом, что сцена как бы поделена на две половины. Справа гостиная, слева — кухня. Свет поочередно падает то на правую, то на левую сцены, в зависимости от того, где происходит действие. В гостиную входит А х м е т. Снимает пиджак, вешает на спинку стула. Посередине гостиной стоит большой стул, уставленный тарелками. Ахмет смотрит на часы, затем садится к столу и пишет что-то на краешке. Свет перемещается влево. Кухня. В кухне К а т и р а, М а р а т и Б а л з и я.

Б а л з и я. Что это с отцом?

М а р а т. Разве не ясно? (*Посмотрев на Катюру, усмехается.*)

К а т и р а (*выходя из себя*). Мама, скажи этому нахалу, пусть перестанет издеваться над человеком.

Б а л з и я. Маратжан, иди в свою комнату. Одевайся, готовься...

М а р а т. Придется подчиниться. (*Выходя, усмехается, глядя на Катюру.*)

К а т и р а (*смотрит в окно*). Мама, во время войны было очень трудно?

Б а л з и я. Конечно. (*Грустно усмехнувшись.*) Кому тогда было легко? Хорошо еще, что папе вашему дали бронь...

В гостиной Ахмет все еще что-то пишет. Порой мучительно задумываясь.
Катюра смотрит в окно.

К а т и р а (*внезапно*). Ой, мама, идет!

Б а л з и я (*подавшись к окну*). Встречай его.

Катюра выбегает. Балазия спешит в гостиную к Ахмету.

Папуля, гость пришел.

А х м е т (*вскакивает с места, кое-как складывает тетрадь, засовывает ее во внутренний карман пиджака*). Пришел, говоришь? Сейчас, сейчас. (*Надевает пиджак.*)

Входят К а т и р а и Ш а л к е з. Шалкез производит впечатление очень вежливого, воспитанного парня. Он строен и красив, Катюра стоит в растерянности.

Ш а л к е з (*очень вежливо*). Здравствуйте!

А х м е т. Добро пожаловать!

Б а л з и я. Здравствуйте!

К а т и р а. Знакомьтесь. Это папа, это мама, а это Шалкез.

Ш а л к е з (*кланяется*). Здравствуйте!

А х м е т. Проходите, садитесь.

Шалкез проходит, садится.

Б а л з и я (*слегка волнуясь*). Маратжан, Улжан, где вы, идите сюда, ведь гость пришел.

Входят Улжан и Марат. Улжан спокойна и сдержанна. Марат в белой нейлоновой рубашке с закатанными рукавами. Шалкез, Марат и Улжан здороваются друг с другом. Все рассаживаются.

Что же это я! Надо ведь ужин готовить.

Выходит.

А х м е т. Та-ак, значит, вы и есть — Шалкез?

Ш а л к е з. Да, Шалкез это я.

А х м е т. Говорят, вы уже месяц в нашем городе?

Ш а л к е з. Да, уже месяц, как я приехал.

А х м е т. Да-да! Катираш сказала, что вы здесь уже месяц.

Ш а л к е з. Да уже месяц, как я приехал сюда.

Пауза.

А х м е т. Если не ошибаюсь, вы намерены остаться здесь навсегда?

Ш а л к е з. Да, завтра я должен устроиться на работу. Как говорят пожилые люди, с божьей помощью...

А х м е т (*несколько удивленно*). Катиражан говорила, что это решенный вопрос. Разве вас не специально распределили из Алма-Аты?

Ш а л к е з. Так оно и было. Но возникло одно «но».

А х м е т. Разве этот вопрос с самого начала не был согласован с нашими руководителями?

Ш а л к е з. Конечно, был. Но без Абеке. Теперь он вернулся с курорта и, вы же знаете казахов, местные воротилы с ног сбились, хотят провести двух кандидатов из здешних парней. Не сегодня завтра вопрос должен решиться окончательно. Я хочу сам пойти на прием к Абеке и все уладить.

А х м е т (*задумавшись*). Вот оно как! Да, бывает и такое... Бывает... Правильно, и тебе самому нужно пойти к нему. И чем быстрее, тем лучше. На днях он должен уехать в Москву. Надо постараться, чтобы все решилось как можно быстрее. (*Помолчав.*) Как вам наш город?

Ш а л к е з. Ах, да, да. Ваш город очень красив. Небольшой, чистый. И люди здешние мне нравятся. Гостеприимные.

А х м е т (*не зная что говорить*). Наш город — прекрасный город. Любому понравится. Но, конечно, ваша Алма-Ата — дело другое.

Ш а л к е з (*тоже не зная, что сказать*). Да, вы правы...

А х м е т. Журналисты — у них... У вас такие возможности...

К а т и р а. Ну вот, вы и поняли друг друга, разговорились. Я пойду помогу маме.

Катира выходит. Марат успевает насмешливо показать ей язык.

А х м е т. Да-а-а, профессия журналиста — это... Знаю, знаю...

У л ж а н (*перебивая отца*). Вы, кажется, пишете стихи? Помоему, я читала ваши некоторые стихотворения. Если не ошибаюсь, одно из них посвящено Дню железнодорожника, другое — Дню космонавтики, а третье — Дню чабана? (*Чуть насмешливо*.) Я всегда удивлялась вам, поэтам, если вы пишете про шахтера, то восклицаете — ах, шахтер, как ты был несчастлив вчера и как счастлив сегодня! Бескрайнюю, пустую, дикую степь ты усыпал горами черного золота. Если вам захочется написать про чабана, то вы опять — ах, чабан, ты пас в прошлом байских баранов, был холоден-голоден. А сегодня ты пасешь своих и колхозных овец, разве есть кто-нибудь счастливее тебя! Или же восхищаетесь дочерью чабана, гарцующей на коне. Мол, степная принцесса, украшение степи, ты — символ счастья.

Наступает неловкая тишина.

А х м е т. Улжан, доченька, ты не права. Ах, современная молодежь! Не признаете никого, кроме себя. Говоришь, такие стихи тебе не нравятся? Почему не нравятся? Разве все это не правда? Разве неверно, что и шахтер, и чабан еще вчера были несчастливы?

У л ж а н. Конечно, верно. Но я имела в виду другое. То, что такие стихи выходят каждый день Конечно...

А х м е т. Ладно, хватит. Перестань, ты не разбираешься в стихах, а туда же. С каких это пор ты стала критиком?

Ш а л к е з (*спокойно, будто разговор к нему не относится*). Улжан совершенно права. Я с ней согласен. Вы верно заметили. Я в одно время... Еще год назад... в самом деле писал такие стихи, о которых вы говорите, но сейчас бросил.

У л ж а н. Вы не принимайте это на свой счет. Дело вовсе не в вас.

А х м е т. Улжан, доченька, обычно ты молчалива, а сегодня разговорилась, как оратор. Ох, молодые, молодые, так и норовите столкнуться лбами.

Марат хочет что-то сказать, но отец делает ему знак рукой.

Ну-ка, Маратжан, как говорится, чтоб не сидеть сложа руки... Налей-ка по сто граммов.

М а р а т (*как сумасшедший соскакивает с места*). Вот это правильно? (*Приблизившись вплотную к Шалкёзу*.) «Спартак» или «Кайрат»?

Ш а л к е з (*растерявшись*). Конечно, «Кайрат»!

М а р а т. Темнота!

Улжан и Марат выходят.
На кухне.

К а т и р а. Ой, мамочка!

Б а л з и я (*понимающе*). Успокойся, дочка, возьми себя в руки. Он вежливый, красивый, скромный. Мне он понравился. Такой сдержанный!

У л ж а н (*с насмешкой*). Да уж!

К а т и р а. Мама, ну почему Улжан все время дразнит меня? (*Сестре.*) Если хочешь знать, Шалкез — поэт, и скоро выйдет его сборник. Так-то!

У л ж а н. Знаем, знаем! Слыхали, вы нам об этом уже успели сообщить!

К а т и р а. Ага, завидуешь! Я могла бы тебе сказать кое-что, но ладно уж, промолчу.

У л ж а н. Подумаешь!

Встает и уходит, рассерженная.

Б а л з и я. Зря ты так. Она же обиделась!

К а т и р а. Но ведь она сама начала! Значит, Шалкез тебе понравился, да?

Б а л з и я. Я же сказала, что понравился. Такой воспитанный, скромный.

К а т и р а. Верно. Он довольно сдержанный. Я тебе еще расскажу о нем...

Кухня, постепенно затемняясь, исчезает.

Снова гостиная.

А х м е т. Шалкез, дорогой, не обращайтесь внимания на Марата, он еще молод. Видите ли, он очень хочет поступить в авиационный институт и уже два года остается ни с чем. Может, поэтому-то у него и портится характер. Меня не послушался — пошел работать на стройку, пришлось махнуть рукой, мол, поступай, как знаешь. (*Помолчав.*) Думаю, вы еще подружитесь.

Ш а л к е з. Ну что вы, я его понимаю. Он мне понравился..

А х м е т (*задумавшись*). Интересный все-таки народ — молодежь! Я говорю о таких, как Марат. Не думают, а лепят что попало. Кого ни возьми — сплошные критики, а сами-то чем могут похвастаться?

Ш а л к е з. Вот это верно говорите!

Входит М у н т а з — высокий усатый мужчина.

М у н т а з. Здравствуйте!

А х м е т. А, Мунтаз, проходи.

Входит М а р а т. Несет на подносе шампанское и коньяк.

М у н т а з. Ужас! Посмотрел по телевизору какой-то кошмар и не смог усидеть... Ужас! Просто ужас!

А х м е т (*Мунтазу*). Познакомься, это наш Шалкез. Я говорил тебе. Он приехал из Алма-Аты. Журналист и поэт.

Шалкез встает с места, приветствуя Мунтаза.
Тот отвечает на приветствие.

(*Шалкезу*.) Этого человека зовут Мунтаз. Он мой сверстник и земляк. А сейчас вдвойне «земляк» — сидим в одном кабинете.

М у н т а з (*Шалкезу*). Я много слышал о вас. Знаю, что вы приехали работать в наш город. (*Ахмету*.) Ты в главке был?

А х м е т. Был.

М у н т а з. И зачем вызывали?

А х м е т (*смеется*). Так просто... (*Марату*.) Ну-ка, Маратжан, пока плов готовится, сделай нам по рюмочке.

М у н т а з (*Ахмету*). Джигиты из аппарата просили меня узнать, зачем тебя вызывали. Интересно, кто станет нашим новым начальником?

А х м е т. Откуда мне знать? Думаешь, они советуются со мной?

М у н т а з. И все же... Маратжан, мне бы беленькой.

М а р а т. Есть!

Выбегает из гостиной.

М у н т а з. Кто же станет нашим начальником? Что-то никак не могут решить. И чего так долго думать? Дело-то ясно. Есть же вполне подходящий человек. Я говорю об Аскаре — и молод, и образован, и деловой, чего им еще надо?

А х м е т (*с удивлением смотрит на Мунтаза*). Тоже скажешь!

М у н т а з. А что? Если кого и назначать, так только его.

Ахмет молчит. Видно, ему не по душе слова Мунтаза.

А х м е т (*после паузы*). Значит, ты так думаешь? А что, если выберут кого-нибудь из нас двоих?

М у н т а з. Брось ты! О чем речь? Наше время прошло! Мы уж не те. Вот Аскар будет как раз на месте!

А х м е т. Так, значит. (*Опять замолкает*.) Так, Мунтаз, та-ак...

Входит М а р а т с графином водки.

М а р а т. Вот, Мунтаз-ага.

Наливает Мунтазу водки.

А х м е т (*кричит*). Оу, хозяйка, куда ты пропала? Давай поскорее. К двум часам меня тут вызвали кое-куда!..

С кухни доносится голос Балзии.

Г о л о с Б а л з и и. Сейчас, сейчас.

Входит Б а л з и я.

А, Мунтаз, здравствуй. Что-то тебя давно не видно.

М у н т а з. Дела...

Б а л з и я. Как жена, дети? Балкия тоже не показывается. Даже позвонить не может. *(Внезапно уставившись на Ахмета.)* Боже, что с тобой? Ты случайно не заболел?

М у н т а з *(тоже посмотрев на Ахмета)*. Да, ты выглядишь неважно.

А х м е т. Это так... Слабость какая-то в теле. Вы извините, я на минутку.

Выходит.

Картина третья

Комната, служащая одновременно библиотекой и кабинетом. Входит А х м е т и садится за стол. Он рассержен. Ахмет вытаскивает из кармана тетрадь и начинает писать. Мучительно думает, пишет с трудом. Шевеля губами, перечитывает написанное.

А х м е т *(кричит)*. Маратжан, эй, Маратжан, иди сюда!

Входит М а р а т.

М а р а т. В чем дело?

А х м е т. Иди сюда, садись!

Марат садится.

М а р а т *(дурачась, вопросительно)*. М-м?

А х м е т *(явно волнуясь)*. Маратжан, ты... в общем... короче, ты можешь меня поздравить. С сегодняшнего дня твой папа — начальник. Сегодня меня назначили директором.

М а р а т. М-м!.. М-м!.. *(Одобрительно кивает, выражая удовольствие и радость.)*

А х м е т *(соскакивает с места и начинает возбужденно говорить)*. Как в это поверить? Кто бы мог подумать, что я стану директором! Такое мне и во сне не могло присниться! Это же неожиданное счастье, свалившееся прямо с неба! Маратжан, я хотел посоветоваться с тобой. Ты хоть и молод... но ведь ты современный юноша. Я тут составил кое-какой план. Это очень трудно... Ты же понимаешь... Ответственность есть ответственность. Нелегко явиться к бывшим сослуживцам, с которыми еще вчера работал бок о бок, и объявить, что теперь они у тебя в подчинении. Ойбайау, это очень

ответственный момент. Покажешь себя размазней — никто не будет подчиняться, все сядут тебе на голову. Поэтому я придумал план. Послушай! *(Читает.)* Поднимаюсь на второй этаж, сворачиваю по коридору направо, иду прямо, поворачиваю налево. Вхожу в приемную. Там будет сидеть Софья Сергеевна. Я скажу: «Здравствуйте, Софья Сергеевна!» — и напрямик в кабинет. Открыв дверь кабинета, резко остановлюсь и скажу: «Софья Сергеевна! Товарищ Тодорская, дело вот в чем. С сегодняшнего дня я — ваш директор». Конечно, она растеряется. После этого я, не говоря ни слова, войду в кабинет. Сяду в кресло, нажму на кнопку. Войдет Софья Сергеевна. Я скажу: «Софья Сергеевна, пригласите ко мне всех сотрудников». Очень скоро соберутся все наши работники. Я буду сидеть в кресле начальника, застыв как каменный, не глядя ни на кого. Подчиненные станут переглядываться в растерянности, а я спокойно скажу им: «Товарищи! *(Ахмет вскакивает с места.)* Дело вот в чем. С сегодняшнего дня меня назначили директором. В главке мне доверили. Нет, лучше сказать, не просто «доверили», а «оказали большое доверие». Итак, оказав мне большое доверие...» *(Что-то вычеркивает в тетради.)*

М а р а т *(смеясь)*. Так! Так! Пойдет! Пойдет!

А х м е т. Ты все смеешься, а ведь, говорю тебе, это очень ответственный момент — начало деятельности.

М а р а т *(только теперь поняв, что отец говорит серьезно, удивляется)*. Чудак ты! Ты что? Вправду, что ли? Брось конспект! Ха-ха!

А х м е т. Сынок, в этом нет ничего смешного. Разве так можно? Мне же доверили такое большое учреждение, как я могу отнестись к этому легкомысленно? Скажи, кто я был до сих пор? Нуль без палочки! Всего лишь песчинка среди миллиарда таких же песчинок... А теперь? Теперь я человек. Маратжан, ты всегда был высокого мнения обо мне. Я знал это... чувствовал... А теперь? Подумай, кем я был раньше?.. *(После паузы.)* Ну что? Поверил? А ведь я тебя разыгрывал.

М а р а т. А я-то и вправду...

А х м е т. Эх, глупое дитя, ты что, считаешь меня таким дураком? Я просто хотел посмешить тебя.

М а р а т. И тебе это удалось.

А х м е т. Ну ладно, посмеялись, и хватит. Поговорим серьезно. Я вчера встретился с твоим начальником... Он хвалит тебя. Говорит, что ты... энтузиаст!

М а р а т *(смеется)*. Эх, вот бы и мне встретиться с твоим начальником и узнать, как ты работаешь!

А х м е т. Обо мне узнавать нечего! Работа известная. Знай подписывай да на звонки отвечай. *(Помолчав.)* Да... Я что-то еще хотел

сказать. Помнишь, когда ты устроился на эту низкооплачиваемую должность, я был очень расстроен? Теперь замечаю, что ты далеко смотрел. Вчера твой начальник сказал, что если ты будешь продолжать в том же духе, то тебя повысят. А я-то и не подумал, что человек, начинающий с самой первой ступеньки, быстрее взбирается наверх!

М а р а т. Опять ты здесь об этом росте!

А х м е т (*смеется*). Ладно, ладно!

М а р а т. Давай руку!

Подает отцу руку, выходит.

В коридоре К а т и р а и Ш а л к е з. Катира, обняв Шалкеза, целует его.

К а т и р а. Ну как, понравилась тебе наша семья?

Ш а л к е з. Очень понравилась. Мама у тебя добрая, приветливая. И папа тоже. А вот Марат... С Маратом мы, кажется, пойдем друг друга.

М а р а т, увидев этих двоих, теряется.

К а т и р а (*заметив Марата, смущенно отступает*). Маратжан, знаешь, Шалкезу очень понравились наши родители. И ты... понравился тоже.

М а р а т (*серьезно*). Разумеется. Как я могу не понравиться? (*Хочет уйти, но задерживается.*) Кстати, я вас поздравляю, с сегодняшнего дня папу утвердили большим начальником.

К а т и р а. Да ну?! Ой, как здорово!

Появляется А х м е т.

А х м е т. Ну-ка, дети, что вы здесь стоите? Давайте все к дастархану. Мне некогда, я спешу... Катираш, у вас все готово?

К а т и р а. Вас ждем.

А х м е т. Ну, тогда пошли.

Освещается гостиная. М у н т а з сидит один. А х м е т, М а р а т, К а т и р а, Ш а л к е з подходят и рассаживаются за столом.

А х м е т. Оу, мамуля, где ты?

Из кухни слышится голос Балзии.

Б а л з и я. Сейчас, сейчас, папуля.

Входят Б а л з и я и У л ж а н. У одной в руках блюдо с пловом, у другой — самовар.

А х м е т (*вставая*). Так... Ну-ка... Мунтаз, ты всегда был добрым другом нашего дома. И сегодня ты пришел очень кстати. Наши дети

Катира и Шалкез намерены соединить свои судьбы. Сегодня они пришли к нам за благословением и искренними пожеланиями.

Мунтаз. О, это большая радость!

Ахмет. Ну, что я могу сказать? Мы все современные люди и не собираемся накладывать никаких запретов. Катираш, доченька... *(Растроганно.)* Что мне сказать? Воля твоя!

Всем становится грустно.

Балзия *(плачет)*. А что я могу сказать?

Мунтаз. Перестань, Балзия. Разве в таких случаях плачут?

Балзия перестает плакать.

Ахмет. Воля ваша, дети мои. *(Помолчав.)* Шалкез, дорогой, ты пришел к нам в счастливый для нас день. Как раз сегодня меня неожиданно утвердили директором. Значит, и тебе будет в жизни удача! Ну, давайте выпьем! *(Неуверенно садится.)*

Мунтаз. Все-таки назначили!

Шалкез. Неожиданности тут, наверное, нет. Я... узнал об этом на следующий день, как приехал.

Мунтаз. Удивительно! Но я так и думал.

У Балзии наворачиваются слезы на глаза.

Балзия. Это же на радость детям!

Катира. Ой, папатай, поздравляю! Теперь у тебя машина будет, да?

Марат. Пап, ты молодец!

Ахмет. Ну ладно, нам надо обстоятельно поговорить о свадьбе. У меня есть одна мысль. *(Шалкезу.)* Шалкез, дорогой, давай поговорим наедине.

Шалкез. Как хотите.

Выходят в коридор.

Ахмет. Шалкезжан, конечно, ты несколько не зависишь от меня. У тебя уже есть и имя, и положение. Ты самостоятельно приехал из Алма-Аты и сам хочешь устроиться на работу. Но все же пойми меня правильно... Наверное, лучше будет, если с Абеке поговорю я. О работе, о том, что ты человек свой, о твоём будущем. Пусть он имеет в виду. Пожалуй, прямо сегодня и поговорю. Теперь-то, думаю, он будет считаться со мной и не оставит мои слова без внимания.

Шалкез. Агай, по-моему, можно и без этого.

Ахмет. Конечно, конечно, но все же поддержка тебе на первых порах нужна. Пусть Абеке знает, что ты не так прост. Говорят, Абеке через день-два улетает в Москву. Если он там надолго задер-

жится, здешние могут все переиграть по-своему. Так что уж лучше сходить к Абеке... Если он согласится, позову на свадьбу. Думаю, свадьбу можно назначить на ближайшие дни. Пир на весь мир устраивать не будем. Позовем только самых близких. Но Абеке пригласим. Как ты думаешь?

Шалкез. Воля ваша, что я могу сказать...

Ахмет. Ну тогда так и сделаем.

Картина четвертая

Гостиная.

Балзия (*целует Катиру в лоб*). Солнышко мое! Будь счастлива!

Катира (*Улжан*). А ты почему не поздравляешь меня?

Улжан. Будь счастлива, Катира.

Катира. Нет, почему бы тебе как следует не поздравить меня?

Улжан. Да брось ты!

Выходит.

Балзия. Катираш, не приставай к Улжан. У нее и так голова кругом. Скоро защита диссертации. Вы с детства спорите. Теперь вы уже взрослые. Ты вон нашла свою судьбу, уходишь от нас. Улжан тоже скоро пойдет своей дорогой. Будьте же дружнее.

Мунтаз. Маратжан, ты не забыл про меня?

Марат. А-а, понял, понял!.. Сейчас!.. (*Наливает в рюмку водки, подает Мунтазу.*)

Мунтаз. Апырай! (*Выпивает.*) Сегодня по телевизору показывали такой кошмар, что не смог смотреть, даже усидеть дома. Так это было ужасно, что с души до сих пор воротит.

Марат. Вот это да!

Входят Ахмет и Шалкез.

Ахмет (*звонит по телефону*). Алло, Рамазанжан, здравствуй, милый! Это я, Ахмет Хазин. Да, спасибо, спасибо, да, большое доверие... Скажи, родной, Абеке у себя? Я хотел бы заглянуть к нему на пять минут... Спроси. Я подожду. (*Взволнованно ждет.*) Да, да, Рамазанжан, ну как? Что, он согласен? Я быстро! (*Кладет трубку.*) Ну, я пошел! Вернись скоро. А вы продолжайте без меня.

Ахмет направляется к дверям. Шалкез провожает его, оба выходят в коридор. Шалкез, дорогой, Абеке сейчас меня примет. Сиди и жди. Пожелай мне удачи. Попробую пригласить его на свадьбу.

Звонят. Ахмет открывает дверь и видит почтальона. Тот вручает ему телеграмму. Ахмет расписывается, берет ее.

П о ч т а л ь о н. Я пошел было в гостиницу, но мне сказали, что он здесь... телеграмма срочная... Ну я и принес сюда.

А х м е т (*читает телеграмму*). Кто такой Асанали?

Ш а л к е з (*взволнованно*). Один парень из нашего аула. Что там написано?

А х м е т. Да так, наверное, просто... Ну, я пошел... Я мигом.

Уходят. В коридор выходит Катира. Взяв из рук Шалкеза телеграмму, читает.

К а т и р а. Что это? «Мама в тяжелом состоянии. Асанали». Боже мой, твоя мама заболела? Что же делать? Когда тебе нужно ехать?

Ш а л к е з. Придумаем что-нибудь... Как же так? Вообще-то она в последнее время часто болела...

К а т и р а. Ты мне ничего не говорил о своей маме...

Ш а л к е з. Она мне не родная. Усыновила.

К а т и р а. И... а теперь как?

Ш а л к е з. Подождем Ахмета-ага. Он же сказал, что скоро вернется. Посмотрим, с чем придет. Посоветуемся. Придумаем что-нибудь.

К а т и р а. Да, надо посоветоваться.

З а н а в е с

Действие второе

Картина первая

Дом Хазиных. Явление спустя полчаса. Балазия и Катира. Балазия у плиты. Катира смотрит в окно.

К а т и р а. Ой, маматай, я так волнуюсь! Расскажи что-нибудь.

Балазия смеется.

У тебя такая счастливая жизнь, ты ведь не видела никаких трудностей, да?

Б а л з и я. Слава богу.

К а т и р а. Как ты все-таки хорошо сохранилась! Наверное, даже когда тебе исполнится сто лет, ты останешься такой же молодой. Как и сейчас!

Б а л з и я (*машет рукой*). Ай, в сущности, что хорошего в том, что старая женщина молодится?

К а т и р а. Ой, маматай, если бы я так сохранилась, как ты! Ну, расскажи что-нибудь, мамочка!

Б а л з и я (*с участием, понимая состояние дочери*). Что-то задерживается твой папа! Ну что, что тебе рассказать?..

К а т и р а. Про то, как ты влюбилась в папу...

Б а л з и я (*заученно*). Была ясная лунная ночь... Мне только что исполнилось восемнадцать. Мы качались на качелях, пели... Вдруг послышался чей-то смех. (*Мечтательно*.) Ко мне подошел белоzubый молодой парень. Высокий-высокий, черноусый.

К а т и р а. Но папа же не очень высокий.

Б а л з и я (*смуглившись*). Тогда был высокий... Ну и все.

Из гостиной слышится громкий голос подвыпившего Мунтаза. Он поет песню Абая.

Это Мунтаз. Он быстро пьянеет. Всю жизнь так.

К а т и р а. Мама, почему Мунтаз-ага так много пьет? Наш папа ведь почти не притрагивается.

Б а л з и я. Кто знает... Может, в душе у него какая-то печаль...

Звонок в дверь. Катира открывает. Входит С о с е д — любитель кроссвордов.

С о с е д. Катираш, айналайн, баловница ты наша, помоги решить эту чертову штуку. «Самый высокий горный пик в Азии». Я и сам это знаю. Самый высокий пик в Азии — Эварист. Знать-то знаю, а одна буква не та.

К а т и р а. Тогда укоротите на одну букву.

С о с е д. Ах ты, озорница! Ну подскажи уж, чего там!

Б а л з и я. Солнышко, подскажи, если знаешь.

К а т и р а (*громко*). Марат! Ты у нас знаток, подскажи! Самый высокий пик в Азии?!

Г о л о с М а р а т а. Джомолунгма.

С о с е д (*подсчитав мысленно буквы*). Ах, этот Маратжан совсем все испортил! Теперь пять букв лишних. Куда же я их дену? (*Задумывается.*) Нет! (*Громко.*) Не согласен! Не Джомолунгма, а Эварист.

М а р а т (*выглянув из-за двери*). Эварист Галуа — имя великого математика. Европейцы называют Джомолунгму Эверестом. Наверное, вам нужно слово «Эверест»!

С о с е д. О! Нашел! Эверест! Как раз то, что надо! (*Уходит приплясывая.*) Как раз! Как раз!

Вновь доносится пьяный голос Мунтаза.

К а т и р а. Мамочка, скажи Мунтазу — пусть перестанет. Сейчас придет папа, обругает и выгонит его. Этот Мунтаз, как выпьет, начинает петь и болтать без умолку.

Б а л з и я. Бедняга, никак до него не дойдет... Ходит-ходит в наш дом. Наверное, на душе у него боль. Все же человек войну прошел.

Выходит.

Звонок в дверь. Сначала слышится игривый голос Ахмета: «Здесь проживает товарищ Ахмет Хазин?» Потом входит и сам А х м е т. Встав у порога, делает скорбное лицо и повторяет.

А х м е т. Дочка, подскажите, здесь проживает Ахмет Хазин?

К а т и р а (*игриво*). Да, всеми уважаемый, хороший человек Ахмет Хазин проживает в этом доме.

А х м е т. А сами вы кто будете?

К а т и р а. А мы будем хорошей дочкой хорошего человека. А вы?

А х м е т. А мы будем как раз этим хорошим человеком.

Оба, довольные, смеются.

Дочка, видно, быть тебе счастливой. Вам повезло. Абеке завтра вечером едет в Москву. Ну, я и сказал, что скоро у нас той, свадьба нашей баловницы Катиры. Он сказал, что времени у него в обрез, но все же сегодня может зайти на полчаса. Ну-ка, зови всех, будем готовиться к помолвке.

Катира и Ахмет входят в гостиную. Здесь сидят Шалкез, Улжан, Марат, Балзия.

А где Мунтаз?

Марат. Готов!

Ахмет. Что-о?

Балзия. Захмелел, вот мы его и положили там, на диване.

Ахмет садится и своим хмурым видом показывает, что ему не понравилось поведение Мунтаза.

Ахмет. Итак, Шалкез, дорогой, Балзия, Катира, Улжан, Маратжан! Абеке завтра едет в Москву. Но я сказал ему, что у нас через пару дней — свадьба, а сегодня помолвка. Надо быстро готовиться к тою. Он обещал прийти. Загс и все такое прочее успеем и потом. Позовем вместе с Абеке нескольких уважаемых людей города и прямо с сегодняшнего дня начнем свадьбу.

Пауза.

Балзия. Боже мой! Как же я теперь? Ведь ничего не готово! Кто мог подумать, что все так получится спешно!

Ахмет. Абеке не пойдет к кому попало на свадьбу! Что там тебе нужно готовить? Сейчас быстренько достанем барана. Кроме Абеке, позовем еще пять-шесть семей. На первый день этого хватит.

Пауза.

Балзия. Ну что же, решайте сами! Как вы решите, так и будет. (Катире.) Разве не так?

Катира. Конечно. (Шалкезу.) Так ведь?

Шалкез. Да, конечно.

Марат с удивлением смотрит на Шалкеза.

Балзия. Тогда начинаем готовиться. (Мужу.) Кому ты поплешь пригласительные билеты? По телефону, наверно, будет неудобно. Отправь Маратжана куда надо, он быстро сбегает.

Марат. Я никуда не пойду!

А х м е т. Как это не пойдешь? Слушай, что с тобой происходит?

М а р а т. Сказал — не пойду, значит, не пойду. Чья свадьба, пусть тот и идет!

Вид у Марата страшный, лицо бледное, волосы всклокочены.

А х м е т (*гневно*). Наверное, мой сын сошел с ума.

М а р а т. И это неудивительно.

А х м е т (*заикаясь от гнева*). Ладно, черт с ним. Я и сам могу.

Подходит к телефону, снимает трубку.

Марат поднимается с места и становится у стены. Ахмет набирает номер.

Алло, это квартира Реке? Здравствуйте, алло, алло! Что это? Перестал работать? (*Нажимает рычаг, вновь набирает номер.*) Что с телефоном?

Марат громко смеется.

(*Гневно.*) Эй, Балзия, в своем ли уме твой сын?!

Марат, издевательски улыбаясь, поднимает шнур телефона. Шнур оборван.

М а р а т. Это я оборвал.

Ахмет бессильно опускается на стул. Балзия, Шалкез, Катира вскакивают с мест. Все смотрят на Марата.

Ни сегодня, ни завтра свадьбы не будет. (*Тише.*) И вообще в ближайшее время ее не будет!

А х м е т. Эй! Что он мелет?!

К а т и р а (*плачет*). Я же сказала, они все против меня. Завидуют моему счастью! Вот кто натравил Марата на меня! (*Показывает на Улжан.*)

У л ж а н. Катира! Что ты говоришь!

К а т и р а. Да, да! Хоть лопни, а я скажу тебе правду в глаза! Ты — завистница — не можешь вынести того, что я раньше тебя выхожу замуж. Сидишь тут, как овечка, а сама натравила на меня этого придурка! Это все подстроила ты! Ты! Ты!

У л ж а н. Катира!

Падает в обморок.

Б а л з и я. Ойбай, несчастная моя головушка!

Устремляется к Улжан.

А х м е т (*подбежав к Улжан*). Воды!

Б а л з и я (*Марату*). Что ты застыл как прибитый! Беги скорее!

Шалкез и Марат выбегают вместе. Приносят по пиале с водой. Улжан уносят.
А х м е т, Ш а л к е з, М а р а т, К а т и р а возвращаются.

А х м е т. Пусть отдохнет. Думаю, она скоро очнется.

К а т и р а. Папа, ты не понимаешь... С того дня, как я сказала, что выхожу за Шалкеза, она как нахмурилась, так и ходит туча тучей. Недовольна, видите ли. А иначе с чего бы этому придурку (*указывает на Марата*) приставать ко мне? Почему он хочет сорвать нашу свадьбу?

М а р а т (*издевательски*). Не я срываю свадьбу, а ты. Ты вместе с этим «зятьком»!

Ш а л к е з. Я-а? Вы... Что вы несете? Вы... как вообще вы разговариваете?

Марат, продолжая улыбаться, подходит к Шалкезу и неожиданно выхватывает из его кармана телеграмму.

М а р а т. Свадьба не состоится не из-за меня, а из-за этого!

Бросает на пол телеграмму.

Катира поднимает телеграмму и смеется сквозь слезы.

К а т и р а. О, господи, из-за этого ты устроил весь сыр-бор? Из-за этого? (*Смеется.*) О, боже! (*Вздыхает.*) Так бы сразу и сказал! Мы посоветовались с Шалкезом и решили все. Во-первых, Шалкеза уже дважды вызывали подобными телеграммами, и каждый раз все обходилось. Значит, и на этот раз не помрет. Во-вторых, эта женщина — не родная мать Шалкезу, она усыновила его. Так что...

М а р а т. Так что, пусть помирает, не так ли?

К а т и р а. Зачем так грубо? Я же этого не говорила!

М а р а т. Ладно, что с тебя взять! А ты (*Шалкезу*), зятек, ты почему молчишь?

А х м е т. Марат! Как ты смеешь! Не повышай голоса на старшего!

М а р а т. Старшинство человека определяется не возрастом, а достоинством.

Ш а л к е з (*вежливо, солидно*). Эх, Маратжан, из-за такой мелочи ты мне наговорил столько тяжелых слов! Ты сам еще пожалеешь об этом. Мои отношения с матерью — это мое личное дело.

М а р а т. Мелочь, говоришь? Самая большая подлость может проявиться в самом малом. Как говорят: грех с пуговицу, а вред с верблюда!

А х м е т. Хватит! Прекрати болтовню! Сначала глупцом прикидывался, а теперь умником заделался?

М а р а т. Вы сами заставили меня говорить. Два года назад

вы сильно меня оскорбили, и я дал себе клятву не раскрывать рта в этом доме.

Шалкез. Оказывается, вы совсем еще ребенок.

Ахмет. Какой ребенок? Проклятье это, а не ребенок. Смотри-ка, два года назло мне не раскрывал рта. То-то он все строил из себя дурачка. Ну что за времена такие настали? Конец света! Конец света!

Марат. Тьфу! *(Передразнивает.)* Конец света! Конец света!

Уходит.

Пауза.

Катира *(чуть не плача, на грани обморока, иногда срывается на крик).* Вы все эгоисты. Каждый думает только о себе. Завидуете, что я нашла такого парня, как Шалкез, и могу создать счастливую семью! Улжан! Очкастая уродина, на которую за всю жизнь ни один парень не посмотрел! Полюбуйтесь на нее! А этот? Косноязычный неудачник, не осиливший ни работы, ни учебы! У него сегодня речь прорезалась! Хам, не уважающий даже седины отца! Оскорбили его! Рот, видишь ли, не раскрывал. Недоумок! Накинулся на нас из-за какой-то чужой старухи, которая давно уже одной ногой в могиле! О, несчастная, несчастная! И как я жила в этом доме? Шалкез, родной мой, пошли, уйдем отсюда! Забери меня из этого дома, забери из этого змеиного гнезда! *(Плача, бросается на грудь Шалкезу.)*

Ахмет. Успокойся, дочка, не обостряй ситуацию. Сейчас все станет на свои места. Подумаем еще раз, посоветуемся. Как-нибудь все образуется. Наверное, я виноват, что хоть и видел, но не придал значения этой телеграмме. Шалкез, дорогой, подай мне ее.

Шалкез подает телеграмму Ахмету. Тот вновь и вновь перечитывает ее. Он огорчен и растерян. Звонок в дверь. Входит **Шофер Абеке**.

Шофер. Вы Хазин Ахмет?

Ахмет. Да, я.

Шофер. Меня к вам послал Абеке... У вас телефон, видимо, не работает... Абеке просил передать, что задержится примерно на час. Подойдет к восьми. Он приносит свои извинения.

Ахмет. Э-э-э... *(Не находит слов от волнения.)*

Шофер. До свидания!

Уходят.

Ахмет *(то садится, то встает, глядит то на Шалкеза, то на Катиру, то говорит с самим собой).* Вот это да! Предупреждает, что задержится, и еще извиняется. Ладно, будем готовиться. Шалкез, дорогой, Катиражан, не переживайте. Не обижайтесь на этого

озорника. Я сам пойду и приглашу еще три-четыре уважаемые семьи.

Выходит в коридор. Там, схватившись за голову, сидит М а р а т.
Гостиная исчезает.

Картина вторая

М а р а т (*встает.*) Отец! Можешь и не пытаться! Я сказал, свадьбы не будет, значит, не будет. Я все слышал и никуда тебя не пушу. (*Загораживает выход.*)

А х м е т. Эй, ты что? Надо же быть таким! (*Уходит, возвращается со стулом, садится.*) Так, ну-ка, сядь сначала. Давай поговорим. Что с тобой, сынок?

Марат молчит.

(*Начинает выходить из себя.*) Ну говори, что сидишь как пришибленный?

М а р а т (*задумчиво*). Я голоден...

А х м е т. Ну что же, иди на кухню. Поешь.

М а р а т (*торжественно*). Мне не хватает духовной пищи, отец.

А х м е т (*нетерпеливо*). О чем ты опять заводишь разговор?

М а р а т. Я удивляюсь тебе.

А х м е т. Ну, удивляйся, удивляйся, если раньше меня не видел.

М а р а т. Видел, конечно, потому и удивляюсь. Никаких перемен, ну никаких, и все!

А х м е т. Почему же я должен меняться?

М а р а т. Ты же человек. (*Умолкает.*)

А х м е т (*миролюбиво*). Ладно, брось. Скажи лучше, с чего это ты так вскинулся?

М а р а т. А ты до сих пор не понял?

А х м е т. Пытаюсь понять. Ты что, против семейного счастья родной сестры?

М а р а т. Нет, конечно. Я желаю ей только добра.

А х м е т. Или жених тебе не нравится?

М а р а т. Не я же выхожу за этого парня, а Катира.

А х м е т. Вот это другое дело. Они нашли друг друга, достигли согласия, значит, надо благословить их..

М а р а т. Благословим.

А х м е т. Ну, значит, договорились?

М а р а т. Нет. Ни сегодня, ни завтра свадьбы не будет.

А х м е т (*разводит руками*). Ну что ты с ним поделаешь, а?

Тебе же было сказано: у старухи есть привычка — чуть что, строчить телеграммы. Притом она ему не родная мать. Усыновила его.

М а р а т. Значит, если не родная мать, то пусть помирает, туда ей и дорога?

А х м е т. Ну что мне с ним делать! А я, дурак, тоже нашел с кем говорить. И во всем виноват я сам, только я сам. Головушка моя несчастная! Избаловал сына! Тебе никогда ни в чем не отказывали. Ты рос на всем готовом. Так кто же эгоист, как не ты? Ведь ты же не видел никаких трудностей!..

М а р а т. Отец!

А х м е т. Ну что отец? Разве можешь ты что-нибудь возразить?

М а р а т. Могу, я бы возразил, но боюсь, мои возражения покажутся красивыми словами. Ты, наверное, еще не насытился красивыми словами, а я уже сыт ими по горло.

А х м е т (*чуть ли не восхищенно*). Надо же, а?

М а р а т (*обиженно*). Не доводи меня, я ведь могу и обидеться!

А х м е т (*изображает испуг*). Давай, не жалея!

М а р а т. Ты попрекаешь меня тем, что я сыт. Ты думаешь, что у меня легкая жизнь. А что скажешь, если я твою жизнь назову легкой? Тебе говорили: «Хазин, сделай это!» И ты делал. «Пойди туда-то!» И ты шел. А попытался ли ты хоть раз самостоятельно пошевелить мозгами? И несмотря на это, ты плачешься, что когда-то недоедал и недосыпал.

А х м е т. Хватит болтать. И откуда взялось такое красноречие? Я и так пытался тебя убедить и эдак! Теперь уйди с моей дороги!

М а р а т. Нет, не пущу!

А х м е т. А я оттолкну тебя!

М а р а т. Ты не сможешь это сделать. Хорошему человеку это не идет.

А х м е т (*хохочет как ни в чем не бывало*). Ой, озорник, я же хотел просто испытать тебя, а ты вправду рассердился... Посмотри-ка на него! Если мать Шалкеза при смерти, разве я примусь за свадьбу? Нет, конечно, но... давай пойдем друг друга правильно. Успокойся, сынок. Но Абеке. Он ведь не пойдет в гости к кому попало. Мы его пригласили, он с удовольствием принял наше приглашение. Так что же теперь? Показать приглашенному от ворот поворот? Разве это по-человечески?

М а р а т. Ладно. Пусть Абеке приходит, пусть будет гостем. Но пусть и Шалкез поедет к старушке, лежащей при смерти. Может, ей нужно, чтобы приехал сын и сказал одно-единственное слово: «Мама». Может, она ему хочет сказать свое последнее напутствие. Пусть едет и будет при ней, а свадьба никуда не денется.

А х м е т. Но мы же сказали Абеке, что будет свадьба!

М а р а т. Вы объясните ему, и он не обидится. Вы же сами хвалили его, говорили, что он душевный, отзывчивый, честный.

А х м е т (*тихо*). О боже! Этот балбес ничего не хочет понять! С ума, что ли, сошел?

Входит Б а л з и я.

Б а л з и я. Ойбай! Что же это делается?! (*Держит в руках скомканную бумагу*.) Я вышла на кухню, вернулась, а ее уже нет. Ушла.

А х м е т. Кто? Кто ушла?

Б а л з и я. Улжан. Твоя дочь! Оставила записку: «Не ищите, я ушла из дома навсегда». Выскочила в окно...

А х м е т. В окно? О боже, как же я до сих пор не вспомнил об окне? Чем препираться с этим придурком, лучше выйти в окно.

Б а л з и я (*не понимает*). Зачем тебе окно? Соедини быстрее шнур и позвони на вокзал. Пусть задержат, пусть вернут ее домой.

А х м е т. Телефонный шнур, говоришь? А-а! И как это не пришло мне в голову? Нет ничего легче!

Спешит в гостиную, соединяет концы шнура. Находит в телефонной книге номер, звонит.

Алло, больница?

Б а л з и я. При чем тут больница?

А х м е т. Алло, это товарищ Искаков? Здравствуйте, Калеке, это Хазин. Вы же знаете наш дом, должны знать. Да, да. Так вот, у меня случилась трагедия. Трагедия, говорю. Мой единственный сын сошел с ума... Он говорит и поступает очень странно... А у жены сердце больное... Вот-вот, было бы хорошо, если б вы приехали...

Б а л з и я. О чем ты говоришь? Ойбай-ау! О чем ты говоришь! (*Кричит*.) Зрачок глаз моих, что с тобой: как это сошел с ума? Что за чушь я слышу? (*Бросается к двери*.)

Ахмет загораживает ей дорогу.

А х м е т. Не ходи туда! Не пущу!

Б а л з и я. Пусти! Пусти!

А х м е т. Хватит, не кричи! (*Толкает Балзию*.)

Балзия, рыдая, падает на диван.

Ш а л к е з. Ага, мы с Катирой... насчет этого дела...

Входит М а р а т.

М а р а т. Отец, я все слышал. Я понял, что, не избавившись от меня, ты не успокоишься. В таком случае я тоже уйду из этого змеиного гнезда. (*Уходит*.)

Входит М у н т а з. Похоже, он еще не протрезвел.

Мунтаз. Что за шум? Эй, зятек! Свадьба уже кончилась? Эх, жаль... *(Наливает из графина водки, выпивает.)* Уф! А я, бедняга, всегда остаюсь с носом. Оу, Балзия, почему ты плачешь? А-а, понятно... Зачем плакать — радоваться надо! Катираш твоя создала свою семью, встала на ноги. Зять тоже парень не промах. Айналайын... *(Подходит к Шалкезу и Катире. Целует обоих в лоб.)* Будьте счастливы, не обижайте родителей. А где, кстати, сваты? Разве вы их не пригласили?

Шалкез и Катира стоят молча.

Итак, что же я хотел вам сказать? А-а? Да-а! Недавно я видел по телевизору одну ужасную вещь... И не мог усидеть... пришел к вам, Катиражан, ты не видела?.. Есть такая птица — кукушка. Такая вроде безобидная, безвредная. Старики говорят, что нельзя ее трогать, проклянет. Так вот, кукушка раз в год сносит всего одно яйцо. И подбрасывает это яйцо в гнездо к другой птице... Это был научный фильм... Ну такой ужасный... Чего там говорить, Катираш. Через несколько дней вылупившийся кукушонок начинает выталкивать птенцов, к которым его подкинули, и те один за другим вываливаются из родного гнезда. А ведь сам еще, казалось бы, желторотый несмышлениш. *(Качает головой.)*

Катира. Мунтаз-ага, что вы хотите сказать?

Мунтаз. Что я могу сказать, Катиржан?.. Что я могу? Я думаю иногда... Что... Что же я хотел сказать?

Внезапно запекает песню Абая.

Шалкез *(тихо, чтобы слышала только Катира)*. Шут! Старый шут!

Мунтаз. Ты что-то прошипел, зятек? Катираш, о чем шипит этот человек?

Катира *(тоже тихо)*. Шут гороховый!

Мунтаз. А-а... теперь я понял... Вы хотите сказать, что вы и Маратжана таким же образом вытолкнули из гнезда?

Балзия поднимает голову. Еще не совсем очнулась.

Балзия. А-а? Кто-то что-то сказал? Маратжан! *(Только теперь все понимает.)* Какой ужас! Куда он ушел? Навсегда ушел? Навсегда ушел, да?.. Как он сказал?.. Змеиное гнездо?..

Ахмет. Успокойся, успокойся. Он никуда не уйдет. Никто никуда не уйдет.

Балзия. О-о-о!

Падает в объятия Ахмета.

Мунтаз. Скажите же мне, что стряслось? Во сне я это все вижу

или наяву? Эй, Ахмет, ответь же! (*Ахмет молчит.*) Шалкезжан, что это? (*Шалкез молчит.*) Катираш, доченька, как мне понять все это?

Катира молчит.

Ахмет, поддерживая, усаживает Балзию на диван. Приносит воды. Садится рядом с ней. Шалкез и Катира усаживаются на стулья.

Пауза.

Мунтаз. Ничего не понимаю.

Ахмет (*сердито*). Тебе и не обязательно понимать.

Мунтаз. Ты что, Ахмет? Хочешь сказать, что я здесь чужой?

Ахмет (*остывая*). Нет, я не хотел сказать, что ты чужой.

Встает, наливает Мунтазу водки из графина.

На, выпей. Потом иди домой и отдыхай.

Мунтаз. Значит, гонишь?

Ахмет. Нет, не гоню. Но ты ведь понимаешь, в дом должны прийти люди...

Мунтаз. Выходит, я не человек?

Ахмет. Почему? Ты тоже человек, но те, кто придут, — очень уважаемые люди.

Мунтаз. Выходит, я не уважаемый?

Ахмет (*вспылив*). О, аллах! И этот сегодня стал на редкость разговорчивым. (*После паузы.*) Мунтаз, это верно, что мы с тобой земляки. И то, что мы вместе росли, — верно. Не секрет, что и работали вместе. Все это так... Но нельзя же теперь, пользуясь этим... позволять себе все что угодно!

Мунтаз. «Работали»? Почему работали? Разве мы теперь не вместе работаем? А-а-а! Дело-то вон в чем! Ох, и дурак же я. Как я мог забыть, что с сегодняшнего дня ты стал начальником. Ухожу! Ухожу! Наверное, меня уже заждались. Ну, будьте здоровы!

Поет во весь голос. Уходит.

Ахмет. Ну, мамуля, не будем сидеть сложа руки. Уже почти четыре. Давай начнем готовиться. (*Звонит.*) Алло, Рымгалижан, соедини меня с Саке, это Хазин. (*Ждет.*) Алло, Саке? Здравствуйте! Саке, сегодня в нашем доме той. (*Радостно смеется.*) Спасибо. Это само собой, спасибо за доверие. Конечно, но сегодня у нас другой повод для той. Моя средняя дочка Катира выходит замуж. Это ее той... (*Слушает.*) Абеке обещал прийти. Спасибо, спасибо. Будем ждать в восемь. С супругой... (*Опускает трубку.*) А вы что до сих пор сидите? Готовьтесь быстрее. Нам с Шалкезом надо еще кое о чем посоветоваться. А вы вдвоем идите на кухню.

Катира, проходя мимо окна, резко останавливается. Все удивленно смотрят на нее. Катира пристально всматривается в окно, потом оборачивается к домашним.

К а т и р а. Мама, в наш двор вошла какая-то старуха, с этим... как его... коржыном на плечах.

Ш а л к е з *(вскочив с места)*. Такая маленькая, смуглая, да?

К а т и р а. Да, маленькая, смуглая.

Ш а л к е з. Ну вот, это моя мама! Добралась, значит!

А х м е т. Ах, как хорошо! Как все просто решилось! А мы из-за нее чуть не передрались всем домом!

Раздается сильный стук в дверь.

Открыто ведь. Заходите!

К а т и р а. Она, наверное, не знает, как открыть.

А х м е т. Доченька, встреть ее.

Катира бросается к двери.

Ш а л к е з. Ну вот, наконец, я же говорил...

Бормоча что-то, подходит к двери.

В дом входит маленькая смуглая Ст а р у ш к а. Шалкез бросается к ней и обнимает.

Маматай! Мама! Добралась!

Старушка пугается.

Ст а р у ш к а. Ойбай, что это?

Оба испуганно шарахаются в разные стороны и удивленно смотрят друг на друга.

Почему здесь бросаются на вошедших в дом людей?

Ш а л к е з. Извините, я подумал, что вы моя мать... Извините...

Ст а р у ш к а. Ох, чуть сердце не выпрыгнуло из груди. *(Поправляет сбившийся кимешек.)* Вы лучше скажите, это дом Сахмета?

А х м е т. Не знаю, кто такой Сахмет, но Ахмет — это я.

Ст а р у ш к а. Ну тогда ты-то мне и нужен. Я жена Сейдалы. А ты мне будешь близким кайны, поэтому я и зову тебя не по имени, а Сахметом.

А х м е т *(растроганно)*. Ах, бедная моя женеше, значит, ты жи-ва-здорова?

Ст а р у ш к а. Что со мной сделается? Никому и даже богу я не нужна. Вот когда брат твой, Сейдалы, пондобился богу, он отдал его фашистам. *(Опускает коржын на пол.)* Уф! Где тут у вас сесть можно? *(Садится на диван.)* Что вы все застыли?.. Садитесь. *(Все*

рассаживаются.) Сахмет, светик мой, правду говорят, пока человек жив, дела его нескончаемы. После гибели Сейдалы мне дали пенсию, и я ее получала, но вдруг райсобес стал требовать справку о том, что Сейдалы помер. Кто знает, быть может, они боятся, что Сейдалы потихоньку воскрес? Я отнесла им эту самую справку, а там одна буква написана неправильно, так они не приняли ее, говорят, теперь надо идти в облсобес. А раз уж пришлось ехать в облсобес, так я сразу к тебе и явилась...

А х м е т (*радушно, приветливо*). Правильно сделали. Вы пока отдохните, попейте чаю, а потом посоветуемся... (*Растроганно.*) Бедная моя женеше! Жива, значит!

С т а р у ш к а (*грозит пальцем*). Жива, как видишь. А ты что, видел справку о моей смерти? (*Смеется.*)

А х м е т (*жене*). А ты что сидишь? Идите, готовьтесь, скоро уж гости нагрянут. Катираш, иди на кухню, помоги маме.

Балзия и Катираш выходят. Гостиная погружается во мрак.

К а т и р а (*чувствует свою вину и слегка заискивает*). Маматай, чем тебе помочь? Рис очистить?

Б а л з и я (*сухо*). Как хочешь...

Катираш начинает перебирать рис. Балзия ставит на плиту кастрюлю с водой.

К а т и р а. Мамочка! (*Подходит и обнимает Балзию. Целует.*) Мамочка, ты что-то совсем не в настроении. Ну, не хмурься!

Б а л з и я. Почему не в настроении? В настроении. Вот только Марат...

К а т и р а. Маматай, улыбнись... Ну, ради меня.

Балзия пытается улыбнуться.

(*Радостно.*) Вот так, мамочка! Вот так! (*После паузы.*) Маматай, ты опять молчишь...

Б а л з и я. О чем говорить?

К а т и р а. Расскажи что-нибудь.

Б а л з и я (*грустно*). Что? (*Похоже, она сама не знает, о чем говорить.*)

К а т и р а. Как вы поженились с папой?

Б а л з и я. Как мы поженились с папой? (*Отрешенно, не отдавая отчета своим словам.*) Была светлая ночь... По небу плыла луна, такая большая, яркая... Мы пели, качались на качелях. Вдруг кто-то так весело, заразительно засмеялся. Я обернулась и увидела его, а рядом стоял Ахмет. Они всегда ходили вместе. Потом он отправился на войну, а Ахмет стал ходить ко мне, изо дня в день, изо дня в день... Потом родилась Улжан, потом родилась ты... Бедолага... Сколько я ему говорила, чтобы он перестал, а он все приходит в наш

дом и приходит... Все приходит... Как выпьет, так песни поет. Поет и плачет... Плачет и поет...

К а т и р а (*вскрикивает*). Мама! Что ты говоришь? Мама! Так значит, ты все время говорила о Мунтазе? Мама!

Балазя неподвижно стоит и смотрит в окно. Каждый раз, когда Катира кричит: «Мама!» — звонит дверной звонок. Катира, взволнованная, бежит и открывает дверь. Входит С о с е д — любитель кроссвордов.

С о с е д. Катираш, баловница ты наша, подскажи-ка мне вот здесь. Столица государства...

К а т и р а. О, господи! Не знаете, так зачем беретесь? Думать же надо!

С о с е д. Как? Думать, говоришь? Вообще-то, верно, надо подумать. Верно говоришь.

Уходит.

З а н а в е с

Bezumní
Dyřek

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Булатов — на сцену не выходит.
Жайдаров — тоже только упоминается в разговорах.
Асан — 38—40 лет.
Асау Букен (Танаш) — 25 лет.
Тана — 22 года.
Винтер — профессор из Москвы.
Кокшин — спецкор.
Крпшбай (Кокенов).
Золотоzub.
Старуха-уборщица.
Пожилая стенографистка.
Молодая стенографистка (она же секретарша).
Молдамурат — первый председатель колхоза.
Первый Асау Букен.
Второй Асау Букен.
Третий Асау Букен.
Старики, аульская молодежь.

Действие первое

События происходят в течение двух с половиной часов во Дворце культуры совхоза «Кокузек».

Зал Дворца культуры. Виднеется часть фойе. Две стены зала в зеркалах. Вдоль длинных столов — стулья. На столах графины с водой, стаканы, телефон. Входит А с а н. Это опрятно одетый крупный мужчина с ухоженными усами. Осмотрев зал, он присаживается на один из стульев. Посидев немного в задумчивости, поднимает телефонную трубку.

А с а н. Алло, Раушан! Соедини меня, родная, с комитетом комсомола! *(Ждет некоторое время.)* А-а? Тана? Это ты? Это я. Так... *(Приподнято.)* Ну, можете начинать, прочтите мой текст так, чтобы от зубов отскакивало! *(Положив трубку, прохаживается по комнате взгляд-вперед.)*

Репродуктор хрипит, пищит, чихает и наконец обретает голос.

Ради о. Внимание, внимание! Граждане совхоза «Кокузек»! Наступил день, который мы с нетерпением ждали долгие годы. Сегодня нам предстоит вкусить плоды нашего самоотверженного, неустанного труда! Эксперимент, проведенный в совхозе по замыслу профессора Булатова и под руководством директора совхоза Асана Айдарова, оправдал себя. Вся Советская страна обратила внимание на наше новаторское начинание. Из Москвы в наш совхоз направлены два специалиста. Один из них — знаменитый ученый, инженер общественного духа, профессор Винтер. Второй — известный журналист, кандидат наук Кокшин. Вместе с ними приезжает представитель областного сельхозуправления, ученый, кандидат наук, наш земляк Крпшбай Кокенов!.. *(Шум, треск разрядов.)* Внимание! Внимание! Граждане совхоза «Кокузек»! Наступил день, который мы с нетерпением ждали долгие годы. Сегодня нам предстоит вкусить плоды нашего самоотверженного, неустанного труда...

А с а н *(с удивлением смотрит на репродуктор, потом выходит из себя, сердится.)* Эй, что за бейзобрази?! *(Хватает трубку.)* Алло! Дай мне комитет комсомола! Алло! Алло! Что это за бейзобрази?

Эй, как это понять? Бейзобрази, кто вам позволил сократить мой текст? Обкорнали, бейзобразники, ни начала ни конца! Там же впереди шапка была, а в конце — заключение! Куда вы все это дели? Говоришь, передали основную мысль?! Ну-ка, иди ко мне, я покажу тебе «основную мысль»!

Бросает со стуком трубку, в гневе мечется по комнате. Слышится приятная, нежная музыка. Входит Тана. Девушка похожа на пугливую лань, готовую сорваться с места при малейшем шорохе.

(Нависая над ней.) Вы... *(Внезапно теряя запал, смягчается.)* Прости, я погорячился и накричал на тебя. *(Теперь он — сама учтивость.)* Ну да ладно, черт с ним, с этим текстом! Вот уже три дня, как я тебя не вижу. Куда ты пропала, милая? Я так истосковался по тебе!

Тана. Вы же сами направили меня во второе отделение.

Асан. Ах да, верно... Да ты сядь, чего стоишь? Ну, как там у них дела?

Тана. Там все хорошо, даже отлично. Когда я бываю у них, уходить не хочется.

Асан *(не может скрыть неудовольствия, потом опять расплывается в улыбке)*. Та-ак, значит... Ладно, оставим это! Сегодня у нас час испытания, так, кажется, говорил Мухтар Ауэзов? *(Расстлывается по комнате.)* Если сегодняшний день будет удачным... *(подходит к девушке, гладит по голове, кладет руки на плечи)* считай, что и наша судьба решится. Хочешь, завтра же закатим такой пир, какого еще не бывало во всей Каратауской округе? Я все больше томлюсь по тебе, Танажан... прямо горю весь! Танажан! Как бы мы ни скрывали, у людей сто глаз и сто ушей. Не может быть, чтобы они не знали о нашей связи. Тянуть дальше нельзя. А?

Тана, опустив глаза, водит носком ноги по полу.

Ну, ладно. Кажется, кто-то идет.

Отходят друг от друга. Тана хочет что-то сказать Асану, но не решается, некоторое время стоит в неловком молчании, потом, наконец, уходит. Слышится песня.

Входит Асау Букен. Вид у него несуразный. Длинноволосый, в узких, облегающих брюках, в рубашке с короткими рукавами, он явно не производит впечатление солидного человека.

Асау Букен. Ассалаумагалейкум, Асан-ага! Не пришли еще?

Асан. Алейкум салам, Асау Букен! Живу с одной лишь мыслью о тебе и о твоём деле. С ней ложусь в постель, с ней и просыпаюсь. Что бы ни делал, перед глазами только ты. Так, мой дорогой, недолго и концы отдать. *(Указывая на столы и стулья в зале.)* Вот, приготовили все и ждем. Надо получше встретить гостей и еще лучше

их проводить... Если дела пойдут хорошо, будешь моим должником...

А с а у Б у к е н. Ойбай, о чем речь! Знаете, я вот только что присел, вывернул свои карманы... И что же? Оказывается, у меня достаточно средств, чтобы закатить той на весь район. Вытащил счета и давай щелкать-подсчитывать... Помучился изрядно, а все-таки сосчитал. Если дело наше удастся, куплю сто ящичков коньяка и зарежу сто нежных овецек. И даже тогда, Асан-ага, оставшихся денег хватит на то, чтобы поставить вам, да, да! Вам в центре аула памятник из голубого мрамора высотой в два с половиной метра. Если же это не сделаю в течение года, пусть грех падет на мою душу. А если вы сегодня не поддержите меня от всего сердца, грех падет на вашу!

А с а н (*заливается смехом*). Ах, Букеш, Букеш! Не можешь ты без шуток! Люди чуть не плачут, а тебе смешно! С одной стороны, конечно, это даже и хорошо, что ты шутник. В наше беспокойное время — это верное средство самозащиты. Но не каждый поймет тебя, не каждый оценит твой юмор. Порой ты вроде бы в шутку такое загнешь, что хоть стой, хоть падай. Кому это понравится? Разве ты не знаешь мудрость: «Живи тихо — будешь сытым»?

А с а у Б у к е н. «Живи тихо, будешь сытым и... пустым, как сито!» Знай себе мели не спеша языком на всяких собраниях. Я никогда не шучу, Асеке! То, что я сейчас сказал, — не пустая фантазия. Я долго размышлял, до самого рассвета глаз не сомкнул. Если бы не вы, разве смог бы я осуществить этот эксперимент? Нет, конечно! А кто сделал меня руководителем самого крупного отделения нашего совхоза? Вы! А кто поддерживал меня в течение этих двух с половиной лет? Опять вы! Так могу ли я после всего этого пожалеть что-нибудь для вас? Можете не сомневаться: я воздвигну вам памятник на свои собственные средства! Эх, Асеке! Ведь я...

А с а н. Ладно, довольно. Спасибо и на добром слове. Что нам делить на «твое» и «мое»? Эксперимент был проведен во втором отделении, отделение — твое... Но оно относится к совхозу «Кокузек», а совхоз — мой! Значит, нечего нам с тобой делить! Коли сегодня повезет, прогремим на весь Союз! Так что надо постараться, Букен, понимаешь?

А с а у Б у к е н. Чего там стараться? Все ясно как день! Приедут ваши ученые, мы им разжужем все, как детям, поведем их во второе отделение, напоим до икоты, затем чуть живых посадим в поезд. Потом они приедут в Москву и засядут за отчет... Ну, а дальше — газеты, радио, телевидение. Все ясно как день!

А с а н (*вздыхает*). Ах, Букеш, у тебя все как по писаному. Да сбудутся твои слова! Если б они сбылись! Но... кажется, кто-то идет.

А с а у Б у к е н (*выглядывает из окна*). Подъехала какая-то

«Волга». Из нее вышли две женщины. Ах черт, одна старовата, но вторая зато, пах-пах, в брючках, а фигурка-то, фигурка! Однако...

Асан. Что «однако»?

Асау Букен. Боюсь, она выше меня. Черт, вечно страдаю из-за своего роста!

Входят стенографистки.

Пожилая стенографистка. Здравствуйте!

Асан. Здравствуйте!

Молодая стенографистка. Привет!

Асау Букен. Привет на ваш привет!

Асан. Добро пожаловать! Проходите!

Пожилая стенографистка. Мы работать будем здесь?

Асан. Да, здесь. Извините, вы кто будете?

Пожилая стенографистка. Мы стенографистки. Каждое ваше слово перенесем на бумагу.

Асан. Прекрасно! Будем знакомы. Я — Асан Айдаров, директор совхоза, а этот молодой человек — управляющий вторым отделением. Его настоящее имя — Танаш, но все зовут Асау Букен. В переводе на русский получается «дикий сайгак».

Молодая стенографистка. Дикая сайгак? Это интересно. Где же твои рога?

Асау Букен. Мои рога растут внутрь.

Молодая стенографистка весело смеется. В этом звонком смехе есть особые нотки. Асау приближается к девушке и сравнивает свой рост с ее ростом. Лицо его выражает сожаление, что результат оказался не в его пользу. Девушка, удивленная его поступком, обрывает смех.

Пожилая стенографистка. Товарищи, товарищи, вы что-то слишком далеко заходите. Ах, молодежь, молодежь! Вот когда мы были молодыми...

Асан. Простите, а где наши основные гости?

Пожилая стенографистка (*задета*). Ваши основные гости ушли во второе отделение вашего совхоза. У них ведь привычка — начинать все снизу.

Асан (*растерявшись*). Что? Что вы сказали? Они... Но почему они нас не предупредили?..

Пожилая стенографистка. Простите, мы этого не знаем.

Асан (*поднимает телефонную трубку*). Алло, Раушан, милая, соедини меня со вторым отделением. Алло, кто это?.. Это я. Гости у вас? Утром были, говоришь? А где они сейчас? Уже ушли? Ладно, пока! (*Кладет трубку.*) Наверное, скоро сюда придет.

Наступает неловкое молчание, все мнутя и нерешительно поглядывают друг на друга. Асау Букен подходит к радио и крутит ручку. Комнату заполняет быстрая танцевальная музыка.

Что же вы стоите, товарищи женщины? Садитесь, пожалуйста.

Асау Букен (*склоняясь к молодой стенографистке*). Вы танцуете шейк?

Молодая стенографистка. А как же иначе?

Идут танцевать. Асау Букен выделяет немыслимые движения, дергает плечами, головой, вертит бедрами, раскидывает ноги, размахивает руками и изо всех сил старается произвести впечатление. Не отстают от него и девушка.

Пожилая стенографистка. Товарищи, товарищи, что это за безобразие?!

Асан. Эй, Букеш, ты что? Я тут, понимаешь ли, места себе не нахожу, а ты что вытворяешь?! Сегодня ведь решается не моя, а твоя судьба! Разве можно быть таким легкомысленным?

Однако двое молодых, судя по всему, не собираются останавливаться. Самозабвенно отдавшись танцу, они показывают все свое искусство. В зал входят: профессор Винтер, спецкор Кокшин, представитель области, местный ученый Крпшбай.

Асан сказал что-то танцующим, но его голос утонул в гремящей на весь зал музыке. Торопливо подбежав к розетке, выдернул шнур.

Винтер похож на человека, привыкшего разговаривать громко и крикливо.

Винтер. Ого! Да тут веселье в самом разгаре!

Асан. Здравствуйте; дорогие гости! Добро пожаловать! Проходите, пожалуйста!

Винтер. Здравствуйте! Вот и мы!

Кокшин. Здравствуйте!

Винтер. Моя фамилия Винтер, а зовут Сергей Иванович.

Кокшин. А я Кокшин Иван Сергеевич. Я — специальный корреспондент.

Асан. Я — Айдаров Асан, директор совхоза. Можете звать меня просто Асаном.

Асау Букен (*словно передразнивая кого-то*). Я — Искаков Танаш, управляющий вторым отделением. Люди зовут меня Асау Букеном, прошу и вас называть так же.

Кокшин. А-а, так это вы Асау Букен?

Асау Букен. Да, это мы.

Кокшин (*повернувшись к стенографисткам*). А с вами, кажется, мы вчера познакомились? Лично я очень уважаю стенографисток. Они — представители вечности, посланники истории в будни современности.

Пожилая стенографистка. Приятно слышать. Вчера вы...

Асан. Уважаемые гости, проходите, пожалуйста, располагайтесь.

Гости располагаются. Асан поднимает телефонную трубку.

Алло! Раушан, милая, соедини меня с комитетом комсомола. *(Ждет.)*
Алло! Танакан, наши гости уже пришли, где твои парни? Правильно... Хорошо...

Входят джигиты в казахских национальных костюмах. Движения их исполнены артистизма и пластики. Они двигаются по сцене так, словно исполняют какой-то танец. У каждого в руках расписные деревянные чаши, полные кумыса. Джигиты ставят перед гостями чаши, помешивая кумыс, разливают его в пиалы и почтительно, галантно преподносят гостям.

Уважаемые гости, вы ведь только что с дороги, а день выдался знойный. Наверное, порядком устали. Не будем сразу приступать к делам. Отдохните сначала хорошенько, утолите жажду. *(Показывает на чаши.)* Отведайте казахского национального напитка. Это кумыс!

Винтер. Не знаю, как мой коллега Иван Сергеевич, а я лично очень люблю кумыс. Я пил его и в Алма-Ате, и в области. Прекрасный и весьма полезный напиток.

Кокшин. Я бы еще добавил к словам моего коллеги, что кумыс с изюмом — это бог всех напитков! Боюсь, что в Москве я буду тосковать по нему.

Входят девушки в казахских национальных костюмах: движения их полны грации и пластики. Приблизившись к гостям, становятся в ряд и отдают общий поклон. Затем вперед выходит Тана и произносит заученное приветствие.

Тана. Уважаемые гости! Уважаемые Сергей Иванович и Иван Сергеевич! Разрешите мне от имени комсомольцев и всех трудящихся совхоза «Кокузек» поздравить вас с прибытием на казахскую землю! Здесь перед вами стоят серьезные задачи и важные дела. Мы приветствуем вас в нашем совхозе и желаем плодотворной работы!

Винтер. Прекрасно!

Асау Букен *(сначала удивлен и растерян, но быстро приходит в себя. Посмеиваясь и поводя плечами, приближается к девушкам. Передразнивая их, говорит тонким писклявым голоском)*. Уважаемые гости! Разрешите мне от имени комсомольцев и всех трудящихся совхоза «Кокузек» поздравить вас... *(Резко меняет тон и продолжает сердито.)* Что это вы придумали? Кто вас научил?

Т а н а. Я же говорила... Я же говорила, что мы опозоримся!
(Плача, убегает.)

Девушки как ни в чем не бывало, вежливо поклонившись, медленно отступая, уходят.

В и н т е р. Вы зря, дорогой мой, рассердились на девушек. Мне лично они понравились. Какая пластика! Кстати, должен заметить, что казахские девушки отличаются особенной красотой.

К р п и ш б а й. Уважаемые гости, пейте кумыс, угощайтесь баурсаками, почувствуйте себя как дома.

Подает Асану знак, чтобы тот вышел. Выходит следом за ним в фойе.

Вы что, не можете без перегибов? Почему со мной не посоветовались? К чему такая пышность?

А с а н. Ойбай, Крпеке, это же не кто-нибудь шалая-валяя, а гости из самой Москвы!

К р п и ш б а й. И все же надо было посоветоваться со мной. Ладно, дело не в этом. Теперь давай так договоримся. Сегодняшнее совещание буду вести я, а доклад сделаешь ты. Не то этот твой, как его, дикий сайгак — Асау Букен все испортит. Лучше, если ты сам обо всем доложишь. Не волнуйся и не спеши. Главное, чтобы все было по науке. Не скрывай, что на первых порах мы не одобряли этого нововведения. Подчеркни, что дикий сайгак — парень деловой, настойчивый, но не перехвали, а то не успеешь оглянуться, как он сядет тебе на шею. Особо подчеркни неустанный самоотверженный труд коллектива совхоза и сделай упор на то, что руководители района — люди большого ума и передовых взглядов. Понял? Сделай упор...

А с а н. Да я это все и сам знаю. Дай только волю, а там уж я не оплошаю, так смешаю правду с ложью, что сам черт не разберет! Не волнуйся, все будет в лучшем виде. Но оставим это, Крпеке. Сейчас меня, признаться, волнует только одно — твое настроение. Я ведь вижу, что у тебя что-то лежит на душе, меня-то не проведешь. Говори, Крпеке!

К р п и ш б а й. Дело вот какое, Асеке... (Вздыхает.) Знаешь, почему они из Москвы махнули напрямик в Алма-Ату к Булатову? Оказывается, Винтер — закадычный друг нашего горе-ученого! То ли они вместе росли, то ли вместе в аспирантуре учились, короче, их связывает давняя и прочная дружба. Думаю, Булатов черкнул Винтеру письмишко, мол, я провел новый эксперимент, но здесь не дают проходу, помощи. Вот Винтер и примчался прямо к Булатову. Даже к Жайдарову не зашел. Кто такой Булатов по сравнению с Жайдаровым?! Жайдаров — начальник, а Булатов всего лишь один из многих его затюканных заместителей! Короче говоря, в один

прекрасный день к нам позвонил Жайдаров, и наше областное начальство, тоже не будь дураком, послало меня в Алма-Ату на разведку, чтобы с носом потом не остаться. Если честно, Булатов не произвел на меня впечатления. Голос визгливый, одет кое-как, ростом с мизинчик, суетится... С ходу начал доказывать мне — это мне-то?! — пользу эксперимента. Никогда не приходилось мне встречать такого болтуна! Потом повел меня к Жайдарову. Вот кто начальник так уж действительно начальник! Булатов представил меня ему, и что же Жайдаров?! Он важно выслушал и произнес одну только фразу: «Ладно, подождем результатов, но — смотрите!»

А с а н. Слава богу, значит, все-таки не стал отнекиваться? Дал разрешение ко всеобщему применению?..

К р п и ш б а й. В том-то и вся загвоздка! (*Вздыхает.*) Наш разговор закончился одной лишь этой фразой. Больше он не проронил ни слова. Вот уже три дня, как я ломаю над этим голову! Я думаю над каждым словом и не могу никак понять, что значит, например, «ладно», «подождем», «смотрите»?

А с а н. Да ничего они не значат! Если бы Жайдаров был против эксперимента, он давно прихлопнул бы его, и все. Или привязал бы без привязи, мол, опыт опытом, но внедрять его рановато. Думаешь, он боится своего заместителя? Конечно, нет. А раз так, значит, одобряет.

К р п и ш б а й. Эх, глупенький ты мой! Вот где собака зарыта! Тамошние воротилы не станут лезть, как мы, друг на друга с кулаками. У них совсем другие методы!

А с а н. Хоть убей, ничего не понимаю...

К р п и ш б а й. В том-то и дело!.. Ну, родной, пошли, начнем базар-вокзал, а как быть дальше — посмотрим.

Оба входят в зал. Там стенографистки, Винтер, Кокшин, Асау Букен.

А с а н. Ну как, дорогие гости, отдохнули? Тогда начнем. Есть предложение, чтобы совещание вел представитель областного сельхозуправления, кандидат сельскохозяйственных наук товарищ Крпешбай Кокенов.

К р п и ш б а й. Спасибо за доверие. Итак, что бы это ни было — серьезное совещание или беседа за круглым столом, если наши гости не против, то начнем. Как бы нам назвать нашу тему, а точнее проблему? Думаю, можно так: «Об опыте второго экспериментального отделения совхоза «Кокузек». Слово для доклада предоставляется директору совхоза, товарищу...

В и н т е р. Извините, я перебыл вас. Дело в том, что мы с Иваном Сергеевичем коротко ознакомились в Алма-Ате с делопроизводством по второму отделению совхоза «Кокузек». Оно занимает ни

много ни мало — пятьсот страниц. В областном центре мы опять наткнулись на те же бумаги. Разница только в том, что перед нами уже лежало дело в тысячу страниц. Так что просим прощения, но мы немного знакомы с этим теоретическим трудом. Кроме того, автор эксперимента, товарищ Булатов, периодически письменно знакомил нас кое с чем. К слову, Булатов — мой старый друг, с которым мы когда-то, как говорится, делили и хлеб, и воду... Таким образом... Что же я хотел сказать? Ах, да. Давайте сначала послушаем Танаша Искакова, который является одним из инициаторов эксперимента и пережил все его трудности.

А с а у Б у к е н (*приводит в ужас Асана и Крпишбая бессмысленной болтовней*). И тогда заговорил Букен, и сказал он следующее: свистит буран в горах — сказал, о, спаси, аллах, сказал! Это шапка, которая была вначале, Асан-ага...

К р п и ш б а й (*Асану*). Что он несет?! Я же говорил, что он придурок!

А с а н. Но что мне теперь делать?

К р п и ш б а й. В том-то и дело!

А с а у Б у к е н. Лежал я как-то, развалившись, под большой яблоней, глядел в небо, а по нему плыли облака. «Э-э-эх,— думал я,— сейчас бы холодненького кумыса-аа да горя-яченького куырдака... Вдруг «бац»!— и на меня свалилась идея!

К р п и ш б а й. Ах, осел, посадит он нас в лужу!

А с а н. Но что мне теперь делать?

К р п и ш б а й. В том-то и дело?

А с а у Б у к е н. В нашем отделении, кумекаю я, есть двести рабочих. Так? Так. А трясемся мы все над ста двадцатью гектарами свеклы. Так? Так. Как говорится, свисту на полмира, а пасем всего пять коз... Вот и подумал я, глядя на облака, что все это от неумения считать. Так? Так... У нас ведь все, от малых детей до дряхлых старцев, считаются рабочими. Но что это за труд? На пользу он или во вред? А что, если он вообще пустая трата драгоценного времени? Так? Та-ак! Облака уже проплыли, а я все думаю — ведь и от труда бывает вред. К примеру, кто-то с утра до вечера выкладывается весь на работе. Его не в чем упрекнуть, старается человек, семь потов с себя сгонит. Но есть ли от этого польза обществу? Ни шиша! Хотя это и не очень приятно слышать, но что делать, правда есть правда! Мой более чем двухлетний опыт управляющего тоже подтверждает это. (*Рассмеялся.*) Лежал, лежал я под яблоней, глядя на чистое небо, и вдруг хлопнул себя по лбу: а что, если перевести наше отделение на систему безнарядных звеньев, а? Так? Так! Развалившись под яблоней (*смеется, давая понять, что шутка*), я задумался о том, как мы иногда сами усложняем простые вещи, а потом из-за этого спотыкаемся о собственные башмаки... Так? Так! Думал

я, думал обо всем этом, а потом пошел к профессору Булатову и изложил ему свои мысли. Профессор меня поддержал, подвел под идею научный базис, а мне поручил провести все это в жизнь. И к какому же заключению мы пришли, спросите вы? Да все к той же простой мысли, что есть в старой пословице: «Только тот труд достоин труда, который приносит пользу», а говоря по-научному: ценность всякого труда определяет произведенный товар, и только товар! Короче говоря, как бы это сказать?.. Наш метод... В общем, разложить все по полочкам я не могу, но знаю одно: за два с половиной года мы сократили число рабочих с двухсот человек до двадцати трех. Кроме того, неизмеримо возросла производительность труда. Урожай свеклы намного превысил показатели двух других отделений совхоза. Увеличили мы и посевную площадь. Да и заработок рабочих стал вдвое выше, чем в остальных отделениях совхоза. Сейчас мы даем шестьдесят процентов годового дохода хозяйства. А когда соберем нынешний урожай, то в конце года вклад наш в совхозную казну будет и того больше... Я, кажется, слишком заболтался?

К р п и ш б а й (*выдавливая из себя улыбку*). Дорогие гости, извините... Наш Асан... Э-э... Наш Искаков хоть и хват на дело, на слова — не очень...

В и н т е р. Оно и видно.

К р п и ш б а й. Вы правильно заметили. Что с него взять — молодой, неопытный. Ему не удалось обстоятельно объяснить суть дела. Если вы не против, предоставим слово Айдарову Асану. Он более внятно изложит суть эксперимента, с научной точки зрения...

К о к ш и н. С научной точки зрения, говорите? Что ж, давайте послушаем...

А с а н (*растерявшись*). Я... мой доклад остался в конторе. Может, сделаем перерыв на несколько минут?

В и н т е р. Да, теперь можно и отдохнуть.

Крпшбай и Асан выходят в фойе.
Зал исчезает.

К р п и ш б а й. Ну, теперь давай заливайся соловьем! Покажи этим профессоришкам, что и мы не лыком шиты! Особо упирай на то, что инициатором и застрельщиком этого дела был Булатов!

А с а н. Так-то оно так. Но... к сомнительным делам всегда приывается это самое «но»... Пока этот придурок Букен трепал языком, мне сверлили мозг три слова, сказанные Жайдаровым, о которых, кстати, ты и сам мне говорил: «ладно», «подождем», «смотрите»... Если такой большой человек, как Жайдаров, произнес такие странные слова, значит, это не зря. Выходит, надо подумать над ними. Я подозреваю, что, во-первых, «смотрите» означает скорее

всего «не прыгайте выше головы», так? Во-вторых, «ладно» — это не уступка, а знак равнодушия, мол: «я тут ни при чем», так? Ну, а «подождем» означает конечно же одно: «ни черта вы не понимаете!» Так? Разумеется, я не умнее Жайдарова... но, в конечном счете, понадобится ли мой доклад? Пока мы тут будем надрываться от усердия, не исключено, что товарищ Жайдаров съест товарища Булатова... Что тогда станется с нами? Ведь с кого спросят в первую очередь? С нас! А Асау Букену ничего не сделается, у него все впереди, в крайнем случае, набьет себе первую шишку! Какой же смысл тогда нам-то лезть в это дело?

К р п и ш б а й. Золотые слова ты стал говорить, Асеке! Меня тоже гложет это сомнение. Почему Булатов так осторожен? Почему Жайдаров принял нас так холодно? Как знать, может, между ними пробежала кошка? По-моему, товарищ Жайдаров только и ждет, когда оступится товарищ Булатов. А Булатов стоит за нас. Получается, что наше поражение — это поражение товарища Булатова. Но Жайдарову-то только того и надо!

А с а н. Вот теперь я понял, Кркеке!

К р п и ш б а й. В том-то и дело!

Оба, уставившись друг на друга, сидят, как пришибленные, как кролики под взглядом удава. Вдруг, будто ужаленные, один за другим вскакивают. Слава аллаху, уберег нас всевышний!

А с а н. Ой, не говори! Сами чуть в капкан не полезли!

К р п и ш б а й. В том-то и дело! Давай срочно позвоним в Алма-Ату и без всяких фиглей-миглей спросим напрямик у Жайдарова...

Входит М о л д а м у р а т со стариками.

М о л д а м у р а т. Айналайын, Асанжан, погоди немного.

А с а н. Ассалаумагалейкум, Муллеке!

М о л д а м у р а т. Алейкум салам!

А с а н. Я вас слушаю.

М о л д а м у р а т. В двух словах сразу и не скажешь. Мне с тобой посоветоваться надо кое о чем.

А с а н. Кркеке, может, вы сами позвоните в Алма-Ату? У этого человека есть ко мне дело.

К р п и ш б а й. Хорошо... *(Взяв ключ, уходит.)*

А с а н. Садитесь, Муллеке. И вы присаживайтесь. *(Старики рассаживаются.)* Итак, в чем дело?

М о л д а м у р а т. Айналайын, Асанжан! Прошло уже немало лет с тех пор, как ты стал директором совхоза. Не зря в народе говорят: «Сумей узнать героя и в лохмотьях!» Ты показал себя. Конечно, управлять народом нелегко, ты, как говорится, днем лишился смеха, а ночью сна, не знал ради людей ни отдыха, ни покоя. Хоть

ты и из другого племени, мы не считали тебя чужим. Пусть дым струится из твоего очага, а дом оглашается детским смехом. Ты умел почитать старших, быть опорой младшим. Никогда мы не слышали от тебя грубого слова. Ты потерял спутницу жизни, но ее уже не вернешь. Пора подумать и о себе, нельзя всю жизнь оглядываться на прошлое. Оно призрачно. Подними шанырак. Мы знаем, что вы с нашей Таной связаны узами слова. Ни аул твой, ни аксакалы, ни друзья-ровесники не имеют ничего против этого. Наверное, и ее дядя, большой человек, профессор Булатов, которого ты сам знаешь, тоже не будет против. Скоро начнется уборка свеклы. В разгар страды не до свадеб. Почему бы не сыграть вашу свадьбу сегодня-завтра? Пригласим знатных гостей, что приехали. Это только прибавит тебе чести.

А с а н (*взволнованно*). Апырай, Муллеке, я просто в затруднении... Как сама Тана отнесется ко всему этому? Да, между нами действительно возникло чувство, однако...

М о л д а м у р а т. У женщин, как говорится, дорожка узкая. Не беспокойся за Тану. Главное, что вы оба согласны, а все остальное — пустяки.

А с а н. Ладно. Подождем результатов... Только смотрите! (*Сообрав, что в точности повторил слова Жайдарова, резко вскакивает с места.*) Астапыралла! Что я говорю...

М о л д а м у р а т. Что с тобой, мой светик?

А с а н. Да так просто...

Входит **К р п и ш б а й**, на нем лица нет. **Асан** тоже приходит в волнение.

К р п е к е, что случилось?

К р п и ш б а й. Ты это... отпусти аксакалов, надо поговорить...

А с а н. Ну, аксакалы, теперь дело за вами. Я не против свадьбы.

М о л д а м у р а т. Да храни тебя аллах, **Асанжан!** Мы пошли!

К р п и ш б а й (*шепотом*). **Жайдаров** и **Булатов** уехали в Москву. Похоже, между ними произошла стычка!

А с а н. Уехали?

К р п и ш б а й. Думаю, что так.

А с а н. Значит, они схватились в открытую. Ну, **К р п е к е**, что нам теперь делать? Свернуть совещание и ждать конца схватки?

К р п и ш б а й. А согласится ли на это профессор?

А с а н. **К р п е к е**, успокойтесь. Помните, профессор согласился с вами, когда вы сказали, что **Букен** на слова не очень горазд. К чему бы это?

К р п и ш б а й. В том-то и дело! Кто знает, что на уме у этого профессоршишки... И твой **Кокшин** тоже не обронил ни слова. А если он потом нас грязью обольет?

А с а н. Эх, не надо было начинать этого дела!

К р п и ш б а й. А что я тебе говорил на протяжении двух с половиной лет? И все это из-за тебя, из-за твоей мягкотелости.

А с а н. Что я мог сделать? Пойти против Булатова? Я же не знал, что у них с Жайдаровым произойдет размолвка.

К р п и ш б а й. Да...

В разговор вмешивается наблюдающий за ними З о л о т о з у б.

З о л о т о з у б (*кричит*). Что здесь творится? Не иначе как новое зло готовится!

Крпешбай и Асан вскакивают с мест.

А с а н. Что случилось, аксакал? Почему вы кричите?

З о л о т о з у б. Как же мне не кричать? Как мне сидеть сложа руки, когда вы тут, уединившись, плетете заговор против народа?!

К р п и ш б а й (*в ужасе*). Что вы говорите, аксакал? Какой заговор? Вы отдаете отчет своим словам? Это же злостная клевета!

З о л о т о з у б. Злостная клевета?! Ишь, спрятались, словно мыши в темном углу! Сначала пригрели каких-то пьяниц и проходимцев, а теперь собираетесь расхваливать в газете свои вредные для народа, преступные делишки? Не-е-ет! Не выйдет, народ вам не стадо баранов! Умрем, но не позволим нас дурить! В тюрьму засадим ваших липовых ученых! Мы еще выясним, ученые они или бесчестные обманщики!

А с а н. Аксакал! Аксакал!..

К р п и ш б а й. Аксакал! Вы того... поосторожнее. Вы думаете, о чем говорите? Я здесь тоже не бедный родственник и не позволю измываться над собой! Вы еще ответите за свои слова!

З о л о т о з у б (*чуть сбавив тон*). Что, за решетку меня упрятать хочешь? Я ведь всего лишь высказал свое мнение! (*Опять переходит на крик.*) Нет такого закона, чтобы сажать несогласного!

А с а н. Крпеше, спокойнее. Он ведь, если раскинуть умом, дело говорит. Вдумайтесь... Он же угадал наши мысли! Мы же сами говорили, что это дело не в интересах людей, что оно преступно. Сейчас наш уважаемый аксакал пойдет и выступит перед московскими учеными от имени народа.

К р п и ш б а й. Это идея. И как тебя осенило, Асеке?

А с а н. Да... по глупости чуть себе шею не сломали.

К р п и ш б а й. В том-то и дело!

А с а н. Идемте, идемте, аксакал. Я вас сведу с московскими учеными. Там вы и изложите свои мысли. А ваши слова стенографистка все до единого запишет. Устное заявление не улетит дальше аула, но на бумаге оно достигнет ушей самого аллаха! Кто знает, может, даже сам Жайдаров прочтет его!

Зал. В углу приглушенно разговаривают Асау Букен, Винтер, Кокшин, а стенографистки откровенно зевают.

Уважаемые гости! К вам пришел поделиться мнением один из уважаемых аксакалов нашего аула, товарищ... товарищ... Золотозуб... Вот черт, как ваше имя?

Золотозуб. Да я и сам забыл, как меня нарекли при рождении. Ты же знаешь, все аульчане, от мала до велика, зовут меня Золотозубом. Зовите так меня и вы. *(То и дело растягивает губы в улыбку, показывая золотой зуб.)*

Винтер *(по обыкновению пронзительно)*. Хорошо, пусть будет так. Мы рады знакомству с товарищем Золотозубом. Простите, чем вы занимаетесь?

Золотозуб. Я? Я... Я безработный!

Винтер *(смеется)*. Бросьте! Вы, разумеется, шутите! В стране не хватает миллионов рабочих рук... Кстати, если ваш эксперимент распространить на весь Союз, то за короткое время высвободится тридцать пять — тридцать восемь миллионов. У нас на селе заняты сорок миллионов человек, а между тем для высокомеханизированного сельского хозяйства достаточно всего пяти миллионов. И даже это количество желательно сократить. Если принять в расчет возможности современной науки и техники, темпы промышленного производства, то, думаю, село обошлось бы всего пятью миллионами рабочих рук. В этом смысле эксперимент, который вы проводите, имеет большое значение для будущего. Не так ли, Иван Сергеевич?

Кокшин. Конечно, Сергей Иванович. Я разделяю ваше мнение, а как представитель прессы могу только добавить, что мы, наряду с прочими нашими успехами, никогда не должны забывать трудовую и духовную победу двадцати трех молодых парней, двадцати трех передовиков-новаторов во главе с э... э-э-э... Асау Букеном.

Асау Букен. Ничего. Мне нравится, что вы меня зовете Асау Букеном.

Кокшин. И еще...

Крпншбай. Уважаемые гости, если взглянуть на проблему с точки зрения союзного значения, то, возможно, она непогрешима. Нам предстоит услышать это от товарища Асана, но пока послушаем голос народа. Аксакал Золотозуб живет в Кокузекке со дня его основания, когда-то был председателем колхоза. В общем, это известный и уважаемый всеми человек!

Золотозуб. Товарищи, я тот, кто закладывал фундамент колхоза «Кокузек», из которого впоследствии вырос наш совхоз. А когда-то на этом месте дымилось всего восемнадцать труб. Было у нас пятьсот овец и коз, тридцать лошадей и три брички. Потом,

в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, когда колхоз стал совхозом, у нас оказалось восемьдесят тракторов, сорок тысяч овец, а посевы свеклы достигли шестисот гектаров. В это время меня, извиняюсь, освободили от председательства, но все равно я оставался одним из первейших аткаминеров, то есть видных людей аула. Но в один прекрасный день к нам приехал этот сопляк. *(Показывает на Асау Букена.)* Целый год он ходил, бурча что-то себе под нос. Грозился, что сбежит, но, к несчастью нашему, остался. В нашем отделении сто двадцать дворов. В хозяйстве занято всего пятнадцать. Остальные, как говорят, эти... как их... моряки, остались за бортом... Товарищи, я и сам бывший моряк... У меня одиннадцать детей. Старший из них — Тозбек, после него идет Косшыбек, третий Колхозбек, меньшому Косманану — один год. Ну и как же мне, Золотозубу, прокормить их? А в ауле нет семьи, в которой было бы меньше шести детей. И поэтому у меня такой вопрос: как жить ста пяти семьям? Уйти в другие места, оставить родную землю, обжитую предками? Этого мы не можем. Что же нам теперь — березы доить? *(Вдруг, завопив во всю глотку и потрясая кулаками, набрасывается на Асау Букена.)* А виноват во всем вот этот сопляк, это он заморочил голову нашему директору! Ей-богу, наш директор — человек добрый, милосердный. У нас нет на него обиды. Только вот этот баламут замучил.

Асау Букен подходит к Золотозубу, снимает с него шляпу и кладет на стул.

А с а у Б у к е н *(насмешливо)*. Продолжайте, аткаминер.

З о л о т о з у б. Вот, убедились, какой он хулиган? А теперь, товарищи, я хочу остановиться на его моральном облике...

Неожиданно Золотозуб, выпучив глаза, хватается за живот и, согнувшись, застывает, как скрюченное изваяние. Потом, не меняя той же позы, выскакивает за дверь.

П р и г л у ш е н н ы й г о л о с. Что случилось?

К о к ш и н. Что это с беднягой?

А с а н. Посмотрите в окно!

М о л о д а я с т е н о г р а ф и с т к а *(смотрит в окно и закатывается безудержным смехом)*. Товарищи, язык не поворачивается сказать!..

Все выглядывают в окно, смеются.

К р п и ш б а й. Товарищи, есть предложение сделать перерыв...

А с а у Б у к е н *(заглубившись смехом)*. Итак, товарищи, пока наш уважаемый Золотозуб вернется с дальней дороги, переведем-ка дух.

З а н а в е с

Действие второе

Снова зал и часть фойе. Винтер и Букен, прохаживаясь, ведут беседу.

Винтер. И еще один совет. Умейте владеть собой. Я это говорю из дружеских чувств. Хотя, конечно, познакомился с вами совсем недавно. Да, недавно, однако заметил, что вы открыты, честны, без ложного самолюбия и трусости. Тем не менее не всегда эти качества приносят удачу. Скажу прямо, вы затеяли важное, нужное дело, но чтобы его осуществить, нужны... нужны... Как вам объяснить... Словом, нужны и хитрость, и ловкость. Без ловкости вы упустите то, что само пошло вам в руки. За два с половиной года вы доказали правоту своего дела, но это лишь одна сторона медали. *(Подходит к телефону.)* По-моему, ваш главный враг — предрассудки, вернее зачерствевшее сознание тех, кому неведомы широта души и высота устремлений. Именно они — непомерно гордые и в то же время косные — ваши судьи и вершители вашей судьбы. Следовательно, многое зависит от зачерствевших умишек. А чтобы противостоять им — нужны ловкость и немного сочувствия. Ваш характер должен быть... как бы получше выразиться... на поводу у вашего ума! *(Раскатисто смеется, довольный удачной фразой.)*

Асау Букен пристально смотрит на него.

Что это?

Асау Букен. Ну, телефон.

Винтер *(будто насмехаясь)*. В самую точку попали. Теперь эта штука есть почти в каждом аульном доме. Верно?

Асау Букен. Ну и что?

Винтер. Как «ну и что»? Этот телефон получил право на существование лишь через сто два года после того, как его придумали. Знаете ли вы, сколько людей выступали против него? Для истории человечества пятьдесят лет ничего не значат. Мы иногда любим приводить в пример Соединенные Штаты. Но ведь для того чтобы достичь нынешнего уровня, Америке потребовалось двести лет, то есть целых два столетия!

Асау Букен. Сергей Иванович, я тоже имею высшее образование...

Винтер. Эх, молодость, молодость... А ведь вы и не подумали, что можете обидеть пожилого человека, а?

Асау Букен (*искренне*). Извините, Сергей Иванович. Хоть по моему виду и незаметно, но на душе у меня муторно. Порой просто выхожу из себя. Почему зачастую ученые ломают головы над простыми детскими задачками? Помните Левина из «Анны Карениной»? Его размышления о смысле жизни, о загадке мироздания? И что же? Не в пример образованному господину мужик в лаптях давно уже решил для себя эту загадку. Смысл жизни для него ясен, как дважды два — четыре. В детстве я задавал взрослым бесчисленные вопросы и на все получал ответы. Теперь я задаю эти же вопросы самому себе и не нахожу ответа. К примеру, хотя бы тот же самый вопрос: почему люди не понимают, что дважды два — четыре? Почему? Почему? Почему? От этих мыслей порой голова кругом идет. Хочется бросить все и уйти куда глаза глядят.

Винтер. Понимаю... понимаю...

Продолжая беседовать, они удаляются в глубь зала.
Входят Асан и Крпшбай.

Асан. Уф... Даже голова закружилась... что теперь делать, а?
Крпшбай. А вот что! Если Булатов потерпит поражение...
Асан. Отступать поздно. Будем идти дальше?

Крпшбай. В том-то и дело, что отступить еще не поздно.
Асан. В таком случае вы сами...

Крпшбай. Почему я? Совхоз твой. Притом ты сам дал дорогу активу. Печать у тебя, а не у меня.

Асан. А если Булатова скинут?

Крпшбай. Его поражение — твое поражение. Мне ничего не сделается. Я человек посторонний.

Асан. Эх, Крепке, скользкий вы человек, скользкий... Этим и держитесь. Расправиться с Букеном мне легко — издам приказ, хлопну печатью, и все. А что, если Булатов победит?.. Тогда нам обоим не видать славы, которая сама шла в наши руки!

Крпшбай. Почему обоим? Я тут при чем?

Асан. Крепке, как же не обоим? Ведь если я потону, то и вы за мной. Ведь я, наверное, не просто уйду, а еще и захвачу с собой кое-кого...

Крпшбай. Ну хватит, я и сам знаю, что мне никакой выгоды топить тебя. Пойдем начнем, а что будет дальше, посмотрим.

Зал. Асан, Крпшбай, Винтер, Кокшин, Асау Букен, стенографистки.

К р п и ш б а й (*встав с места*). Товарищи, мы продолжаем задушевную беседу за круглым столом... А где... товарищ Золотозуб?

А с а н (*подняв телефонную трубку*). Кто это? Алло, это я! Соедини меня с комитетом комсомола. Алло, Тана, это ты? Золотозуб у тебя? Приведи его, пожалуйста, сюда.

Проходит некоторое время. Входят Т а н а и З о л о т о з у б, садятся.

К р п и ш б а й. Товарищи, теперь мы, кажется, все в сборе. Начнем. Слово предоставляется товарищу Золотозубу.

З о л о т о з у б. Так, на каком вопросе я остановился?

А с а у Б у к е н. Вы остановились на вопросе о моем моральном облике.

З о л о т о з у б. Смотрите-ка! Он еще и насмехается над нами!

В и н т е р. Товарищи, ваша казахская пословица гласит: «Недалекий человек берется за неразрешимую тяжбу». Чем попусту спорить, перейдем лучше к делу. Мы пришли сюда не для того, чтобы разбирать персональное дело товарища Искакова, а для ознакомления с опытом работы второго отделения совхоза «Кокузек». Сегодня нас интересует именно это (*с упором*), если не ошибаюсь. Если я ошибся, готов понести наказание.

К р п и ш б а й (*надувшись*). Да, вы правы. Мы собрались для того, чтобы решить дело чрезвычайной важности.

З о л о т о з у б. Я представитель народа. Это зажим критики! Вы не имеете права!

Входит С т а р у х а.

С т а р у х а. Асанжан, айналайын. Вам тлграм.

Протягивает телеграмму. Пробежав ее глазами, Асан изменяется в лице.

Он то вскакивает, то снова садится.

А с а н (*сам с собой*). Какое сегодня число?..

А с а у Б у к е н. По современному летосчислению, 25 августа 1982 года, а по хаджре...

С т а р у х а. Асанжан, я пойду, пока придет келин, надо прибраться в доме... Дай-ка ключ...

А с а н (*как будто во сне*). Какая келин? Какая еще невестка? Ах, да, да! (*Вдруг взрывается*.) Что вы несете? Не вмешивайтесь не в свое дело! Идите!

С т а р у х а. Почему вы кричите на меня? В тлграм так и написано! О аллах, что это с ним?

А с а н. Смотри, какая грамотная! (*Не может сдержаться*.) Исчезните!

К р п и ш б а й. Асан, что с тобой?

А с а н (*едва приходит в себя*). Я... так просто... что-то с нер-

вами... Извините, простите... Да, вам нужно пойти убрать квартиру...
(Протягивает уборщице ключ.)

Старуха поворачивается, чтобы уйти. Тишина.

К р п и ш б а й. Товарищи, продолжим наше совещание.

Старуха входит вновь, хочет что-то сказать Асану, но, не решаясь, топчется на месте.

Слово предоставляется товарищу Золотозубу.

З о л о т о з у б (Старухе). Эй, старая, не уходи! Ты здесь нужна! Так вот, этот бюрократ перестал прислушиваться к желаниям народа. Я уже не говорю о восьмидесяти семьях, оставшихся по его вине без работы, а теперь он стал коситься еще и на наши крохотные личные наделы. Он довел нас до того, что мы не смеем даже сорвать пучок травы в степи, хотя ее там сколько угодно! Так что же теперь нам, труженикам, помирать с голоду?

А с а у Б у к е н. Ишь, что говорит — помирать с голоду! Сергей Иванович, Иван Сергеевич, я вам сейчас все объясню. В нашем совхозе строится завод по производству кормов. Люди, за которых заступается этот человек, уже потянулись туда. Но, как известно, на заводе не бывает должности аткаминера, причем первейшего аткаминера. Вот что волнует этого человека. (Поворачивается к Золотозубу.) «Помрем с голоду!» Это ты-то помрешь с голоду?! У тебя у одного семьдесят овец-коз, три кобылы, две коровы, полный двор уток и гусей!

З о л о т о з у б. Эй, сопляк, брось копать яму другому, а то сам в нее попадешь! У меня не семьдесят, а всего шестьдесят пять голов скота.

А с а у Б у к е н. Виноват, откуда мне знать о сокращении вашего стада на пять голов? Гостей вы вроде не звали. Разве что взятки давали.

З о л о т о з у б. Ты смотри!.. Издевается, сопляк!.. (Вдруг повышает голос.) Сейчас я сорву с тебя маску! За три года этот проходимец обманул и бросил трех совсем еще юных девушек!

А с а у Б у к е н. Аксакал!..

З о л о т о з у б. Да, да, вот так! Хоть волком вой, мне-то что! Вот у меня в блокноте записано. Дочь Карамурата опозорил? Опозорил!

А с а у Б у к е н. Аксакал!

З о л о т о з у б. Дочь Абдоллы до сих пор не может смотреть в глаза людям! Что ты на это скажешь?!

А с а у Б у к е н. Аксакал...

З о л о т о з у б. Ты обещал дочери Актая, что женишься на ней, но в конце концов оставил и ее в слезах. Так? Так!

Асау Букен. Клевета!

Золотозуб. А о том, что ты любовник невестки Такабая, знаю не только я, но и весь аул.

Асау Букен. И тебя еще аксакалом называют, подлая твоя душонка!

Старуха. Ойбай! *(Падает в кресло, потом вскакивает.)* Головушка моя несчастная, что он говорит, ойбай! О, чтоб мне оглохнуть, что я слышу, ойбай! О, чтоб мне ослепнуть, ойбай! Позор на мою голову! Позор! Как теперь быть мне, ойбай!.. Чтоб тебе сдохнуть, Букен, проклинаю тебя, ойбай!.. *(Подбежав, царапает Букену лицо. Асау Букен, обхватив ее, держит.)*

Асау Букен. Апа, что вы сплетне поверили?

Винтер. Товарищи!

Кокшин. Товарищи!

Старуха. Ойбай, позор-то какой, ойбай!.. Теперь и глаз не поднять, ойбай!.. Это же пятно на весь наш род!.. О, проклятый мир, чтоб тебе сгинуть, ойбай... О, разбойник, проклятие на мою голову, если я не покараю тебя! Пусть обрушится гром господний на тебя, ойбай!.. О, ойбай, ойбай!

Винтер. Что тут происходит в самом деле?

Крпшбай. Товарищ Золотозуб. Вы...

Золотозуб. Не зажимайте критику!.. Вы не имеете права затыкать мне рот! Я говорю от имени широких масс — запомните! Эта старуха тоже говорит от имени народа!

Крпшбай. Нет-нет, я не зажимаю критику. Но...

Золотозуб. Вот, смотрите, у меня все аккуратно записано! *(Вынимает из кармана записную книжку.)* Сейчас я вам прочитаю. *(Читает.)* Шестого марта тысяча девятьсот семидесятого года... *(Вдруг снова хватается за живот и выбегает во двор.)*

Асау Букен. Ухот-шейк. И такого человека вы приглашаете на совещание и даете ему возможность молотъ языком, что ему вздумается, а?

Крпшбай. В том-то и дело. Демократия!

Асау Букен. Демократия... Знаю я вашу демократию!.. Два с половиной года вы не давали мне покоя, а теперь сочувствуете? Кто мешал мне и в большом, и в малом? Вы! Кто затягивал почин, получившее «добро» во всех инстанциях? Вы! Кто, нагло перевирая факты, организовал дело в тысячу страниц о преступлении против социалистической собственности во втором отделении совхоза «Кокузек»? Вы!

Винтер. Букен! Я же советовал вам!

Асау Букен. Извините, но я не способен на подхалимство! Этот Крпш *(показывает пальцем на Крпшбая)* специально привел

сюда Золотозуба. Узнал, что Жайдаров и Булатов перешли в открытую схватку, и испугался за собственную шкуру!

К о к ш и н (*положив руку на плечо Букену*). Букен! Дружище, успокойся!

А с а у Б у к е н. Хватит с меня! Сколько можно быть спокойным?! Вот где у меня это спокойствие! (*Чиркает ребром ладони по горлу.*) Два с половиной года этот Крп и ш б а й пикнуть мне не давал, можно сказать, душил, как мог, а теперь прикидывается...

К р п и ш б а й. Товарищ Искаков, вы ошибаетесь. Я пока еще ничего не говорил ни о вас, ни об эксперименте. Когда придет мой черед, скажу. Еще как скажу...

А с а у Б у к е н (*чуть не задыхаясь от возмущения*). Я знаю, что вы будете говорить, наизусть знаю! Можете не прятать камень за пазухой. Сначала вы скажете, что я подлец, потом, что двадцать три проходимца присвоили, поделив между собой, государственные деньги. О, я отлично изучил каждый изгиб вашей подленькой души!

К р п и ш б а й. Эти слова не я вложил тебе в рот. Не зря говорят, что на воре шапка горит. Но я скажу обо всем в свое время. А пока ответь на пару вопросов. (*Вынимает из кармана записную книжку, читает.*) Вопросы вот какие. Первый: можешь ли ты показать нашим уважаемым гостям хотя бы одну ведомость о получении зарплаты с росписями рабочих?

А с а у Б у к е н (*усмехаясь*). Нет, не могу!

К р п и ш б а й. Почему?

А с а у Б у к е н. Мы верим друг другу.

К р п и ш б а й. Хорошо. Второй вопрос: за два с половиной года вы получили в кредит триста шестьдесят тысяч рублей, не так ли?

А с а у Б у к е н. Триста шестьдесят одна тысяча пятьсот сорок три рубля тридцать семь копеек.

К р п и ш б а й. Знаю. Я говорю округленно.

А с а у Б у к е н. Там, где речь идет о счете, никаких округленных сумм быть не должно.

К р п и ш б а й. Хорошо. А теперь ответь: на что ты израсходовал эту сумму?

А с а у Б у к е н. Пожалуйста, я израсходовал ее на строительство, купил технику, выдал рабочим зарплату, начал строить завод.

К р п и ш б а й. Пусть будет так. Но как ты это докажешь? У тебя есть подтверждающие документы?

А с а у Б у к е н. Но ведь эксперимент-то нацелен как раз на освобождение от бумажной волокиты!

К р п и ш б а й. Еще неизвестно, что такое эта ваша безнарядная система — экономия конторской работы или система беспримерного надувательства, обмана государства, хищения государственных средств!

А с а у Б у к е н (*еле сдерживаясь*). Что еще скажете?

К р п и ш б а й. Дорогой, отвечайте на мой вопрос без всяких там выкрутасов. (*Стенографисткам.*) Записывайте все, не упускайте ни одного его слова...

П о ж и л а я с т е н о г р а ф и с т к а. Можете не беспокоиться.

К р п и ш б а й. Хорошо. Итак, товарищ Исаков, я весь внимание.

А с а у Б у к е н (*старается отвечать спокойно, обстоятельно*). Тогда слушайте. Система безнарядного звена — это новый способ руководства хозяйством, повышения производительности труда.

К р п и ш б а й. Я не удовлетворен вашим ответом. И все же перейдем к следующему вопросу. Вы знаете размеры месячного оклада управляющего отделением совхоза?

А с а у Б у к е н. Знаю. Сколько заработает, столько и получает.

К р п и ш б а й. А вы?

А с а у Б у к е н (*срывается*). Что это? Допрос? Прицепился, как клещ!

К р п и ш б а й (*нарочито спокойно, с издевкой*). Товарищ Исаков, поберегите свои нервные клетки. У каждого из нас есть характер, и поэтому лучше держать себя в руках.

У Асау Букуна вздуваются вены на висках. Он стучит кулаком о кулак, хватается за лоб, потом, как человек донельзя уставший, опускается на стул.

А с а у Б у к е н (*через некоторое время*). Я... Я не виноват, что строил вдвое больше управляющих другими отделениями совхоза.

К р п и ш б а й. Вот, вот! Правда начала приоткрываться. Итак, в чем же дело?

А с а у Б у к е н. А в чем оно должно быть, по-вашему?

К р п и ш б а й. Если вы не понимаете, я могу повторить свой вопрос. Управляющие первым и третьим отделениями получают зарплату вдвое меньше вас. В чем тут дело?

А с а у Б у к е н. Видимо, в том, что я расхититель?

К р п и ш б а й. Запомните, и эти слова не я вложил вам в рот.

А с а у Б у к е н. А теперь не разрешите ли и мне задать один вопрос? Знаете ли вы, что зарплата двадцати трех рабочих нашего отделения такая же, как у меня? По-вашему выходит, что и они являются расхитителями?

К р п и ш б а й. Почему бы и нет?

А с а у Б у к е н (*вскочив с места, устремляется к Крпшбаю*). Ах ты, кровосос! Да я сейчас придушу тебя! (*Схватив за глотку, принимается душить, но все сообще разнимают их.*)

В и н т е р. Товарищи... товарищи...

Пожилая стенографистка. Ой, какой позор!..

Кокшин (*указывая на Крпшбай*). Стрелять надо таких! Это же змея подколодная!..

Пожилая стенографистка (*молодой*). Сколько раз я говорила тебе, что мы не должны вмешиваться в их дела!

Молодая стенографистка. Господи! Мы ведь тоже живые люди! Как можно спокойно наблюдать, если человек грызет человека, словно собака! (*Плачет.*) Все, у меня кончилось терпение!..

Винтер. В таком случае, Иван Сергеевич, наверное, нет смысла продолжать это, с позволения сказать, совещание?..

Кокшин. Да, в самом деле. Я думал, что мы собрались здесь, чтобы искать истину, но рискуем потерять ее вовсе.

Винтер. Я вижу, что из нашего разговора ничего не выйдет.

Крпшбай. Успокойтесь, товарищи! Вы же видели, как этот придурок чуть не задушил меня! Я вам не бедный родственник, не шалай-валяй, а поверенный представитель Облсельхозуправления. Я никогда не прощу этого издевательства! (*С легкостью, присущей коварным, тертым людям, вновь берет себя в руки.*) Ладно, товарищи, об этом разговор особый. Как говорится, у страха глаза велики, видимо, тебе, Букенжан, показалось, что здесь собрались противники эксперимента для того, чтобы свести его на нет. Не-ет, ты ошибаешься. Это я говорю тебе официально. Мы собрались здесь, чтобы выяснить и обсудить с нашими уважаемыми гостями Сергеем Ивановичем и Иваном Сергеевичем, кто прав, а кто ошибается, и решить эту особо важную проблему. Букенжан, если твой эксперимент будет одобрен и рекомендован к всеобщему применению, я буду рад не меньше тебя. Ведь мы из одного племени. Ради общей цели мы с утра дерем здесь глотки. Если я задал тебе два-три вопроса, задевающих твое самолюбие, что ж в том такого особенного? Не-е-ет, мы с тобой, как говорится, с одного корабля, значит, и отвечать нам вместе. Букенжан, дорогой мой, ты не переживай, это еще ничего, тебе еще не такие вопросы зададут, не такие еще насмешки извешиваешь! Понимаю, ты еще молод, извилястая тропа жизни кажется тебе накатанным шоссе. Жизнь не арык, чтобы перешагнуть ее, а река с сильным течением. Ты парень умный, грамотный, а значит, и перспективный. Лично я преклоняюсь перед твоим умом и смелостью. У тебя беспокойная душа, а это редкость в наше время. Однако при всем при этом я не пойму, как ты мог подумать обо мне, о человеке, готовом в любую минуту прийти к тебе на помощь советом и делом, плохое, ведь я же твой коллега, твой друг, можно сказать. Нет, нет, ты ошибаешься. Я всей душой за новое. Но в любом деле нужна осторожность, нельзя быть глупой бабочкой, летящей прямо на огонь. Сам подумай, ты здесь от имени

государства, то есть от имени народа ворочаешь тысячными суммами. Это не шутка, здесь необходимо бдительное, зоркое око стража порядка!

А с а у Б у к е н. И кто же тогда это «бдительное око»? Уж не вы ли?

К р п и ш б а й. А кто же еще?

А с а у Б у к е н. Значит, «бдительное око» должно контролировать не кого-нибудь, а именно меня и мой эксперимент, да?

К р п и ш б а й. Я — государственный человек.

А с а у Б у к е н. А я тогда чей человек? Выходит, вы более необходимы государству, чем я? Вы же только что говорили, что мы из одного племени. Два с половиной года вы неоднократно уговаривали меня отречься от эксперимента, но я с самого начала понял причину этого. Моя победа — означает ваше поражение. Проведение эксперимента в жизнь — приговор вашей диссертации.

К р п и ш б а й. В таком случае, товарищи, я как руководитель собрания... *(Звонит телефон.)*

А с а н. Алло. Это я. Хорошо. Сейчас *(Винтеру.)* Извините, вы продолжайте, а у меня срочное дело.

Тана и Асан выходят в фойе.

Тана, я прошу тебя об одном... Только пойми меня правильно... Может, ты сама прочтешь?.. *(Протягивает телеграмму. Тана, прочитав, удивленно смотрит на него.)* Как, ты не поняла? Там же написано черным по белому. Приезжает моя жена...

Тана. Как это жена? Вы же говорили, что она умерла.

Асан. Верно, я вычеркнул ее из своей жизни, но, как видишь, она оказалась жива... Дело вот в чем... Она сошла с ума. Нам сказали, что она неизлечима, и мы определили ее в больницу... Это было три года назад... И вот теперь она выслала телеграмму, мол, вылечилась, еду домой... Да... и вправду беда не ходит одна.

Тана. Да что же это происходит такое?

Асан. Я и сам не знаю.

Тана. Вы... Вы... *(Закрыв лицо руками, падает в кресло.)*

Асан. Я действительно скрывал это от людей. Ведь они могли подумать, что жена сошла с ума по моей вине... Тана, ты пойми меня правильно... Ну, а теперь... Теперь я...

Тана *(вдруг прыдя к твердому решению)*. Не беспокойтесь, Асан-ага, вы свободны.

Асан. Как «свободен»? О чем это ты?!

Тана. Я выдержу все — и пересуды, и насмешки, лишь бы вам это не повредило. Встречайте свою жену как ни в чем не бывало. Я уеду отсюда.

Асан. Как же так?.. А где любовь? Где уговор?..

Т а н а. Любовь приказывает нарушить уговор ради любимого.

А с а н. Нет, значит, ты не любишь меня. Иначе не бросила бы в беде.

Т а н а. Наоборот, я хочу помочь вам.

А с а н. Но ведь столько людей знает о нашей предстоящей свадьбе! Мы же опозоримся... Боже, и все из-за какого-то ожившего призрака...

Т а н а (*улыбнувшись*). Я не пойму, что вас мучает?

А с а н. Эх, дитя ты и есть дитя! Как я посмотрю теперь людям в глаза? Ты же топчешь мои чистейшие помыслы, мою любовь к тебе!

Т а н а (*раздраженно*). Разве такие чурбаны, как ты, способны на любовь? Три года водил меня за нос, а теперь зарядил: «Любовь, любовь»... (*Сама с собой.*) Боже, что со мной, почему я кричу? Тана, успокойся... (*Загибает пальцы.*) Раз, два, три, четыре, пять... (*Но опять не выдерживает.*) Не подлизывайся!.. Какая может быть любовь у человека с убогой душой, без чести и совести?! Тюфяк! Дубина!

А с а н. Ах, вон ты как! Ишь, недотрога! А я-то, дурак, хотел из тебя человека сделать! Сколько труда зря потрачено! Ты же была обглоданной костью, брошенной Кодаркулом, а я, несчастный, на тебе на такой хотел жениться!..

Т а н а. Вот, вот, наконец-то, ты сказал то, что хотел. А то все «люблю», «умираю». Эти слова в твоих устах звучали так странно! Вы же уважаемый на весь совхоз человек! Благодетель, пожалевший бедную сиротку, снизошедший до одинокой вдовы! Спасибо! По гроб буду помнить!

А с а н. Ты меня не так поняла... Я имел в виду...

Т а н а. Я уже поняла, что ты «имел в виду»!.. (*Про себя.*) Расхлебывай теперь... Ах, чтоб тебя, Тана!.. Так тебе и надо... Отдала ему все, что могла, а теперь сиди у разбитого корыта! (*Асану.*) Вон отсюда!.. Подлец!

Асан уходит.

Зал. К присутствовавшим ранее присоединились Асан и Золотозуб.

К р п и ш б а й. Дальше, товарищи! Итак, четырнадцатый вопрос. Почему вы взялись за это чреватое неприятностями рискованное дело? Какую цель вы преследовали? Тысячи молодых специалистов вроде вас вовсе не бьют в колокола, не мечутся, как на пожаре, а потихоньку, день за днем, выполняют свои повседневные обязанности. Почему вы избрали такое трудное, сомнительное дело? Повторяю, что вас толкнуло на это?

А с а у Б у к е н. Нашли о чем спрашивать! Я-то отвечу, но вы мне все равно не поверите.

К р п и ш б а й. А-а, вот как! Если я не ошибаюсь, вас вдохновили патриотизм, любовь к родине, святое желание принести пользу обществу. Ведь вы это хотели сказать?

А с а у Б у к е н. Да, когда дело доходит до красноречия, вы можете смутить шайтана!

К р п и ш б а й. Хорошо, допустим, вы думали о пользе общества.

А с а у Б у к е н. Только без «допустим»!

К р п и ш б а й (*едко усмехнувшись*). Пятнадцатый вопрос. Как вы относитесь к честолюбию? То есть прельщает ли вас слава?

А с а у Б у к е н. Я вам отвечу. Слава возвышает человека. Она — украшение мужчины. Пройти по жизни приниженно и неприметно постыдно для мужчины, это все равно что ходить нагишом.

К р п и ш б а й. Отсюда вытекает следующий вопрос. Получается, что вы хотели возвыситься за счет нужд общества, принеся в жертву своему честолюбию интересы народа?

А с а у Б у к е н. Как это так?!

К р п и ш б а й. Спросите у себя. Это вы привели нас к такому выводу.

А с а у Б у к е н (*исчерпав все доводы, опускается в кресло*). Опять двадцать пять! Ты ему о Фоме, а он о Ереме! Не пойму, то ли у вас склероз, то ли что-то со мной не в порядке.

К р п и ш б а й. Не в порядке?.. В таком случае возникает еще один вопрос. Не состоите ли вы на учете в областном психоневрологическом диспансере?

А с а у Б у к е н. Товарищи! Товарищ Винтер, товарищ Кокшин, что он несет? Как они смеют издеваться над человеком?

А с а н. Я проверял, не состоит!

А с а у Б у к е н. Вот это да! Проверял, значит?! А я-то вас за человека считал! Ух, змея! Убью! Обоих убью!.. (*Вскочил было с места, но тут же сел.*) О-о-о!.. Сколько крови вы испортили мне за два с половиной года! Со свету готовы были сжить. За что вы меня так? Что я вам сделал плохого? Я и умолял вас, и пытался подладиться! Разве я перебегал кому-нибудь из вас дорогу?! (*Долгая пауза. Другим тоном.*) Я понял вас, но сказать язык не поворачивается... Дорогие мои! Дайте мне до конца провести эксперимент! Или хотя бы подождите до февраля следующего года, до подведения годовых итогов! Если эксперимент не оправдывает себя, то прикройте его и отдайте меня под суд! Я готов к любому наказанию, Крпিশбай-ага, Асан-ага, я на коленях...

К р п и ш б а й. Кто здесь говорит, что мы против вашего эксперимента? Чем умолять нас, лучше докажите нашим уважаемым

гостям эффективность защищаемого вами нововведения. Ты говорил целых полчаса, а толком ничего не сказал. Следовательно, ты и сам ничего не понимаешь! Как же такому полужнайке можно доверить судьбу целого хозяйства? При любом исходе дела ты никаким образом не пострадаешь. Самое худшее — освободят от должности. Ты еще молод, а значит, сможешь попробовать силы и в другом месте. В конечном счете отвечать будет директор совхоза — Асан. Позволит ли он вести дальше эксперимент или не позволит — это его забота. Я думаю, что Золотозуб и товарищи ученые не будут вмешиваться в это сомнительное дело.

В и н т е р. Конечно, мы не имеем права вмешиваться без веских причин. Но у нас есть своя позиция по этому вопросу, и мы будем ее придерживаться.

К о к ш и н. Я присоединяюсь к Сергею Ивановичу.

К р п и ш б а й. Да, по этому вопросу не может быть одного мнения. Как видите, экспериментатор и сам не может всесторонне объяснить суть начатого им дела. А на голом желании и пустом энтузиазме далеко не уедешь.

З о л о т о з у б. Дайте мне слово. Я готов.

К р п и ш б а й. Говорите.

З о л о т о з у б (*вытащив из кармана блокнот, читает*). «Четырнадцатого августа тысяча девятьсот семидесятого года... на тое у Буркитбая Асау Букен лежал в стельку пьяный под столом...» Так... Дальше... «Двадцать шестого августа тысяча девятьсот семидесятого года...» Ой!.. (*Опять хватается за живот и бежит.*)

К р п и ш б а й. Товарищ Золотозуб, подождите, что с вами?

З о л о т о з у б. Извините, Кркеке, вчера на поминках у старика Сарсембая я глодал кость и нечаянно проглотил зуб. Зуб-то не простой, а из золота. Вы же знаете, что в наше время золото дороже всего, дороже самого человека. Вот я и бегаю, жду свой зуб.

А с а у Б у к е н. О, несчастный!

М о л о д а я с т е н о г р а ф и с т к а (*со смехом*). Это исключительный случай остаться в истории!

П о ж и л а я с т е н о г р а ф и с т к а. Я же сказала — не вмешивайся в чужие дела. Сиди себе и помалкивай.

А с а н. Что это за люди? Стоят перед дверью клуба, кого-то ждут. В руках дубинки, у некоторых даже ружья.

Все устремляются к окну. Снаружи доносятся крики, шум. В зал врывается
С т а р у х а.

С т а р у х а. Где этот бродяга? (*Асау Букену.*) А-а, попался! Выходи на улицу, пока жив! Скажи вон потомкам Алдарбека всю правду! Боишься?! Чего ж тогда лез в чужой огород, а? Опозорил мою невестку, как теперь людям в глаза смотреть?! Выходи! Если

неправда — оправдайся! А не то — двум смертям не бывать, а одной не миновать!

А с а у Б у к е н. Апа, что с вами?

К р п и ш б а й (*«дружески» похлопывает его по плечу*). Букенжан, выйди, милый. А не то эти придурки могут ворваться и сюда. Подумай о наших гостях. Я не за себя, я за них боюсь...

А с а у Б у к е н. Да, да, я, пожалуй, выйду.

Асау Букен и Старуха выходят.

С улицы доносятся крики, шум, ругань, треск дубинок.

В и н т е р (*подбегает к окну*). Товарищи! Его же убьют! Что вы смотрите?!

Все гурьбой бегут к двери. Но опередивший их Крпшбай запирает дверь на ключ.

К р п и ш б а й. Я отвечаю за вас! Никто и шага не сделает из этой комнаты! Мало ли что может случиться!

К о к ш и н. Они же убьют его!

С т е н о г р а ф и с т к и. Так что же вы стоите?

Винтер подбегает к окну, хочет взобраться на подоконник, Крпшбай, схватив в охапку, оттаскивает профессора от окна.

П о ж и л а я с т е н о г р а ф и с т к а. Букен бежит! Откройте скорее дверь!

Крпшбай открывает дверь. Входит смеясь Букен.

А с а у Б у к е н. Пришли поугагать, а их всего-то две старухи, два старика, три золотозуба и один пьянчужка! Вот только старуха Кокпая мне лицо поцарапала.

В и н т е р. Конечно, мы не имеем права вмешиваться. Но относительно этого дела у нас есть определенное мнение — о нем будет известно и в области, и в Алма-Ате, и в газетах. До свидания.

К р п и ш б а й. Сергей Иванович, Иван Сергеевич, вы, наверное, не так поняли!

А с а у Б у к е н. Крепче, идите-ка сюда.

К р п и ш б а й. Ну, что скажешь?

А с а у Б у к е н. Думаете, что победили, да? Да, вы растоптали мою наивную мечту! Но это ваша самая последняя победа. Так что не очень-то радуйтесь! Я рук не опущу, а у вас даже мечты нет. Сегодня не я, а вы погибли!

К р п и ш б а й. Это мы еще посмотрим... Хотите выжить меня из аула? Мой уход есть закрытие эксперимента. А закрытие экспери-

мента означает возрождение золотозубов. Когда же золотозубы окажутся на конях, крпшбаям жить будет очень спокойно. Так что вряд ли у вас что-нибудь получится.

М о л о д а я с т е н о г р а ф и с т к а. Я верю в вас, Букен. У вас все еще впереди. А этот день для вас — счастливый день. Ведь если вы и проиграли, то в начале пути, а они, если даже и выиграли, то в конце. Чувствуете разницу?

А с а у Б у к е н. Конечно, мне, вероятно, предстоит изведать еще немало поражений. Но каждое мое поражение — это еще одна победа. И будущее — за мной. Потому что я никогда не устану мечтать!

З а н а в е с

Э п и л о г

Приемная. Справа дверь, обитая черным дерматином, — в кабинет начальника. Слева дверь без дерматина — в кабинет заместителя. Секретарь-машинистка. Бесчисленные телефоны. В секретарше нетрудно узнать знакомую нам молодую стенографистку. Входит Первый Асау Букен.

Первый Асау Букен. Можно?

Секретарша. Входите, вы к кому?

Первый Асау Букен. Начальник у себя?

Секретарша (*нехотя*). М-м... Допустим...

Первый Асау Букен. Тогда я зайду к нему. (*Направляется к двери.*)

Секретарша (*испуганно*). Нет-нет, нельзя. Он готовится к докладу.

Первый Асау Букен. Тогда я подожду.

Продолжительное молчание.

Вы твист танцуете?

Секретарша. При чем тут твист?

Первый Асау Букен. Так просто...

Молчание. Входит Второй Асау Букен.

Второй Асау Букен. Можно?

Секретарша. Входите, вы к кому?

Второй Асау Букен (*свободно*). Начальник у себя?

Секретарша (*нехотя*). М-м... Допустим...

Второй Асау Букен. Тогда я зайду к нему. (*Направляется к двери.*)

Секретарша (*испуганно*). Нет-нет, нельзя! Он готовится к докладу.

Второй Асау Букен. Тогда я подожду.

Продолжительное молчание.

Вы твист танцуете?

Секретарша. При чем тут твист?
Второй Асау Букен. Так просто...

Молчание. Входит Третий Асау Букен.

Третий Асау Букен. Можно?

Секретарша. Входите. Вы к кому?

Третий Асау Букен (*свободно*). Начальник у себя?

Секретарша. Допустим...

Третий Асау Букен. Тогда я зайду к нему. (*Направляется к двери.*)

Секретарша (*испуганно*). Нет-нет, нельзя! Он готовится к докладу.

Третий Асау Букен. Тогда я подожду.

Продолжительное молчание.

Вы твист танцуете?

Секретарша. При чем тут твист?

Третий Асау Букен. Так просто...

Молчание. Из узкой двери слева, как из щели эпохи, выходит Крп и ш б а й.

Крп и ш б а й. О!.. (*Увидев трех похожих друг на друга людей, останавливается в удивлении.*) Вы... Вы... вы кто будете?

Первый Асау Букен. Я?

Второй Асау Букен. Я?

Третий Асау Букен. Я?

Крп и ш б а й. К кому вы пришли?

Асау (*хором*). Нам нужен начальник.

Первый Асау Букен. Я претворяю в жизнь эксперимент товарища Искакова. Но недоброжелатели не дают проходу. Пришел пожаловаться.

Второй Асау Букен. Я тоже претворяю в жизнь эксперимент товарища Искакова. У меня тоже куча недоброжелателей. И я тоже пришел жаловаться.

Крп и ш б а й. Ну, а вы?

Третий Асау Букен. Я тоже...

В это время дверь, обитая дерматином, распаивается и выходит сам Асау Букен.

Крп и ш б а й. Букен Исакович, эти люди ждут вас!

Асау Букен (*солидно, надменно*). По какому делу?

Крп и ш б а й. Букен Исакович, они все ваши последователи.

Асау Букен. А-а, последователи, ученики, новаторы, беспокойные души, да?! Ну что опять придумали? Не вы одни, многие

такие же желторотые юнцы расшибли здесь себе лбы! Каждый думает, что удивит мир. В передовики рветесь? А что, если я вас в порошок сотру?! Глаза выключю, по миру пущу?! Тогда вы не только о новаторстве, но и о родном отце забудете. Разве вы не знаете принципа: «Моя хата с краю — ничего не знаю»? Если хотите выбиться в люди — не высовывайтесь! Иначе или я прихлопну, или другие прихлопнут! Если хотите жить тихо, тоже не высовывайтесь! Не хотите накликать беды — опустите голову ниже! Хотите умереть своей смертью — не высовывайтесь! Пусть другие попадают в беду или выручают из беды. А вы знайте, что ваша хата с краю. В этом мире самый гениальный из насекомых — навозный жук. Он все лето готовит на зиму припасы, а потом преспокойно грызет их да лежит-полеживает! Дурни! Неужели вы глупее навозного жука?

Асау Букены начинают подбрасывать Асау Букена. Потом все четверо долго стоят, глядя друг на друга. Довольный Асау Букен заливается смехом.

Эх, последователи, последователи! Сколько ни старайся, а от вас не убежишь!

З а н а в е с

Посвящаю
вечной памяти
Героя Советского Союза
Алие Молдагуловой —
славной дочери казахского
народа, безвременно погибшей
в восемнадцать лет.

Автор

Калымен
для
Адам

В ЭТИХ СОБЫТИЯХ УЧАСТВУЮТ:

Сания Молдабекова.

Валя — подруга Сании.

Нуржан Молдабеков — отец Сании.

Тугырул Молдабеков — дядя Сании, работник НКВД.

Айжан (Ая) — жена Тугырула.

Муталип — родственник Молдабековых.

Ерлан — сослуживец Молдабекова.

Тульский — генерал армии.

Соловьев Василий Иванович — полковник.

Адъютант.

Немецкий офицер.

Немец в очках.

Дезертир.

Часть первая

Действие происходит в 1941—1942 годах.

Не счесть мечетей, превращенных в церкви, не счесть церквей, используемых вместо мечетей! Наша сцена напоминает одновременно и мечеть, и церковь. Это просторная обитель, крыша которой упирается в самое небо. А может быть, это не то и не другое, а просто-напросто — казахская юрта? Как бы то ни было, ее пространства вмещают в себя и густой сосновый лес, раскинувшийся под Ленинградом, и бескрайнюю казахскую степь с морем волнующегося ковыля, и городскую двухкомнатную квартиру Тугырула

Молдабекова.

Эта квартира являет собой удачное сочетание убранства Востока и Запада: в зале висит шерстяной ковер, на нем двухструнная домбра, у правой стены на столе красуется бесик — старинная колыбель, на стене слева — модный телефонный аппарат, и тут же на скамье — патефон, самовар... В дальнем углу сцены, на маленькой опушке густого леса, как гигантский ящер первобытных времен, чудовищно вытянув шею, стоит царица пушек — гаубица. В другом дальнем углу, среди моря волнующегося ковыля застыла каменная мать — балбал. В одной руке у нее тостаган — небольшая чаша, в другой сапы — короткий меч.

Яркий луч прожектора, на театральном языке «пистолет», неторопливо оглядев все это, натывается на вышедшего из блиндажа Немецкого офицера и удивленно кружит вокруг него. Немецкий офицер, ни о чем не подозревая, в хорошем расположении духа, насвистывая фашистский марш, подходит к гаубице, хлопает по вытянутой шее гигантского ящера и смеется каким-то своим мыслям.

Прожектор, понаблюдав некоторое время за Немецким офицером, вдруг вздрагивает, как от испуга, кидается в сторону и выхватывает из тьмы противоположный угол сцены. Там на снегу в белом маскхалате застыла, присев на одно колено со снайперским ружьем на изготовку, Сания.

Луч прожектора, как бы превратившись в оптический прицел снайперского ружья, снова отыскал Немецкого офицера и начал кружить на его груди.

Наконец черный крест прицела замер у самого сердца немца.

Офицер, почуяв неладное, вздрогнул и застыл на месте.

Сания. «Вот беда, что же теперь делать? Как быть с этой варью? Вот беда-то, беда!»

Поймав на прицел врага, Сания растерялась. Конечно, разговор между людьми на далеком расстоянии невозможен, и все же, следуя законам сцены,

эти двое как бы начали диалог. Чтобы показать, что мысленный диалог происходит в сознании Сании, мы заставим Немецкого офицера говорить голосом девушки.

Немецкий офицер. Господи, что это? Чувствую за собой чей-то неотступный взгляд. Говорят, что у русских есть замаскированные снайперы...

Сания. Почуял, зверюга? Смотри, как застыл! А-а-а, ну как, проклятый, жизнь-то дорога небось?

Немецкий офицер (*теперь он заговорил своим голосом. Это же театр, театр!*). Стоит мне шевельнуться — и эта нечисть нажмет на курок. Что же делать?

Сания. Что мне теперь делать? Нажать на курок? Но ведь тогда он умрет... А ведь и он, бедняжка, живое существо! Постой, Сания, подумай, подумай хорошенько!

Немецкий офицер. Постой, не стреляй, подумай! Ты же девушка, притом совсем молодая! Я тоже молод. Неужели так легко убить человека? Постой! Не стреляй! Успокойся!

Сания. Ишь, как запел! Соловьем заливается! Конечно, убить человека нелегко, но разве ты человек, разве в тебе есть что-нибудь человеческое?

Немецкий офицер. Что... что за чушь несет эта дикарка? Я — не человек?! Вот это загнула, мамзель! Я бы рассмеялся во все горло, но ты ведь тут же нажмешь на курок! Ах черт, до чего довела, шевельнуться не могу...

Сания. И все же жизнь-то дорога, а? Смотри, как застыл! Но что это за улыбка на лице? Насмешка или смирение? Мольба или...

Немецкий офицер. Мольба! Конечно же мольба! Я вынужден молить! Я думал, что никогда не умру, что смерть, гибель — удел слабых, безродных пигмеев, что если и придется отдать жизнь за великую Германию, то это будет в кровавой схватке, на виду, у... О, как жестоко посмеялась надо мной судьба! Кто бы мог подумать, что я погибну от пули подлой «кукушки», когда выйду справлять нужду! Кто бы мог подумать! О, судьба, конечно же я умоляю, я вынужден умолять! В моем нагрудном кармане лежит письмо к матери. Если сейчас «кукушка» нажмет на курок, она разнесет в клочки не только мое сердце, но и это письмо, святое сыновнее чувство. О варварство! Варварство!

Сания. Ты смотри, о матери заговорил! Что же получается, у тебя у одного мать, а у остальных — камни?!

В этот момент прожектор дрогнул и, оставив Санию и Немецкого офицера, опять заметался по сцене. Через некоторое время он нашел в правом дальнем углу море волнующегося степного ковыля и застывшую каменную святую — балбал с плоской чашей в одной руке и коротким мечом в другой.

И тут Сание вспомнилось ее далекое детство...

Отец — красный командир, рослому, широкогрудому красавцу так идет военная форма! Но еще идут усы — пышные, лихо закрученные, настоящие командирские усы...

Как-то отец повел Санию в степь...

На сцену выходят С а н и я и о т е ц. На плече Сании висит маленький лук.

О т е ц. Ну-ка, Сания, натяни тетиву! Ты — дочь казаха и должна быть метким стрелком! Ну-ка!

С а н и я (*сняв с плеча лук, целится в стоящую неподалеку балбал*). Папа, я сейчас попаду прямо в глаз этой каменной бабы. Ты же говорил, что меткие казахские стрелки попадают на скаку в глаз сайгака. Я хочу попасть в ее глаз!

О т е ц. Нет, дочка, не говори так! Это не каменная баба, это твоя мать, моя мать, наша общая мать! Она — мать всех казахов, да что там — мать всего человечества! Не целйся в нее, это грех, большой грех!

С а н и я. Как это — мать всего человечества?

О т е ц. Все человечество произошло от одной матери и от одного отца. Мы все произошли от праотца Адама и праматери Евы, поэтому казахи и называют всех людей «адам», по имени общего праотца. А эта каменная статуя — памятник, поставленный древними своей общей праматери. Поклонись святой матери, преклони колено, дочка!

С а н и я (*опустилась на колено перед святой матерью*). Если это мать, почему у нее в руке кинжал?

О т е ц. Но в левой руке у нее тостаган — символ благополучия, брызг может, в нем даже ее материнское молоко! Понимаешь? Материнское молоко!

С а н и я. И все же отчего она держит кинжал?

О т е ц. Это не кинжал, а сапы — род короткого меча. В ее руках символы. Чаша — пожелание народу изобилия и благополучия, меч — пожелание силы, способной защитить все это. Поняла, дочка?..

С а н и я (*задумавшись*). Если все человечество произошло от одного праотца и от одной праматери, то почему люди воюют, несут погибель друг другу?

О т е ц. Этот вопрос очень сложный, дочка, чтобы ответить на него... чтобы ответить на него...

Пржектор скользнул в сторону и снова осветил грозную гаубицу на опушке леса, застывшего возле нее Немецкого офицера и взявшую его на прицел Санию.

Н е м е ц к и й о ф и ц е р. Я умоляю, конечно же я умоляю! Эта дикарка готова разнести в клочки вместе с моим сердцем и мое письмо к матери, мою любовь к матери! Эй, ты же моложе меня, ты го-

дишься мне в сестренки, я умоляю тебя, подари мне жизнь, не стреляй, оставь меня в живых! Если я погибну, что будет с моей матерью? Мать, бедная моя мать! Ведь мы все произошли от матери! Лишить жизни — все равно что раздавить муху, но подарить ее никто, кроме матери, не может, я умоляю тебя — подари, подари мне жизнь!

С а н и я. Жизнь, жизнь...

Ленинградская квартира Тугырула Молдабекова. Начало страшной войны, но она еще не до конца показала свой чудовищный, звериный лик. Саня еще не испытала бурю противоречивых чувств, пока на душе ее светло. Уже утро, но С а н и я, нежась в постели, ленится подняться. Раздается звонок в дверь.

С а н и я. Кто это ни свет ни заря?

Встает, подходит к двери и открывает. За дверью — В а л я.

А-а, это ты, входи, входи, Валюша! А я-то думаю, кто это стучится ни свет ни заря? *(Окончательно стряхнула с себя сон.)* Ой, Валюша, как хорошо, что ты пришла! Но ты что-то невесела, что случилось?

В а л я *(и в самом деле чем-то опечалена, но не хочет говорить)*. Нет... Нисколько! Это я так просто! Ты говоришь: «ни свет ни заря», а я думала, что уже ночь!

С а н и я *(не чувствуя душевного состояния подруги)*. Какая ночь?! Разве ты не видишь, что сейчас утро, самое что ни на есть раннее утро! Знаешь, я видела такой хороший сон! Будто бы я увиделась с любимым, поплакала у него на груди! Проснулась, а рядом — никого...

В а л я. С любимым? В кого же ты влюблена? Мне казалось, что у тебя нет парня.

С а н и я. Я влюблена! Я давно уже влюблена! Валя, если бы ты знала, как я люблю! Я об этом никогда и никому не говорила. Даже тебе, самой близкой и верной подруге. А сейчас не могу не сказать, не могу!

В а л я. Кого же ты любишь? Кого скрываешь от меня? Бедняжка!

С а н и я. Как ты сказала? Бедняжка? Разве любовь — это плохо?

В а л я. Влюбиться в такое ужасное время! Обречь себя на горе... Разве сейчас до любви?

С а н и я. Ты ничего не понимаешь, Валя! Я счастлива! Знаешь, так приятно поплакать у любимого на груди... Но если б ты узнала, кто он, ты бы испугалась!..

В а л я. Вот как? А в классе ты слыла первой скромницей. Ну-ка, рассказывай, что с тобой случилось. какой бес тебя попутал.

С а н и я. Видно, действительно бес попутал, я смертельно влюблена, Валя. *(Саня чуть не плачет, и Валя обнимает подругу.)*

В а л я. Бедняжка ты моя! Какой же Ромео свел тебя с ума?

С а н и я. Сказать?

В а л я. Говори!

С а н и я. А может, не надо?

В а л я. Говори!

С а н и я. Я... я влюблена в... Печорина! Вот!

В а л я. В Печорина? А кто это? По-моему, в школе такого мальчика не было.

С а н и я. Кто тебе сказал, что он мальчик? Он не мальчик! Он — Печорин, ну, тот самый!

В а л я. Тот самый?

С а н и я. Да, да, тот самый Печорин!

В а л я. Печорин... Лермонтова?

С а н и я. Да...

В а л я (*так и села*). Ах ты, бедняжка! Тебя... тебя же лечить надо! Разве нормальный человек может влюбиться в призрак? Как же мне быть с тобой? (*Встает.*) Ну-ка, язык, может, ты простудилась? (*Осматривает Санию.*) Нет, вроде здорова... Как же ты так, а?

С а н и я. Не знаю... Я лишилась сна и покоя. Днем и ночью он не выходит у меня из головы.

В а л я. Вот влипла так влипла!

За окном, казалось, сотрясся мир, грянула песня.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!

Девушки, подойдя к окну, застыли в молчании, устыдясь своего продолжающегося детства.

Идет война народная,
Священная война!

С а н и я. Война... война... Кто бы мог подумать, что и война может быть священной... Лично я... и муху не могу прихлопнуть...

В а л я. Муху?!

С а н и я. Да. Уж на что она ничтожна, но я и ее... не могу... Синоним слова «жизнь», по-казахски, — «видеть солнце»! Видеть солнце... Каждое живое существо появляется на свет для того, чтобы увидеть солнце. Почему же его надо лишать этого права? Вчерашняя пыль, вчерашняя грязь, вчерашние камни ожили, явились на свет... чтобы увидеть Его Величество Солнце! Так пусть они живут и видят его! Не трогайте их! Они пришли в этот мир со своей долей, так пусть и умрут своей смертью после того, как получают от жизни все, что им положено! Все в свое время приходит и в свое время уходит, так зачем же насильственно уничтожать?

В а л я. Ах ты, мой философ, всезнайка ты моя! Что же ты пере-

живаешь за мух, жалеешь их, а себя совсем не жалеешь? Ты ведь тоже явилась на свет, чтобы увидеть Его Величество Солнце и радоваться жизни, так?

С а н и я. Так.

В а л я. Тогда почему мухи должны укорачивать твою жизнь, почему они должны убить тебя раньше твоей естественной смерти? Почему ты должна смиренно сносить такое насилие?

С а н и я (*нерешительно*). Муха... меня... убьет? Как это?

В а л я. Она загрязнит твою пищу, заразит микробами, ты заболеешь и умрешь раньше времени. Это, по-твоему, справедливо?

С а н и я (*задумчиво*). Но... Ведь бедняжка не знает, что мне вредит! А я, когда поднимаю на нее руку, знаю, что хочу ее убить... Она... я... Я убиваю сознательно, а она по неведению, вот! Есть разница! Как между землей и небом!

В а л я. Скажешь тоже! Что теперь, нам и фашистов нельзя трогать? Пусть они уничтожают нас, поджигают наши дома, а мы их щадить будем? Они тоже рождены, чтобы наслаждаться солнцем и жизнью, так не будем трогать этих бедняжек! Будем ждать сложа руки, пока они к нам явятся?

С а н и я. Что ты, Валюша. Ведь речь шла не о фашистах...

В а л я. Между прочим, фашисты не отличаются от мух. Только мухи вредят по неведению, а фашисты сознательно, со злым умыслом. Значит, если вспомнить твои слова, разница между преступлением фашиста и мухи, как между землей и небом! Этих подлых повзжалеть нельзя. Сегодня... все мальчишки из нашего класса... во главе с Глебом... пошли в военкомат проситься добровольцами... Ведь сегодня... немцы... начали бесприцельный обстрел города. Понимаешь, бесприцельный! Я слышала утром по радио... Бесприцельный... Пусть попадает в кого угодно! Понимаешь? Звери! Звери!

С сильным стуком открывается входная дверь.

Вбегают — сначала дезертир, потом — Тугырул.

Т у г ы р у л. Ну-ка, шагай, сволочь!

Дезертир, дойдя до середины комнаты, останавливается. Девушки в испуге.

С а н и я. Коке, кто это?

Т у г ы р у л (*не отвечая, крутит ручку висячего телефона*). Алло, управление, я — Молдабеков. Задержал дезертира. Пришлите быстрее машину! Да, да, из дома, из дома!

С а н и я. Дезертир?! Неужели среди жителей города Ленина нашелся такой... такой...

В а л я (*шепотом, чтобы только слышала Саня*). Саня, ты что, спишь, что ли? Не знаешь, что творится на улицах? Что происходит за стенами твоего дома?

С а н и я (*установилась на Валю, но, кажется, не слышит ее, а если и слышит, то не понимает*). Ах, негодяй! Значит, ты дезертир? Бежишь от войны? Но как? Ответь мне — как? Как можно предать священный город Ленина?!

В а л я. Эх, Саня... Какая ты!.. О чем ты говоришь? Ты что, с Луны свалилась?

С а н и я. Не понимаю, не понимаю! Откуда берутся такие скоты? Почему человек, че-ло-век, нет, не почему, а как... как человек может превратиться в скота?

Д е з е р т и р (*снисходительно смеется*). А может, именно я — и есть человек, вы не подумали об этом? Эх вы, слепые щенки! Облачаетесь то в белое, то в красное, то в синее, то в желтое, зовете себя то русскими, то немцами, то вообще черт знает кем, делитесь, как только вздумается, и тем самым оскверняете святое дело Творца-Создателя! Ничтожные насекомые! У меня нет ни родины, ни языка, ни веры, но настоящий человек — это я! Вы деретесь друг с другом, воюете... красные против белых, русские против немцев, а все это из-за вашего ничтожества!.. А я выше, потому я не воюю, не хочу воевать, я преданный раб Творца-Создателя, я против всякой войны! (*Нависает над Санией.*) Вон то ничтожество поймало меня!.. Теперь меня расстреляют, но я не боюсь... Мне не жаль своей жизни ради правого дела Творца-Создателя! Ну, дочка, дочка мои (*подходит к Вале*), дочка мои...

С а н и я (*кричит*). Проклятье! Будь проклят ты, безродная собака, без языка, без веры, без отечества! Чужак! Приблудный! За красноречием скрываешь свое ничтожество!.. Ишь, заливается! Позволить таким, как ты, разглагольствовать,— вы и мудрецов заткнете за пояс! Отчего подлые душонки умеют так мастерски оправдывать себя? По их словам выходит, что в мире нет ни виноватых, ни грешных. У каждого рядом свой адвокат-защитник! Коке, дай свой наган!

Т у г ы р у л. Перестань, Саня, перестань! Успокойся! Таких наказывают в другом месте! Ты еще ребенок!

В а л я. Вот ты какая! Я прямо не узнала тебя...

С а н и я. Вижу, я и для тебя ребенок! И для одноклассников — ребенок! И для учителей — ребенок! Для коке и женеше — само собой, для них я вообще грудное дитя! А я... я... я же совсем не такая! Другая! Я ведь... Я ведь только сама знаю, как зрела моя душа! Если бы и вы знали это!

Д е з е р т и р. Вот-вот, дочка, только сейчас ты стала говорить, как человек. Стала говорить по-моему!

С а н и я. По-твоему?! С ума сойти! О коке, кокетай, дай мне свой наган! О, подлость, как ты нагла и бессовестна!

Т у г ы р у л. Не зря говорят, что язык без костей, Саня! Такие

за словом в карман не полезут. Но между их словами и поступками — пропасть! Он только что вопил, что не боится смерти, я сейчас его застрелю, а вы посмотрите, как он встретит смерть. Я его застрелю, я вынужден его застрелить, чтобы вы увидели, какая в его словах правда.

Тугырул вытаскивает наган. Увидев это, дезертир падает на колени, ползает к Тугырулу и обхватывает его ноги.

Дезертир. Родной мой! Господин... Господин... Не стреляй, оставь в живых! В живых!..

Тугырул. А-а, вот как! *(Сунул наган в кобуру.)* Я хотел, чтобы он показал перед вами свой истинный облик! И боялся, что вы поверите его сладким речам. Теперь убедились? Чтобы спасти свою душонку, такая сволочь может придумать все что угодно. Такие привыкли скрывать свою подлую сущность под выспренной философией! Не верьте словам, мои милые, верьте делам!

Дезертир, лежа на полу, все еще вопит, ползает около Тугырула и целует его сапог.

Дезертир. Сохраните мне жизнь, господин, умоляю...

Сания. Жизнь...

Тугырул. Господином называет. Это слова трусливого пса, привыкшего лизать господские подметки...

Сания *(Вале)*. Слова этого подонка пробрали меня до костей, поэтому я, наверное, не сумев ответить, решила перекричать его... Я... я... всегда следую на поводе у разума, а не чувства. Об этом знаю только я одна... Как говорил великий Махамбет: «Батыров рождает мысль». Что бы я ни делала, делаю после основательного раздумья. Хорошо, что все это я увидела собственными глазами...

Снаружи слышится гул остановившейся машины.

Тугырул. Эй, скотина, вставай!

Дезертир *(ошалев от радости, заискивающе смотрит на девушек)*. Спасибо, дорогие, спасибо! Это вы спасли меня, ваше заступничество, а не то кто знает, кто знает...

Валя. Опять начал юлить! Очень нужна нам твоя признательность! Благодарность предателя отвратительна! *(Сание.)* Помнишь, ты как-то сказала об этом?

Сания. Не помню. Но вполне возможно. Это же очень верные слова: благодарность предателя отвратительна!

Тугырул *(толкает в спину дезертира)*. Ну-ка, скотина, вперед!

Уходят.

С а н и я (*вздыхая*). Не знаю, к добру ли, но я очень доверчива... Я и вправду чуть не поверила слезам этого негодяя...

Входит А й ж а н.

О-о, моя женеше пришла! Куда же ты пропала в такую рань? Я просыпаюсь, а в доме никого...

А й ж а н. Ах ты, моя озорница! (*Целует Санию в лоб.*) А я уж соскучилась по тебе!

С а н и я. И я! (*Обнимает сноху.*) Если бы ты видела!.. Здесь сейчас такое творилось... Поймали дезертира...

А й ж а н. Дезертира? Какого дезертира? Здравствуй, Валя! Эта озорница даже не дает поздороваться с тобой! Ну как твоя мама?

В а л я. Здравствуйте, тетя Ая! Маме немного лучше, но до сих пор не может стоять на ногах, сидит все... Врачи говорят, что поправится, спасибо им и на этом!.. Ну я пошла, обещала маме, что вернусь скоро. (*Сание.*) Я еще приду, разговор есть.

С а н и я. Возвращайся скорее. А я знаю (*смеется*), о чем ты хочешь поговорить...

В а л я. Откуда ты знаешь?

С а н и я. Чувствую...

Айжан скрылась в спальне.

В а л я. И что же ты чувствуешь?

С а н и я. Это касается почина Глеба?

В а л я. Верно!

С а н и я. И ты не знаешь, как быть, ведь у тебя на руках больная мать?

В а л я. Верно!

С а н и я. Ты хотела об этом поговорить со мной?

В а л я. Да.

С а н и я. Ты надеялась и меня сагитировать в роту наших мальчиков?

В а л я. Угадала!

С а н и я. У тебя из этого бы ничего не вышло!

В а л я (*немного растерянно*). Почему?

С а н и я. Я же говорила тебе, что к любому решению я должна прийти сама, по своему собственному убеждению.

Из спальни выходит одетая по-домашнему А й ж а н.

В а л я. Ну, я пойду.

С а н и я. Возвращайся скорее. Побудь у мамы, и сюда. Похоже, наш разговор не окончен.

А й ж а н. Может, останешься, Валя? Сегодня у нас — большой праздник, нашему Тугырулу исполняется двадцать пять лет! Хоть

время и военное, но что делать? Надо отметить! Ну-ка, Саня, примемся за дастархан.

В а л я. Спасибо, тетя Ая! Я все-таки пойду.

А й ж а н. Тогда возвращайся скорее.

В а л я. Постараюсь.

Уходит.

А й ж а н. Золотая девушка! Мне так жалко ее, бедняжку! Отца нет, мать — инвалид, вот и не может она никуда вырваться. (*Саня молчит.*) Двадцать пять лет, целых двадцать пять лет! Да-а, поставили мы с твоим дядей!

Незаметно для себя начинает петь: «О юность, невозвратная пора!» Проектор выхватил дальний угол сцены, там мы видим знакомую нам опушку леса, гаубицу, а возле нее застывшего в напряженной позе Н е м е ц к о г о о ф и ц е р а. В другом углу сцены, присев на одно колено, не спуская глаз с прицела, застыла С а н и я. Черный крест прицела, немного поблуждав, вновь уперся в сердце офицера.

Н е м е ц к и й о ф и ц е р. Я все еще надеюсь, сестренка! Сегодня мне исполнилось двадцать пять лет, ну и... друзья поздравили меня. Открыли шампанское! Наверное, поэтому я расхрабрился и вышел сюда в одиночку. Я просто хотел погладить по гриве мое любимое оружие...

С а н и я. Говори правду, правду!

Н е м е ц к и й о ф и ц е р. А ты пощадишь меня, если я скажу правду?

С а н и я. Не знаю... Ты не торгуйся со мной! Говори правду!

Н е м е ц к и й о ф и ц е р. Что ж, можно и правду... Я хотел в честь своего двадцатипятилетия послать в сторону Ленинграда один пушечный подарок!

С а н и я. Говорят, вы называете такие подарки слепой смертью?

Н е м е ц к и й о ф и ц е р. А что в этом такого? Не все ли равно, как называть смерть? Ведь любая смерть слепа.

С а н и я. За подлое намерение тебя следовало бы застрелить, но ты сказал правду, и я не знаю, как быть...

Проектор, как бы недовольный затянувшейся беседой, дрогнув, покидает обоих. Пометавшись по сцене, он вновь находит ленинградскую квартиру Тугырула. А й ж а н и С а н и я в том же положении, в котором их оставил прожектор. Айжан накрывает на стол, Саня помогает ей.

А й ж а н (*напевает*). О, эти невозвратные двадцать пять!.. Саня, ты иди, поставь самовар, а то не успеем! (*Звонок в дверь.*) Вот и коке твой пришел, легок на помине! Открой!

Саня открывает. К удивлению женщин, в дверях появляется М у т а л и п.

(Назмурившись). Вечно этот...

С а н и я. За... за... заходите...

М у т а л и п. О-о, айналайын, моя луноликая женеше! Здоровы ли вы? О, сестренка моя Сания, здорова ли ты? (Стаскивает со спицы мешок, ставит его на пол.)

А й ж а н (не скрывая досады). А-а! Это ты, мой вечно благоухающий одеколоном кайны¹.

М у т а л и п. Да, это я, золотая моя женеше!

А й ж а н. Ну, проходи... раз пришел.

М у т а л и п. О, айналайын, женеше! Когда вы приглашаете меня войти и сажаете на почетное место, сердце мое готово лопнуть от радости!

А й ж а н. Ишь, чего захотел — на почетное место! Ты и у двери можешь посидеть! Вытрись хоть, что ли, ходишь постоянно потный.

М у т а л и п. Конечно, моя луноликая женеше, конечно! Мне и у двери сойдет, мне даже лучше у двери-то! Порог этого дома мне дороже всякого почетного места!

А й ж а н (смягчается). Ох и хитрец ты, мой благоухающий кайны...

М у т а л и п (прихрамывая, подходит и садится на стул у порога). Не годится для меня, видно, северный климат, воздух, что ли, влажный, постоянно потею. (Достав носовой платок, неторопливо обтирается.) Значит, мой золотой коке еще не пришел? Сегодня же великий день, сегодня моему золотому коке исполняется двадцать пять! Я думал, что опоздал, летел, как на крыльях, мчался, как ветер! Ведь мой золотой коке обычно в это время бывал дома... Если здесь не поймать его, к нему потом и близко не подпустят!

А й ж а н. Хитрец, откуда ты знаешь, что сегодня день рождения твоего золотого коке? Вынюхал, да?

М у т а л и п. Ах, моя удивительная женеше! Как я могу не знать дня рождения своего любимого коке? Кто же я тогда? Как мне прожить в таком большом городе... без таких близких людей, как вы? Не подумайте, я тянусь к вам не из корысти, а из родственных чувств, от неприкаянности души моей бедной, так-то, женешетай! Дома у меня не осталось никого из родных, да и нога эта, чтоб ее... один доктор говорит так, другой сяк, а тут и война началась... Ну и остался я здесь, как хромая заезженная лошаденка. Спасибо доктору, нашли мне они работенку, жил себе худо-бедно, а тут, слава аллаху, и вы сюда приехали! Я так обрадовался вам, словно родного брата увидел!

А й ж а н. Зачем ты мне все это говоришь? Эту твою песенку я тысячу раз слыхала.

М у т а л и п. Золотая моя женеше, разве стоит винить меня за

¹ К а й н ы — родственник по мужу.

это? Если на то пошло, я могу и в тысяча первый раз все повторить. Я никогда не устану повторять ни перед аллахом, ни перед любим, что, кроме вас, мне не к кому приткнуться, не на кого положиться! Вы спрашиваете, откуда я знаю день рождения моего коке? Но как мне не знать! А теперь...

А й ж а н. Ну ладно... Ты что-то... Как ты сказал? Что-то насчет лошадки...

М у т а л и п. Как хромая заезженная лошадка... даже к армии оказался непригодным! Единственное мое утешение — работа. Одно время я был грузчиком. Но однажды мой начальник то ли заметил мое старание, то ли так, по доброте душевной, повысил меня сразу до заведующего складом! До сих пор не знаю, верить этому или не верить! Взял и сделал меня хозяином складских богатств! Некоторые злословят, мол, начальник специально поставил завкладом безъязыкого. Кто знает?.. Но теперь у меня одна песня: «И жизнь, и смерть моя в твоих руках, Меколай Ибаныбыш!»

А й ж а н. У-у-ух... Какой же ты...

М у т а л и п. Болтун — хотите сказать? Вы, как всегда, правы! Луноликая моя женеше! Каждый раз, когда я прихожу в ваш дом, вы выказываете недовольство, а я ведь и этому рад! Это же блаженство — слышать отповедь такого человека, как вы! Блаженство!

А й ж а н. Их, и хитрец же ты, кайны! Ну прямо соловьем заливаешься!

Звонок в дверь.

Иди лучше дверь открой, чем попусту болтать!

С а н и я выскакивает из соседней комнаты.

С а н и я. Сидите, я сама открою!

Входит Т у г ы р у л. Саня повисла у него на шее.

Кокешка мой! Поздравляю!

Т у г ы р у л. С чем, шалунья?

С а н и я. С двадцатипятилетием!

Т у г ы р у л. Ах, да! Э-э, разве время сейчас праздновать дни рождения!

С сияющей улыбкой подходит Айжан.

А й ж а н. Что в этом такого, если мы в узком кругу... среди своих... *(бросает на Муталипа недовольный взгляд)* отметим твой день рождения? Ведь двадцать пять лет — это не шутка! Об этом и в песне поется! Ну-ка, баловница, отдай мне моего супруга, моего единственного! *(Кладет голову на грудь Тугырула, стоит так некоторое время, потом чмокает в щеку.)*

Когда сядем за дастархан, поздравлю как следует, а пока маленький аванс! Милый мой! Вот! Вот! Вот! (*Несколько раз громко целует мужа.*)

Т у г ы р у л. Ого! Если у тебя такой аванс, то какова будет получка?

А й ж а н. Для тебя мне ничего не жалко! Все, что мое, — твое!

Т у г ы р у л. Уже и дастархан накрыли! Зря ты все это...

М у т а л и п. Ассалау магалейкум, коке! Я, бедняга, все стою и стою, жду своей очереди... Коке, золотой мой коке, а вот и я — ваш недотепа-братишка! Я примчался к вам быстрее ветра, быстрее птицы, чтобы выразить вам свои искренние пожелания!

А й ж а н. Ладно, хватит заливать! Покажешь свое искусство за дастарханом! Раз пришел, так сиди, тебя же никто не гонит!

М у т а л и п. О, моя луноликая женеше, дорогая вы моя! Вы совершенно правы! До меня, недотепы, не всегда все сразу доходит!

А й ж а н. Ты лучше возьми самовар, чай поставь. Поъем сегодня чай по-настоящему, по-казахски, с молоком!

М у т а л и п. Будет сделано, женеше, будет сделано!

Выходит.

Т у г ы р у л. Ая! Сания! Сейчас к нам придет один парень. Он наш новый сотрудник, недавно перевелся из Казахстана. Человек нелегкой судьбы — воспитывался в детдоме... ну и... по-казахски не очень, да и характер у него крутоват. Он пошел купить цветы для хозяйки... Сейчас придет... Вы все поняли?

А й ж а н. Ты что? Когда мы хмурились на твоих гостей?

Т у г ы р у л. Не обижайся, Ая, это я так просто предупредил. Ну, не сердись, иди сюда, я верну один из твоих авансов. (*Чмокает в щеку Айжан.*)

А й ж а н. Ладно. Так уж и быть. На этот раз я тебя прощаю.

С а н и я. Коке, что это значит — крутоват характер?

Т у г ы р у л. Значит, решительный, резкий, не считающийся с мнением других, говорящий обо всем без оглядки! Ну, например, такой, как у тебя...

С а н и я. Ой, коке, вы уж меня совсем...

Т у г ы р у л (*целует племянницу в лоб*). Я же шучу...

А й ж а н. Одним словом, на этого парня и взглянуть не смей! (*Звонят в дверь.*) Ого! Звонит так, что хоть уши затыкай! По всему видать, гость не робкого десятка!

Саня подбегает к двери и чуть не сталкивается с Е р л а н о м.

С а н и я. Это вы?

Е р л а н. Здравствуйте!

С а н и я. Так это вы, значит?

Е р л а н (*удивленно*). Что вы хотите этим сказать?

С а н и я. Да, вы явно не из стеснительных!

Е р л а н. Я вас не понял!

С а н и я. Простите, ага, проходите, пожалуйста!

Т у г ы р у л. Проходи, проходи, Ерлан!

Е р л а н. Здравствуйте, женгей!

А й ж а н. Здравствуйте!

Т у г ы р у л. Познакомьтесь! Это и есть твоя женгей Айжан, пред которой бледнеют и луна, и солнце!

Е р л а н (*по-военному щелкает каблуками*). Очень рад, женгей! Меня зовут Ерлан Тайманов.

С а н и я. Ерлан? Тайманов? Какое красивое имя!

Е р л а н. Прошу прощения.

Т у г ы р у л. А эта мадмуазель... моя племянница Сания. Дочь моего старшего брата. Уже почти невеста, но не любит, когда ее так называют... поэтому... (*смеется*)... наверное, лучше сказать так: Сания-комсомолка!

Е р л а н (*вновь щелкает каблуками и склоняет голову*). Ерлан! Я счастлив познакомиться с вами!

С а н и я (*тоже щелкает каблуками и склоняет голову*). Я тоже счастлива познакомиться с вами! Но почему счастлива я, честно говоря, и сама не знаю.

А й ж а н. Сания! Что ты говоришь?

С а н и я. Я говорю правду. Люди порой бывают очень странными — при первой же встрече, еще не зная друг друга, говорят: «Я счастлив познакомиться с вами!» Почему? Откуда они знают, что знакомство это — счастье?

А й ж а н. Сания, что с тобой? Ты же никогда не была такой... такой...

Е р л а н (*растерянно*). Извините, Сания!.. А впрочем... многие слова мы действительно произносим вхолостую. И в самом деле — не успев познакомиться...

Т у г ы р у л. Казахи говорят так: «Пока не съешь — не благодари». Ну, да дело не в этом! Ерлан, не стесняйся, проходи!

Неся в руках исходящий паром самовар, входит М у т а л и п.

А й ж а н. Мой благоухающий кайны, ты как будто сам в самовар залез, вскипятил в мгновение ока!

М у т а л и п. Вы же знаете, как горячи мои чувства ко всем вам! (*Увидев Ерлана, чуть не выронил из рук самовар.*) Ой-бай!

А й ж а н. Осторожней, мой благоухающий кайны!

Т у г ы р у л. Познакомьтесь, Ерлан, это Муталип... А это...

М у т а л и п. Да я знаю его, знаю! Как же не знать-то! Ведь это такой человек, такой человек!

Е р л а н. Вы? Меня? Но как? Откуда?

М у т а л и п. От Меколай Ибаныбыш. Он сказал мне, что из Казахстана сюда перевелся мой земляк. Сказал, чтобы я нашел и поздравил его. Вот я и предполагаю, что вы и есть этот самый господин Ерлан!

Е р л а н. Товарищ, что с вами? Как это — «господин»? Когда это я был вам господином?

М у т а л и п. *(бедняга совсем переполошился)*. Ойбай-ай! Ойбай-ай! Прости, прости меня, мой повелитель!

Е р л а н. Еще лучше! Что я вам — хан, или, может быть, султан?! Вы!.. Вы!..

М у т а л и п. Ойбай-ай, ойбай! Пропал я, пропал! Товарищ!.. Гражданин начальник!.. Клянусь аллахом, что я никогда не назову вас по имени! О, всевышний, клянусь тобою!

Т у г ы р у л. Этот бедняга совсем свихнулся. *(Смеется.)*

А й ж а н *(хохочет)*. Так его, Ерланчик, так! Взгрей его, ему полезно!

С а н и я *(не понимая, что произошло между Ерланом и Муталипом, говорит Муталипу)*. Станный вы все-таки человек!

М у т а л и п. Гражданин начальник, айналайын, прости меня, хочешь, я на коленях вымолю прощение... Вот. *(Снимает шапку и бросает под ноги Ерлану.)*

Е р л а н *(не ожидал такого и растерян, возмущен до глубины души)*. Вы... Вы... Вы что? *(Быстро нагнувшись, поднимает шапку.)* Разве можно так унижаться? Вы же человек! Возьмите шапку! Нельзя так ронять свое достоинство, дружок!

М у т а л и п. Вот это другое дело! Наконец-то... *(Заплакал.)* Наконец-то ты протил и понял меня!

Т у г ы р у л *(шутя)*. Эй, бедняга, отчего ты так встревожился? Почему ты растерялся или скрываешь что?

М у т а л и п *(перепуганно)*. Нет, ойбай! Нет! Я сын бедняка, самого настоящего бедняка! Кокетай, как вы можете так говорить! Такими словами убить человека можно! А если у меня сердце разорвется, если я вот сейчас возьму и отдам богу душу? Окончится война, с каким лицом вы вернетесь домой в Казахстан? Что вы ответите, когда вас спросят: «А где Муталип, где наш родной Муталип?»

А й ж а н. Ишь чего захотел! *(Насмешливо.)* Ну, конечно, весь Казахстан ждет тебя, не дождется! Прямо глаза все выплакал, мол, когда же вернется наш батыр Муталип?

М у т а л и п *(продолжая слезно причитать)*. Вы смеетесь, жене, смеетесь! А что тут смешного? Говорят же казахи: «Хоть

змееныш, да свой!» Какой народ откажется от собственного дитя? Хоть я и недотепа, а все же, наверное, нужен!

Т у г ы р у л. Ну довольно! Ая, хватит, перестань! У нас с Ерланом мало времени. Сядем за дастархан. Ну-ка, Ерлан, проходи на тор, так зовут казахи почетное место, поди, не забыл? Ну, Муталип, перестань, пошутил, и хватит, ты тоже проходи на тор! Садись!

А й ж а н. Располагайтесь, друзья, располагайтесь! Сания, ты иди сюда, сядь между мной и Ерланом. *(Ждет, пока люди рассядутся.)* Итак, начнем! Давайте я сама открою наш маленький вечер, вы согласны?

С а н и я. Ой, как получилось торжественно!

А й ж а н. А как же иначе, Сания? День рождения моего суженого, моего любимого — да, я не постесняюсь сегодня так назвать его при всех — большое для меня торжество. Душа моя! Солнышко мое! Единственный мой! Для казахов двадцать пять лет — особый возраст, «неповторимый», как поется в песне, и хотя время сейчас трудное и сидим мы за скромным дастарханом, настроение у нас праздничное, приподнятое. Тугырул! Наверное, не зря родители нарекли тебя этим именем — Особорожденный! Значит, ты, солнышко мое, создан не только для моего счастья, но и для счастья своего народа. Твое будущее еще впереди! Я это знаю! Долгих лет тебе, радость моя! Процветай и здравствуй, мой единственный! Разреши мне поздравить тебя с этим днем *(смеется)* и преподнести тебе золотые часы. *(Надевает на запястье Тугырула часы.)* А теперь, милый, стой тихо... Дай мне крепко, крепко поцеловать тебя!

Т у г ы р у л *(смеется)*. По мне хоть убей! Зажмурюсь и буду стоять, как столб!

А й ж а н. Я желаю тебе нескончаемых лет, нескончаемой жизни! А уж если стариться, то стариться вместе! Знай, что твоя старушка никогда не покинет тебя! *(Целует.)* Простите меня, дорогие, думаю, сегодня меня можно понять.

М у т а л и п. Конечно, конечно, можно. Это же так красиво! *(Похуже, полностью пришел в себя.)* Эх, если бы и меня так... кто-нибудь... умер бы, наверное, от счастья!

А й ж а н. Смотрите-ка, этот недотепа еще и на шутки способен!

Т у г ы р у л. А как же, ведь наш Муталип — настоящий джигит! Давайте предоставим ему слово!

А й ж а н. Давайте сначала поднимем наши бокалы! Ерланчик! Сания! Ты теперь уже совсем взрослая, не стесняйся! Это же шампанское! А теперь, мой благоухающий кайны, наполни снова бокалы и, если не можешь молчать, говори!

М у т а л и п. Коке! Золотой мой коке! Лунолика моя женеше!

А й ж а н. Ты смотри, вновь обрел дар речи!..

Т у г ы р у л. Ая, милая, не перебивай, пусть скажет...

М у т а л и п. Казахи называют любимых безухими! Еще говорят, что, если жеребенка лягнет мать, он не почувствует. Коке! Золотой мой! Я нисколько не обижаюсь на свою женеше! Я думаю, это она любя так шутит со мной. Вы *(поворачивается к Ерлану)*, вы только что назвали меня курдасом... сверстником! Мой покойный отец учил, что курдас — это еще одно имя аллаха. *(Заметив недовольство Ерлана.)* Прости меня, курдас! Иногда язык мой опережает разум! Чтоб его!.. И как это пришло мне на язык слово «аллах»?.. Ерлан, сверстник мой! Я бесконечно рад, что нашел такого курдаса! Саня, сестренка моя! Сегодня в этот замечательный день, в день двадцатипятилетия моего золотого коке, хоть я и недостойн этого, позвольте мне сказать несколько слов!

А й ж а н. А ты, однако, не прост, кайны!

М у т а л и п. Говорят, если человек плешив, это неспроста, а если я прижился в таком огромном городе, как Ленинград, значит, и я непростой плешивец!

Т у г ы р у л. Ты, Муталип, не унижай так себя!

Е р л а н. Да, курдас, я вижу, вы совсем не уважаете себя! А неуважение к себе это не что иное, как неуважение к другим!

М у т а л и п. Прости, золотой мой курдас, прости! Коке! Мой покойный отец многого ожидал от меня! Надеялся, что я стану мастером-ювелиром, пойду по его стопам! Но умельца из меня не вышло. Да и эта нога проклятая... Даже в армию оказался непригодным, как другие... теперь я, как хромая заезженная лошадка; и в байге не поскачешь, и к косяку не пристанешь! А, оставим все это. Дело вот в чем, коке. Уезжая с родины, захватил я на память об отце седло с серебряной инкрустацией, сделанное его руками... Видно, суждено седлу достаться вам, потому что здесь не нашелся никто, кто оценил бы его по достоинству! Разрешите преподнести вам эту очень дорогую для меня вещь. *(Подняв мешок, лежавший у двери, вытаскивает из него седло.)* Вот оно, коке!

Е р л а н. Тугырул-ака... *(Вскакивает с места.)*

Т у г ы р у л. Конечно, конечно, Муталип, родной, нам нельзя принимать ни малейших подношений! А это седло — действительно драгоценная вещь! Удивительная работа! Ему место, разумеется, только в Эрмитаже! Саня, ты сегодня же сдай этот шедевр в Эрмитаж!

М у т а л и п. Кокетай мой золотой! В чем же моя вина? Вы что, хотите отдать государству мой подарок, преподнесенный вам от чистого сердца, чтобы меня посадили?

Все смеются над новой шуткой Муталипа.

С улицы доносится грозная песня:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!

Идет война народная,
Священная война!

Смех в доме обрезало как ножом. Тишина. Будто все устыдились того, что веселятся в такое время.

С а н и я. Ярость благородная...

Т у г ы р у л. Ая, извини, но у нас с Ерланом нет времени...

А й ж а н. Да, да, я понимаю!.. У вас нет времени... Я все понимаю! Но раз мы уже собрались, то пусть и остальные выскажутся! Ну-ка, Ерланчик, скажи что-нибудь в честь двадцатипятилетия твоего Тугырула-ага!

Е р л а н (*встал, застегнул верхнюю пуговицу кителя*). Что же сказать вам, Тугырул-ага, Ая-женге, Сания, Муталип! Товарищи, что я могу сказать? (*Вдруг приходит в необычайное волнение*). Смерть немецко-фашистским оккупантам!

Все встали, чокнулись и снова сели.

А й ж а н. Друзья, так не пойдет! Чего мы все приуныли? Конечно, время такое, военное, но и в великих потрясениях есть место для маленьких радостей. К тому же мы обязательно не сегодня завтра разгромим подлых собак! Так зачем унывать? Довольно, не будем хмуриться! Мы так хорошо начали, теперь надо хорошо закончить. Следующее слово предоставляется нашей любимице — Саниюше! Ну, Сания, давай!

С а н и я (*раскованно, без стеснения*). Я спою. В честь моего коке... Возможно, Ерлан-ага и Муталип-ага не слышали такой песни. (*Поет.*)

Плывет кочевье, оставив тени круч.

Перекликаясь с караваном туч...

Мы сызмальства росли ведь вместе, светик,

Ах, с кем теперь ты делишь негу чувств?!

Ах, чалая с челкой моя ты.

Увезли мою лебедь... Проклятье!

О, с какою мольбой ты смотрела,

Уплывая к другому в объятья!

Т у г ы р у л. Ой, bravo! Барекельде! Ну как не гордиться такой сестренкой, а?

Е р л а н. «Перекликаясь с караваном туч!» Какая картина! Прекрасно! Как мне захотелось на родину! Идет кочевье, оставив тени круч, перекликаясь с караваном туч! Перекликаясь, как овцы с ягнятами, да? О, мой великий народ! Какое у тебя сердце, какая у тебя тонкая душа, как сильно чувство прекрасного!

А й ж а н. Как же тебя все это взволновало, кайным!

Ерлан. Женеше, судите сами, я покинул Казахстан в двенадцать лет, сейчас мне двадцать первый пошел. Девять лет я не видел казахских степей! Песня Сании мне душу перевернула. Кочевье, бредущее по цветущей степи, тучи, плывущие по бездонному небу. Да-а-а...

Муталип. Сколько раз я в детстве терял ягнят, и сколько раз мне доставалось за это!

Восклицание Муталипа осталось без внимания.

Тугырул (*улыбаясь*). Говорят, казахи и рабам давали слово. Ая, может, и мой черед пришел?

Айжан. Как говорится, кто не захочет, тот и верблюда не заметит, тебя-то мы и забыли. (*Смеется.*) Шучу, конечно! Товарищи, прошу тишины! Говорит мое солнышко, мой месяц ясный!

Тугырул. Я, пожалуй, как и Сания, тоже говорить не буду, а лучше сыграю для вас на домбре. А потом... Потом... У нас с Ерланом есть для вас одна новость... Сания, принеси домбру!

Сания снимает со стены домбру, некоторое время держит ее, прижав к груди, подает дяде.

Сегодня...

Айжан. Начни с кюя Курмангаза, родной!

Ерлан (*словно в шоке, едва поднялся с места*). Товарищ командир, Тугырул-ага! Вы... Вы... хотите сыграть кюй?

Тугырул (*удивленно*). Да, хочу. (*Начинает настраивать домбру.*)

Ерлан. Домбра... Вы хотите играть на домбре?

Все в недоумении от этих слов.

Тугырул (*усмехается*). А разве на домбре кюи не исполняют?

Ерлан (*как будто только пришел в себя*). Да, в самом деле! Товарищ командир, Тугырул-ага! Я очень прошу вас! Не играйте! Не надо! Я очень прошу вас!

Тугырул. Я ничего не понимаю! Чем вызвана эта странная просьба?

Ерлан. Не надо играть, Тугырул-ага! Я очень прошу вас! Отдайте мне домбру!

Тугырул. Так ты сам сыграешь?

Ерлан. Нет (*берет домбру и вешает ее на место*), хотя правильнее будет... (*Снял домбру и отнес в соседнюю комнату — с глаз долой.*)

Айжан. О, мой симпатичный кайны, как это понять? И сам не играешь, и другим не даешь!

Ерлан. Не спрашивайте меня ни о чем, ладно? И не будем больше возвращаться к этому...

Тугырул. Ну хорошо! Кстати, я ведь просил слова. Дадут мне сказать сегодня или нет? Итак, товарищи! Фу, что это я, будто мы сидим на собрании! Ая! Милая! Этот ненужный шум, о, приношу свои извинения, этот очень нужный шум... Еще раз прошу простить меня, эта наша славная вечеринка была хорошо придумана, и я благодарю тебя за это! Родная моя Сания, Саниюша! Мой братишка и коллега Ерлан! Дорогой мой земляк Муталип! Спасибо вам за теплые слова и пожелания! А теперь я хочу вам сказать о том, что у нас с Ерланом есть для вас очень важное сообщение. Ну-ка, Ерлан! Встать! Подойти ко мне!

Оба выходят на середину комнаты.

Сегодня мы, преодолев множество препятствий, исписав заявление за заявлением, с огромным трудом добились разрешения отправиться на передовую. Мы с радостью сообщаем об этой нашей маленькой победе.

В комнате мертвая тишина.

Сания. В самом деле? Это правда?

Айжан. Что он говорит? Тугырул, что ты сказал?!

Сания. Ур-р-ра! Коке! Какой ты молодец! *(Подбежав, повисла на шею у дяди и несколько раз чмокнула в щеку.)* Я ведь знала, что коке у меня именно такой!

Айжан. Боже, что говорит эта несчастная!

Эти слова Айжан произнесла так отчаянно-горько, что все обернулись к ней.

Что ты... девчонка... говоришь?.. *(С трудом пришла в себя.)* Что ты говоришь, Сани-и-я? Чему ты так радуешься? Что ты нашла в этом радостного?

Муталип. Золотой мой коке, как же так? А я как же? На кого вы меня-то оставляете?

Айжан. Несчастный, ты тоже испугался? *(Смеется.)* И ты поверил в это? Да ведь твой коке шутит. *(Подходит к Тугырулу.)* Милый, разве так шутят? От таких шуток недолго и сердцу разорваться! Не надо так, родной мой! Это же шутка, правда? Ну, признавайся, это же шутка!

Ерлан. Нет, женгей, это не шутка! И — к тому же...

Айжан. И к тому же! Что тебе-то?! Ты же один как перст! И плакать по тебе некому! Как говорится, плечам голова не обуза, можешь брести куда глаза глядят! Ну, а Тугырул, конечно, шутит. Не-е-ет! Мой Тугырул не пойдет на такую глупость, не посмеет! Пока я жива, он так не сделает! Тугырул не одинок. Он не пойдет на та-

кое, не совершит такое безумство! Так ведь, милый? Ну скажи, что так!

Т у г ы р у л. Нет, милая, нет, единственная, я так не могу сказать! Это не шутка, такими вещами мужчины не шутят! Это — правда! Завтра мы с Ерланом отправляемся на фронт. Наше место там. Если бы ты знала, с каким трудом мы добились разрешения! Наше управление возьмет тебя в свое ведомство, устроишься там на работу. Жить будешь, как все. Как люди, так и ты... Говорят, на миру и смерть красна.

А й ж а н. Зачем мне люди! Ведь смысл моей жизни — ты! Разве мы не были друг для друга великим праздником? Разве не была наша жизнь — ярмаркой радости? А теперь что? Милый, куда ты бежишь от меня?!

Т у г ы р у л. Родная, разве я бегу от тебя? Если хочешь знать, я, наоборот, иду к тебе! Хотя ты и жена мне, но ведь ты и мать, будущая мать! А для казахов Родина и Мать всегда были нераздельны.

С а н и я. Я... я... не знаю, тате! Так много хочется сказать, но не знаю, как... кажется все так ясно, но не могу высказать... Голову распирает от мыслей, грудь распирает от чувств, но, но...

А й ж а н. Наверное, это незрелые мысли и незрелые чувства, а не то зрелая мысль и возмужавшее чувство недолго бы распирали тебя!

Т у г ы р у л *(раздраженно)*. Ая! Что с тобой?! Не посмотрела, что гости — то на Ерлана взелась, то на Муталипа! Теперь вот на девчонку накинулась! Нельзя так, дорогая, нельзя! Успокойся, возьми себя в руки!

А й ж а н. Что мне до других, когда рухнет мое счастливое гнездо? Когда гаснет мое сердце и заходит моя луна, чего мне оглядываться на блеск звезд?

Т у г ы р у л. Ты сегодня, как никогда, красноречива!

А й ж а н. Если припрет — и ворона соловьем залетится! Наверное, у меня такой случай. Прости меня, прорвалось во мне бабье, наговорила что попало! Прости! И вы простите! Сания, Ерлан, кайным! И ты... Муталип!

С а н и я *(обняв сноху, заплакала)*. То-то, ведь моя тате именно такая, я же знала.

Еле слышно звякнул звонок, и в комнату вошла В а л я. На ней нет лица, вошла и застыла у дверей. Первым ее увидел Муталип.

М у т а л и п. Астапралла! Что это с ней?

Все уставились на Валу, во взглядах — удивление, потрясение, ужас.

С а н и я. Валя? Валюша! Что с тобой?!

В а л я *(обняла подругу)*. Саниюша! Вместо нашего дома... вмес-

то нашего дома... осталась... лишь... лишь огромная яма! Лишь огромная яма! Лишь огромная яма! Мама! Mamочка моя! Саниюша!

Ерлан. Немцы начали бесприцельный огонь...

Сания. Бесприцельный...

После этих слов прожектор дрогнул, пробежался суетливо по сцене и остановился, осветив Немцкого офицера, застывшего у гаубицы. Над сердцем немца повис черный крест снайперского прицела.

Голос Вали. Вместо нашего дома... осталась лишь огромная яма! Мама! Мама! Mamочка моя! Саниюша!

Сания. Валя! Что я могу сделать?!

Немецкий офицер. Не стреляй! Заклинаю! Не стреляй! Пощади меня!

Сания. «Пощади... Пощади»!

Нажала на курок снайперского ружья. Прожектор вновь заметался в смятении. Вскоре он нашел каменную мать, застывшую в безбрежных просторах ковыльной степи. Сания, подбежав, бросается в ноги каменной статуи.

Ма-ма! Прости меня, ма-ма! Я человека убила! Ма-ма-а-а-а!

Занавес

Часть вторая

Прожектор не только освещает, но и, словно человеческий одушевленный зрачок, наблюдает, возмущается, удивляется, негодует. Бывают моменты, когда он даже бьется в ужасе. Сейчас кажется, что прожектор привык к бедствиям войны, он нетороплив, невозмутим. На этот раз он спокойно прошелся по углам сцены, высвечивая знакомые картины, — ленинградская квартира Тугырула, безбрежная казахская степь в волнах белого ковыля, застывшая в этой степи мать — балбал. Только нет опушки леса с гаубицей, вместо блиндаж или, вернее, два блиндажа, соединенных вместе. Обследовав все это, луч прожектора застыл, но снова вдруг ожил и, будто кого увидев, забежал по сцене. Он следует за немецким Солдатом в очках, который, то, пригибаясь, то поднимаясь, то ползком, то короткими перебежками, пытается скрыться от страшного пучка света. Наконец прожектор, изрядно помучив, остановил его. Огромный детина, вытаращив глаза, застыл с поднятыми руками. Над левой стороной его груди, неторопливо покружив, повис черный крест снайперского прицела. Второй прожектор, второй зрачок, четко обозначил фигуру Сани и, взявшую врага на прицел.

Сани я. Ах, сволочь! О, заячье сердце!

Немец в очках. Девушка, милая, пощади, не стреляй! Не стреляй! Не убивай меня! Не убивай! У меня две дочери! Они такие же юные, как и ты! Они, как куклы, сделанные на самых известных заводах великой Германии! Такие красавицы, такие красавицы!.. Если бы ты видела их!.. Я же ради них веду эту собачью жизнь на Восточном фронте. Ради них! Ради этих моих куколок!

Сани я. Куклы!.. Красивые куклы... Живые куклы! Живые куклы!

Прожектор, оставив их в этом напряженном состоянии, возвращается на ленинградскую квартиру Тугырула. Сани я сидит на диване, Валья стоит у окна.

Валья. Ты, Саниюша, мне зубы не заговаривай! Лучше скажи прямо, пойдешь со мной или нет?

Сани я. Я... я не решила... Мне кажется, что девушки, как будущие матери, могут не воевать... Наше назначение — продолжение

рода человеческого. Мне многое хочется тебе сказать, но я не нахожу нужных слов. Война и женщина... Война и мать... Эти понятия несовместимы...

В а л я. А кто говорит, что они совместимы? Но... эти псы... Эти псы совсем обнаглели! Глеб пишет, что они идут в атаку, как на парад, во весь рост! С музыкой и песнями! А, каково? А если мы окончим снайперскую школу, то заставим этих наглецов ползать на животе перед нами! Поняла?

С а н и я. Не знаю, не знаю, Валюша... Дай мне еще немного подумать! Ведь мы же женщины, а казахи говорят, что дорожка у женщин узкая. Наше дело — рожать детей, воспитывать их, заботиться о семье... Кто знает, кто знает... Валя, лучше я расскажу тебе об Ерлане, ты послушай.

В а л я. А, старая песня!

С а н и я. Для тебя старая, а для меня...

В а л я. Знаю, знаю... Да, он и в самом деле похож на Печорина. Ты об этом хотела спросить?

С а н и я. Ой, Валя, ты обижаешь меня!

В а л я. Прости, Саниюша, прости! Он и вправду похож на Печорина, но я и сама не знаю, каков из себя Печорин...

С а н и я (*смеется*). Если не знаешь, почему говоришь, что Ерлан похож на него?

В а л я. А сама ты-то знаешь, какой он?

С а н и я (*растерянно*). Не-е-ет! Думаю... он был похож на моего Ерлана...

В а л я (*натянуто смеется*). Ну ты скажешь: «Мой Ерлан!» С каких это пор он стал твоим? Или вы уже?..

С а н и я. Нет, нет! Я его видела тогда в первый и последний раз!

В а л я. Может быть, вы переписываетесь?

С а н и я. Не-е-ет! С тех пор, как они уехали, от них нет писем! Ая-тате все глаза выплакала. Если я называю его моим Ерланом, то, значит, мне, наверное, взгрустнулось без него...

В а л я. А вот если... окончится война... Ерлан вернется и сделает тебе предложение... Ты выйдешь за него?

С а н и я. Ой, Валюша, ну что ты!

В а л я. Да ладно, не стесняйся, говори правду!

С а н и я. Кто знает, Валюша... кто знает!

В а л я. Ах, чертовка! С тобой все ясно!

Девушки обнимаются и некоторое время стоят молча.

Саниюша, как женятся по казахскому обычаю?

С а н и я. По казахскому обычаю?

В а л я. Да.

С а н и я. Я, конечно, не знаток в этом деле. Так, видела несколько раз, когда ездили с папой в аул...

В а л я. Ну, расскажи, покажи, как это происходит!

Сания встала с места. Увлечшись рассказом, не заметила, как постепенно вышла на середину сцены.

С а н и я. Значит, по-казахскому обычаю? В самом начале, конечно, парень и девушка должны полюбить друг друга... Раньше на это не смотрели... Ну, покупали и все такое!.. Конечно, не дай бог... Теперь такого нет... Если парень и девушка полюбят друг друга, парень сообщает об этом своим родителям, те присылают сватов к родителям девушки, ну и если сваты приглянутся друг другу, значит, дело решенное. Выполнив кое-какие предсвадебные церемонии, парень увозит девушку.

В а л я. И до сих пор так?

С а н и я. До сих пор! Или крадут... Если родители девушки не соглашаются, парень может украсть девушку!

В а л я. Ой, как интересно! А как?

С а н и я. Подкрадывается ночью, сажает на коня впереди себя и... только их и видели! А парни из аула, девушки — за ними! Топот конских копыт, крики... *(Хлопает себя по бедрам, топает ногами.)* Ай-ю-ю-ю! Держи их, держи! Ай-ю-ю-ю!

В а л я *(заливается смехом)*. Ты же настоящая артистка, Саниюша! Ой, как интересно! А как казахи нянчат своих детей?

С а н и я. Как нянчат? В бесике... *(Погрустнела.)* В нашем доме есть бесик...

В а л я. А что это такое?

С а н и я. Деревянная колыбелька... Мой коке женился в семнадцать лет — по вашим понятиям, слишком рано. И у него до сих пор нет детей... «Исходя тоскою по ребенку...» — так поется в казахских песнях. Исходя тоскою по ребенку... Для казахов слово «ребенок» равносильно слову «Бог»! Потому-то коке с женеше уехали из Казахстана. Для казахов бесплодная женщина — изгой. Ей житья не дадут! И моей женеше родичи мужа не давали покоя. Я сейчас покажу тебе бесик. *(Уходит в комнату, возвращается с зыбкой.)* Вот это и есть бесик — колыбель казахов! Этот бесик подарили женеше ее близкие в день свадьбы, как талисман, чтобы детей у нее было много, чтобы потомство было обильное...

В а л я. Какая красивая колыбелька!

С а н и я. Это же уменьшенное подобие казахской юрты. А казахская юрта — уменьшенное подобие голубого небесного свода! Как видишь, наш народ — народ с младенчески-чистой душой, с поэти-

ческим мировоззрением. И вот из такого бесика вырастает ребенок, вскормленный молоком матери...

В а л я. А ты знаешь казахскую колыбельную песню?

С а н и я. А как же? Их же много!

В а л я. Спой хоть одну, хоть одну!

С а н и я (*задумалась, пошла в комнату, принесла куклу*). Ты знаешь, я все еще не могу расстаться со своей куклой. Это — подарок папы, единственная память о нем. Куда бы ни ехала, везу с собой... Но друзьям не показываю, боюсь, что поднимут меня на смех. Хорошо, что женеше и коке не смеются. (*Завертывая куклу в платок, кладет в бесик и, погрузившись, присаживается возле. Поет.*)

Баю-баюшки, баю,
Не плачь, мой малыш, не плачь!
Я расколю тебе кость,
А к нитке привяжу, чтоб играл,
Шерсти клочок.

Баю-баюшки, баю,
Где мой младенец, где?
Он в высоких горах!
Но почему он не здесь?
Он по яблоки пошел!
И сколько яблок он нашел?
Он только начал собирать!
Красные яблоки срывать
сын не ленится,

А за ним толпой
красны девицы!
Баю-баюшки, баю,
Не плачь, мой младенец, не плачь!

В а л я (*подходит к Санье, обнимает и плачет*). Сама не пойму, почему плачу. (*Улыбается.*) Текут слезы, и все тут! А ты почему плачешь?

С а н и я. Я? С чего мне плакать? (*Отвернулась.*) Я не плачу. Я и ребенком-то не плакала!

Луч прожектора качнулся, поплыл и нашел в дальнем углу сцены Н е м ц а
в о ч к а х и С а н и ю.

Н е м е ц в о ч к а х. Пожалей моих дочек! Они такие же юные, как ты, такие же красивые, как ты! Они, как куклы, сделанные на самых знаменитых заводах Германии. Такие красавицы! Такие красавицы!

С а н и я (*вздыхнула, задумалась*). Вот как?

Немец в очках. Человек — раб обстоятельств! Думаешь, я сюда по своей воле пришел? Повторяю, человек — раб обстоятельств...

Прожектор тоже вроде задумался, потом покинул снайпера и мишень и вновь нашел ленинградскую квартиру. С а н и я просунула голову в открытую дверь и закричала кому-то наружу.

С а н и я. Я на минутку, товарищи, только на одну минутку! Попрощаюсь со своей тетей и выйду! Я быстренько! (*Вошла в комнату. Ни души. Возле буржуйки — разбитый бесик, разорванные книги.*) Боже мой! Бедная моя женеше, совсем ей, видно, туго пришлось! (*Подняв одну из книг, рассматривает.*) Жгли книги, спасаясь от холода... А бесик!.. Его тоже пустили на дрова...

Из соседней комнаты выходит А й ж а н. Она тепло одета — фуфайка, валенки, шаль.

А й ж а н. Кто здесь?.. (*Узнала Санию. Кинулись друг к другу в объятия.*) Солнышко ты мое! Золотце мое! Сания, баловница моя!

С а н и я. Ая-тате!

В этот момент из спальни выходит М у т а л и п. Сания, оттолкнув Айжан, вскрикивает.

О, чтоб мне ослепнуть!

А й ж а н. Что с тобой, Сания? (*Оборачивается.*) Ах, негодяй, кто тебя звал? Зачем ты вышел?

С а н и я. Коке, бедный мой коке! (*Вскрикнув, выбегает из комнаты.*) О, чтоб мне ослепнуть!

Убегает.

А й ж а н (*бормочет*). Ты не поняла, Сания... ты ничего не поняла... Это не то, что ты думаешь, постой, я тебе все объясню...

Прожектор опять устался на Немца в очках.

Немец в очках. Человек — раб обстоятельств! Раб обстоятельств!

Прожектор неторопливо обследовал блиндаж командующего армией, генерал-полковника Т у л ь с к о г о, высветил дальний угол и замер на мясистом лице прикорнувшего у стола генерала. Видимо, он вздремнул на мгновение, но стойло войти А д ь ю т а н т у, как он резко поднял голову.

Т у л ь с к и й. А? Что?

А д ь ю т а н т. Товарищ командир! К вам просится полковник Соловьев.

Т у л ь с к и й. А что, уже час? Пусть входит, я и в самом деле вызывал его на час.

Адъютант уходит. Входит полковник С о л о в ь е в.

С о л о в ь е в. Товарищ командующий!

Т у л ь с к и й. Ладно, ладно! Сколько тебе говорить, чтоб наедине не козырял предо мною? Ну проходи, садись! (*Здоровается за руку.*) Как поживаешь?

С о л о в ь е в. Вроде неплохо, Игорь Афанасьевич.

Т у л ь с к и й. Когда-то ты ко мне обращался на ты, Игорьком называл!

С о л о в ь е в (*рассмеялся*). Это было... когда-то... А теперь бо-язно даже Игорем Афанасьевичем называть! То, что мы вместе росли, не значит, что я должен ронять твой авторитет на людях!

Т у л ь с к и й. А кто говорит: «роняй авторитет»? Однако чело-веческие отношения всегда должны оставаться человеческими, не так ли? Ну, перейдем к делу!

С о л о в ь е в. У меня два дела... (*Встает.*)

Т у л ь с к и й. Сиди, сиди! Ну?

С о л о в ь е в. Первое — довольно неожиданное, потому начну с него. С Ленинградского фронта нам в подарок прислали семнадцать девушек... (*Рассмеялся.*)

Т у л ь с к и й. Семнадцать девушек? В подарок? Ты что гово-ришь, Вася?

С о л о в ь е в. Да, да, семнадцать девушек.

Т у л ь с к и й. Ничего не понимаю.

С о л о в ь е в (*закатывается смехом*). Обыкновенные девушки...

Т у л ь с к и й. Шуткам тоже есть предел, даже самая грубая шут-ка должна быть, по крайней мере, понятной! Если хочешь, чтобы я посмеялся вместе с тобой, объясни, в чем дело.

С о л о в ь е в. Вот-вот! Начальник есть начальник! Готов уже обругать...

Т у л ь с к и й. Брось, разве стану я ругать тебя? Просто хочу, чтоб объяснил...

С о л о в ь е в. А ведь они и в самом деле как снег на голову. Ко-роче, к нам, на Степной фронт, с Ленинградского фронта прислали семнадцать снайперов, и все семнадцать — девушки!

Т у л ь с к и й. А-а, теперь понятно. Но зачем они мне в этой сте-пи? Вот в лесу — другое дело!

С о л о в ь е в. Пожалуй, нам...

Т у л ь с к и й. Постой, постой, нельзя так, с бухты-баракты! Да-вай лучше пошлем их на окраину Сталинграда. Будут стрелять из развалин. Ну, конечно! Их не могли послать к нам просто так, за

здорово живешь. Ай-яй-яй, Вася, чуть из-за тебя впросак не попал! *(Весело смеется.)* Вот теперь можно посмеяться!

Соловьев. Я привел с собой их командира и комсорга, позвать?

Тулеский. Зови!

Соловьев *(идет к двери. Кричит с порога)*. Девушки, входите!

Входят Валя и Сания.

Валя. Товарищ полковник! Разрешите обратиться к товарищу командующему!

Соловьев. Разрешаю.

Валя. Товарищ генерал-полковник! Командир снайперской группы старший сержант Морозова прибыла с Ленинградского фронта.

Тулеский. Хорошо. Хорошо! *(Оборачивается к Сание.)* А вы кто?

Сания. Комсорг снайперской группы сержант Молдабекова!

Тулеский. Как, как вы сказали?

Сания. Комсорг снайперской группы сержант Молдабекова!

Тулеский. Молда-бе-ко-ва?

Сания. Так точно, товарищ командующий!

Тулеский *(задумался. Взволнованно заходит по комнате, тяжело вздохнул)*. Молдабекова, говоришь?

Сания. Так точно, товарищ командующий!

Тулеский. Ишь, как строчит! *(Рассмеялся.)* Сколько тебе лет?

Сания. Восемнадцать с половиной, товарищ командующий!

Тулеский. И не прибавила?

Сания. Не поняла, товарищ командующий.

Тулеский. Не прибавила, говорю, год-два, чтобы на фронт попасть?

Сания *(обиженно)*. Не-е-ет!

Тулеский. Ну ладно, ладно, смотри, какая сердитая! Я же пошутил. *(Оборачивается к Вале.)* Товарищ Морозова, о задачах, стоящих перед группой снайперов, расскажет полковник Соловьев. А сейчас... Как бы это сказать?.. Эх, уже разучился с девушками разговаривать!.. Одним словом, товарищ Молдабекова останется в моем штабе! Мне нужна секретарь-машинистка.

Услышав это, девушки изменились в лице. Их вид обескуражил даже командующего.

Василий Иванович, ты только взгляни! На них же смотреть страшно!

Валя. Это...

С а н и я. Это...

Т у л ь с к и й. Ну, говорите прямо, что это? Хотите сказать, что это самоуправство? *(Улыбаясь, ждет ответа.)* Ну, говорите!

С а н и я. Нет, нет!

Т у л ь с к и й *(повысил голос, и было непонятно, то ли в самом деле рассердился, то ли притворился рассерженным)*. Прекратить разговорчики! Это приказ! Старший сержант Морозова, вы свободны! Сержант Молдабекова, вы останетесь в моем штабе! *(Нервно зашагал по блиндажу.)* Смотри какие! *(Когда он повернулся, Валя продолжала стоять по стойке «мирно».)* Это еще что такое? Старший сержант Морозова! Слушай мою команду! Кру-у-угом! *(Валя развернулась.)* Ша-а-гом марш.

Четко печатая шаги, Валя вышла из блиндажа.

Ты смотри на них, а? *(Обернувшись к Соловьеву.)*

Сания еле слышно что-то буркнула.

Что-о-о-о? Что вы сказали, сержант?

С а н и я. Я все равно убегу!

Т у л ь с к и й *(подмигнул Соловьеву. Оба, довольные, рассмеялись)*. Ты слышал, полковник? Убегу, говорит! Выходит, для них приказ вышестоящего командира ничего не значит! Так, сержант?

С а н и я *(смело)*. Приказ командира только тогда приказ, когда он совпадает с велением солдатского сердца, в противном случае — это насилие!

Т у л ь с к и й. Постой, постой, как ты сказала? Повтори!

С а н и я. Приказ только тогда приказ, когда он совпадает с велением солдатского сердца, в противном случае — это насилие!

Т у л ь с к и й *(задумался)*. Кто это тебе сказал? Откуда ты это вычитала?

С а н и я. Никто мне не говорил, и нигде я не вычитывала! Это мои слова! Извините, я...

Т у л ь с к и й. Вот, вот! Значит, я не ошибся! Вы сказали очень правильно, Сания Нуржановна!

С а н и я *(от неожиданности присела на стул)*. Ой, откуда вы знаете мое имя-отчество?

Т у л ь с к и й *(подходит и целует Санию в лоб)*. Ну, конечно, конечно! Я так и подумал, что ты — дочь Нуржана!

С а н и я. Господи... Вы...

Т у л ь с к и й. Не удивляйся, дочка. Твой отец, полковник Молдабеков, был под моим началом командиром полка на Дальнем Востоке. Потом его перевели в Ленинградский военный округ, а потом... пусть земля будет ему пухом... Да, это тяжкая утрата! А какой был джигит! Одни усы чего стоили! Надо было видеть, как он гарцевал на бе-

лом коне! И с людьми любил говорить прямо с коня, поэтому многие считали его гордецом. А на самом деле, хоть и был он неприступен с виду, сердцем был мягок. Ты тоже пошла в отца, чувствую, чувствую, что хоть и строптива, но в душе добрая, чуткая... Ну, хватит, не дуйся! Сиди, сиди! Я был другом твоего отца... И мать твою, покойницу, знал, не раз сидел за ее дастарханом. Красивая была женщина... Обликом ты пошла в нее... Я-то видел тебя давно, совсем еще маленькой... Адъютант!

Адъютант *(входит)*. Слушаю!

Тул ь с к и й. Принеси чай! Ко мне гости пришли! *(Рассмеялся.)* Эх, дочка, дочка! Ты была тогда совсем ребенком! Кто бы мог подумать, что дети, у которых молоко на губах не обсохло, будут воевать в снайперской группе! Проклятые фашисты, чтобы вас черти побрали! Напали на мирную страну, нарушили покой столько семей, заставили от мала до велика взяться за оружие, даже детей не пощадили! Сволочи!

С о л о в ь е в. Ведь и мой Васек вот так же, как она, пошел добровольцем, теперь лежит в белорусской земле...

Тул ь с к и й. И мой Игорек... *(Отвернулся.)*

С о л о в ь е в *(посмотрел на часы)*. Товарищ командующий... Надо бы поговорить об этой... о саперной роте... Я пригласил к часу тридцати майора Тайманова, он, наверное, уже подошел.

Услышав фамилию «Тайманов», Саня подалась вперед, но огромным усилием воли взяла себя в руки.

Тул ь с к и й. Как обстоят дела в этом плане?

С о л о в ь е в. По вашему приказанию, я собрал лучших саперов во всей армии и организовал роту. Командиром назначил своего сына... своего сына... Тайманова. Теперь хочу представить вам. Вы же сказали, что сами дадите задание...

Тул ь с к и й. Вы сказали «мой сын»?

С о л о в ь е в. Да, Игорь Афанасьевич. Он сирота, и я сирота, вот и нашли друг друга, после войны хотим жить вместе, как отец и сын...

Тул ь с к и й. Понятно, понятно... Ну пусть входит твой сын.

Соловьев, суетясь, открывает дверь. Входит Е р л а н.

Е р л а н. Товарищ полковник! Разрешите обратиться к товарищу командующему!

С о л о в ь е в. Разрешаю!

Е р л а н. Товарищ командующий! Майор Тайманов...

Тул ь с к и й *(махнул рукой)*. Ладно, я все знаю, полковник мне все объяснил. Садитесь...

Е р л а н. Разрешите стоять, товарищ командующий!

Тул ь с к и й. Воля ваша.

Сания не знает куда деться. Ерлан, хоть и видит ее, делает вид, что не замечает. Между Соловьевым и Тульским происходит немой диалог насчет Сании. Тульский кивает, как бы говоря: «Пусть остается».

Прошу к столу, возьмем быка сразу за рога! *(Обращается к Сание.)* Кажется, у казахов нет такого оборота речи? Покойный Нуржан, твой отец, всегда смеялся, когда я так говорил, ему нравилось это русское выражение. Он считал, что так может говорить только храбрый народ!

Санию бьет дрожь, она еле сидит. Ерлан будто не видит ее. Соловьев и Тульский, заметив их состояние, смотрят вопрошающе друг на друга.

(Ерлану.) Подойдите ближе. Видите эту дорогу? Она, в общем-то, довольно широкая, но вот в этом месте сужается. Справа высится обрывистый берег Волги, слева — гора. Говорю «гора», потому что картографы обозначили ее, как гору, но вы, казахи, назвали бы ее, конечно, холмом, потому что высотой она всего в двести четырнадцать метров. Так вот, дорога, кстати, единственная в западном направлении, пролегла у подножия этой горы, или, говоря по-военному, высоты девятнадцать — шестьдесят восемь. Воспользовавшись таким обстоятельством, фашисты заминировали именно эту часть дороги. Задача, стоящая перед вашей ротой, в промежуток времени с двенадцати ночи до пяти часов утра освободить подножие горы от мин. Враг, конечно, не будет сидеть сложа руки. Малейшая неосторожность — и мы пропали — обстреляют со всех сторон. Нам может помочь только одно — осторожность! Осторожность, и еще раз осторожность! Понятно, товарищ майор?

Ерлан. Понятно, товарищ командующий.

Тульский. Название горы Костюб.

Ерлан. Костюб?

Тульский. Да, Костюб. Что в этом удивительного?

Ерлан. Извините, товарищ командующий! Название какое-то странное! Не знаю почему, но...

Тульский. Чего скрывать, майор, если вы с честью выполните задание, мы сделаем большое, славное дело! Это очень важное задание. Полковник Соловьев выбрал вас не случайно.

Соловьев. Да, товарищ командующий, нелегко отпускать на такое дело своего сына... Ерланчик, мне очень нелегко...

Ерлан. Понимаю, отец.

Тульский. Ну, майор, скопируйте с карты необходимые вам места. *(Поворачивается к Соловьеву.)* Товарищ полковник, пойдемте ко мне, погреемся немного, чайку попьем. *(Подмигнул Соловьеву и повернулся к Сание.)* Дочка, ты посиди здесь... *(Выходя из блиндажа, в коридоре.)* Вася, ты заметил, что происходит с девушкой?

Соловьев. Еще бы! Глаз с Ерлана не сводит. А как же иначе, ведь мой сын красавец!

Тульский. Мне показалось, что они уже знакомы друг с другом.

Соловьев. Возможно. Хотя какая девушка сможет равнодушно смотреть на моего сына!

Тульский. Саня — дочь моего друга. Смотри, Вася, как бы нам с тобой сватами не стать! *(Смеется.)*

Соловьев *(тоже смеется)*. А что тут такого? Я не прогадаю, если стану сватом такого начальника, как ты!

Тульский. По казахскому обычаю, ты мне заплатишь калым!

Соловьев. А что? Можно! Но что кроме немецкой каски с меня возьмешь?!

Тульский и Соловьев, продолжая смеяться, выходят. Стоило им выйти, как Ерлан рванулся к Сание.

Саня. Ерлан-ага! *(Вскочив с места, бросается ему на шею.)*

Ерлан. Саня!..

Саня. Ерлан! Ерлан!..

Ерлан. Санияжан!.. Откуда ты взялась?

Саня. Я... при виде вас... тебя... вас... чуть в обморок не упала!

Ерлан. И я чуть не выдал себя перед командующим! Когда я вошел в блиндаж, сразу увидел тебя, но... я еле сдержал себя! Откуда ты, Саняш? Как понять эту военную форму?

Саня. Уже год, Ерлан... Ерлан-ага... как я в армии. Три месяца училась в снайперской школе. Под Москвой, в местечке Вешняки... Девять месяцев, как на фронте. Так и живем... Когда-то нас в снайперской группе было двадцать три девушки, теперь — семнадцать... Вражеские снайперы тоже не зевают. Девять месяцев мы пробыли на Ленинградском и Волховском фронтах. Теперь вот перевели на Степной фронт... Похоже, будем сражаться на разбитых улицах Сталинграда. Не одному фашисту успела отомстить за всех нас. Хотя оставим это, нашла чем хвастаться! Время военное, вот и приходится говорить... Расскажите лучше о себе, Ерлан!..

Ерлан. Что я могу рассказать о себе! С тех пор как ты... как вы проводили нас, воюю... Выходит, и война может превратиться в привычное занятие. Фашисты ставят мины, а мы их обезвреживаем. Наше дело такое... незаметное...

Саня. А на груди два ордена...

Ерлан *(смеется)*. Так ведь ты сама говоришь — время-то военное...

Саня. Оказывается, и ты умеешь смеяться, Ерлан!.. *(Смущается.)* Ты... то есть вы, Ерлан-ага! Ой, вконец запуталась!

Ерлан. Говори мне «ты», Саня. Ведь и ты теперь воин! Говори ты.

С а н и я. Пропади она пропадом, эта война! Мне кажется, что за последний год я прожила сто лет... Я так постарела, так постарела! Уже не помню, когда в зеркало гляделась, да и боюсь я зеркала... Наверное, так опустилась!

Е р л а н. В твоём облике я не вижу никаких изменений, кроме военной формы...

С а н и я. Возможно... но душой я старуха. Ты, наверное, просто щадишь меня. Не может быть, чтобы израненная душа не отразилась на внешности.

Е р л а н. Эти слова, Сания, тебе совсем не к лицу!

С а н и я. Не к лицу, конечно, не к лицу! Я это понимаю. Знаешь, казахи различают два героизма: слепой и сознательный. Слепой герой — это тот, который в бездумном порыве совершает поступок, а о другом героизме наш предок Махамбет сказал, что батыров рождает мысль. Это героизм сознательный, героизм ума и воли. Честно скажу: каждый убитый враг дался мне нелегко. Очень нелегко, Ерлан! Радости от этого мало. Поймав врага на мушку, я каждый раз медлю спустить курок и, чтобы все же нажать, припоминаю зверства фашистских выродков. Перед войной я прочитала статью одной знаменитой актрисы. Она, чтобы вызвать у себя слезы на сцене, вспоминает незаслуженные обиды. Они снова и снова заставляют ее страдать, актриса плачет... Вот так и я... Вспоминаю то, что дает мне силы мстить врагу...

Е р л а н. Жаль, что мы встретились в такой для тебя грустный час...

С а н и я. Не-е-ет! Не говори так, Ерлан! Это — радостный час! Я счастлива, что могу поделиться сомнениями с человеком, которому можно доверять... Такое я могла бы сказать только своему дорогому коке... Но он пропал без вести... Неужели погиб? *(Плачет.)*

Е р л а н *(с ласковой улыбкой)*. Эй, воин! Ты чего это, а? Как это понять?

С а н и я. Может, ты знаешь о нем что-нибудь? Я послала столько запросов, ни на один нет ответа.

Е р л а н. О нем и я ничего не знаю, ведь я его не разыскивал.

С а н и я *(ужаснулась)*. Как?

Е р л а н *(смеется)*. А вот так! Он выполняет задание там, куда писем не шлют!

С а н и я *(установилась на Ерлана в изумлении)*. А ведь верно! Ведь мой коке — чекист! Ну конечно же он выполняет какое-то секретное поручение! Какие тут могут быть сомнения? Ну конечно! Как эта мысль не пришла мне в голову раньше? Ерлан, Ерлан-ага! Дай я поцелую тебя за это! *(Подбежав, бросается парню на шею.)* Алакай, Алакай! *(Затанцевала.)* Мой коке жив! Мой коке в разведке!

Ему нельзя переписываться, поэтому он и не ответил мне! Алкай, Алкай! Как я могла не додуматься до этого?

Ерлан. Ну вот, так бы давно!

Сания (*танцует*). Алкай, Алкай! Мой коке жив! Жив!

Ерлан. А теперь я займусь картой...

Сания. Мне-то что делать?

Ерлан. Тебе? А ты спой мне казахскую песню! Помнишь, которую в Ленинграде пела? Ну, насчет этих... аула и туч...

Сания. А-а! Эту, что ли? (*Поет.*)

Плывет кочевье, оставив тени круч,

Перекликаясь с караваном туч...

Мы сызмальства росли ведь вместе, светик.

Ах, с кем теперь ты делишь негу чувств?..

Ерлан. Прекрасно! Какая чудесная песня! А слова-то какие, а?

Сания. Она и мне нравится! (*Задумалась.*) Ерлан, меня давно волнует один вопрос... Если я спрошу, ты ответишь?

Ерлан. Спрашивай. Отчего не ответить?

Сания. В прошлом году в Ленинграде, в доме моего коке, в первый день нашего знакомства... ты... не позволил ему играть на домбре. Когда он захотел сыграть... ты изменился в лице, побледнел и выхватил из его рук инструмент...

Ерлан (*смеется*). Ну, наверное, не выхватил, а попросил...

Сания. Возможно, но было такое впечатление, что выхватил. Как это понять? Почему ты так поступил?

Ерлан. Тогда я был не в силах объяснить свой поступок, а теперь могу... Война закалила. Мне было страшно услышать звуки домбры. Отец играл на ней перед самой своей смертью... Они с мамой умерли в один год... от голода, умерли и десять их детей — моих братьев и сестер, я остался один из всей семьи... Перед смертью отец дни и ночи заставлял домбру плакать и умер с нею в руках... Я воспитывался в детском доме... я — последняя ветвь целого рода...

Сания. Ой, агатай! Ой, Ерлан... Ерлан...

Ерлан (*принужденно смеется*). Опять у тебя глаза на мокром месте, девчонка?.. А еще воин...

Сания. Я б заплакала, если бы могла плакать...

Ерлан (*снова уткнулся в карту, что-то чертит*). Спой еще раз эту песню!

Сания. Извини, Ерлан... мне расхотелось петь... Перекопируй-те... этот свой Костюб... потом, может, и спую...

Ерлан. Костюб... Костюб... Этот Костюб не дает мне покоя!

Сания. Почему?

Ерлан. В древние времена здесь обитали кочевники, вот я и

думаю — а что, если этот Костюб — самое обычное Костюбе, то есть Сдвоенные холмы? Вот что меня беспокоит. Я хотел, но не решился сказать о своих сомнениях командующему...

С а н и я. А что тут, собственно, такого? Дело же не в названии, а в сути!

Е р л а н. Конечно, конечно, я тоже подумал, что дело не в названии... Если останемся живы после этого Костюба...

Луч прожектора застыл, словно задумавшись о чем-то, а потом, покинув влюбленных, нашел дрожавшего на опушке леса Немца в очках и ваявшего его на прицел снайпера С а н и ю.

Немец в очках. Каждый, кто явился в этот мир, должен, как ты сама говоришь, видеть солнце, наслаждаться и радоваться жизни. Я тоже проклинаю войну! Я пришел сюда не по своей воле! Если бы я уклонился от фронта, меня расстреляли бы на месте или сгноили бы в лагере. Но я не мог оставить сиротами своих дочек и сделать вдовой жену! Я отправился на фронт, надеясь, что выживу! Откуда тебе знать, дочка, каким бывает народ, которым управляют фашисты! Откуда тебе знать, дочка, что в душе я за справедливое дело трудового народа!

Сания задумалась. Прожектор, оставив Санию и Немца в очках, разрезая лучами тьму «вселенной», начал шарить по сцене и, наконец, устоялся в лицо одиноко причитающей в блиндаже Сании.

С а н и я. Не знаю, кого умолять, не знаю, о чем молить! Но, кажется, я должна и умолять и молиться! Ерлан! На трудное дело пошел ты, Ерлан, а я стою в растерянности... Я готова с веригами на шею молиться за тебя, Ерлан, но кто услышит мои мольбы? Постой, я знала одну песню... Как же она начиналась? «Бедняжка белая коза причитает над своим козленком», а дальше-то как?.. Давай попричитаем вдвоем, но дойдет ли плач наш негромкий до ушей господних? Ерлан! О, Ерлан! Вернись живым и здоровым, вернись с честью и славой! Какое же трудное дело ты взвалил на свои плечи, Ерлан! О, Ерлан! Слепая любовь моего детства! Ведь сначала я приняла тебя за Печорина! Какой же романтической дурой была я тогда! С тех пор словно целая вечность прошла! Чего я только не повидала с той поры! То, что я повидала и переживала за последний год, хватило бы тысячам казашек на всю жизнь... Да, на всю жизнь! О, Ерлан, родной мой, теперь ты будешь для меня только моим Ерланом! Вот что я сегодня поняла! Вот что я сегодня осознала всей душой и всем сердцем! Когда-то ты не позволил играть на домбре моему коке, и только сегодня я поняла сокровенный смысл твоего поступка! Наверное, теперь вся моя жизнь будет посвящена тебе... Одинокий тополь, оставшийся от целого леса! Мой одинокий тополь! Когда кончится

эта безумная война, я свою жизнь посвящу тебе! Пройдет еще совсем немного времени, и мой одинокий тополь породит на свет молодую поросль. Это будет, обязательно будет! О, Ерлан мой, о, мой единственный! Пусть даст мне господь стать твоим садовником! О-о! Я еще разведу лес... «Бедняжка белая коза причитает над своим козленком»... Какая зловещая ночь! Адская ночь! Адская тишь! Уже четыре с половиной часа, как они за работой. Но ведь им нужна эта тишина... Боже, пощади их, пощади!

Вдруг, ослепительно сверкнув, в небе повисла красная ракета, и тут же началось светопреставление.

О, боже, фашисты, кажется, заметили! Какая жалость! О-о, кого умолять? Кому молиться?..

Вслед за последними словами Сании зазвучал тоскливый и надрывный звук кобыза. Прожектор осветил стоящих в блиндаже Тульского, Соловьева, Аджюганта.

Тульский. Ах, черт возьми! Кажется, заметили! Ребята ведь почти уже закончили, смотри, как получилось! Ах, черт!

Соловьев. Сколько молодых жизней оборвется сегодня!

Прожектор, оставив блиндаж, обратил сочувственный взор на одиноко причитающую в темноте Санию.

Сания. О-о, мой несравненный, мой единственный, взваливший на плечи груз целого рода! О, вернись, вернись, вернись живым! Если ты вернешься живым и здоровым, я стану садовником! Взращу и валелею твое потомство, стану для него матерью-прародительницей, как Хай-ана! Каменная мать! О, каменная мать! Мать всех нас, поддержи моего единственного! Заклинаю, поддержи!

Перед Санней возникает балбал — каменная мать.

(Склонила колени перед каменной матерью.) О, мать, священная мать наша. Поддержи! Помоги нам!

Взрывы снарядов. Томительная, словно вобравшая в себя все страдания человечества, музыка кобыза. Прожектор вновь вернулся в блиндаж командующего.

Тульский *(посмотрел на часы)*. Пора бы уж и весточку получить от нашего джигита.

В блиндаж входит Ерлан — оборванный, весь в саже, края одежды местами подпалены.

А вот и герой наш, легок на помине!

Соловьев. Ерлан! Сын мой! *(Непроизвольно рванулся к Ерлану, но, вспомнив, что рядом командующий, остановился.)*

Ерлан. Товарищ полковник! Разрешите обратиться к товарищу командующему!

Соловьев. Разрешаю!

Ерлан. Товарищ командующий! Ваше задание выполнено. Высота девятнадцать — шестьдесят восемь, или гора Костюб, полностью очищена от вражеских мин! В конце работы нас обнаружили вражеские разведчики и мы были обстреляны артогнем. Потери огромны... Из двухсот солдат вернулись лишь семнадцать... Товарищ генерал-полковник! Я считаю себя виновным перед погибшими! Готов понести любое наказание!

Тульский. Ладно, ладно! Разве ты виноват в бдительности врага? Молодец, что выполнил задание! Василий Иванович! Сын у тебя что надо! Молодец! Ну-ка, дай я тебя поцелую! Адъютант!

Адъютант. Слушаю, товарищ генерал-полковник!

Тульский. Принеси мою именную саблю!

Адъютант. Есть!

Тульский. Василий Иванович! Представьте майора Тайманова к высокой награде, приготовьте бумаги! А пока передаю нашему герою мою именную саблю!

Вошел Адъютант, подал Тульскому саблю.

Ну, товарищ майор! *(Рассмеялся.)* Ерлан *(повернулся с улыбкой к Соловьеву)* Васильевич! Да, Ерлан Васильевич! Эта сабля для меня очень дорога! Она стала моей неразлучной подругой еще с гражданской. Она и в Халхин-Голе принимала участие. Теперь я преподнесу тебе. Пусть она будет тебе зрачком моих глаз, как говорят казахи, береги ее как зеницу ока. Я рад, что она досталась такому молодцу, как ты. *(Протянул саблю Ерлану, присев на колено, взял ее двумя руками и поцеловал сине-голубое острие.)*

Ерлан *(встал на ноги)*. Служу Советскому Союзу!

Соловьев *(поцеловал Ерлана в лоб)*. Поздравляю, сынок!

В блиндаж вбегает Сания. На этот раз она без колебаний и смущения бросилась Ерлану на шею.

Сания. О, мой Ерлан, родной мой!

Тульский *(посмотрел с улыбкой на Соловьева)*. Ну, сват, что ты скажешь на это?

Соловьев. Скажу, что правильно! Что больше сказать?

Прожектор побежал по сцене, постоял некоторое время, дрожа, словно обеспокоенный чем-то, потом, пошарив по сторонам, вновь нашел Санию, взявшую на прицел Немца в очках.

Немец в очках. Да будет проклята эта бессмысленная бойня, которую называют войной! Война противна самой человеческой

природе, она унижает и уродует человека! Она превращает человека в зверя... Живя среди кровопролитий и преступлений, нелегко сохранить в чистоте душу, ой, как нелегко, дочка!

С а н и я. Ишь, как заливаешься, негодяй! *(Вздыхает.)*

Кобыз, пробиваясь сквозь гул самолетов, грохот артиллерии, рев танковых моторов, как бы продолжает свой поединок. Проектор вновь приводит зрителя в блиндаж командующего.

Здесь Тульский, Соловьев, Адъютант.

А д ъ ю т а н т *(стоит, прижав к уху телефонную трубку)*. Товарищ командующий, танковая дивизия начала движение по высоте Костюб. Никаких происшествий нет!

Т у л ь с к и й. Мо-ло-дец, Тайманов!

С о л о в ь е в. О, господи!

Т у л ь с к и й. Что такое?

С о л о в ь е в. Так просто...

Т у л ь с к и й. Ты, случайно, не богу молишься, Вася?

С о л о в ь е в. Это я так, к слову... За Ерлана волнуюсь...

А д ъ ю т а н т *(вдруг изменился в лице, выпучил глаза, пришел в ужас)*. Что вы говорите? Не понял! Повторите!

Т у л ь с к и й. Что там?

А д ъ ю т а н т *(в трубку)*. Не может быть! Не может быть!

С о л о в ь е в. Что случилось?

А д ъ ю т а н т. Первая колонна танковой дивизии начала подрываться на минах!

Т у л ь с к и й. Как?!

С о л о в ь е в. Не может быть!

Т у л ь с к и й. Ну-ка, дай мне трубку! *(Вырывает трубку из рук Адъютанта.)* Я слушаю вас, генерал, что случилось? Сколько?! Можно бы понять, если это какие-то две-три мины, оставшиеся незамеченными! Сколько, говоришь? Двадцать танков?! Да это же намеренное вредительство! Что? Еще? *(Вперил пронзительный взгляд в Соловьева.)* Ах, гады! Что делать, говоришь? Что еще? Что? Прекрати в таком случае атаку! Прекрати! Сколько труда пропало! Это вредительство, которое можно ожидать лишь от смертельного врага! Вредительство! Слышишь, Вася? Пол-ков-ник Соловьев, слышишь?! Двадцать пять танков подорвалось на минах! И это все твой сын, твой сыночек! Вот тебе и сын! Змею ты пригрел на груди!

С о л о в ь е в. Не может быть, не может быть! Выходит, что эти сто восемьдесят три человека... Не может быть, не может быть!

Т у л ь с к и й *(кричит в трубку)*. Ты слушаешь, генерал? Разворачивай дивизию, разворачивай! Жди моих дальнейших распоряжений! *(Повернулся к Адъютанту.)* Где этот... предатель!..

А д ъ ю т а н т. Здесь. Вы же сами послали его отоспаться, ну и и...

Т у л ь с к и й. Привести его.

Адъютант выходит.

С о л о в ь е в. Будь проклят тот день, когда я родился! О-о-о!
(*Бьет себя по лбу.*)

Входят Адъютант и Ерлан.

Е р л а н. Тов...

Т у л ь с к и й. Молчать! Я тебе не товарищ! Я никогда не был товарищем предателя!

Е р л а н. Ничего не понимаю...

С о л о в ь е в. Эх, несчастный! Эх, бедолага!

Е р л а н. В чем дело, отец?

Т у л ь с к и й. Ишь, прикинулся! Предатель!

Е р л а н. Товарищ генерал-полковник! За такие слова...

Т у л ь с к и й. Смотри, какой наглец. (*Подходит к Ерлану, резким движением срывает с него погоны, ордена. Выхватил из пояса саблю.*) Тебе не пристало носить такие святыни! Адъютант! Возьми эту сволочь и...

В этот момент в блиндаж входит С а н и я.

Что ты здесь делаешь?!

С а н и я. Я все слышала... Я все слышала, но... этого не может быть!

Т у л ь с к и й. Адъютант! Я кому сказал? Выведи за дверь и расстреляй! Собаке — собачья смерть!

С о л о в ь е в. Товарищ командующий! Иван Афанасьевич! Ради меня, ради нашей тридцатилетней дружбы! Отмени приказ о немедленном расстреле! Отдай его под трибунал, под суд! Это... Это...

С а н и я (*бросилась в ноги Тульскому*). Это, наверное, ошибка, недоразумение! Товарищ командующий! Иван Афанасьевич! Ради памяти моего отца, ради памяти вашего друга!.. Подождите до рассвета. Отдайте его под суд, под трибунал! А до рассвета... Поручите Тайманова мне... под мою ответственность...

Т у л ь с к и й. Тебе?!

С а н и я. Да, мне. Под мою ответственность!

Т у л ь с к и й. Конечно, я тебе верю. Но зачем тебе он? Этот предатель...

С а н и я. Он не предатель! Но... если... если он... предатель... Иван Афанасьевич! Отдайте мне его до рассвета!

Т у л ь с к и й. Сержант Молдабекова! Поднимитесь! Я вам не хозяин, а вы не моя рабыня. (*Горько усмехнулся.*)

Сания поднялась.

Теперь для меня это ничтожество гроша ломаного не стоит! Отдаю его тебе до рассвета! Еслипустишь, пеняй на себя! Тогда и тебя под трибунал!

С а н и я (с искаженным от боли лицом). Не убежит (сама не замечает, как, резко схватив, прижимает к груди снайперское ружье), не убежит...

Е р л а н. Как будто мало мне унижений! Теперь еще и беглецом...
Т у л ь с к и й. Молчать!

Ерлан, упав на пол, забился в рыданиях.

Сержант Молдабекова! Забери этого негодяя! Отдаю тебе до рассвета! Пусть будет по-вашему! Буду ждать трибунала! Давай забирай!
С а н и я. Спасибо!

Ерлан поднялся.

Ну, идите... идем...

Ерлан и Саня вышли. Проектор, словно в смятении, стал шарить по углам сцены. Наконец выхватил из тьмы Немца в очках и Санию.

Н е м е ц в о ч к а х. Что делать... Время лепит человека. Когда начинается такое светопреставление, никто не сможет остаться в стороне! Я всего лишь один из многих... Раб обстоятельств!.. Что же мне делать?..

С а н и я (вздохнув). Зря я разговорила тебя! Зря позволила оправдываться! Отец говорил мне, что сила слов огромна.

Проектор оставил их и нашел стоящих в поле лицом к лицу Е р л а н а и С а н ю.

Е р л а н. Теперь и ты хочешь унижить меня! Будто мало испытаний выпало на мою долю! Лучше застрели! Застрели! Я прошу тебя, Саня!

С а н и я. Нет, нет!

Е р л а н. Тогда отдай мне свое ружье!

С а н и я. Нет, нет! Не верю! Не верю! Не верю тому, что ты предатель! Постой, дай подумать! Что же это такое? Чтоб мне ослепнуть! Чтоб мне оглохнуть! Чтоб мне лишиться речи!

Е р л а н. Да, тут слова излишни, Саня!

С а н и я. Нет! Нет!

Е р л а н. На моих глазах ты бросилась в ноги командующему, и я понял, что ты всей душой веришь в меня. Но, родная, именем твоего Тугырула-ага, прошу, застрели меня! Иначе ляжет пятно на советского офицера, на весь наш народ! Застрели же, прошу тебя, застрели!

С а н и я. Нет, нет, нет! Не застрелю! Это слишком легкий выход из положения!

Ерлан. Тогда отдай мне свое ружье!

Сания. Нет, нет и нет!

Ерлан. И все же подумай, Сания! Приведи меня к этому проклятому Костюбу! К этому роковому для меня Костюбу! Ну, а там, а там...

Сания. Ерлан, что с тобой? Мы ведь стоим у подножия Костюба!

Ерлан. А-а! Разве? Да-а, мы же только что пришли! Действительно, что со мной? С ума, что ли, схожу? О-о-о! Какой позор! Из-за меня теперь пострадает Василий Иванович! О-о-о!

Сания (она тоже не в себе). Последние минуты... Последние минуты... Сейчас выглянет солнце, сейчас выяснится! Чтоб ослепнуть мне, чтоб ослепнуть мне, если увижу плохое! Чтоб мне ослепнуть! Чтоб мне ослепнуть!

Ерлан. Обреченному погибнуть нетрудно, но ведь пойдут грязные, слухи, что молодой советский офицер, воспитанник партии и комсомола, казах — совершил такое... О как обрадуются этому всякие ничтожества и негодяи! О-о-о! Сания!

Сания. Молчи!

Ерлан. Сания!

Сания. Молчи, говорю! Сейчас... сейчас...

В этот момент поднимается солнце. Вдали, словно нарисованные, четко возникают выглядывающие друг из-за друга вершины двух гор, или, вернее, холмов. Чистое, просторное подножие первого холма пересек извив черной дороги, у подножия второго, дальнего холма, — остатки горящих танков...

О, значит, суждено еще нам любоваться Солнцем! Какие же мы счастливыцы!.. Ерлан-ага, оглянись! Оглянитесь! Видишь холмы, два холма, вершины которых выглядывают друг из-за друга? Это не Костюб, а Костюбе! Сдвоенные холмы! Твои вчерашние опасения оправдались!.. Их и на самом деле два... Значит, мы имеем право на счастье... А если бы... если бы...

Ерлан. Если бы холмы оказались несдвоенными?..

Сания. Не спрашивай ни о чем... Не знаю... я ничего не знаю... Ерлан, прости меня... Я не имела права сомневаться в тебе, я и не сомневалась... Ерлан, прости...

Девушка преклонила колено перед парнем, парень тоже преклонил колено перед девушкой.

Ерлан. Не-е-ет, это ты прости меня! Какое у тебя сердце! Я ни о чем тебя не спрашиваю. Если не знаешь ты, знаю я! Я убедился в этом и очень рад!

Они стоят коленопреклоненные, касаясь друг друга лбами. Проектор дрог-

нул. Ерлан исчез, а Сания осталась в той же позе. В дальнем углу сцены, подняв руки, стоит Немец в очках.

Немец в очках. Я знаю, что думали ваши писатели по этому поводу. Они писали: кто не со мной, тот против меня! Но... но нельзя так строго смотреть на жизнь, ведь существуют люди, которые не смогли открыто встать в ряды борцов за правое дело, а внутренние солидарны... Я из таких! Я смертельно ненавижу фашизм! Но что делать, я не в силах и пальцем шевельнуть против него... Если бы отпустила меня, я бы стал всюду открыто говорить о безграничной доброте советских людей!

Сания. Ну ладно! Не надо было давать волю твоему языку... Иди, дарю тебе жизнь!

Крест снайперского прицела, опускаясь все ниже, сползает с его груди.

Немец в очках. Это правда? Ты мне даришь жизнь? Спасибо, дочка, спасибо!

Сания. Исчезни, проклятый! Исчезни отсюда, пока я не передумала!

Немец в очках. Ухожу, ухожу, исчезаю.

Сания. Наверное, зря я его отпустила!.. Говорят, что тот, кто жалеет врага, не жалеет себя!

Фашист, уходя, поднял с земли автомат, резко обернулся и начал стрелять по застывшей в раздумье девушке. Ах, как он стрелял! Стрелял и смеялся! Стрелял и смеялся! Он прямо захлебывался стрельбой и смехом... Беспощадный лай автомата и торжествующий хохот заполняют сцену, зрительный зал... Луч прожектора поник и бестолково зашарил по полу. Вдруг в ослепительном свете на сцене возникают смеющиеся Валя и Сания.

Валя. Саниюша, расскажи, как казахские женщины растят детей? Ну, прошу тебя, пожалуйста!

Сания. Разве матери всего мира не растят детей одинаково? Разве не одинаково их воспитывают? Но у нас... у нас есть бесик, священный бесик, вот! Вот это и есть священный бесик! Казахская колыбель! *(Берет свою куклу, тщательно кутает, кладет в колыбель и начинает баюкать.)*

Баю-баюшки, баю,
Не плачь, мой малыш, не плачь!
Я расколю тебе кость,
Я к нитке привяжу, чтоб играл
Шерсти клочок.
Баю-баюшки, баю,
Где мой младенец, где?
Он в высоких горах!

Но почему он не здесь?
Он по яблоки пошел!
И сколько яблок он нашел?
Он только начал собирать!
Красны яблоки срывать
сын не ленится,
А за ним толпой
красны девицы!
Баю-баюшки, баю,
Не плачь, мой младенец, не плачь!

В а л я. Ой, как здорово!

Подружки танцуют и смеются. Счастливые, такие счастливые!

З а н а в е с

Сакметеру-
мой Серпухову
абрамаки

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Арыстан-Би — бывший директор совхоза.
Кауга-Сахал — приезжий.
Манги-Ульмес — временный директор совхоза.
Жора — корреспондент из Алма-Аты.
Сания-Сулу — жена Манги-Ульмеса.
Колотун }
Ребун } рабочие.
Пискун }

Пастух.
Пастушка.
Некто.

Действие первое

Картина первая

Современный совхоз. В глубине сцены Дворец культуры, многоэтажные дома и одноэтажные типовые строения. На постаменте застыл памятник-трактор. Ближе к авансцене памятник-бюст. Широкогрудый, с гордо поднятой головой. По всему видно, что поставлен он в честь весьма самолюбивой личности.

На сцене появляются Манги-Ульмес и Жора.

Манги-Ульмес (*восторженно*). Вот, дорогой Жора, ты и познакомился с нашим хозяйством. Разве наши достижения не говорят, вернее, не кричат сами за себя?

Жора (*соглашаясь*). Кричат.

Манги-Ульмес. Действительно, у кого еще в районе столько посевных площадей? У кого такая ферма крупнорогатого скота? Кому еще скот приносит такой доход? Дворец культуры, сам видишь. Школу-интернат, музыкальную и спортивную школы тоже. С народным театром ознакомился. А санаторий-профилакторий? Какому совхозу, где работают тысяча триста человек, удастся содержать санаторий на триста мест? Никакому. Кто помогает соседним совхозам? А больница? Со всего района едут к нам лечиться. Разве мы отталкиваем чужих? Нет. А садоводство, а овощеводство? Вот, смотри, оглядись кругом! Смотри, запоминай, пиши! Как живут рабочие, наверное, ты заметил по дастархану, который накрыла женге у нас в доме! Вот так, милый Жора, вот так! Разве я не прав?

Жора. Правы, Маке, правы!

Манги-Ульмес (*возбужденно*). А человек, из-за которого ты приехал, вот он перед тобой — Арыстан-Би Кобегенов. С первого дня освоения целины, двадцать пять лет пробыл здесь директором. Можно сказать, он и отец, и мать этого совхоза! Ты, наверное, слышал его историю, но все-таки я расскажу еще раз, слушай.

Жора. Расскажите, Маке, я весь внимание!

Манги-Ульмес. Так вот... Этот бюст Арыстану-Би постави-

ли после смерти. Весной прошлого года он поехал к себе на родину и не вернулся. Арыстан-Би увлекался альпинизмом, это было хобби, которое в конце концов его и погубило. С группой таких, как сам, легкомысленных людей решил покорить вершину Хантенгри...

Ж о р а (*удивленно*). Покорить вершину?

М а н г и - У л ь м е с. Ну что, по-ихнему, по-альпинистски... Но ведь кого они захотели покорить? Хантенгри!..

Ж о р а (*задумчиво*). Да, вы правы. Хантенгри — это дикий жеребец, который скачет по небу, развевая свою длинную гриву. Как может простой смертный обуздать его?

М а н г и - У л ь м е с. Вот-вот. Именно. Хотя никогда не видел твой Манги-Ульмес Хантенгри, но так и представляет себе эту вершину. Я человек не простой, братишка! Я вижу то, что скрыто от глаз!..

Ж о р а. Да, похоже.

М а н г и - У л ь м е с. Правда, правда. Я умею предчувствовать. Не раз говорил ему: брось ты свой проклятый альпинизм! Не послушал меня, и чем все кончилось? Остался навсегда под снежным завалом. Ведь и костей не нашли! Да разве найдешь их под километровым слоем льда и снега? А теперь даже могилы нет, понимаешь, могилы! Что может быть хуже? Не зря же у казахов самое страшное проклятие: «чтоб не был ты похоронен!» Такова история человека, который был совсем еще не стар. Не дожил и до пятидесяти лет. Оставил сиротами троих детей, вдовами двух жен...

Ж о р а. Две жены, говорите? Как это?

М а н г и - У л ь м е с. Много он наделал шуму в последние годы из-за своего зазнайства. Весь район поднял на дыбы. Но это совсем другая история... Расскажу как-нибудь. А сейчас, вот он, наш герой... Смотри, какой гордый. Да. Самовлюбленный он был человек. Никого не признавал. На все у него был один ответ: «Делай, как я сказал!» Вот и договорился...

Ж о р а. Если человек оставил после себя столько добрых дел, такой глубокий след, то он прожил жизнь не зря.

М а н г и - У л ь м е с. Нет, милый, не говори так, не грехи против истины. Камень есть камень! Этот камень может простоять вечно, но он не стоит и одного дня жизни.

Ж о р а. Не согласен я с вами, ага! Такую хоть короткую, но содержательную жизнь я бы не поменял и на тысячу других бессмысленных, пустых жизней.

М а н г и - У л ь м е с. Это только ты так думаешь, мой милый! Жизнь все-таки жизнь, и она дороже всего! Но не будем спорить. Сядем, побеседуем?

Входит **К а у г а - С а х а л.** На него страшно смотреть: волосы и борода отросли, старый лисий тымак-треух натянут до бровей, костюм измятый,

грязный, сапоги изношены до дыр. Все это делает его похожим на бездомного бродягу-пьяницу. Кауга-Сахал долго издали разглядывает памятник. Затем приближается, заходит сбоку, сзади и, кажется, остается недоволен. Заметив Жору и Манги-Ульмеса, смотрит на них с немым вопросом. Жора встает и первым протягивает руку для приветствия пожилому человеку.

Ж о р а. Ас-са-лау-ма-галеюкум, аксакал!

К а у г а - С а х а л (*хрипло*). Живи долго, сын мой! (*Взглянув на Манги-Ульмеса, здоровается с ним за руку.*) Здесьние будете?..

М а н г и - У л ь м е с. Можно сказать и так. Я местный. А этот парень журналист из Алма-Аты. А вы кто?

К а у г а - С а х а л. Я... я вот этому заносчивому каменному человеку — Арыстану-Би — прихожусь дядей. Я Кауга-Сахал.

М а н г и - У л ь м е с. Судя по тому, что вас назвали Кауга-Сахал — бородач, — вы, наверное, и родились бородачатым?

К а у г а - С а х а л (*недовольно*). Однако остер ты на язык, браток! Нет, имя мое от роду было, конечно, другое. Но борода и усы начали расти довольно рано, поэтому сверстники и дали мне прозвище Кауга-Сахал. А то первое имя давно позабыто не только людьми, но и мною.

М а н г и - У л ь м е с. Не обижайтесь, аксакал. У меня глупая привычка подшучивать. Сам мучаюсь, а избавиться не могу. Этого парня зовут Жора, а меня — Манги-Ульмес.

К а у г а - С а х а л. То есть бессмертный, да? Судя по имени, твои родители желали, чтобы ты жил вечно. Ну и живи вечно, брат! Ты, кажется, сказал, что ты местный?

М а н г и - У л ь м е с. Да, аксакал, я коренной житель этого аула. Сейчас временно исполняю обязанности директора совхоза. Сами знаете, прошло уже более года, как погиб ваш племянник — Арыстан-Би. Не нашелся пока достойный человек на пост руководителя совхоза «Алга»... И пока, временно, я. Арыстан-Би на самом деле был Арыстан-Лев. Разве можно на место такого человека поставить первого встречного? Нет, конечно! Поэтому-то, наверное, в верхах так тщательно и подбирают кандидатуру, ищут достойного. Разве они не правы? Как вы думаете?

К а у г а - С а х а л (*раздраженно*). Наверное, правы. Не мне судить...

М а н г и - У л ь м е с. Как это понять, аксакал, «не мне судить»? Вы думаете, так просто подыскать замену великому человеку? Или вы... не ладили со своим племянником?

К а у г а - С а х а л. Почти угадал, Манги-Ульмес... И правда, хоть Арыстан и был мне племянником, но мы с ним при его жизни не всегда находили общий язык. Я не был здесь ни разу, пока он руководил тут целых двадцать пять лет, а сейчас приехал только из уважения к его духу. Скорее всего, страшась его духа!.. О покойниках гово-

рять плохо — не в наших обычаях... Но другого и сказать нечего... Мой племянник.

М а н г и - У л ь м е с (*взволнованно*). О, аксакал, что вы! Арыстан-Би был моим задушевым другом, единственным другом! Только плоть была у каждого своя, а души были одно целое! А вы... при мне... не говорите всякую чепуху об этом великом человеке! За такого человека я и отца не пожалею... Я готов умереть за своего друга!

К а у г а - С а х а л (*ядовито улыбаясь*). Да ты, видно, настоящий друг, преданный друг! Однако...

М а н г и - У л ь м е с (*уже почти враждебно*). Что «однако»?

К а у г а - С а х а л. Тебя зовут Манги-Ульмес, не так ли?

М а н г и - У л ь м е с. Да, Манги-Ульмес.

К а у г а - С а х а л. Тогда, может быть, ты знаешь, что написал о тебе твой друг Арыстан-Би?

М а н г и - У л ь м е с (*растерянно*). Что написал? Обо мне? Кому написал?

К а у г а - С а х а л (*зловеще смеется*). Не пугайся! Ты знаешь, ведь мой племянник всю жизнь вел дневник.

М а н г и - У л ь м е с (*еще более растерявшись*). Я и не подозревал...

К а у г а - С а х а л. А говоришь, были друзьями... Вот видишь... Он совсем не был откровенен с тобой, своим «закадычным» другом.

М а н г и - У л ь м е с (*устало*). Что вы хотите этим сказать?

К а у г а - С а х а л. Хочу сказать, что страницы его дневника наполнены твоим именем и твоими поступками! Если б ты знал, что писал Арыстан-Би о тебе!..

М а н г и - У л ь м е с. Ну?

К а у г а - С а х а л. Все!

М а н г и - У л ь м е с. Аксакал, вы уже, как говорится, одной ногой в могиле, а ведете себя как-то странно. Непонятно...

К а у г а - С а х а л (*долго смеется*). Ну, все, все. Я кончил... Я пошутил, браток... Пошутил... Это шутка...

Кауга-Сахал несколько раз обходит памятник, недолго стоит, глядя в небо, затем, сделав несколько бессмысленных движений, приволакивая ногу, отходит к трактору, установленному в глубине сцены на постаменте. Там садится на длинную скамейку.

М а н г и - У л ь м е с. Ну конечно! Я так и знал! Арыстан-Би вел какой-то дневник? А если даже и вел, разве мог он написать что-нибудь плохое обо мне? Да и времени-то не было у него для всяких дневников.

Ж о р а. Вот-вот, Make! Сегодня весь день у меня вертится на языке один вопрос... Простите...

М а н г и - У л ь м е с. Спрашивай, спрашивай, Жоражан... (Указывая на Кауга-Сахала, крутит у виска указательным пальцем.)

Ж о р а. Возможно...

М а н г и - У л ь м е с (перебивает). Неприятный какой-то человек... Бродяга, наверное, а может, даже и преступник... И глаз-то, ясное дело, неспроста потерял где-то... А шрам на щеке, видишь, какой глубокий. Наверняка след кинжала. Я даже думаю, не убийца ли он, сбежавший кое-откуда. Назвался дядей Арыстана-Би... Хотя... Есть что-то у них схожее... Особенно фигура. Тот тоже был таким рослым.

Ж о р а. А единственный глаз прямо так и впивается... Будто в самую душу.

М а н г и - У л ь м е с. У покойного Арыстана-Би тоже был очень острый взгляд. Двадцать пять лет проработал я рядом с ним и ни разу не слышал, чтобы он на кого-нибудь повысил голос. Острый взгляд, бархатный, но грозный голос, кого угодно подчинят своей воле, а когда Арыстан вел собрание, было тихо, как на пионерской линейке. Сила!

Ж о р а. Вот-вот, я и хотел спросить вас, даже посоветоваться. Мы обошли ваше хозяйство. Как вы говорили — успехи сами кричат о себе. Но все же покойный Арыстан-Би, наверное, не все успел, наверное, о чем-то жалел перед смертью... Он, конечно, успел столько, что не всякому под силу, даже энергичному, волевому руководителю. Он оставил после себя большой след. Это был человек, у которого в руках любая работа горела, после него осталось его имя. Как вечный свидетель стоит этот памятник... Арыстан запечатлен в камне гордым, волевым... Но... все же... Я ведь все-таки приехал, чтобы написать о человеке. Что же я напишу о нем? «На центральной площади стоит памятник»? Ладно, будем считать, что я это написал. Все уместилось в одном предложении. А еще? Ну, напишу о передовом хозяйстве, о повышенных обязательствах... Разве мало у нас передовых хозяйств? Но, предположим, и это я напишу. И что? Вы, Маке, говорите, что были его другом, проработали с ним двадцать пять лет... Вот я и хочу сказать, что очерк об этом человеке должен писать не я, а вы.

М а н г и - У л ь м е с (машет руками). Боже упаси! Не насмейся так, братишка, у каждой шутки должен быть предел.

Ж о р а. А если вы бы получили такое предложение от редакции?

М а н г и - У л ь м е с. Нет, нет! И не проси.

Ж о р а. Почему?

М а н г и - У л ь м е с (задумывается). Я не сумею...

Ж о р а. О друге, с которым вы прожили вместе двадцать пять лет? О друге, с которым вас могла разлучить только смерть? И вы не хотите написать...

Манги-Ульмес. Не «не хочу», а не могу, не сумею написать.

Жора. А если я помогу?

Манги-Ульмес (*тяжело вздохнув*). Как же быть? Нет-нет! Не получится...

Жора. Значит, вам нечего сказать о вашем друге?

Манги-Ульмес. Что ты говоришь, Жора, родной мой! Арыстан-Би был истинным гражданином, исключительным человеком. Четверть века жизни он отдал этому совхозу... Он приехал сюда одним из первых целинников, начал прицепщиком... И в течение двух лет... в мгновение ока... стал директором совхоза.

Жора. Как быстро!

Манги-Ульмес. Мы и сами не заметили!

Жора. Он что, был оратором? Хорошо выступал?

Манги-Ульмес. Нет. Слова, пожалуй, он выдавливал из себя тяжело. Расходился только тогда, когда был чем-то недоволен, когда сердился. И инициатором особенным не был. Воля, воля была у него сильная. Не находилось никого, кто бы мог его послушаться.

Жора (*настойчиво*). Маке, это все расхожие слова, обыкновенная служебная характеристика. Что писать мне об этом человеке? За что ему поставлен памятник? Расскажите. Может, подвиг какой совершил, который все запомнили?

Манги-Ульмес. Подвиг, говоришь? Подвиг... подвиг... Ничего такого вспомнить не могу. Измучил ты меня, парень...

Жора. Вспомните, подумайте.

Манги-Ульмес (*задумчиво и растерянно*). Ну, вставал до рассвета... Вставали... и мы с ним... И начинались хлопоты, заботы. Весь день носился как угорелый, и только после полуночи валился в постель... Разве это не подвиг, который ежедневно совершает рабочий человек? Да вся жизнь его — подвиг! Он умел подойти к кому с лаской, к кому со строгостью и заставлял делать дело... Ну и я с ним... заставлял. О жестокости его, о силе, о воле я уже говорил... Чуть что не ладилось, зависело не от него, отправлялся в район, в область, а то и в саму Алма-Ату. Ну и я с ним... Называл кого сестрой, кого зятем, но своего добивался... Ну и я с ним...

Жора. Вы уже тогда были его заместителем.

Манги-Ульмес. Нет! Я служил на разных должностях, но кем бы ни был, всегда находился рядом с Арыстаном. Так, видно, было начертано судьбой... Поэтому я считаю себя счастливым человеком. Имя Арыстана не забудется, оно будет передаваться из поколения в поколение. Нет, нет да и обо мне вспомнят, был, скажут, соратник у Арыстана по имени Манги-Ульмес, который всю жизнь прошел рядом с ним, душу мог отдать ради друга!

Жора. Да, Маке!

Манги-Ульмес. От светлого падает луч и на ближнего. Жора. Простите, Маке, но вы только что, кажется, говорили: «Каким бы он ни был вечным, а камень есть камень, он не стоит даже одного дня жизни!»

Манги-Ульмес. Ох, хитрец! Поймал на слове! Да, что может быть дороже жизни? Но мы тоже смертны, когда-нибудь и мы отойдем.

Жора (*то ли шутя, то ли серьезно*). И мы? Мы тоже умрем?

Манги-Ульмес. А как же. И мы умрем.

Жора. Жаль. (*Кажется, с издевкой.*) И мы умрем, да?

Неподвижно сидевший в глубине сцены Кауга-Сахал вскакивает на ноги и начинает хохотать. Манги-Ульмес и Жора вздрагивают, напряженно глядят на смеющегося Кауга-Сахала.

Кауга-Сахал, продолжая смеяться, подходит, волоча ногу, к Манги-Ульмесу, кладет ему руку на плечо.

Кауга-Сахал. Все живое... У кого только есть сердце — все умрут. Это истина. Но ты, Манги-Ульмес, ты, наверное, не умрешь. Манги-Ульмес, бессмертный...

Манги-Ульмес. Спасибо, аксакал... Вашими молитвами... Я и сам хочу верить в это. Скажу вам по секрету. Когда люди поминуют смерть, говорят о ней, я всегда думаю: «Ладно, ладно! Вы-то наверняка умрете, а я не умру!» И мною всегда овладевает радость. Не буду скрывать, аксакал... И в детстве я думал так и сейчас так думаю. Если это вам кажется смешным, можете посмеяться, аксакал...

Кауга-Сахал. Зачем же мне смеяться? Вот когда я был еще живым...

Жора. Когда еще был живым?..

Кауга-Сахал (*понимает, что проговорился, но тут же берет себя в руки*). Милый Жора, не удивляйся. Я сказал «когда был живым»? У меня привычка говорить о прошлом именно такими словами, это шутка. Болезнь излечивается, а привычка, говорят, остается. Никак не могу избавиться от дурной привычки...

Жора. Ничего, аксакал...

Кауга-Сахал. Так вот... когда я еще был живым, у меня тоже была притаившаяся в глубине души скрытая от других, даже от Бога, мысль: все умрут, но только не я. Эта мысль, скорее даже не мысль, а надежда, жгучая надежда, наверное, бывает у всех живых... Но, видно, люди скрывают это друг от друга... И, наверное, даже от себя... При жизни я тоже скрывал...

Манги-Ульмес. А теперь, когда вы «не при жизни»?

Кауга-Сахал. А теперь... даже теперь, предположим, если бы даже не при жизни, не могу сказать, что я отказался бы от надежды...

М а н г и - У л ь м е с. Вот-вот!.. Не зря говорят, без надежды может обойтись только шайтан!

Ж о р а (*шутя*). В таком случае я из племени шайтанов! У меня нет такой надежды!

М а н г и - У л ь м е с. Не надо, родной мой, не грехи! Не бывает человека без надежды. Даже волк, хищник и тот не сразу съедает свою жертву, а прячет остатки в землю, закапывает в надежде на следующий день. Это значит, что даже хищник надеется, что наступит «следующий день», то есть завтра! Поэтому я и говорю, что только шайтан может позволить себе жить без надежды.

Ж о р а (*заметив, что Кауга-Сахал смотрит на Манги-Ульмеса с насмешкой, тоже решает поддеть его*). Надежда — это крылья души человека, а душа — крылья жизни, поэтому я думаю, что люди, как Маке, с безмятежной душой, для которых солнце всходит со всех четырех сторон света, не умирают, а если и уходят из жизни, то уж уходят тогда, когда успевают пройти по ней вдоль и поперек, повидав все ее прелести.

М а н г и - У л ь м е с. Как говорится, хорошие слова — половина благоденствия. Да исполнятся твои слова, Жоражан. Твоими бы устами...

К а у г а - С а х а л (*громко, раскатисто смеется*). Я вспомнил несколько строк из дневника покойного Арыстана. Он писал: «Если бы человек не умирал, то Земля превратилась бы в ад. Только человек, помнящий о своей кончине, старается жить благочестиво, не греша. Те, кто забывают о смерти, живут нечестно, вредят другим... Одним из таких людей я бы назвал своего друга — Манги-Ульмеса. Если не ошибаюсь, он написал эти строки пятнадцатого ноября тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

М а н г и - У л ь м е с (*ошалело. Глаза округлились, как у оглушенного быка*). Эй, ты, старик! Кауга-Сахал... ты понимаешь, что говоришь? Ты в своем уме? Ты... Ты... ты кто? Бес, нечистая сила? Ты откуда взялся?

К а у г а - С а х а л (*с едва заметной усмешкой*). Я? Я с неба свалился.

М а н г и - У л ь м е с. Ты... ты же сказал, что ты дядя Арыстана?

К а у г а - С а х а л. Я сказал, что я дядя Арыстана-Би!

М а н г и - У л ь м е с. Во... во... возможно! Торчащий на твоем лбу твой единственный глаз так же остер, как глаз Арыстана. Ты похож на Арыстана-Би так же, как старый черный верблюд похож на своего верблюжонка. Я верю, что ты его дядя. (*Понемногу приходит в себя.*) Скажи... Кауга... Скажите, аксакал... о чем вы болтаете?.. Что за чушь вы... несете?.. Вы же сами только что признали... что Арыстан не вел дневников.

К а у г а - С а х а л. Я сказал для того, чтобы узнать, как ты к этому отнесешься!

М а н г и - У л ь м е с. Но как я должен был отнестись?

К а у г а - С а х а л. Ты, кажется, испугался.

М а н г и - У л ь м е с. Я? Испугался? Чего мне бояться?

К а у г а - С а х а л. Этого я знать не могу. Наверное, есть причина, раз испугался?

М а н г и - У л ь м е с. Что болтает этот старик?! Жора, родной мой, ты слышал?.. Этот бродяга возводит на меня напраслину! Ты свидетель, Жора, родной! Если... я его покалечу, этого старикашку, ты свидетель, Жоражан?

К а у г а - С а х а л. Значит, ты способен побить старого человека? Опозорить мою белую бороду? Мой возраст?..

М а н г и - У л ь м е с. Ты не белобородый аксакал, а бородатый бес!

К а у г а - С а х а л. Только что ты обращался ко мне с уважением, на «вы», а теперь вскочил, будто на горячие угли присел... Судя по твоему поведению, ты догадываешься, что имеются кое-какие нелестные записи кое в каком дневнике!

М а н г и - У л ь м е с (*воздевает руки к небу*). Но что мне сделать с этим бородатым? Господи, откуда ты принес его на мою голову?!

К а у г а - С а х а л. Ну-ну! Не огорчайся так, Make! Успокойся. Сядь, закурим.

Все трое садятся.

Что я, Make, сказал такого тебе? А ты взбесился, словно дикая кобыла, которой седло свалилось под брюхо. Не к лицу тебе, уважаемому, солидному человеку, такие поступки. Хочешь схватить за бороду человека, который годится тебе в отцы, не стесняешься даже этого хоть и молодого, но приехавшего из самой Алма-Аты человека. Успокоился? Пришел в себя? Если да, то объясни мне, из-за чего ты разбушевался? Солидный директор солидного совхоза... Тебе ли, Манги-Ульмес...

М а н г и - У л ь м е с. Я еще... не директор, я еще не утвержден...

К а у г а - С а х а л. Тем более! Будь поспокойнее, а то с таким характером могут и не утвердить! Чуть не избил пожилого человека, притом безвинного. Вот Жоражан — человек посторонний нам обоим, пусть он скажет, в чем я провинился?

Ж о р а. Честно говоря, не понял...

К а у г а - С а х а л. Святые слова!

М а н г и - У л ь м е с (*кажется, понимает свою ошибку*). Говорят, если шутка кстати, то можно шутить и с аксакалом... Я, видимо, тоже пошутил...

Кауга-Сахал. Ну тогда (вдруг закрывает единственный глаз и, раскачиваясь, как бы читая молитву, начинает произносить непонятное) сегодня... 30 апреля... Десять лет со дня прибытия на целинные земли... Целых десять лет... Десять лет как десять дней... Ежедневные заботы — часть жизни. Пахота, посев, уборка, молотьба, сдача, опять пахота!.. Далее — строительство жилья, украшение улиц, озеленение, поиск кормов, улучшение породы... Школа, клуб, молодежь, старики, поездки в район, в область, общий язык с руководством, кроме всего прочего — Фатима, трое детей. Дело не в детях, они вырастут, самый сложный узел — Фатима! Мне в этом году тридцать три года, Фатиме исполнится тридцать три, гляжу в зеркало — молодой человек, но чувствую, что не моложе шестидесятилетнего... Съел меня совхоз «Алга», съел... Чем больше расцветает и молодеет «Алга», тем больше слабею и старею я! Чем больше старею я, тем моложе становится Фатима... Разве легко далось мне уговорить избалованную дочь профессора переехать на целину? Кому удалось приручить горячую, темпераментную дочь юга? Мне! Хорошо, что из пламени не разгорелся пожар. Чья сила сдержала его? Моя сила! Моя сила. Не заносись, Арыстан-Би. Пожар иногда разгорается и от уголька в домашнем очаге! Крепче держи в руках повод Фатимы!.. 30 апреля 1964 года...

Манги-Ульмес (подсаживается ближе к Жоре). Видишь, он все же ненормальный!

Жора. Не знаю... Как будто читает чей-то дневник...

Кауга-Сахал. Правильно! Вот Жора, хотя и молод, а понял суть... А ты прикидываешься, хотя тоже давно понял...

Манги-Ульмес (агрессивно). Слушай, что я должен понять?

Кауга-Сахал. Ты на самом деле считаешь себя самым близким другом Арыстана?

Манги-Ульмес (Жоре). «Считаешь», говорит! Разве Арыстан-Би не был частицей моего сердца?! Кто лезет вон из кожи, чтобы хоть как-то продолжить дело Арыстана? Кто бегал, хлопотал, добился, чтобы этот памятник тут стоял? А он — «считаешь»!

Кауга-Сахал. Ты колотишь себя в грудь, доказываешь, что был лучшим другом Арыстана, а ведь он не считал тебя своим лучшим другом!

Манги-Ульмес (вспыхивая). Эй, откуда тебе знать это? Ты сам говорил, что при жизни никогда не общался с племянником.

Кауга-Сахал. Но у меня его дневники.

Манги-Ульмес. Так когда же ты все-таки шутил?..

Кауга-Сахал. Когда сказал, что «дневники есть», и когда сказал, что «пошутил», — тоже.

Манги-Ульмес. Попробуй тут понять! Борода до... пояса, а как...

Кауга-Сахал. Да, я тоже так думаю — ни стыда, ни совести... ни стыда...

Занавес

Картина вторая

Невысокая гора. Слышно, как подъезжает машина. На сцене появляются Арыстан-Би и Манги-Ульмес.

Манги-Ульмес. Ничего не слышу!

Арыстан-Би. Тихо! Какой-то странный посторонний звук... (Прислушивается.)

Манги-Ульмес. Слышу, как течет вода в канале, и больше ничего, чтоб мне оглохнуть.

Арыстан-Би. Вот!.. Вот!.. (Отходит в глубину сцены, зовет товарища.) Я же говорю, что-то произошло... Вот... Сломалась заглушка трубы, по которой подается вода в наши сады и огороды, вода прорвалась...

Манги-Ульмес. И правда...

Арыстан-Би. Что делать?

Манги-Ульмес. Как что делать? Ехать в аул, прислать рабочих. Приедут, починят.

Арыстан-Би. Ты в своем уме? До аула час езды, пока соберем рабочих — еще час, пока доедут — еще час, а за три часа вода смоем до ста гектаров посадок!

Манги-Ульмес. Да, но где выход? Пропадать, что ли, тут из-за ста гектаров травы?..

Арыстан-Би. Что ты несешь? Разве дело в ста гектарах, в «траве да зелени»? Дело в том, что это труд. Труд людей...

Манги-Ульмес. Я тебя тоже не совсем понимаю. Что мне теперь, повеситься? Чего шумишь?

Арыстан-Би. Ты если даже и повесишься, ничего с тобой не будет, имя твое Манги-Ульмес. Отец и мать знали, как тебя называть... Ты бессмертный!

Манги-Ульмес. Да услышит бог твои слова!

Арыстан-Би (с трудом сдерживает себя). Тогда, так как ты бессмертный, друг мой... мы с тобой снимем тент с машины и закроем жерло.

Манги-Ульмес. Брезентом, говоришь?

Арыстан-Би. Да, брезентом. Иди снимай тент. Ты все же моложе меня.

М а н г и - У л ь м е с. Всего на четырнадцать дней...
А р ы с т а н - Б и. Эй, ты! Быстро!

Манги-Ульмес мчится исполнять.

Кажется, он в самом деле верит, что будет жить вечно. Что тут скажешь?.. Человека человеком сделал труд. А я бы добавил: деятельным его сделала — смерть. Только зная, что смертен, — ценишь жизнь. Жизнь — это деяния. Надо бы записать как-нибудь эту мысль.

М а н г и - У л ь м е с (*возвращаясь*). Вот, повелитель, исполнил ваше приказание.

А р ы с т а н - Б и (*полушутя*). Хо-ро-шо! (*Серьезно.*) Теперь надо закрыть брезентом жерло. (*Начинает раздеваться.*)

М а н г и - У л ь м е с (*недовольно*). Полезем в воду?

А р ы с т а н - Б и. Конечно!

М а н г и - У л ь м е с (*морщась*). Мой повелитель, ты же знаешь, как я боюсь воды.

А р ы с т а н - Б и. Если уж кому бояться, то мне, смертному! Ты-то чего боишься, не пойму?

М а н г и - У л ь м е с (*недовольно*). Все-таки береженого бог бережет.

А р ы с т а н - Б и (*с трудом сдерживая гнев*). Ну, хорошо, Маке! Стой на берегу, держи край брезента, а я... (*Залезает в воду.*) Смотри, какой сильный напор! Так... Сейчас... А теперь, Маке, забей два колышка и закрепи верхнюю часть брезента. Нет, пожалуй, лучше порвать брезент. Ну, закрепи накрепко... за рамки задвижки...

М а н г и - У л ь м е с (*не понимая*). Как?

А р ы с т а н - Б и. Ну и ну! (*Выходит из воды. Рвет брезент, закрепляет края с двух сторон у металлического основания задвижки. Опять прыгает в воду.*) А теперь, Маке (*в голосе уже ни досады, ни недовольства*), я буду держать брезент...

Шум воды стихает.

А ты мчись в аул, собери ребят и мигом сюда.

М а н г и - У л ь м е с (*растерянно*). В аул?

А р ы с т а н - Б и. Да, ты и в аул!

М а н г и - У л ь м е с. Но это же почти четыре часа, пока я туда и обратно... Ты что же... все это время в холодной воде... стоять будешь?

А р ы с т а н - Б и (*беззаботно*). Да, буду стоять. В последнее время я чувствую какой-то жар в теле... Теперь вот приму холодную ванну. Пока съездишь туда-обратно, я с удовольствием поплескаюсь в водичке...

Манги-Ульмес. Нет... Так нельзя. Я не могу тебя оставить... Я же друг тебе, я головой отвечаю за тебя...

Арыстан-Би. Перед кем отвечаешь?

Манги-Ульмес. Перед совестью, совестью, конечно! Ну, хватит, не балуй, выходи из воды, ну!

Арыстан-Би (*еле сдерживаясь*). Ты!.. Ты!..

Манги-Ульмес. Понял! Мой повелитель! (*Испуганно.*) Помчался, помчался, мой повелитель... (*Выбегает на авансцену.*)

Как я появлюсь в ауле? Что скажу? Что я оставил директора в ледяной воде у разверстой, как пасть дракона, трубы, которая может спокойно проглотить его? А вдруг его схватит воспаление легких, пока я вернусь, и... он умрет? Что тогда делать? Возвращаться сейчас к нему нельзя — знаю я его характер! Как быть? О, аллах, о, несправедливый, чем я провинился перед тобой! Все! Пропал я! Появиться в ауле — грош цена моему авторитету. Здесь остаться?.. Но ведь он живым не вылезает! Сам погибнет и меня угробит... Если бы сам, один! Судьба, сказали бы!.. Так нет, такова природа — надо кого-то прихватить с собой... Обязательно! О, я несчастный!

Арыстан-Би. О, люди! Люди! (*Его голос звучит глухо. Повторяет одно и то же, как скороговорку.*) О, люди! Люди! Эх, вы, люди, эх, вы, люди!

Манги-Ульмес. Все! Делать нечего, придется бежать в аул!

Арыстан-Би. О, люди-и! Люди-и, эх, люди-и...

Свет гаснет.

На сцене Жора, Манги-Ульмес, Кауга-Сахал.

Кауга-Сахал (*пристально смотрит на Манги-Ульмеса*). Ну, скажешь, неправда?

Манги-Ульмес. Правда... Можно сказать, что правда... Но в своей правоте не сомневаюсь: мой испуг не заставил меня слушаться. Сказал директор: «Мчись в совхоз!» — я и помчался. Сказал: «Собери людей!» — я и собрал. За три часа обернулся туда и обратно.

Кауга-Сахал. После этого Арыстан-Би три месяца пролежал в больнице.

Манги-Ульмес. Пролежал. Не моя это вина. Да не сообщит ему земля наши слова, о покойниках плохо не говорят, но господь Бог одарил вашего племянника ой-ой-ой каким характером!

Кауга-Сахал. Это точно!

Манги-Ульмес. Из ничего добывал беду на свою голову, сам готовил бурю...

Кауга-Сахал. И это правда.

Манги-Ульмес. Если так, то что вы от меня хотите?

При чем тут я? Если Арыстан из-за каких-то паршивых ста гектаров зелени чуть не погиб?.. Допустим, сто гектаров капусты смыло водой. Ну и что? Взяли бы потом ее из потребсоюза, не остались бы рабочие без этой несчастной капусты.

Кауга-Сахал (*неожиданно кричит*). Ты, идиот! Дело не в количестве капусты! Дело в затраченном человеческом труде! Труд! Надо же было защищать труд. (*Понимает, что допустил оплошность.*)

Манги-Ульмес. Э-э-э, аксакал! Что это вы раскричались на меня? На меня даже отец родной не повышал голоса! Тоже еще!

Кауга-Сахал. Прости, не хотел я этого.

Манги-Ульмес. Что — Манги-Ульмес отброс какой, чтобы на него кричал первый встречный?.. Все же я руководитель большого хозяйства.

Кауга-Сахал. Говорил же, что пока не утверждён?..

Манги-Ульмес. Да! ...Пока не утверждён (*печально*), и все из-за вашего племянника. (*Печаль сменяется злостью.*)

Кауга-Сахал. Из-за моего племянника?

Манги-Ульмес. Да, из-за его пакостей! (*Уже не скрывая злости.*)

Кауга-Сахал (*удивленно*). Как может напакостить покойник?

Манги-Ульмес (*безнадежно машет рукой*). Еще как!

Кауга-Сахал. Ну, например?

Манги-Ульмес (*опамнясь*). Это тайна, которая уйдет вместе со мной в могилу.

Кауга-Сахал (*не упускает момента поддеть его*). А значит, все-таки, и бессмертный, туда собираешься?

Манги-Ульмес. Жизнь свое скажет! Поживем — увидим.

Картина третья

Утро. Совхозный поселок, еще, похоже, в стадии строительства.

Манги-Ульмес (*выбегают, запыхавшись, идущему навстречу Арыстану-Би*). Арыстан, родной, как хорошо, что тебя встретил. Хорошо, что ты недалеко ушел от дома! Вернись, вернись домой! Пошли, пошли обратно!

Арыстан-Би. Что случилось? На тебе лица нет! Бежишь, как от врага!

Манги-Ульмес. Ойбай! Ведь так оно и есть! Вернемся, пошли скорее! Я прошу тебя!

Арыстан-Би (*улыбаясь*). Постой, успокойся! Какая бы беда ни приближалась, скажи здесь. Ты меня знаешь, я не двинусь

отсюда, даже если сейчас надо мной взорвется бомба. Говори, что случилось?

Манги-Ульмес. Тогда слушай! Сегодня ночью эти трое безобразников в общежитии играли в карты...

Арыстан-Би. И?..

Манги-Ульмес. И... Колотун с Ревуном выиграли... тебя, то есть твою голову.

Арыстан-Би. Меня?!

Манги-Ульмес. Да, тебя.

Арыстан-Би. Что же получается — моя голова была поставлена на кон, что ли?

Манги-Ульмес. Выходит, так! Не зря же говорят: «Голова человека — мячик в руках господ!»

Арыстан-Би. Что же получается, мою голову на карту поставил господь?

Манги-Ульмес. Нет. Твою голову на карту поставил Пискун.

Арыстан-Би (*задумчиво*). Значит, моя голова — мячик в руках Пискуна?

Манги-Ульмес. Мой повелитель, пока мы здесь спорим, они могут прийти сюда. Колотун и Ревун поручили Пискуну до одиннадцати доставить им твою голову. Если он не принесет ее, то потеряет свою. Таковы условия игры. Об этом ужасе знает уже все общежитие. Я, как только узнал, позвонил в район, в милицию. Наверное, они скоро приедут. Но до их приезда тебе надо спрятаться в доме.

Арыстан-Би. Вот в чем дело... Так, значит... (*Задумывается.*) Слушай, мы сейчас с тобой идем в общежитие. И посмотрим, чем все это обернется!

Манги-Ульмес (*в ужасе*). Что ты! Сам, добровольно, хочешь попасть в пасть смерти?!

Арыстан-Би. Голова у человека одна, но на нее обрушивается тысяча бед, и она выдерживает. Никто не может знать, которая беда последняя. Ну, пошли, авось пронесет!

Манги-Ульмес. Нет, нет и нет! И не говори такого! Я не пойду. И если я твой настоящий друг, то и тебя не пущу!

Арыстан-Би. Ладно, поступай как знаешь, а я пошел.

Манги-Ульмес. Не пущу! (*Хватает Арыстана-Би за локоть.*)

Арыстан-Би (*смеется*). Не пойму, ты меня спасаешь или... себя?

Манги-Ульмес. Тебя... и себя...

Арыстан-Би. Тогда идем со мной.

Манги-Ульмес. Нет, нет! Они же бандиты, они никого не

пожалуют. Если узнают, что я сообщил тебе об их намерениях, не пощадят и меня. Уничтожат со всем моим потомством. Не пойду и тебя не пуцую!

А р ы с т а н-Б и. Тогда оставайся. *(Отталкивает Манги-Ульмеса и идет вперед.)*

М а н г и-У л ь м е с. Вот они, сами идут уже... Конец! *(Застывает как манекен в витрине магазина и стоит до конца сцены.)*

Входят Колотун, Ревун, Пискун.

К о л о т у н. На ловца и зверь, как говорится... Эй, Пискун, везучий ты парень, дичь, на которую ты охотишься, сама идет к тебе в руки. Теперь не спеша застрели ее, а застрелив, преподнеси его голову двум своим друзьям! *(Довольный своей шуткой, хохочет.)*

Р е в у н *(приложив руку к груди, кланяется. Издевательски)*. Приветствуем вас, большой начальник!

А р ы с т а н-Б и. Так, молодцы-удальцы, что за прогулка?

К о л о т у н. Я же сказал, он не одобрит нас, он будет ругаться. Ведь он такой... Для него люди — рабочий скот, они, как запряженные быки, должны молчать и покорно тянуть плуг!..

А р ы с т а н-Б и. С утра уже успели надраться? Могли бы сначала хоть поздороваться!.. Как бы пьяны ни были, нельзя же превращаться в скотину.

К о л о т у н *(злоуще)*. Хорошо, пока поговори. Это ведь твое последнее выступление перед тем, как уйти в мир иной. Давай-ка толкни речь как следует, чтобы не сожалеть на том свете!.. Ну, доставь удовольствие, скажи одну из тех, что ты говорил на собраниях. А мы посидим, послушаем. *(Приваливается к большому камню.)* Эй, Ревун, объясни ему, почему он должен умереть, пусть знает. Сними с себя грех. Он ведь тоже раб божий. Сообщи.

Р е в у н *(не совсем веря, что действительно может совершиться убийство, ржет)*. Короче, дело такое, начальник. Вот Пискун... не рассчитав свои возможности, сел играть в карты с Колотуном... «Не надо», — говорили мы ему, а он не согласился... Даже Колотун, наш уважаемый, сам просил его... Но, увы!

К о л о т у н. Да, это правда. Я и сам просил этого балбеса. Я сказал ему: «Ты же знаешь закон тайги! Со мной, — я ему сказал, — даже сам Хромой медведь остерегался играть...» А он? Настаивал! Ну что же — теперь грех на его голову. Конечно, нехорошо, что он рисковал не своей, а драгоценнейшей головой большого начальника. *(Закатывается в продолжительном хохоте.)* Эй, Ревун! *(Ревун вздрагивает.)* Дальше говори ты... Ты единственный среди нас мастер слова, твои стихи даже печатали в стенгазете. Ну давай, только поскладнее, похудожественнее! Так, чтобы... это самое...

Ревун. Больше, по-моему, нечего сказать, ты сам все хорошо сказал!

Колотун (*злобно*). Ну, ты!

Ревун (*испуганно*). Дело в том, начальник... Казахи, сами знаете, перед тем как зарезать барана, говорят ему: «У тебя нет вины, а у меня нет еды...»

Колотун. Вина как раз есть. Об этом, может, я скажу по-позже, а может, и не скажу вовсе.

Ревун. Короче говоря, Пискун, переплюнув самого себя, поставил на карту вашу...

Колотун. Твою...

Ревун. Да, твою голову. И проиграл. Теперь вашу... твою голову он должен преподнести уважаемому Колотуну. Или пожертвует своей головой!

Арыстан-Би. Значит, зарезать меня должен вот этот Пискун?

Колотун. Что, не устраивает?

Арыстан-Би. Вы не поможете?

Колотун. Мы не будем марать руки!

Арыстан-Би. Это уже кое-что. Лишь бы не втроем!

Колотун (*доволен, хохочет*). Я сам... хотя и бандит... но бандит добродушный... Если уважаемый директор признает свою ошибку, что он позавчера, при людях, позволил себе орать на меня. Да, да, на меня! И, признав свою вину, низко склонит передо мной голову и попросит прощения, то, возможно, я сменю смертный приговор на более мягкий...

Пискун (*молчавший до сих пор, оживает, радуется не в силах скрыть свою радость*). Ну давай, свет мой, проси прощения, и кончим на этом.

Арыстан-Би (*подходя к Колотуну*). Я? У тебя должен просить прощения?

Колотун. Да! Ты! У меня! Попросишь прощения. С поклоном.

Арыстан-Би. С поклоном? Ну и ну!

Пискун. Ну, просите, что вам стоит?..

Ревун. Арыстан-Би Кобегенович! Я прошу вас... не нужно кровопролития, ну, поклонитесь разочек... И мы пойдем своей дорогой.

Арыстан-Би. Еще чего!

Колотун. Браво! Я знал, что так и будет! Мне нравятся именно такие характеры. Если бы ты ответил не так, ты бы не был Арыстаном-Би. Не будет Пискун тебя убивать... Но, признайся, ты струсил?

Арыстан-Би (*спокойно*). Да. Струсил. Видимо, я тоже из крови и плоти.

Колотун (*долго и с удовольствием смеется*). Нравишься, нравишься ты мне, ей-богу, нравишься! На все последующие време-

на я твой раб, вдевай, как бугаю, кольцо в ноздрю и веди, куда хочешь. На любую работу запрягай, пойду на поводу. С меня достаточно, что хотя бы раз напугал тебя. Ну, Пискун, счастливый ты человек, ты тоже спасен. А ну, банда, пошли на работу!

Колотун, Ревун и Пискун уходят. Манги-Ульмес оживает. Арыстан-Би застывает на месте.

Манги-Ульмес. Явь это или сон? Правда или обман? Ура! *(Садится там, где стоял.)*

Арыстан-Би *(увидев, как Манги-Ульмес присел)*. Эй, негодяи, остановитесь!

Колотун *(останавливается, приятели тоже)*. Ты нам крикнул «негодяи»?

Арыстан-Би. Да, вам. Ну-ка, вернитесь!

Колотун. Так, вернулись.

Арыстан-Би. Значит, вы хотели опозорить меня? Нет, не выйдет! Пусть твой Пискун выходит один на один.

Пискун. Ты... ты это брось...

Ревун. Арыстан-Би Кобегенович, мы же помирились...

Колотун. С огнем играешь, начальник!

Арыстан-Би. Ну-ка, выходи!

Пискун. Ты это... кончай... Зарежу, и весь сказ... Мне ведь раз плюнуть...

Арыстан-Би. Выходи, я жду, трус! *(Подходит к Пискуну, дает ему пощечину.)* Выходи, трус!

Пискун. Бог свидетель, я не виноват. Ладно! *(Вытаскивает нож, бросается вперед.)*

Пискун и Арыстан-Би долго ходят вокруг друг друга. Пискун взмахивает ножом. Арыстан-Би ловко хватает его за руку и бросает оземь. Нож остается в его руках.

Колотун *(ревет как медведь)*. А-а-а! Бог свидетель, он сам виноват! *(Подходит к Арыстану-Би сзади и взмахивает ножом.)* На, получай то, что заслужил!

Арыстан-Би хватается обеими руками за шею и падает.

Манги-Ульмес. Караул! Зарезали! Зарезали, убили!..

Убийцы убегают.

(Садится.) Спасите! Заре-е-за-ли!

Занавес

Действие второе

Картина первая

У памятника Арыстану-Би Манги-Ульмес, Кауга-Сахал, Жора.

Манги-Ульмес. Сам набросился. Из самолюбия. Бандиты ведь сказали, что все простили, и уж уходили, так нет, заругался... Позвал обратно!

Жора. И правильно!

Манги-Ульмес. Что правильно?

Жора. Правильно сделал, что не отпустил.

Манги-Ульмес. Дорогой Жоражан, хоть ты и из нашей столицы, а рассуждаешь, как необразованный младенец!

Кауга-Сахал. Действительно! Разве нормальный человек позовет обратно своих врагов, которые мирно отступили?..

Жора. Враг же отступил не с миром. Он отступил, убежденный, что победил, что поставил его на колени. Истинный мужчина никогда не поступится честью!

Манги-Ульмес. Честь... честь... А если бы он погиб в тот раз? Оставил бы своих детей сиротами. Однако организм его, надо сказать, оказался прямо-таки собачьим, через два месяца Арыстан вышел здоровеньким из больницы. Вот люди называют меня «бессмертным», но тогда я подумал, что это он и есть истинно бессмертный человек. Но Хантенгри все же доконала его.

Кауга-Сахал. Ах, Хантенгри... Хантенгри!.. Высочайшая вершина в горах Тянь-Шаня! Семь с половиной тысяч метров над уровнем... над уровнем людей! Людишек! Ах, Хантенгри, Хантенгри! Белогривый жеребец мой! Да... О чем же я? Честно говоря... так ему и надо, вашему Арыстану-Би... Как говорится, ворона, жаждущая смерти, затевает игру с беркутом!

Жора. Это вы напрасно. Я сам бы выпросил у бога такой смерти.

Манги-Ульмес (огорченно). Что ты! Что говорит этот мальчишка?

Ж о р а. Сокол перед смертью бросается с поднебесья на скалу. Арыстан-Би своей смертью доказал, что он был Человеком! Остаться лежать среди вечных льдов! (*Говорит как бы шутя, с улыбкой.*) Ведь там он может пролежать в ледяной могиле сто, двести лет... Когда наши потомки научатся оживлять людей, они разыщут Арыстана-Би, оживят его и опять выпустят в жизнь — живи...

М а н г и-У л ь м е с. А что?.. Это мысль...

Ж о р а. Подумайте, Маке, да, подумайте.

К а у г а-С а х а л. Милый Жора, ты хорошо сказал о смерти соколов в вышине. Но я лично в своем племяннике, в его характере ничего соколиного не замечал... Вот... даже судя по словам его единственного друга Манги-Ульмеса... Слышал, сколько он доставил неприятностей этому бедняге? Ты, Маке, в нашем разговоре в самом его начале обмолвился о какой-то тайне.. Так вот. Это ведь тайна, связанная с Сания-Сулу, не правда ли?

М а н г и-У л ь м е с. Господи! Это-то вы откуда знаете? (*Рас-терянно садится на скамейку.*)

К а у г а-С а х а л. Я же сказал — дневник... Дневник!.. В тот год твоя жена простилась с миром и ты, Маке, посватался к Сание-Сулу, проживавшей в соседнем совхозе. Сваха, которая тебе служила, устроила вам несколько встреч. Вы договорились продолжить свою жизнь вместе. Перед тем как жениться, ты сам, будто тебя кто-то дергал за язык, обратился с просьбой к Арыстану-Би, чтобы он оценил твою невесту... Не так?

М а н г и-У л ь м е с. Да... Вы пожилой человек, но... память у вас!

К а у г а-С а х а л. Да, у нас с племянником память хорошая!

Картина вторая

Небольшая комната, судя по всему, обитель взрослой девушки.
Арыстан-Би и Манги-Ульмес.

А р ы с т а н-Б и (*весело, игриво*). Ну, жених, как сердчишко? Стучит?

М а н г и-У л ь м е с (*далек от шуток*). Плохо моему сердцу... Стучит уже в горле. Боюсь, сейчас выскочит.

А р ы с т а н-Б и. Тогда держи рот закрытым, ведь из другого места, надеюсь, не выскочит.

М а н г и-У л ь м е с (*мечтательно*). Видел бы Санию... Шутить бы так не стал.

А р ы с т а н-Б и. Надеюсь увидеть, потому и сижу здесь.

М а н г и-У л ь м е с. Наверное, уж скоро придет.

А р ы с т а н-Б и. Смотрю — ты влюблен до ужаса.

Манги-Ульмес. Да! Но боюсь...

Арыстан-Би. Чего?

Манги-Ульмес. Не укладывается в моем сознании, что Сания-Сулу... будет моей...

Арыстан-Би. Ее место не в твоём сознании, а в твоих объятиях.

Манги-Ульмес. Все шутишь, тебе лишь бы посмеяться. Как говорится: котенку — игра, а мышонку — смерть...

Арыстан-Би. В тебе, значит, что-то есть от мышонка?

Манги-Ульмес. Издеваешься?

Арыстан-Би. Не по моему же совету ты в свои сорок пять посватался к двадцатилетней девушке. Сам же... Как будто не мог подобрать себе ровню, вроде нас с тобой, уже поизносившуюся... Красивая жена — большая опасность для мужчины! Это все равно что прятать под одеялом глыбу золота величиной с конскую голову. Будет много охотников. Стоит задремать, как тут же сопрут. Не говори, что не предупреждал, — ты лишишься днем смеха, а ночью — сна. Поэтому, пока не поздно, опомнись и уйди в сторону. Пока еще она не пришла к себе в аул. Давай!

Манги-Ульмес. Нет, уже поздно. Мы ведь договорились. Что бы ни случилось, постараюсь выдержать. Надеюсь на лучшее! Авось!..

На сцене появляется Сания-Сулу. Тут происходит невероятное. Сания-Сулу, перешагнув через порог, видит Арыстана-Би и застывает, как оглушенная. Несколько раз открывает рот для приветствия, но не может произнести ни слова. Арыстан-Би тоже как завороченный поднимается и подходит к девушке. Некоторое время они молча смотрят в глаза друг другу. Арыстан-Би хочет что-то сказать, но не издает ни звука. Их поведение кажется горестным и жалким. Если не смешным.

Наконец.) Э, что случилось с вами?

Арыстан-Би (*приходя в себя*). Бог наказал меня, Маке!

Манги-Ульмес. Что же произошло?

Арыстан-Би. Не спрашивай, Маке! Я пропал...

Манги-Ульмес. Странно ты шутишь, мой повелитель.

Арыстан-Би. Это не шутка, Маке, не шутка. Я же говорил, что любому захочется завладеть золотым самородком. Вот и наказал меня бог — я полюбил Санию-Сулу. С первого взгляда. Что делать?! Ты мой друг, а жестокость по отношению к другу никому не делает чести. Как же мне быть, а?..

Манги-Ульмес. Ну, шутки в сторону. Сания, прости и пойми его правильно! Мы ровесники с ним, а ты должна знать, как шутят друг с другом казахи-ровесники.

Сания-Сулу (*тоже опомнившись*). Боюсь, это не шутки. Кажется, и меня наказал бог.

М а н г и-У л ь м е с (*смеется до слез*). Ну и артисты! Не просто артисты! А? Великие артисты!

А р ы с т а н-Б и (*поворачивается к Саню*). Маке еще не верит...

С а н и я-С у л у. Не верит.

А р ы с т а н-Б и. Ну тогда... (*Крепко обнимает Саню и прижимает к ее губам. Девушка отвечает тем же.*)

М а н г и-У л ь м е с (*странно улыбаясь*). Или вы сошли с ума, или я?

С а н и я-С у л у. Значит, вот ты какой, Арыстан-Би!

А р ы с т а н-Б и. Значит, вот ты какая, Саня-Сулу!

М а н г и-У л ь м е с. Мой повелитель, красавица моя, хватит вам дурачить меня. Возьмитесь за руки, познакомьтесь, сядьте, решим скорее дело.

А р ы с т а н-Б и. Боюсь, что все уже решилось.

С а н и я-С у л у. И я боюсь, что все уже решилось.

М а н г и-У л ь м е с. Хватит обниматься, сядьте!

А р ы с т а н-Б и. Ну, сели.

С а н и я-С у л у. Сели.

А р ы с т а н-Б и. Ты сказал, чтобы мы познакомились, как положено. Дай руку, Саня, я — Арыстан-Би.

С а н и я-С у л у. Я — Саня.

А р ы с т а н-Б и. Я твой суженый, суженный самим господом Богом. Я, наконец, нашел тебя! (*Опять целуются.*)

М а н г и-У л ь м е с (*начинает сердиться*). Всякая шутка хороша в меру! Довольно!

А р ы с т а н-Б и (*вздыхает*). Если б это была шутка!

С а н и я-С у л у (*вздыхает*). Если б это была шутка!

Все умолкают, и кажется, каждый начинает осознавать всю дикость происходящего.

А р ы с т а н-Б и (*качая головой*). Нет, не надо было мне приходить сюда.

С а н и я-С у л у. Да, не надо было тебе появляться здесь. Но если бы мы встретились после моей свадьбы, было бы куда хуже!

А р ы с т а н-Б и. Конечно, лучше, что мы встретились до этой свадьбы. Но трудности еще впереди.

С а н и я-С у л у. Да, и их будет много!

А р ы с т а н-Б и. Я решил.

С а н и я-С у л у. Я вся в твоей власти. Как бы ты ни решил в будущем — все будет по-твоему.

М а н г и-У л ь м е с (*кричит, колотит кулаком по столу*). Хватит! Довольно! Прекратите! А иначе...

А р ы с т а н-Б и. Что иначе?..

Манги-Ульмес. Я убьют вас обоих!

Арыстан-Би. Это был бы лучший выход из создавшейся ситуации... Жаль, что ты не способен на это.

Манги-Ульмес (*прячет лицо в ладонях и горько рыдает*). Да, не смогу, не способен!..

Арыстан-Би. Make, ты же мужчина, подумаем, посоветуем.

Картина третья

У памятника те же трое: Кауга-Сахал, Манги-Ульмес, Жора.

Манги-Ульмес. Вспоминай не вспоминай, что толку?! Я сердился, плакал, умолял, просил. «Ты красивый мужчина, — говорил я ему, — у тебя будут еще прекрасные женщины, оставь мне мою Санию. Фатима тоже женщина видная, белая и гладкая, как рыба. По ней тоже сохнут многие мужчины, завидуют тебе, как ты сможешь ее бросить? Не бросай ее — уступи мне Санию». «Ты потеряешь уважение людей, тебя снимут с должности, зачем на здоровую голову накликать беду — уступи мне Санию!» — убеждал я его. «У тебя уже трое взрослых детей, старший женат, уже работает, постесняйся хотя бы их — уступи мне Санию!» — стыдил я его. Куда там! Разве он согласится? Фатима переехала к старшему сыну, а Арыстан-Би отделался строгим выговором. Крепкие были у этой собаки хранители... Крепкие были связи...

Кауга-Сахал. И что же то были за «хранители»?

Манги-Ульмес. Этого мне так и не удалось узнать. Скрывал, видно, умело.

Кауга-Сахал. А я знаю, кто они были!

Манги-Ульмес. Скажите, если знаете.

Кауга-Сахал (*чуть чванливо, назидательно*). Его хранитель — это его труд!

Жора (*восторженно*). Я тоже так думал. Две Золотые Звезды на его груди — это двое ангелов-хранителей.

Манги-Ульмес (*качает головой*). Ну и ну, Жоражан, удивляешь ты меня! Что же мы, работали хуже, чем он? Где бывал он, там бывали и мы. Мы-то ничего не достигли, нам на грудь ничего не повесили. Собрания и совещания, которые посещал он, посещали и мы, то, что он говорил, и мы говорили. Ну, и чего мы достигли, где наши звезды? Не сомневаюсь, у Арыстана-Би была хотя бы одна, но крепкая рука. Жаль, что я не знаю, кто этот человек, не сомневаюсь — такой был.

Кауга-Сахал (*стонет как раненый медведь*). Ы-ы-ым!

Манги-Ульмес. Вы что-то сказали?

Кауга-Сахал. Сказал. Я говорил на непонятном тебе языке.

Жора. Я вас понял, аксакал!

Кауга-Сахал. Я не сомневаюсь, что ты понял. Меня не понимали мои ровесники. Не понимали при жизни. Так я шучу. Но это другая тема. Манги-Ульмес, дорогой, ты еще говорил, вроде бы из-за Арыстана-Би тебя до сих пор не утверждают директором совхоза. История с Санией-Сулу имеет к этому отношение?

Манги-Ульмес. Хитрый ты человек. Не зря говорят казахи: настоящий мужчина похож на своего дядю. Кое-что в характере Арыстана-Би я начинаю понимать теперь, увидев вас... Вы хитрец из хитрецов.

Кауга-Сахал. Хитрость — признак ума. Мой племянник был хитрым от рождения. Хотя я и не любил своего племянника, но этому его качеству надо отдать должное. Однако я опять отвлекся... Итак, Манги-Ульмес?

Манги-Ульмес. Ну что вы спрашиваете, разве не ясно? Дорого мне обошлась дружба с Арыстаном-Би. Ваш племянник съел четыре года моей жизни.

Кауга-Сахал. Как это?

Манги-Ульмес. Отнял у меня женщину, которая должна была стать моей женой. Нашу свадьбу пришлось отложить на четыре года.

Кауга-Сахал (*изумленно*). Я что-то не понял.

Манги-Ульмес. После того как отметили годовщину смерти Арыстана-Би, я, наконец, дотянулся до моей Саньи-Сулу, с которой мы должны были пожениться еще четыре года назад.

Кауга-Сахал (*опять мычит*). Ы-м-м-м!

Манги-Ульмес. Что с вами, аксакал?

Кауга-Сахал. Ничего... это так... Бывает иногда, сердце шалит... Вот!.. Вот прошло. Значит, вы женились на Санье-Сулу?

Манги-Ульмес. А как же! Санья с самого начала самим Богом была ниспослана мне. Но вмешался Арыстан-Би и свадьбу нашу отодвинул на целых четыре года. (*Не скрывая радости.*) Но хотя я женился не на замужней, а на свободной женщине, нашлись люди, которые пишут на меня клеветы. Вот так и живем, аксакал. Кстати, разговорившись с вами, я, оказывается, забыл об обычаях предков. Идемте в дом, отведайте что-нибудь с нашего дастархана.

Кауга-Сахал (*как во сне*). Не может быть...

Манги-Ульмес (*зло*). «Не может быть»... Не может быть, чтобы вы согласились вкушать пищу в нашем доме?

Кауга-Сахал. Нет, не в этом дело. Не может быть, чтобы Санья-Сулу вышла за тебя замуж.

Манги-Ульмес. Почему?

Кауга-Сахал (*поначалу растерявшись*). Я подумал... Читая дневники племянника, я решил, что эти две души созданы только друг для друга. Это как лебеди... потерявшие пару... как лебеди, потерявшие пару... (*Опять стонет.*)

Жора. Аксакал, я вызову врача...

Кауга-Сахал. Нет-нет! Сейчас... сейчас... Вот и прошло... прошло. Чего вы хотите от старого сердца?

Манги-Ульмес. Наш дом рядом, войдем. Посидите, отдохнете. Наверное, вы устали с дороги. Если приехали поездом... Для вас, пожалуй, нелегко. Ну, пошли, аксакал.

Жора. А вот и женге сама, кажется, идет сюда.

Манги-Ульмес. А? Да, да.

Входит Сания-Сулу. Жора застывает, пораженный ее красотой.

Сания-Сулу. Что с вами, Маке? Вы уж два часа стоите около памятника. Устали, наверное, пришла позвать вас в дом, попить чаю. (*Увидев Кауга-Сахала, вскрикивает.*) Ой! Боже! (*Хватается за сердце и, покачиваясь, отходит в сторону.*)

Манги-Ульмес. Краса моя, что случилось?

Сания-Сулу. До чего отталкивающая внешность у этого человека! Сердце чуть не выскочило из груди.

Манги-Ульмес. Тихо... Услышит — обидеться может. Оказывается, он — дядя Арыстана-Би, приехал посмотреть на памятник.

Сания-Сулу. Дядя Арыстана-Би?

Манги-Ульмес. Да. Говорит, при жизни они не любили друг друга, совсем не общались, а теперь, говорит, приехал помолиться памятнику, чтоб смыть грехи перед покойным. Подойди, поприветствуй.

Сания-Сулу (*через силу подходя к Кауга-Сахалу*). Здравствуйте, ата!

Кауга-Сахал. Живи долго, дитя мое!

Манги-Ульмес. Это ваша келин, хозяйка нашего дома.

Кауга-Сахал. Хорошо, хорошо. Милая келин, не знаю, я тебе должен высказать соболезнование или ты меня утетишь?.. Не знаю, мне он был племянником, тебе — мужем. (*Заметив, что Сания смущена.*) Не смущайся, милая келин, зачем умирать вслед за покойником. Живые должны жить... (*Притворяется бодрым.*) Как говорил наш наставник Магомед: «Если осталась после тебя младшая сестра, она найдет жениха, а если осталась жена — найдет мужа». Не смущайся, не придавай значения моим словам, я человек, который иногда говорит то, о чем лучше бы смолчать... Наверное, старею, теряю разум. Восемьдесят лет — не шутки, милая... Да?.. Что же я хотел? (*Обращается к Манги-Ульмесу.*) Что я хотел?

М а н г и-У л ь м е с. Откуда мне знать, аксакал? Не могу я проникнуть в вашу душу.

Похоже, ему нравится, что старик понес бессмыслицу.

К а у г а-С а х а л. А вот в вашу душу, Санияжан, я, кажется, уже проник.

М а н г и-У л ь м е с. Вы... аксакал... того...

К а у г а-С а х а л. Признаю вину. Итак, что же я хотел сказать?

Ж о р а. Вы высказывали соболезнование вашей... келин.

К а у г а-С а х а л. Да, милая келин, вслед за покойниками не умирают. Живые должны жить. Вы, оказывается, заново устроили свою жизнь, дай вам Бог благополучия на многие лета. Старейте вместе со своим суженым. Арыстан-Би был гордым, эгоистичным человеком, ни с кем, кроме себя, не считался, не думаю, чтобы он был хорошим мужем для вас.

М а н г и-У л ь м е с. Ну, аксакал...

К а у г а-С а х а л. Опять я не того. Дорогие мои, надо умирать, не доживая до бесполовой старости. Я вот уже дошел до того, что не замечаю, о чем думаю и говорю... Прости, милая келин... Но... *(Подходит к ней ближе.)* Но!.. Глаза твои... не нравится мне этот твой взгляд...

С а н и я-С у л у *(задрожав)*. О!.. Вы?.. О чем это вы? Что вы говорите?

К а у г а-С а х а л. У счастливой женщины глаза светятся счастьем. В глубине твоих глаз следы безутешной печали...

М а н г и-У л ь м е с. Вы... Вы... Бородач!

К а у г а-С а х а л. Опять меня занесло! Отчего бы это? Прости, милая келин. «Оставил сестру — нашла жениха, оставил жену — нашла мужа». Да, так...

С а н и я-С у л у *(взяв себя в руки, кажется, находит выход)*. Вы, ата, что-то... не то говорите...

К а у г а-С а х а л. Если шутка уместна, можно шутить и со старшим. Не стесняйся, милая.

С а н и я-С у л у *(отважно)*. Я не собираюсь шутить с вами, но вы... вы... притворяясь сумасшедшим, наговорили здесь много чего... У вас ядовитый язык, вот что!..

К а у г а-С а х а л. Твоя правда. Да, язык у меня ядовитый. Что же делать, моя хорошая, кажется, только вчера ты была моей... келин... а сегодня уже... мне трудно в это поверить... глаза видят, а сердце не верит. Невозможно.

С а н и я-С у л у. Что невозможно?

К а у г а-С а х а л. Что ты... С кем-то... С другим. Что ты за мужем.

С а н и я-С у л у. Почему так?

К а у г а-С а х а л. Потому что, когда я читал дневники Арыстана-Би, я представлял тебя... твою душу... Не такой...

С а н и я-С у л у. Дневники, говорите? Какие дневники?

М а н г и-У л ь м е с. Оказывается, Арыстан-Би втайне от всех вел дневник. Мне сказал вот этот старик. Дневники находятся у него.

С а н и я-С у л у. Ложь! Он не писал дневников.

К а у г а-С а х а л. Писал.

С а н и я-С у л у. Четыре года я прожила с ним бок о бок и не знала об этом, а вы даже не встречались с ним — кто ж знает больше?

К а у г а-С а х а л. Конечно, полоумный старик должен знать не столько, сколько... Ты думала... что знала Арыстана-Би как облупленного. Он тоже, умирая, думал, что знает тебя. Но он, оказывается, ошибался? А ты его даже сейчас не знаешь. Он скрывал от тебя свои дневники.

С а н и я-С у л у. Ложь!

К а у г а-С а х а л. Не веришь? Я прочитаю отрывок из его дневника. «Сегодня тринадцатое апреля 1978 года... Сегодня исполнилось три года со дня нашей свадьбы... День рождения Сании и... мой день рождения... Так определила судьба!.. Праздновали одни, вдвоем. Но скучно не было. Ведь мы не могли надоесть друг другу, мы были праздником друг для друга. Шутили, смеялись. Потом я рассказал Сание о случае с ласточками. Ах, как она расплакалась! Я долго не мог ее успокоить! Это удалось мне с большим трудом!»

С а н и я-С у л у. Хватит. Довольно, ата. Верю, верю вам.

М а н г и-У л ь м е с. Что за история с ласточками?

К а у г а-С а х а л. Сания, наверное, не сможет. Я сам расскажу... На нашей... На веранде дома Арыстана-Би пара ласточек свила гнездо. Один или одна из них в сильную бурю утонула в бочке с водой. А вторая, увидев это, долго и беспокойно носилась вокруг и... наконец, сама бросилась в бочку.

М а н г и-У л ь м е с. Это правда? *(Подходит к Сание.)*

С а н и я-С у л у. Правда.

М а н г и-У л ь м е с. Забавно... А ты, ста... ста... старик, откуда знаешь эту историю?

К а у г а-С а х а л. Знаю.

М а н г и-У л ь м е с. Откуда?

К а у г а-С а х а л. Может, я все это видел своими глазами.

М а н г и-У л ь м е с. Ты? Вы? Если вы ни разу не были в этом доме — откуда вам это знать?..

К а у г а-С а х а л. А если я... не сумасшедший старый дядя Арыстана-Би, а... сам Арыстан-Би?

М а н г и-У л ь м е с. Скажешь тоже... Вы... Ты.. тоже скажешь...

К а у г а-С а х а л. А что, если я на самом деле Арыстан-Би?!

С а н и я-С у л у. Вы... Вы и мой Арыстан-Би? Что может быть между вами общего? Вы даже звука его имени недостойны. Вы и ноготка Арыстана-Би не стоите.

К а у г а-С а х а л (*продолжая лукавить*). А что, если я докажу, что я и есть сам Арыстан-Би?..

Ж о р а (*встревоженно*). Оставьте, аксакал, прекратите.

К а у г а-С а х а л. Не возвращается только тот, кто отправляется в дорогу в саване. А кто из вас видел меня в саване?

Картина четвертая

На сцене величественная вершина Хантенгри, чем-то отдаленно напоминающая голову и шею белогривого скакуна. Это суровая и чистая красота.

У подножия горы приютился маленький пастуший домик.

В маленькой комнате П а с т у х и П а с т у ш к а, на кровати лежит А р ы с т а н-Б и, вернее, уже не А р ы с т а н-Б и, а К а у г а-С а х а л.

П а с т у ш к а. Слава богу, слава богу! Он, кажется, очнулся. Видишь, зашевелился?

П а с т у х. Эх, бедняга, бедняга... Смотри, он открыл глаза...

А р ы с т а н-Б и. А-а? Где я?.. Кто вы? (*Лыгается поднять голову.*) О-ох!

П а с т у х. Успокойся, бедолага, успокойся.

А р ы с т а н-Б и. Где я?

П а с т у х. Ты у нас.

А р ы с т а н-Б и. А кто вы?

П а с т у х. Неужели не помнишь? Перед восхождением на Хантенгри ты три дня находился у нас. Мы тебя уговаривали не ходить на священную гору... Ведь она не любит гордецов, решивших покорить ее!

А р ы с т а н-Б и. Говорите, Хантенгри, Хантенгри? Да, Хантенгри я помню... Белогривый аргамак мой... Разве я не на вершине ее?

П а с т у х. Эх, бедолага ты, бедолага! Похоже, ты не сумел все же подняться на вершину, все, кто был с тобой, погибли.

А р ы с т а н-Б и. Погибли... А кто я?

П а с т у х. Кто ты? Этого я не знаю. Знаю только, что товарищи называли тебя Арыстаном.

А р ы с т а н-Б и. Арыстаном? Ары-стан? Не понимаю. А кто такой Арыстан?

П а с т у х. Этого мы не знаем. Ты уже не первый месяц нахо-

дишься у нас. Тебя, на твое счастье, а может быть, на твое горе, кто знает, снежным обвалом занесло в наше ущелье. Еле-еле выкопали... С тех пор тебя выхаживает моя жена.

Арыстан-Би. Жена? Кто она? Покажи.

Пастушка. Вот я.

Арыстан-Би. Кто ты?

Пастушка. Свое имя я тебе тысячу раз повторяла, но ты все время зовешь меня Санией...

Арыстан-Би. Сания... Сания моя. Помогите мне, Сания, встать.

Пастух. Лежи, лежи, зачем тебе вставать?..

Арыстан-Би. Помогите, Сания, хочу посмотреть на Хантенгри.

Пастушка. Давай! *(Подходит к постели.)*

Арыстан-Би, пытаясь встать, обнимает ее за шею.

Пастух. Эй, женщина, что ты делаешь?

Пастушка. Как что?

Пастух. Бессовестная, почему ты даешь обнимать себя чужому мужчине?!

Арыстан-Би. Это я чужой мужчина?! Что он говорит, Сания?!

Пастушка. Не обращай внимания на его слова. Раньше я боялась его, теперь — нет. Когда вы, несмотря на его уговоры, пошли на Хантенгри, я перестала бояться его. Вставай.

Арыстан-Би. Помогите мне посмотреть на Хантенгри.

Подходят к окну.

Пастушка. Вот она, твоя Хантенгри.

Арыстан-Би. Хантенгри, мой белогривый аргамак! Стоишь как прежде. Странно... Разве я не умер у самой твоей вершины?.. Хантенгри — белогривый аргамак мой!

Пастушка. Как ты любишь ее! Как ты любишь! А мы... уже несколько лет живем у ее подножия, но ни разу как следует не видели!

Арыстан-Би. Я помню... Я однажды уже умер, не достигнув твоей вершины. Теперь же я умру, одолев, непременно одолев тебя.

Пастушка. Тебе нельзя стоять так долго. Пойдем обратно...

Арыстан-Би. Спасибо тебе, Сания... Ты меня не забыла...

На сцене снова центральная площадь совхоза «Алга». На площади Кауга-Сахал, Жора, Манги-Ульмес, Сания-Сул.

Кауга-Сахал. И долго Арыстан-Би не мог вспомнить, кто он, как его зовут, что с ним произошло. Когда пришел в себя и увидел свое лицо в зеркале, то испугался, а потом решил, что Сания не дол-

жна его видеть таким. Но позже... я... вернее, он... не выдержал тоски и захотел еще раз... хотя бы краешком глаза взглянуть на мою... на свою Санию... Предположим, что это было так...

С а н и я-С у л у. «Предположим»... «мог»... «возможно»... пошли, Маке, в дом! Зачем слушать бред сумасшедшего старого человека? Идем!

К а у г а-С а х а л. А-а-а? Испугалась все же, красавица!

С а н и я-С у л у. Чего испугалась? Почему я должна пугаться?

К а у г а-С а х а л. Меня? Призрака Арыстана-Би!

С а н и я-С у л у (*задиристо*). Чего это мне его бояться?

М а н г и-У л ь м е с. Действительно, чего ей бояться?

К а у г а-С а х а л. Но ведь она изменила памяти Арыстана-Би? Не правда ли?

С а н и я-С у л у. Вы же сами... говорили, что вслед за покойником не умирают, что живым — живое...

К а у г а-С а х а л. Говорил. Но мне казалось, что эта истина для всех, кроме Сании!

Ж о р а. Прекратите же, наконец!

К а у г а-С а х а л. Почему? Почему прекратить? Может быть, попав в беду, когда я навсегда покидал этот мир, я думал, что у меня остается друг, который продолжит мое дело, доделает то, что не успел я сам... Во мне была уверенность, что на свете остается моя половина и, пока она жива, — жив и я... В ее груди... в ее груди оставался мой дух, а значит, я бы жил вместе с ней. А что теперь я вижу? Человек, которого считал другом, оказался предателем, а женщина, которую считал женой... второй своей половиной — изменницей. Обыкновенной слабой... О, люди, люди!

С а н и я-С у л у (*зажав ладонями уши, падает на колени*). Не надо! Не говори так!

Ж о р а. Вы... Не надо больше, хватит, я прошу вас...

К а у г а-С а х а л. Не повышай на меня голоса, сынок! Если они не пожалели меня, почему я должен шадить их? Нет у меня к ним жалости!

Ж о р а. А вы все-таки пожалейте!

К а у г а-С а х а л. Нет! Я скажу все. Если ты не веришь, что я жив, я — Арыстан-Би, подойди ко мне, я обниму тебя. Твой муж изменился до неузнаваемости, но ты почувствуешь, что это я. Ты ведь часто засыпала, уткнувшись лицом в мою грудь, Сания-Сулу? Иди же ко мне!

Видя, что женщина не в силах двинуться с места, Кауга-Сахал опускается перед ней на колени и притягивает к себе.

Не узнаешь меня, милая?

С а н и я-С у л у (*громко вскрикнув, обнимает Кауга-Сахала*).

Душа моя, свет мой! Единственный! Прости, прости меня, подлюю!
Прости меня, бесстыжую!

Жо р а (*подбегает и хватает Кауга-Сахала за ворот*). Довольно! Хватит издеваться! Если в тебе сохранилась хоть капля совести, прекрати эту комедию! Сейчас же! Иначе...

Кауга-Сахал некоторое время молча стоит.

Ка у г а-Са х а л. Ты прав. Жоражан. Да, прав. (*Хрипло смеется.*) Ну, келин, вставай! Вижу, ты стосковалась по Арыстану-Би и сейчас доказала это. (*Смеется.*) Я ведь испытать тебя хотел. А ты поверила... Как ты поверила, что дряхлый восьмидесятилетний старик может оказаться твоим мужем? Это я так, пошутил. Но разыграл я вас все-таки здорово. Надо было мне в артисты идти.

Ма н г и-У л ь м е с (*сдерживаясь*). Вы действительно большой артист. Санияша, душа моя, вставай! (*Помогает жене подняться.*)

Сания, успокоившись, вытирает слезы, но все же заметно, что теперь она что-то скрывает.

Са н и я-Су лу (*решительно*). Да, вы, ата, оказались артистом, но ведь и я не уступила вам.

Ка у г а-Са х а л. Да, не уступила. Талант!

Все смеются.

(*Манги-Ульмесу.*) Надо тебе ее отвезти в Алма-Ату, устроить в театр. Все в ней есть: и красота, и талант!

Са н и я-Су лу. Да, вы правы. Мне надо уехать в Алма-Ату, а может, и дальше.

Ма н г и-У л ь м е с. О чем ты, Санияш?

Са н и я-Су лу. Так просто. Ну, вы все, наверное, устали — все время на ногах, идемте в дом. Маке, ты веди гостей, а я пойду поставлю самовар.

Ма н г и-У л ь м е с. Хорошо!

Сания-Сулу, чуть пошатываясь, уходит.

Ох, аксакал, сложный вы человек. Арыстан-Би тоже был таким же: все время разный. Видно, в вас пошел.

Жо р а (*горько*). Тяжелый вы человек, но я доволен вами. Что вы хотя бы вовремя обуздали свой «артистический талант».

Ма н г и-У л ь м е с (*бормочет*). Да... Да... Талант.

Жо р а (*продолжает*). Человек может только тогда называться человеком, когда уважает сам себя. А для этого надо прежде всего уметь считаться с другими людьми. Вот наш аксакал наконец-то понял это. И я радуюсь этому.

Манги-Ульмес (*не понимает*). Да-а, тяжелым оказался человеком аксакал. Ну, идемте, Саняш ждет...

Раздается душераздирающий женский крик. Трое мужчин застывают на месте. На сцену выбегает Некто.

Некто. Маке, Саня-женге, Саня-женге!..

Манги-Ульмес. Что там? Что случилось?

Некто. Саня-женге сама себя... Наложила на себя руки. Сразу ушла, бедняжка! Без единого слова... Сразу!

Убегает.

Манги-Ульмес. Что, что он сказал? (*Умолкает. Как бы прислушивается.*) Что он кричал? (*Понимает.*) А-а-а-а! (*Подбегает к Кауга-Сахалу, хватает его за горло.*) Это ты, бродяга! Ты! Ты! Ты! Я задушу тебя!

Кауга-Сахал. Умоляю — убей, задуши меня!.. Не воспротивлюсь! Убей меня!

Манги-Ульмес (*в отчаянии отталкивает Кауга-Сахала*). Нет! Нет! (*Громко рыдает.*) А-а-а-а... (*С криком убегает.*) Саня моя! Саняш...

Кауга-Сахал. Красавица моя! Любимая моя, Саня!.. Зачем? Зачем я здесь появился?! О, несчастный бродяга, о, эгоист, глупый урод! Я же хотел последний раз посмотреть на тебя и... исчезнуть... насовсем... Что я натворил?! Зачем обнимал ее? Она меня узнала! Она все поняла! Я почувствовал, когда она засмеялась! Я виноват, я должен понести наказание... (*Вытаскивает из голенища сапога нож.*)

Жора (*хватает его за руку*). Не надо, аксакал. Самоубийство — удел слабых. Саня-женге была женщиной... Вы же — мужчина, а значит, должны быть стойким.

Сцена медленно погружается во тьму. Слышно горестное мужское рыдание. Из темноты показывается Кауга-Сахал. Он покачивается. Слышится звук промчавшегося тяжелого состава. Начинает светать. Входит Колотун. Видит качающуюся фигуру.

Колотун. Что это? Боже мой! Никак Арыстан-Би Кобегенович! Постой, постой!..

Кауга-Сахал (*хохочет*). Какой такой еще Александр Кабанович?! Вы что?!

Колотун. Новы же Арыстан-Би Кобегенович! Или мне мерещится?

Кауга-Сахал. Наверное, вы меня за кого-то другого приняли?! За кого?

К о л о т у н. Да что с вами, Арыстан-Би? Создатель мой! Мне ли вас не узнать! Или я сошел с ума?

К а у г а-С а х а л. Именно! (*Хрипло, жутко хохочет.*) Пристали к незнакомому человеку!.. Ищите какого-то Александра Кабановича.

К о л о т у н (*растерянно*). Вообще-то он... умер...

К а у г а-С а х а л. Кто умер?

К о л о т у н. Арыстан-Би Кобегенович... погиб... при попытке... при восхождении на вершину Хантенгри...

К а у г а-С а х а л. Вот видите, а вы ко мне пристали.

К о л о т у н. Какой это был человек, если б вы знали! Он меня спас... он мне все простил и взял меня, негодяя, своим шофером, я все время работал с ним... Души друг в друге не чаяли!

Появляется Ж о р а.

Ж о р а. Ар-р-р... (*Заметил постороннего.*) Аксакал, куда же вы пропали? Где я вас только не искал!

К а у г а-С а х а л. Вот, спасаюсь от этого... товарища... Он ищет какого-то Александра Кабановича...

К о л о т у н. Извините, пожалуйста... я... я... но какой это был человек! Он возродил меня к жизни. Заново, можно сказать. Какой это был человек!

К а у г а-С а х а л. Спасите меня, Жоражан, скажите этому товарищу, что я... несчастный, восьмидесятилетний старик... никак не могу быть Александром Кабановичем, которого ищет этот товарищ...

Ж о р а. Да, я подтверждаю... Это...

К о л о т у н. Извините, извините!..

Уходит.

Ж о р а. Я испугался за вас, Арыстан-Би-ага...

К а у г а-С а х а л. Как ты сказал, Жоражан? Что ты сказал?.. «Арыстан-Би»? Разве я Арыстан-Би?.. Что ты сказал, Жоражан?..

Свет гаснет и вскоре загорается снова. Мы видим К а у г а-С а х а л а и Ж о р у на перроне вокзала. Кауга-Сахал без бороды. На нем нет уже войлочного плаща, старого лисьего тымака, сапог с широкими голенищами. На лице безобразные, глубокие шрамы. Можно усомниться в том, что этот человек — Арыстан-Би. Но это он.

А р ы с т а н-Б и. Что ты сказал, Жоражан?

Ж о р а. Я стал догадываться обо всем уже тогда, когда вы начали читать наизусть отрывки из дневников. В конце концов по мере вашего рассказа сомнения мои совсем исчезли.

А р ы с т а н-Б и. У меня еще в детстве была мечта — закончить свое первое большое дело в жизни, а потом бросить все и начать жизнь сначала, уйти бродить по неизвестным землям. Теперь после того, что произошло, у меня ничего не осталось, кроме моей старой

мечты. Я снова отправляюсь на Тянь-Шань. Соберу команду, снова попытаю счастья — постараюсь покорить Хантенгри — моего белогривого аргамака. Так я облегчу душу, очищусь перед памятью Сани. (*Горько усмехается.*) Видишь, и так, оказывается, можно достичь мечты!..

Ж о р а. Хотя я и моложе вас, но все-таки советую — не поддавайтесь горю.

А р ы с т а н-Б и. Теперь меня может спасти только Хантенгри!

Ж о р а (*задумчиво*). Жаль, что нет у меня своей Хантенгри!..

А р ы с т а н-Б и. Ну вот, я поехал. (*Обнимает Жору.*)

Слышен шум подошедшего поезда.

Ж о р а. Счастливого пути, ага! Счастливой встречи с Хантенгри!

З а н а в е с

Myraichad
mparegud

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алексей Кузьмин.

Николай Кузьмин.

Лукерья Васильевна Кузьмина.

Катерина — барышня, два года назад закончившая гимназию.

Фома Гаврилыч Петлин.

Мерген.

Гаппар.

Мапели.

Урдажык.

Действие первое

Добротный дом состоятельной русской семьи. Гостиная. Вместо одной из стен пустое пространство, открывающее вид на степной пейзаж; по краям пологого оврага лесная поросль, извилистая река Тургай. Вдали видны какие-то сполохи, очевидно, это зарево пожара. Блики сопровождают все действие спектакля.

К а т е р и н а смотрит в окно. Входит Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а.

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Доченька, ну как там у них? Скажи, что случилось? Почему застыла, точно каменная? Говорят, ты была с ними, когда Николенька и Лексюша повздорили между собой? Так скажи мне, что с ними? Ведь они братья, любили друг друга! Какая собака их укусила, что они сцепились прямо в кабинете? Чего не поделили? *(Чуть не плача.)* Ты так и будешь стоять столбом?! Разве я вам чужая? Почему вы все скрываете от меня? Катя, Катерина!

К а т е р и н а *(не ожидая такого от матери, растерялась. Плачет)*. Мамочка! Ну что за беда особенная стряслась, что ты встала передо мной на колени... Встань, родная! Я все тебе расскажу! Да ведь, в общем-то, и говорить не о чем!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Ведь люди же шумят. Мол, братья Кузьмины...

К а т е р и н а. Досужие слухи, мама! Чего только люди не скажут. Вы ведь знаете, что Коля с Алексеем дружат. А у Алеши стычка произошла не с Колей, а с Фомой Гаврилычем. Вот и вся правда. Но об этом никто не должен знать, мама! Поэтому вам и не хотели говорить...

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а *(не придавая значения последним словам дочери)*. Слава богу! Слава богу! Лишь бы не Коленька с Лексюшей. Больше мне ничего и не надо. Чего им не хватает, братьям-то родным? О чем мне мечтать, кроме как о вас троих, о дружбе и мире между вами. Светики мои, солнышки мои. Я не буду допытываться. С меня довольно мира и лада в семье.

Слышится громкий топот копыт, потом чьи-то быстрые шаги. Лукерья Васильевна бросается к окну.

К а т е р и н а. Мама!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*радошно*). Пришел, солнышко мое, пришел! Лексюша пришел! Надо, чтобы он ничего не почувствовал, не заметил, ладно? Посмотри, у меня глаза не покраснели?

К а т е р и н а. Нет, мама. Вроде ничего.

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. И все же лучше мне не показываться в таком виде на глаза Лексюше.

Выходит.

Входит А л е к с е й. На нем форма офицера ОГПУ. Русоволосый, хрупкий, бледнолицый, он скорее похож на музыканта, чем на офицера.

А л е к с е й (*весело*). Пролетарский привет красному работнику народного просвещения!

К а т е р и н а. Привет, привет, красный следопыт!

А л е к с е й. А где мама?

К а т е р и н а. Наверное, на кухне. С тех пор как мы представили свободу прислуге, а последние драгоценности сдали в казну, мама перестала выходить из кухни.

А л е к с е й. Хочешь сказать, что мы, дав свободу прислуге, превратили в прислугу собственную мать? Так, что ли? А почему сама не помогаешь? Почему она нас не зовет на помощь?

К а т е р и н а (*удивленно*). Нас? Мама даже меня не подпускает к кухне...

А л е к с е й (*задумавшись, разговаривает будто не с Катериной, а сам с собой*). Может, это и лучше, что мама именно сейчас на кухне. Может, мне уйти, не попрощавшись с нею?..

К а т е р и н а (*меняется в лице, говорит испуганно*). Все-таки решил пойти один?

А л е к с е й. Да, решил не сворачивать с избранного пути. Будь что будет! Наверное, сейчас примчатся Николай с Фомой. Они грозят мне, мол, будет постановление ревкома, не пустим тебя в одиночку. Не на того напали! Ты-то меня понимаешь, ты меня поддержишь. А маме лучше не знать. Я знаю, иду не на прогулку. Поэтому хотел поцеловать разочек маму, проститься с ней.

К а т е р и н а (*в ужасе, старается, чтобы брат не заметил этого*). Что ты говоришь, Алексей? Что значит: поцелую разочек маму и уйду? Бред какой-то...

А л е к с е й. Ты же знаешь, для Кузьминых смертная мука выкаблучиваться друг перед другом! Зачем мне храбриться перед тобой? Было бы глупостью с моей стороны, если бы я сказал, что собрался в абсолютно безопасное предприятие.

Опять доносится топот копыт, затем быстрые шаги сошедших с коней людей.

Видишь, я ведь говорил, что сейчас за мной примчатся Николай с Фомой. Теперь от них не отвертишься. Надо же, а?

Входят Николай и Фома. Николай крупнее и смуглее своего брата. Фома — офицер, выслужившийся из простых казаков. Усы воинственно торчат, властная четкая манера говорить изобличает сурового, жестокого человека.

Николай (*смеясь*). А-а! Попался, товарищ энтузиаст! Попался!

Фома. Здравствуйте, Екатерина Александровна! Извините, пришли вот...

Катерина. Здравствуйте. Проходите.

Фома (*указывает Николаю на Алексея*). Я же говорил тебе, что он никуда не пойдет, не попросившись со своей мамой. Вот и попался, голубчик! Вот мы и накрыли его! Разве он отправился бы в дорогу, не попросившись с мамой?!

Алексей (*сердится*). Сколько раз тебе говорить, чтобы ты прекратил свои шуточки!

Фома. Прости, прости... Вот всегда у него так — сердится почему зря. Извините, Екатерина Александровна. Вы же знаете, мы с Алексеем любим пошутить друг над другом... Вообще-то его нелегко вывести из себя... А тут... Смотрите, так и кипит...

Николай. Ладно, давайте сядем.

Катерина. Да, садитесь. У мамы, по-моему, уже все готово. За столом и поговорите спокойно. (*Обернувшись к Алексею.*) И ты успокойся, товарищ энтузиаст. (*Увидев реакцию брата, осеклась.*)

Алексей (*вначале стоит в замешательстве, затем взвизгивает*). И ты... с ними, Катя! Я не ожидал от тебя!

Катерина (*умоляюще*). Я сама не знаю, как у меня вырвалось...

Фома, видимо, считая себя обязанным помочь растерявшейся барышне, порывисто направляется к Катерине.

Фома. Вам незачем просить прощения, Екатерина Александровна! Разве отправился бы в такое предприятие...

Пауза.

Незаметно на сцене появляется Лукерья Васильевна.

Алексей. Нормальный человек?

Фома. Я хотел сказать, на такое предприятие человек не отправляется в одиночку. Ты прямо как неразумный ребенок, который

беспечно направляется в кишашее змеиное логово! Да, да, в кишашее змеиное логово! Эта твоя выходка... *(выпаливает)* выходка придурка!

Лукерья Васильевна *(прижимает руки к груди и бормочет)*. О, господи! Что он говорит? Ребенок... Змеиное логово... Ребенок... О ком он это? О Лексюше?! *(Ее голос крепнет.)* Вот, я так и знала! Они что-то скрывают от меня! Какую-то тайну? Катя, ну-ка говори, пока я не прокляла тебя! Ну, говори!

Никол ай. Мама!

Алексей. Мама!

Фома. Здравствуйте, Лукерья Васильевна! Если вы его не убедите *(указывает на Алексея)*, свершится непоправимое — нас он не слушает!

Катерина. Фома Гаврилыч...

Фома. Если кто и способен предотвратить это глупое безумство, то только мать! Зачем же нам скрывать такое дело от Лукерьи Васильевны? Киргизы говорят: «Как болезнь ни скрывай, смерть секрет раскроет!»

Катерина *(с укором)*. Фома Гаврилыч!..

Фома. Ну да, Екатерина Александровна... казахи... Проклятый язык, привык называть их киргизами, и все тут! Казахи, конечно же казахи.

Лукерья Васильевна *(удивленно)*. Дорогой, о чем ты?

Фома. Такое дело! Не получается без вашего вмешательства, Лукерья Васильевна!

Лукерья Васильевна *(в ужасе)*. Так в чем же дело, светики мои, объясните же!

Фома. Ваш сын... Алексей Александрович... не хочет внять нашим советам.

Никол ай. Фома...

Катерина. Фома Гаврилыч...

Фома. Нет, господа, теперь я не отступлюсь! Я скажу Лукерье Васильевне обо всем! Она — мать, а материнское сердце — единственный справедливый судья в брennom мире. Пусть как она решит, так и будет.

Лукерья Васильевна *(кричит, уже не владея собой)*. Так в чем же дело, дорогие мои? В чем?! Скажите вы наконец?!

Фома. Это же мать... нельзя мучить священное материнское сердце, я не отступлюсь, я скажу... Екатерина Александровна, поймите меня... простите меня... я...

Лукерья Васильевна *(на грани обморока)*. Что же случилось, господи?! *(Воздев руки к небу, подходит к Фоме и хватает его за ворот.)*

Ф о м а. Ваш сын Алексей не слушает нас. Хочет один отправиться в погоню за бандитом... Вслед за этим... как его...

Лукерья Васильевна. Алексей?

Ф о м а. Да.

Лукерья Васильевна. Каким бандитом? Откуда он взялся?

Ф о м а. Ну, этот, Мерген, который избил нашего милиционера и побежал к Улытау...

Лукерья Васильевна. Но с каких пор Мерген стал бандитом?

Ф о м а (*возбуждаясь*). А кто ему позволил стрелять в советского милиционера? Кто он после этого, как не бандит?!

Лукерья Васильевна. Не надо, дорогой, не возводи на человека напраслину. Если это тот самый Мерген, наш Мерген, он никогда не сделает плохого. Не может быть, чтобы он стрелял в советского человека! Он же был самым верным соратником, правой рукой Сардара, установившего у нас тут советскую власть.

Ф о м а. Может быть, и был в свое время... Действительно, мы все были признательны Сардару за то, что он когда-то поднял народ против белого царя... Сардар вовремя скончался. А если б не скончался, кто знает, что бы он вытворял сейчас... Кто поручится, что и он не выстрелил бы вот так в советского работника!

Н и к о л а й. Фома!

К а т е р и н а. Фома Гаврилыч!..

Лукерья Васильевна. Дорогой, что ты мелешь? (*Ужасаясь*.) Как ты посмел сказать о Сардаре такое?

Ф о м а. Ведь это не я говорю, что до шестнадцатого года он был барымтачом, это народ говорит...

А л е к с е й. Ты... Ты... Ты... Фома!

Н и к о л а й. «Народ говорит»! Какой народ? Это же баи! Байские прихвостни так говорят! Ишь, на народ поклеп возводит!

Ф о м а. Простите, конечно, извините, что я сказал так о Сардаре... Здесь нет чужих, здесь же все свои... Поэтому чего мне прикидываться — не верю я им, не верю!

Н и к о л а й. Фома, что с тобой? Кто это «они»?

Ф о м а. Как кто? Эти... как их... кир... кир...

А л е к с е й. Вот-вот! Как я могу, мама, внимать советам такого человека?! Я решился на это предприятие, во-первых, чтобы предотвратить напрасное кровопролитие, во-вторых, потому что не верю в виновность Мергена, в-третьих, чтобы опровергнуть бытовые слухи. Теперь вы поняли, мама?

Лукерья Васильевна. Нет, ничего не поняла!

Ф о м а. Уважаемая Лукерья Васильевна!

Н и к о л а й. Постой, Фома! Не суетись! Ты выслушай сначала! Ведь ты же здесь...

Ф о м а. Чужой, да? Ну что ж, тогда прекращаю! Буду последней собакой, если скажу еще хоть слово!

Н и к о л а й. Вот он всегда так, всегда так...

К а т е р и н а. Почему вы кипятитесь, Фома Гаврилыч? Ведь вы же сами все начали!

Ф о м а. Прошу прощения, Екатерина Александровна! Я думал, что я среди своих, поэтому. А вы все...

А л е к с е й. Набросились на тебя одного? Давно я заподозрил неладное... давно хотел спросить... а тут ты сам... заладил: «не свои»! Так вот я, может, и обижу тебя, но выскажу, что меня тревожит! Свои люди — сочтемся!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*вздрогнув*). Господи, куда их занесла нелегкая?! Сколько ж можно томить человека, объясните же, в чем дело?! Или вы ждете, когда у меня сердце разорвется?

Ф о м а (*подхватывает падающую в обморок Лукерью Васильевну*). Вот видите, что вы натворили? Не пожалели такого человека, просто ангела! Нас хлебом не корми — дай погрызться между собой! Вот так и мы пропадем, так и наша матушка-Русь пропадет — бедная, сирая, забытая сынами своими! Грыземся между собой, рвем друг другу глотку! Вот увидите, мы еще докатимся!

К а т е р и н а (*поддерживая мать*). Чего вы так кипятитесь. Фома Гаврилыч!

Ф о м а. А как же иначе, Екатерина Александровна? Мы тут средь бела дня чуть матери не лишились, чуть невинную душу не загубили! (*Оборачивается к Алексею.*) Вот, объясни теперь матери! Попробуй оправдаться! Объясни ей, куда, зачем ты собрался, объясни, если можешь!

А л е к с е й. Мама!

Н и к о л а й. Успокойся, Алеша. Я объясню. Давайте сначала усадим ее на диван. Ну-ка... (*Поддерживает, вчетвером усаживают Лукерью Васильевну на диван.*)

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*крестится*). Уф, господи, боже мой! Святая богоматерь, за что ты меня так?

Н и к о л а й (*подложив под голову матери подушку, присаживается перед диваном*). Выслушай меня, мама, я тебе все объясню.

Ф о м а. Выслушайте внимательно и постарайтесь понять, Лукерья Васильевна, какой подарочек готовит вам ваш младшенький!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Святая богоматерь, за что ты меня так?

А л е к с е й. Мама!

К а т е р и н а. Мама!

Н и к о л а й. Мама! У нас нет никаких тайн! Просто возникло маленькое недоразумение... а какое, мы сейчас тебе скажем. Рассуди сама. Как решишь, так и будет. Надеюсь, что и Алексей тебя послушается... Так, Алексей?

А л е к с е й (*неуверенно*). Говори, чего там...

Н и к о л а й. Дело вот в чем, мама... Как ты веришь в Мергена, так и я в него верю. Но ведь ты сама всегда жалела, что он неграмотный. Так вот, может быть, вследствие этой своей неграмотности он и избил одного милиционера, даже, говорят, хотел застрелить его, но милиционер убежал.

А л е к с е й (*иронично смеется*). Кто поверит, что кому-то удалось спастись от пули Мергена?! Лучше скажи, что это клевета!

Н и к о л а й. Постой. Дай мне сначала объяснить, а потом будешь говорить сам. Как бы там ни было, мама, этот избитый до полусмерти милиционер прибегает к Фоме Гаврилычу.

Ф о м а. Сначала я тоже не поверил, что Мерген поднял руку. И на кого? На представителя власти, Лукерья Васильевна! Хотел поговорить с ним с глазу на глаз и... что было, то было... послал за ним маленький отрядик. И что же? Он обругал начальника отряда, а потом под покровом ночи сбежал. Вы же не знаете, Лукерья Васильевна, нас всюду окружают враги. Присмирившие, поджавшие хвост... но враги. Так вот, они, слышав о бегстве Мергена, стали с оружием в руках собираться вокруг него. Сейчас под его началом двести бандитов, слышите — двести! Двести вооруженных бандитов! В этом месяце они застрелили двух волостных, назначенных советской властью, совершили нападение на косяки двух баев, которые добровольно признали Советы и давно жили мирно, разграбили склады признавшего советскую власть купца Гаврилова! И вот теперь ваш сын хочет сам, совершенно один, пойти в логово этих кровожадных бандитов! Понимаете, в одиночку, без оружия! Вы поняли теперь, Лукерья Васильевна?

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*подняв голову с подушки, садится поудобней на диване*). Лексюша, я не ослышалась? (*Указывает на Фому*.) Что он говорит? Это правда?

А л е к с е й. Как сказать, мама...

Ф о м а. А-а-а, вон как! Правда глаза колет?! Значит, растерялся? Не знаешь, как сказать?!

А л е к с е й. Точно... Твоя правда... твоя правда — это сабля, висящая на персидском ковре в доме богача-толстосума. На первый взгляд — это действительно сабля. Каждый, увидев украшенные орнаментом, инкрустированные ножны, задумываться не будет. Но на

самом деле сабля — это не ножны, а острый клинок, который из них вынули. Так и твоя правда, Фома Гаврилыч! Спросите любого на улице: «Правду ли сказал Фома Гаврилыч!» И все вам ответят: «Да, правду!» И на самом деле, правда и то, что джигиты Мергена избили пришедшего в их аул милиционера, и то, что бандиты застрелили двух волостных, назначенных советской властью, и то, что были разграблены склады известного в нашем городе купца Гаврилова, и даже то, что вокруг Мергена собралось довольно большое количество джигитов!

Фома (*суетливо*). А-а-а, вишь как! Видите, Лукерья Васильевна, наконец-то наши с ним слова сошлись! В таком случае...

Николай. Да, мама, да! (*Кивает головой.*)

Фома (*назидательно*). Вот, Лукерья Васильевна! Об этом говорю вам я — начальник отделения милиции, об этом говорит председатель суда, ваш сын Николай Александрович, это признает председатель чека, сидящий здесь собственной персоной, Алексей Александрович! А куда ему деться? Признал? Признал! И нечего разводить карусель насчет сабли и ножен. Не бывает ножен без сабли и сабли без ножен! Разве не так? Ха-ха-ха!

Алексей (*взволнованно*). Посмеялся, Фома? Теперь слушай. Эти нанизанные тобой факты...

Лукерья Васильевна (*ничего не понимает*). Господи, куда вас занесла нелегкая! Какая сабля, какие ножны! Что вы хотите этим сказать?

Фома. А то, Лукерья Васильевна, повторяю, ваш младшенький, Алексей, собрался идти в логово ядовитых змей!

Лукерья Васильевна (*выпучив глаза*). Что-о-о?

Фома. Мало этого, ваш сын и не просто ваш сын, а председатель облчека, Алексей Александрович Кузьмин, хочет пойти в логово ядовитых змей один! Понимаете? В одиночку!

Пауза.

Лукерья Васильевна. Ничего не понимаю! По... почему туда должен идти именно ты, Алексей? Почему ты должен идти в одиночку, Лексюша? Почему?

Алексей. Мама, вы должны все же задать мне еще один вопрос.

Лукерья Васильевна. Какой?

Алексей. Почему Фома считает, что там «логово ядовитых змей»?

Лукерья Васильевна. Да, почему?

Фома (*вскипает*). Фу-у, черт... что за...

Алексей (*издевательски*). ...полоумная?

Ф о м а. Упаси боже! Что ты? Так и до греха недолго! Для меня Лукерья Васильевна все равно, что святая богоматерь! Ты не доводи меня, Алексей, не доводи! Если логово бандитов, возмутивших покой всей округи, нельзя назвать логовом ядовитых змей...

К а т е р и н а. Никто не сомневается, что в горах прячутся бандиты. Но... но какое отношение к ним имеет Мерген? Если это тот самый Мерген...

Ф о м а. Вот-вот... (Эти слова срываются с его губ произвольно.)

К а т е р и н а. Что «вот-вот»?

Ф о м а (только сейчас заметив свою промашку, но не находя пути к отступлению). Тот самый... Ваш знакомый... хор-р-р-роший знакомый, не зря, знать, ходил слушок...

К а т е р и н а (возмущенно). Какой еще слушок? Отвечайте, какой слушок?

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Слушок?

А л е к с е й. Слушок?

Н и к о л а й. Что он говорит?!

Ф о м а. Простите, Екатерина Александровна! Простите!

К а т е р и н а. Говорят, в «логове ядовитых змей», о которых вы твердите тут все время, есть такой обычай... ядовитая змея сначала кусает первого попавшегося беднягу, а потом... потом просит у него прощения! Чего вы теперь прикидываетесь?!

Н и к о л а й. Что он несет, а? (Нависает над Фомой.) Что ты тут мелешь? (Расстегивает кобуру.) Фома Гаврилыч! Что ты тут мелешь?!

Ф о м а. Я нечаянно, Николай, друг, прости меня! Я и сам не знаю, как это вырвалось!

К а т е р и н а (грустно). Ясно, что слово, только что сорвавшееся с ваших уст, давно уже было у вас на душе... Теперь, что проси прощения, что не проси... Прощу я теперь, не прощу — ничего не изменится! Говорят же казахи, что слово, как пуля... Вы метко выстрелили, Фома Гаврилыч...

Ф о м а (умоляюще). Ревность слепа, не я сказал эти слова, а моя ревность слепое чувство. Чего скрывать — вы же все знаете, видите. (Плачет.) Это ревность...

Н и к о л а й (вновь сунув наган в кобуру, машет рукой). Пойдем, Алеша, выйдем пока!.. (С сердцем.) А, ну вас! Разве вас поймешь!

Братья выходят.

Пауза.

Оставшиеся не могут смотреть в лицо друг другу.

Лукерья Васильевна (*после паузы*). Ничего не понимаю.

Катерина. Мама, побудьте пока с братьями.

Лукерья Васильевна (*с надрывом*). Тебе я не нужна, а им и подавно! Давно ли пешком под стол ходили, а теперь у всех тайны, секреты... (*Направляется к двери.*) Пойду с глаз долой...

Катерина. Мама!

Лукерья Васильевна, даже не обернувшись, выходит.

Видите, что вы натворили!

Фома. Прошу прощения, Екатерина Александровна, прошу прощения! Я подумал, что они и так все знают... сам не знаю, что со мной сегодня... вышел из терпения... обезумел... Доколь же мне держать себя в кулаке?! Я выдохся! Все, не могу больше! Прости!

Катерина. Два года назад... я четко, ясно... русским языком... дала вам один ответ. Сказала, чтобы вы не питали надежд насчет меня. И после этого вы... Как это понять? Перед матерью, перед братьями...

Фома. Я потерял всякую власть над собой. Ведь и они не слепые... Что теперь скрывать? Мерген! Мерген! Только и слышишь об этом дикаре! Его имя не сходит с ваших уст! Как людям не сплетничать, если вы ездите с ним на охоту и пропадаете там неделями!

Катерина (*всплескивает руками*). Ах, вот как! Почему же вы не выследили его и не застрелили?!

Фома. Слава богу, я знаю Мергена! Разве он позволит себя выследить? Он же за три километра чует запах любого живого существа — будь то животное или человек! Как же, такой подпустит к себе!

Катерина (*качает головой*). А-а-а... так вы... так вы...

Фома (*горько*). ...«еще и трус», хотите сказать?

Катерина (*высокомерно*). Сказать такое мне не позволит воспитание!

Фома (*безнадежно*). И все же, хоть вы и не сказали, в душе у вас именно это.

Катерина. Тому, что в душе, лучше и с языка не срывать!

Фома. В скрытности женщины никому еще не уступали! Разве я не прав?

Катерина. Скрытность бывает разная. Беречь тайну и таить злой умысел — разные вещи. Я, может, и сделаю вам больно, но скажу — вы тайну беречь не способны. Вы-то способны только таить

злые мысли. Не знаю почему, но я вам не верю. Я чувствую, ваша внешняя солидность обманчива, внутри у вас ой-ой-ой что творится!

Ф о м а (*презрительно*). Ну как же — подруга дикаря! Отсюда и чуткость, и нервозность!

К а т е р и н а. Казахи называют иногда женщин «томен етек» — «ничтожные». Так вот не пойму, кто из нас двоих ничтожный? Настоящий мужчина не станет злословить и оговаривать за глаза, а вы в отсутствие человека каких только унижительных слов не наговорили о нем! «Дикарь»! Это только потому, что он неграмотный?! Так вы попробуйте сказать это ему в лицо! Куда там! Стоит встретиться с ним с глазу на глаз, как вы сразу — Меке, Меке! Так и стелитесь перед ним, разве не так? Вы сами сказали, что он чует вас за три километра. Выходит, от вас исходит особый дух, выдающий вас, где б вы ни находились!

Ф о м а (*изменившись в лице*). Вот ты как, барышня, ну что ж, и я не упусти свой черед. Порядочное общество города называет тебя «киргизка Катира», и правильно делает!

К а т е р и н а (*чуть ли не торжествующе*). Наконец-то, наконец-то вы показали свой истинный облик! А то так чинно, благородно все! Вам так не шло это благородство! И вот наконец вы разжали зубы, и показалась пасть! Целая пещера! Бездонная пещера подлости и зла! Вот что я желала лицезреть! Спасибо! Но как вынести затхлый запах вашей особы, когда человеку с чистой душой он бьет в нос за три километра?! Пожалейте мое обоняние!

Ф о м а (*трясаясь от злости, хватается за кобуру*). Су-ка! Подстилка! Смотри теперь у меня!

К а т е р и н а. Во-о-он! Вон отсюда! (*Кричит.*) Вон из дома!

Ф о м а. Ладно, еще посмотрим!

Выходит, на ходу застегивая кобуру.

Хлопают двери. В гостиную вбегают Николай, Алексей, Лукерья Васильевна.

Н и к о л а й. Что случилось, Катя?

А л е к с е й. Что случилось?

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Доченька моя, ты, кажется, кричала?!

К а т е р и н а (*закатывается истерическим хохотом*). Прогнала я вашего дружка, прогнала! Прогнала подлого человека! И таких подлецов мы называем людьми! Это же двуногие хищники!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*вид дочери приводит ее в ужас*). Успокойся, доченька, успокойся!

К а т е р и н а. Вы сами учили меня искренности, мама! Если честно, после того как он два года стелился передо мной, тише воды ниже травы, я из страха остаться старой девой уже стала подумывать дать согласие, если он так уж хочет... Но сегодняшнее открыло мне на него глаза, я благодарна судьбе за это... благодарна... Ох, какой груз я сбросила с себя... Я чувствую теперь такое облегчение, такое облегчение!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Доченька, очнись, успокойся! Не нравится мне этот твой смех!

К а т е р и н а (*уходя*). Скажите своему другу, как бы он ни изощрялся, он не стоит мизинца Мергена!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Доченька, ничего не понимаю! Лексюша?

А л е к с е й. И я ничего не понимаю.

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Коленька?

Н и к о л а й. Странно, вроде бы не было ничего такого, чтобы так переживать.

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*вдруг взрывается*). Как можно так, сынок?! Ничего такого! Твой брат, сам подписав себе смертный приговор, собрался в логово смерти... в логово ядовитых змей — тут волосы рвать надо, с ума сходить, а ты — ничего такого!

Н и к о л а й. Я не об этом, мама, не об этом! Кажется, Катерина не от этого...

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. ...Кажется... Ему, видите ли, кажется!

А л е к с е й (*горячо, напористо*). Мама! Я вынужден открыться, больше ничего не остается! Скажу вам не только правду, но и выложу все, что у меня на душе! Ведь здесь все свои... Кузьмины умеют беречь тайну! Мама! Коля! Как бы это сказать? Кажется, в последнее время между знатью степи и города установилась невидимая глазу, скрытая связь. Я ухватился за ее кончик, но пока не в силах распутать весь клубок. Кто-то, какие-то темные силы, уловив момент, хотят подавить, заставить задохнуться в собственной крови нашу молодую власть. У меня есть подозрение, что последние год-два окрепшие враги хоть днем и ходят тише воды ниже травы, ночью рыщут в степи волками, накапливая силы...

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Если так, то чего ты ждешь, сыночек, прими меры, вызови к себе кого надо, поговори, призови к спокойствию, найди общий язык!

А л е к с е й. Общий язык! Но ведь это одни подозрения! Ведь я не обнаружил пока ничего существенного, никаких фактов, именно это и обезоруживает меня!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*плачет*). Боже мой, сынок!

А л е к с е й. Я подозреваю, бегство Мергена не обошлось без скрытых действий этих людей. В поступившем ко мне заявлении написано, что Мерген избил представителя советской власти. Все знают вспыльчивость Мергена, поэтому, думаю, они намеренно спровоцировали его, чтобы принудить к бегству. Да, скорее всего это провокация. Вы знаете Мергена не хуже меня. В семнадцатом мы с ним вместе воевали. И в гражданскую у Мергена не было никаких грехов! В его честности и порядочности не может быть никаких сомнений, мама!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Конечно, я знаю Мергена, он не из тех, кто позволит запятнать свою честь! Наверное, то была и вправду провокация.

А л е к с е й. Думаю так, мама! Вот и предполагаю: существуют темные силы, определенные круги, которые своими наглыми действиями, принудив к сопротивлению безграмотных политических простаков, вроде Мергена, толкая их на кровопролитие, преследуют какие-то политические цели. Поэтому я должен к ним пойти сам, один, а иначе никак нельзя!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Ну вот, опять ты за старое? Ну почему должен пойти именно ты? И почему — только один? Без людей, без оружия?

Н и к о л а й *(насмешливо)*. Вот, ответ теперь матери! Я тоже хочу это знать.

А л е к с е й. Потому, мама, что я чекист, председатель облчека! Я иду один, потому что, если пойти с вооруженным отрядом, неизбежно начнется перестрелка, которая закончится ненужным кровопролитием. Я пойду без оружия, мама, потому что верю Мергену! Я верю в него, как в самого себя! Казахи говорят: любое живое существо, пришедшее в эту жизнь, приносит с собой свою долю. Но я думаю, что любой, пришедший в эту жизнь, приходит не только со своей долей, но и с определенным обязательством, с грузом дел, которые ему предстоит сделать. Любой пришедший должен уметь отстоять и защитить какую-либо истину, какую-либо правду, все равно — великую или маленькую! Если моя жизнь на нашей охваченной заревом пожаров планете пригодится для доказательства всего лишь одной истины, то я не зря пришел в этот мир! С меня и довольно!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а *(трясет головой)*. Сынок, о чем ты? Ничего не понимаю. *(Опускается на колени перед сыном, хватается за полы его гимнастерки.)* Я хоть ничего и не поняла, сердце мое зашлось от твоих слов! Какое страшное дело ты затеял? Как это понять — «с меня довольно!»? Хочешь сказать, что не вернешься,

что собрался туда, откуда не возвращаются?! Коленька, ну скажи же ему что-нибудь!

Н и к о л а й (*устало*). Успокойся, мама! Он не это имел в виду.

А л е к с е й. Моя задача, мама, предотвратить кровопролитие, восстановить доброе имя друга. Вот и все.

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*упрямо*). Нет, он обрекает себя на гибель! Коля! Коля! Что же это?

Н и к о л а й (*обреченно*). Мама, успокойся!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Не пущу, никуда не пущу! Только через мой труп! Убей меня, убей свою мать и иди! Разве я произвела вас на свет для того, чтобы видеть ваши муки?! Не пущу! Никуда не пущу! Я — твоя мать, Лексюша, твоя мать! Попробуй послушаться меня! Ну! Попробуй! Пусть другие идут туда! Почему должен идти именно ты?!

А л е к с е й. Нет, нет, мамочка! Я пойду.

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*стонет*). Прежде всего ты — мое дитя!

А л е к с е й (*строго*). Мама, прежде всего я — человек.

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Ах! (*Падает в обморок.*)

Сыновья укладывают мать на диван.

Входят Фома и Урдажык — Мордоворот.

Ф о м а. Слава богу, кажется, Екатерины Александровны здесь нет. Урдажык, ты постой здесь.

Урдажык, вытянувшись в струнку, застывает у двери.

Николай, Алексей, что с матерью?!

Н и к о л а й. Так просто...

А л е к с е й. Да так...

Ф о м а. Пойду принесу воды... (*Направившись было к двери, резко останавливается.*) Черт, я же не могу туда. Мне нельзя попасться на глаза Екатерине Александровне... Лучше, пока ее нет, объясню, по какому делу пришел, и исчезну.

А л е к с е й. Я сейчас...

Выходит и через минуту возвращается со стаканом воды.

Ф о м а. Я ушел, полагая, что отныне двери этого дома закрыты для меня навсегда... Николай, Алексей, не знаю, как вы, а я не могу скрыть того, что полюбил вас всей душой и всем сердцем... Эти два года мы были не только работающими бок о бок, перенесли вместе столько испытаний, столько всего... Думаю, мы вошли в полное доверие друг к другу... Конечно, Екатерина Александровна — барышня капризная, но я не могу покинуть вас в трудный момент из-за того,

что она обиделась на меня... Алексей, хочу сказать, хоть ты и собираешься идти в одиночку, мы не учли, что ты не знаешь дороги к горам, в которых скрывается Мерген! Поэтому вот хочу тебя познакомиться. Это Урдажык, он милиционер. Он знает местность как свои пять пальцев. Можно сказать, нет ни одной мышиной норы в округе, которая была бы ему неизвестна. К тому же молчалив, как занузданный вол. Где его поставишь, там и найдешь. Выполнит любой твой приказ, а без приказа и пальцем не пошевелит. Не солдат, а находка! Возьми его в попутчики! У меня нет для тебя лучшего подарка.

Н и к о л а й. Фома прав, ты не знаешь ни дороги, ни местности. Отряда с собой не берешь, так возьми хоть милиционера!

А л е к с е й. Ладно. Согласен (*обернулся к Урдажыку*), брось эту пушку! Если пойдешь со мной, то без оружия!

У р д а ж ы к. Есть, товарищ начальник! (*Прислонил ружье к стене и, щелкнув каблуками, вытянулся.*)

Ф о м а. Вот видишь! Прикажи ему умереть — и он умрет. Так, товарищ Урдажык?

У р д а ж ы к. Так точно, товарищ начальник!

Ф о м а. Ишь, молодец!

У р д а ж ы к. Так точно, товарищ начальник!

Н и к о л а й. Ишь, как заводная игрушка! (*Фоме.*) Где ты откопал такого?

А л е к с е й. Ну ладно! Пока не видят мама с Катей... Ну, товарищ милиционер, следуй за мной! До свидания, Николай! До встречи, Фома. (*Пожимают друг другу руки.*)

Н и к о л а й. До свидания, возвращайся скорее!

Ф о м а. Счастливого пути!

А л е к с е й (*Урдажыку*). Ну, пошли!

Выходят.

Ф о м а. Мне лучше исчезнуть, пока не появилась Екатерина Александровна!

Уходит.

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*придя в себя, поднимает голову*). Ах, господи, неужто он ушел, неужто я его лишилась?! Лексюша! Коленька, как же ты отпустил?

Входит К а т е р и н а.

Доченька, что они натворили! Ушел Лексюшенька, ушел! Сбежал!

Н и к о л а й. Мама, Алексей не ребенок. Как вы не понимаете, что он не только сын, но и начальник серьезного учреждения. Мы его отговаривали, пытались переубедить, но он нас не послушался. Теперь остается пожелать ему благополучного возвращения!

К а т е р и н а. Ушел? О, Мерген!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Иди, верни брата, скорее! Скажи, мама зовет! Чует бедное сердце недоброе! Николай, иди же, говорю, останови его! Катя! Пусть хоть... в этот раз... в этот раз... не идет... Чует материнское сердце, скажи, нельзя играть с материнскими чувствами. Нельзя!

Н и к о л а й. Ну, мама!

К а т е р и н а. Ох, Мерген!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Что ты, доченька, заладила «Мерген да Мерген»!

З а н а в е с

Действие второе

На первый взгляд, декорации на сцене остались без изменений, но, если присмотреться, можно заметить перемены: степной пейзаж приблизился к зрителю, а гостиная в доме Кузьминых, наоборот, немного отдалилась. Купол синего неба над степью напоминает казахскую юрту — это и есть казахская юрта...

Вдали угадываются подернутые зыбкой пеленой тумана горные хребты Улытау.

Входят Урдажык и Алексей. Урдажык впереди.

Урдажык. Хозяин...

Алексей (*еле переводя дыхание*). Сколько раз говорить, не называй меня хозяином!

Урдажык. Я не могу так, хозяин! Это же грех, великий грех! Какой я вам товарищ? Не надо, Алеке, не надо, не подталкивайте меня к отступничеству, к греху! Кто я рядом с вами?

Алексей. Удивительно, уже четыре дня мы в пути и все эти четыре дня я объясняю тебе, а ты никак не хочешь понять. Ладно, давай немного дух переведем. Лошадей стреножил?

Урдажык. А как же, хозяин?

Алексей (*присаживается*). О, аллах, ну что с тобой делать? Советская власть уравнила и хозяев, и прислугу! Теперь все люди — товарищи.

Урдажык (*усмежается*). Все правильно, Алеке! Советская власть ничего не пожалела для бедняков! Тысяча и одно спасибо ей, что она такого захудалого бедняка, как я, сравняла с таким большим человеком, как вы! Но не могу же я из-за этого сесть вам на голову! Вы известный человек из известной семьи. Даже если оставить то, что когда-то вы служили верой и правдой белому царю... А нынешнюю вашу должность и назвать-то язык не поворачивается — такая она важная, пах-пах, какая она важная! Упаси, Боже! А я кто? Был захудалым бедняком и остался захудалым бедняком. Во времена Сардара был сарбазом — рядовым воином и сейчас — рядовой милиционер! Если не считать торчащего из кобуры револьвера...

А л е к с е й (*удивленно*). Четверо суток ты не разжимал рта, а зря, ведь ты настоящий шешен-оратор!

У р д а ж ы к (*интимно*). Алеке, почему, по-вашему, творец с самого начала дал человеческим созданиям по тридцать два зуба?

А л е к с е й. Почему же?

У р д а ж ы к (*важно*). Чтобы надежно держать язык за зубами — это неверное, изменчивое порождение дьявола!

А л е к с е й (*удивленно*). Да что ты!

У р д а ж ы к. Все наши беды — от болтливости.

А л е к с е й. Понятно!

У р д а ж ы к. Казахи говорят: «Иногда и рабу можно дать слово» — если я сегодня так разоткровенничался, это не от наглости, а оттого, что начал вам доверять.

А л е к с е й. Вот это загнул! Куда это тебя занесло! Значит, ты, не веря мне...

У р д а ж ы к. Нет-нет, что вы! Скромность начальника — не слабость его, а величие, в этом смысле вы — великий человек! Вот в чем я убедился, вот что заставило меня открыться. (*Его голос делается глуше.*) Хотя, кто знает, может, и зря! Тогда лучше всего снова прикусить язык.

А л е к с е й. А ты, видно, из тех, кто действует втихаря!..

У р д а ж ы к. Я поступаю так из осторожности, а осторожность — не хитрость! На этом все. Прикусываю язык!

А л е к с е й (*смеется весело и простодушно*). Да, ты славный парень. Я бы тебя назвал не Урдажык, а Жатыпатар — Великий хитрец. Ладно! (*Поднеся к глазам бинокль, изучает окрестности.*) На, посмотри сам, это, наверное, и есть знаменитый Урысай? А, как считаешь?

Урдажык не берет предложенный бинокль, качает головой: дает понять, что он ему не нужен. Окидывает пристальным взглядом дальние и ближние окрестности и важно кивает, мол, это и есть Урысай.

У р д а ж ы к (*мычит*). М-м-м!

А л е к с е й. Эй, что стряслось с тобой?

У р д а ж ы к. М-м-м-м. (*Показывает пальцем на язык, мол, прикусил.*)

А л е к с е й (*заливаясь смехом, обнимает Урдажыка*). Да ты молодчина, оказывается! Спасибо! Поднял мне настроение! Ты настоящий артист!

У р д а ж ы к (*изобразив испуг*). Что вы сказали — «артс»? Это еще что такое? Случайно, не «арстабай»?

А л е к с е й (*покагиваясь со смеху*). Ой, не могу, какой ты хитрый — это ж надо, найти созвучия в таких словах, как артист и арестовать... Ой, не могу! Артист означает — искусный человек! Ну, в общем, шут, клоун, циркач... Узбеки называют их еще «маска-

рапаз». Но, видно, ты все равно не понял... Как бы получше объяснить?..

У р д а ж ы к. Хозяин, зачем вам затруднять себя? Я вас понял. Хорошо понял. А это и есть Урысай. Так что приехали. Наверное, и логово бандитов где-то неподалеку.

А л е к с е й. Бандитов?

У р д а ж ы к. А кого же еще?

А л е к с е й. Но ведь среди них Мерген!

У р д а ж ы к. Хозяин, когда вы видели, чтобы волчью стаю возглавлял баран?!

А л е к с е й. Выходит...

У р д а ж ы к. Все равно, я не верю Мергену, хозяин! Да, в свое время он был правой рукой Сардара, но сейчас пошел против Советов, значит, для меня он — враг! Бандит! Я не знаю, зачем вы пришли сюда, мое дело маленькое! Петлин Фома, начальник, сказал — проводи, покажи дорогу! Я и иду с вами, показываю дорогу. Я довел туда, куда вы хотели. Это и есть Урысай, который вы искали. *(Прикладывает руки рупором ко рту. Кричит.)* А Мергену я не ве-е-рю!

В этот момент, точно раскаты грома, издали доносится эхо грозного голоса: «Почему ты не веришь Мергену?» Алексей, пораженный, испуганно оглядывается по сторонам. Урдажык бросается на землю.

Ойбай, убили меня! Ойбай, хозяин, ложитесь. *(Тянет Алексея за одежду, заставляет его лечь.)* Застрелят вас, ложитесь, хозяин! Я ведь за вас головой отвечаю — так наказал начальник Петлин!

А л е к с е й *(прислушиваясь)*. Это же голос Мергена!

У р д а ж ы к. Его самого, ойбай, его! Вы же знаете, от пули Мергена не то что человек, птица не спасется! Не поднимайте головы, ойбай!

А л е к с е й *(кричит)*. Мер-ге-е-ен!

М е р г е н *(издалека доносится эхо его голоса)*. Алек-се-е-ей! Это ты?

А л е к с е й *(кричит)*. Это я, Мерген!

М е р г е н *(показывается на вершине сопки)*. Это я, Алексей!

А л е к с е й *(тоже поднимается на сопку. Переговариваются с двух соседних вершин)*. Это я, брат мой!

М е р г е н. Раскрываю тебе объятия, прижимаю к груди!

А л е к с е й. Я тоже!

У р д а ж ы к. ...Начальник Петлин...

А л е к с е й. Ладно тебе! Лежишь, вот и лежи смирно!

М е р г е н. Удачи тебе, Алексей!

А л е к с е й. И тебе удачи, Мерген! Тебя-то я и искал, и вот, наконец, нашел!

М е р г е н. Перед тобой стоит лишь моя оболочка. Сможешь ли теперь найти меня самого?

А л е к с е й. Что это, подозрение или горечь?

М е р г е н. В моей душе нет места подозрениям, есть только горечь, Алексей, только горечь.

А л е к с е й. Горечь оттого, что совершил ошибку? Я так и думал. А между мной и тобой действительно нет места подозрениям. Разве не так? Я был, конечно, удивлен, услышав о твоём поступке, но... мысли дурной о тебе не было!

М е р г е н. Спасибо, Алексей! Ты как-то говорил, что мы не только друзья, но и братья... Я помню эти слова.

А л е к с е й. Да, наше родство хоть не кровное, но души родственные. Поэтому я не поверил слухам, решил встретиться с тобой. Правда, я думал, что ты сам придешь и все расскажешь.

М е р г е н. Ты был далеко, Алексей. А аульские шавки — рядом. Среди бела дня в мой аул ворвались какие-то мерзавцы, провонявшие водкой, и стали распорядиться в нем, как в собственном доме. Стегали всех нагайками, стреляли из ружей! Разве Мерген стерпит такое? А теперь эти собаки написали на меня бумагу, будто я поднял руку на представителя советской власти! Ты был далеко, Алексей, а районные заправила послали за мной отряд. Как я мог смириться с этим, Алексей?! Ты же знаешь, Мерген не только в тюрьме, но и в чужой гостиной не будет ночевать! И подумал я тогда — пусть дитя степи Бог и приберет в степи, сунул ногу в стремя, и был таков!

А л е к с е й. И все же, тебе надо было прийти ко мне!

М е р г е н. Но разве эти псы дадут возможность сделать хоть шаг в сторону города!

А л е к с е й (*взволнованно*). Сейчас еще не поздно!

М е р г е н. Ты говоришь так, Алексей, потому что чист душой, а я... я запятнал душу, брат мой! Горе мне, горе...

А л е к с е й. Советская власть простит тебе неосторожный шаг. Самое главное, чтоб ты сам признал свои ошибки.

М е р г е н. Вот-вот, ты так и скажи! Значит, если я не позволил этим шавкам нагнать и придавил их слегка...

А л е к с е й. ...то это не грех, а всего лишь ошибка!

М е р г е н. Барекельде! Узнав, что ты вышел из города, я обрадовался, но когда услышал, что ты пошел в одиночку, не знал, что и подумать. Теперь я, кажется, все понял, Алексей! Ну, что ж, у меня есть специально для тебя подарок!

У р д а ж ы к. Ложитесь, ойбай! Я головой за вас отвечаю! Господин Петлин...

А л е к с е й (*Урдажыку*). Кто-кто?

У р д а ж ы к. Гос... гос... Петлин...

А л е к с е й (неодобрительно качает головой и вновь поворачивается к Мергену). Я слушаю тебя, Мерген!

М е р г е н. А я думал, что это за навозная куча лежит? Ну да ладно! Итак, Алексей, я сказал, у меня есть подарок специально для тебя. Узнав, что ты вышел из города, и притом в одиночку, мое сердце нестерпимо заныло. Я знал, обо мне пошли слухи, мол, Мерген ушел к бандитам, даже стал главарем, теперь, мол, под его началом несколько сот головорезов... А в самом деле тогда покой округи баламутили всего десять человек. (Поправляет ружье, оглядывается по сторонам. После паузы.) Всего десять! Потом к нам присоединились еще двадцать парней, моих бывших сарбазов из аула. Эти джигиты вообще не имеют отношения к грабегам и убийствам. (Резко оборачивается и стреляет из ружья.)

Раздается резкий крик и звук падения.

Прости, Алексей, у нас бандит такой — Коксоккан. Он сейчас взял тебя на мушку... Кое-кто, проведав, что ты вышел из города, решил тебя встретить...

Урдажык осторожно поднимает голову и, вытащив из кармана браунинг, целится Алексею в затылок... Мерген, спокойно стоявший с опущенным ружьем, стреляет, не целясь. Урдажык, вскочивший было с места, хватается за грудь и, вскрикнув, падает ничком. Его рука вяло сжимает браунинг. Алексей, потрясенный, подходит, берет в руки маленький пистолет.

А л е к с е й. Браунинг... браунинг... Я, кажется, видел его где-то...

М е р г е н. Прости, нас прервали. Люди говорят, что я простодушен, но ты, Алексей, еще простодушнее, ведь не заметил, что валявшаяся тут навозная куча чуть не стала причиной твоей смерти? Эх, Алексей, Алексей, погубит, наверное, нас наша доверчивость! Как звали этого недоноска?

А л е к с е й. Урдажык.

М е р г е н. Я так и подумал. Это же он представлял в моем ауле от советской власти! Он самый!

А л е к с е й. Очень интересно... А я поверил было этой собаке... Поверил...

М е р г е н. Ладно, что-то я все никак не закончу... Итак, мои джигиты арестовали тех десятерых, ну... бандитов. Я вот что у тебя прошу. Пусть мои джигиты сами отведут десятерых, а вернее, девятерых (ведь Коксоккан уже отправился на тот свет) в город и сдадут властям. После этого они все до единого должны спокойно разойтись по домам. Сделай, чтобы никого из них не тронули твои люди. Я пойду вместе с тобой. Сдамся сам, добровольно. Ну вы там как-нибудь решите мою судьбу. Повторяю — моих джигитов никто не должен тронуть. Я сам отвечу за все.

Алексей. Тысяча и одно спасибо тебе за подарок! Лучшего и не может быть. Мы сошлись на одном. Значит (*встав на колени, пишет что-то на листке бумаги*), вот мой приказ, Мерген.

Мерген, раскрыв объятия, начинает спускаться.

Иду, брат, иду!

Встретившись на авансцене, они застывают в долгом объятии. Свет гаснет. Освещается гостиная Кузьминых. На диване сидит Лукерья Васильевна, а рядом, полюбивя ее, Катерина.

Катерина (*встает, снимает трубку висящего на стене телефона*). Алло, алло! Барышня, соедините меня с председателем облсуда! Спасибо! Алло! Коленька, мы все ждем, а от тебя никаких вестей! Бедная мама с ума сходит! А? Да... Да... (*Вешает трубку.*) Говорит, что запрашивает каждый час. Пока никаких известий... Но ничего, мама, подождем. Коля просит, чтобы ты не беспокоилась...

Лукерья Васильевна. «Не беспокоилась»! Как я могу не беспокоиться?!

Катерина. Твое сердце...

Лукерья Васильевна. Мое сердце... Разве сердце мое со мной? Ведь оно там, с Лексюзей, в этих проклятых горах, среди подлых бандитов!

Катерина. Мама! Почему ты так говоришь? Ведь Алексей пошел к Мергену, своему лучшему другу!

Лукерья Васильевна. Кто знает, Катюша, кто знает...

Свет гаснет. Опять освещается степь под бледно-голубым небом. Или это роскошная юрта, повторяющая голубой купол неба? На почетном месте в юрте расположились хозяин дома Гаипар и Фома Петлин, их обслуживает красавица-токал Мапели. Изящно изгибаясь, она подает чаши с кумысом.

Фома. Итак, байеке, кажется, мы договорились...

Гаипар. Да, господин Петлин, для имеющего уши сказано достаточно...

Фома. Повторяю — Мапели-женгей ничего не слышала.

Мапели. Разумеется, разумеется, Петлин-кайным, думаю, если вернется благословенное старое время, о котором вы только что говорили, я не раз еще надену золотые серьги от таких щедрых кайны, как ты!

Фома. Удачно сказано, красавица-сношенька, очень удачно! Немножко терпения, немножко хитрости, немножко сплоченности, и, как говорят казахи, вспорется брюхо белой верблюдицы — потечет изобилие!

Гаипар. Аминь! Пусть дойдут до ушей аллаха твои слова!

Фома. Да сбудется ваше пожелание, байеке! Теперь я, с вашего

разрешения, пойду! А то, пока мы туда-сюда, они могут опередить нас. Мой отряд будет скрываться неподалеку в лесу, за холмом, дайте нам знак, и мы тут же примчимся! Ну, красавица-сношенька, основная тяжесть в этом деле падает на вас, такую тяжесть может поднять только женщина, только самая красивая и самая умная женщина!

М а п е л и. Мои плечи выдержат любую тяжесть, возложенную на меня таким человеком, как вы.

Г а п п а р. Барекельде!

М а п е л и (*смирненно опускает глаза*). Мы, ничтожные женщины, раз уж оказались приближены к вашей светлой особе, обязаны быть достойными вас!

Ф о м а. Ум женщины проявляется в ее изворотливости, думаю, на вас можно положиться, красавица-сношенька!

Г а п п а р. Если ты, господин, говоришь, что ум женщины — изворотливость, то будь спокоен! По воле аллаха, на этот раз мы должны скovyрнуть Советы.

Ф о м а. Ну, баеке, женгей, я пошел!

Выходит.

Г а п п а р (*долго, молча тянет кумыс. После паузы*). Пастухов, прислугу и прочих держите подальше от аула. Когда придут эти красные сволочи — Мерген с Алексеем, — сделаем вид, что ничего не знали. Уже три дня, как они вышли. Наверное, с часу на час нагрянут.

М а п е л и. Об этом я еще с утра подумала. В ауле, кроме нас двоих, нет никого, мой повелитель.

Г а п п а р. Как хорошо, что ты все понимаешь с полуслова!

М а п е л и. А иначе могла ли я быть супругой вашей светлости?

Г а п п а р. Ну, как тут не растаешь, сладкая моя, умница моя! Ну-ка, сядь поближе!

Начинаются взаимные ласки: их прерывает резкий топот конских копыт. Кажется, они!

Доносится голос Мергена: «Эй, есть кто-нибудь?» Входит Мерген.

М е р г е н. Ассалаумагалейкум, Гапеке! Я так думал, что это ваш дом!

Г а п п а р (*после недолгого колебания вялым движением подает Мергену руку*). Это ты, Мерген?

М е р г е н. Не узнали?

Г а п п а р. Узнаю, узнаю, Мерген, но что-то не пойму поступок твой!.. Всем известно, что во времена белого царя я был волостным, но не ради себя, а ради народа своего, по его воле, по его выбору. В шестнадцатом году опять-таки не я, а народ, подняв на белой

кошке, провозгласил меня ханом, и я согласился, не ради личной корысти. А теперь вот всей округе известно, что я с первых дней безоговорочно принял советскую власть, сдал девять десятых своего скота и всей душой отдался новой эпохе. И как понять после всего этого твое угрожающее вторжение в мой дом? Скромную обитель моего счастья? Я человек, искренне преданный советской власти, мне ничего не стоит связать тебя и сдать властям! И я так и сделаю, Мерген, так и сделаю!

М е р г е н. Гапеке, что ты городишь? У меня нет ни сил, ни времени препираться с тобой! Мой попутчик Алексей, сын Козымана, попал в беду! Я еле довез его. Давайте побыстрее снимем его с коня, уложим в постель... После поговорим... Ну, идем, Гапеке!

Мерген и Гаппар выходят. Через минуту вносят Алексея. Он без сознания. Мапели хлопчат рядом с ним.

М а п е л и. Упаси аллах, как же его так угораздило?!

Г а п п а р. Эх, сгоряча я выразил возмущение. Ну ничего, думаю, ты поймешь меня, Мерген. Проходи, садись. Объясни, в чем дело? Как смогли согнуться два булатных меча?

М е р г е н (задумчиво). Да... Два меча... Два острых лезвия.

Г а п п а р. Ваша дружба известна всем с незапамятных времен...

М е р г е н. Как видите, судьба не развела нас, Гапеке!

Г а п п а р. Понял, понял! Ну а...

М е р г е н. Наверное, она ужалила его, когда он спал... Змея... Я это обнаружил только под утро. Сразу же бросился высасывать яд, но он, видимо, успел распространиться. До сих пор не приходится в себя. Но ведь скоро очнется? А, Гапеке?

Г а п п а р. Да сбудутся твои слова!

М а п е л и. Да поможет ему аллах.

М е р г е н. Ханум... Если есть, дайте Алексею горячего молока. Смотрите, змея ужалила его под локоть левой руки. Попробую еще раз высосать яд. А вы, ханум, капните ему в рот молока.

Начал высасывать яд. Мапели смачивает губы Алексея молоком, а Гаппар поддерживает его голову.

Г а п п а р. Он же опора советской власти в этой округе, надо спасти его во что бы то ни стало! Эх, как он был справедлив, как говорится, и волосинку разрубал ровно на две половинки!

М е р г е н. Гапеке, отчего все говорите в прошедшем времени? Почему торопитесь петь заулокную живому человеку?!

Г а п п а р. Эх, Мерген! Вошедшему в дом не выказывают обид, и я сдержал себя в первый раз, с трудом, правда, но сдержал... А теперь сам вынуждаешь меня на резкости, сам, своими выходками!

Так вот слушай, хоть ты и умиляешься своей дружбой с Алексеем, прикидываешься его лучшим другом, теперь я ему ближе, чем ты!

М е р г е н (*вне себя вскакивает с места*). Эй, волостной! Вчерашний хан-эксплуататор! Что ты тут мелешь?!

Г а п п а р (*ему это и нужно*). Эй, вчерашний раб, прислуга! Захудалый бедняк! Не садись-ка мне на голову в моем собственном доме!

М а п е л и. Успокойтесь, мирза, успокойтесь!

Г а п п а р. Я не могу взять себя в руки. Ох, и довел он меня! Но мы же казахи. Мы ведь даже змею, заползшую в дом, провожаем не иначе как полив ей голову молоком! Мапели, побудь с «гостем», нельзя же обидеть его, а я пока выйду, успокоюсь, а то так и до греха недолго!

Уходит.

М а п е л и. Слава аллаху!

М е р г е н. Ты что-то сказала, ханум?

М а п е л и. Говорю, слава аллаху! Как хорошо, что ты рассердил его! Пусть катится подальше!

М е р г е н. Что видят мои глаза, что слышат мои уши?

М а п е л и. Я хотела поговорить с тобой наедине...

М е р г е н. Наедине? Поговорить?

М а п е л и. Да.

М е р г е н. Со мной?

М а п е л и. Да, с тобой!

М е р г е н (*удивленно*). О чем это?

М а п е л и. Слушай меня, Мерген! Сейчас не время играть в прятки! Да и нет его, времени! Этот брюхатый может вернуться в любую минуту. Я, видно, задела тебя за живое, и это мне нравится, значит, ты еще не забыл меня!

М е р г е н. Те-бя? Не забыл?

М а п е л и. Да не прикидывайся, батыр! Коварство идет только женщине! Я знала, что не забудешь меня! Я тоже ни на минуту не забывала!

М е р г е н. Ты сказала, что женщине идет коварство, но твое поведение доказывает, что коварство — их вторая натура!

М а п е л и. Значит, обида не прошла, батыр? Что делать! У женщин — узкая дорожка!.. Я не смогла пойти против воли родителей.

М е р г е н. Эта узкая дорожка сужена вам природой, но вы еще и запутываете ее! Если ты действительно была моей, почему завляла хвостом, вместо того чтобы схватиться за стремя моего коня, когда я приехал за тобой?

М а п е л и. Я не согласна с твоими доводами, Мерген. Дорожку запутывает не наше коварство, а время, проклятое время! Так хватит!

Слушай меня, Мерген, не перебивай. Не так давно сюда приезжал начальник облмилиции Петлин.

М е р г е н. Петлин?

М а п е л и. Петлин. Приехал он изрядно навеселе, здесь опять выпил. Пил, пока у него пена не пошла изо рта, и вот что он сказал в пьяном бреду: они хотят убить тебя сегодня, Мерген!

М е р г е н. Ме-еня? Убить?

М а п е л и. Да, тебя!

М е р г е н. Кто «они»?

М а п е л и. Петлин и этот твой разлегшийся друг... Кузьмин.

М е р г е н. Ах, ты змея! Что ты несешь? *(Начинает душить Мепели.)* Ух, подлая, как только твой ядовитый язык посягнул на имя Алексея! Задушить тебя мало, гадюка!

М а п е л и. Умереть в твоих объятиях — счастье для меня, но, Мерген, выслушай до конца, а потом можешь убить!

М е р г е н. Ну что еще?

М а п е л и. Я знала, что не поверишь в такое! Знала, ты и пылинке не дашь упасть на своего друга! Поэтому я, преступив Коран и собственную душу, пошла на воровство! Я — ханша! И это ты толкнул меня на грех! Ты! Мое сердце сохнет по одному тебе! Но не только мне ты нужен, Мерген! Ты нужен своему народу! Целому краю, целому народу! Поэтому я во имя тебя пожертвовала своим добрым именем! Во имя тебя я жизнь готова отдать! Жизни!

М е р г е н. Если женщина клянется, значит, она лжет!

М а п е л и. Значит, не веришь? Не веришь? Тогда — на! Прочитай сам! Я выкрала эту бумагу из кармана опьяневшего Петлина! Выкрала! Понимаешь? На, читай!

М е р г е н *(в смятении)*. Читай сама!

М а п е л и. Слушай. Эта бумага называется актом. Тут написано, что сегодня в местности «Кыз-Булак», то есть в нашей местности, при попытке к бегству, несмотря на трехкратное предупреждение работников милиции, застрелен кровный враг советской власти, бандит и контра Куланов Мерген. Удостоверяют Петлин и Кузьмин. На! Посмотри своими глазами! Они уже заживо похоронили тебя! На!

М е р г е н *(в сильнейшем смятении)*. Зачем она мне?

М а п е л и. Посмотри своими глазами на их подписи!

М е р г е н. Какие подписи? Когда я и букв-то разобрать не могу! *(Засовывает бумагу в карман.)* Но... я все равно не верю! *(Приходя в ярость, снова душит.)* Ты... ты...

М а п е л и. Убей! Убей меня своими руками! Для меня — счастье умереть в твоих объятиях!

М е р г е н *(выпускает женщину)*. При чем тут ты! Но... но... я все равно не верю! Это невозможно! Алексей! Друг мой! Подними голову! Скажи хоть слово! *(Трясет Алексея.)* Что несет эта змея?!

Что за чушь, что за ужас я слышу! Открой глаза, скажи что-нибудь хоть разок, брат мой! Скажи, что это клевета!

Мапели. Все же не веришь, глупенький ты мой? Тогда выйди и посмотри! Не веришь бумаге, не веришь мне, может, глазам своим поверишь?! Ну, смотри!

Мерген. Куда?

Мапели. Присмотрись к леску, во-он там за холмом!

Мерген. И что же?

Мапели. Что ты видишь? У тебя же глаза меткого стрелка!

Мерген. Там всадники.

Мапели. Это и есть Петлин со своим отрядом в тридцать человек!

Мерген. Отряд в тридцать человек?

Мапели. Да! Да!

Мерген. Ах, гад! Ах, подлец! Я никогда не доверял этому Петлину! Он на все способен!

Мапели. Говорят, даже волк не бросается на товарища по стае! Значит, они хуже волков! Эта власть! Мы с ума все походили, превознося эту власть! Провозгласили ее властью справедливости и человечности! А теперь?! Вот она! Ну, кому можно верить? Один, сумев влезть в душу, назвавшись другом, увлекает в засаду! Другой, надежно спрятавшись в лесу, готовит убийство! И кого хотят убить? Сокола моего! Святыню мою! Живого человека заживо хоронят! Застрелен при попытке к бегству! Какое коварство! Какой ужас!

Мерген. Перестань, Мапели! Ох, голова идет кругом, головушка моя несчастная! Дай соберусь с мыслями, если это еще возможно! Алексей не способен на такое! Мы никогда не клялись друг другу в дружбе, но... наши сердца молча нашли друг друга... Нет человека на свете чище его. А советская власть — власть, очищающая душу, поэтому я сразу перешел на сторону этой власти. Это же его слова! Это же я, бедняга, говорил, что для казахской степи достаточно тысячу таких парней, как Кузьмины! Бедняга! Невозможно, чтобы Алексей, Николай, Катира были способны на подлость! О, Всевышний, скажи, ведь это невозможно! О, Всевышний, где ты? Почему ты молчишь? Почему не отвечаешь?! Если я сейчас здесь действительно обманут, я сомневаюсь в твоём существовании! Даже если ты есть, я отказываюсь от тебя! Ну, где твои громы и молнии?! Порази меня, если можешь!

Из-за угла юрты возникает Гаппар, подходит на цыпочках к Алексею и, склонившись, пристально смотрит ему в лицо.

Гаппар. Смотри, какое на него красноречие нашло! Ну что ж, болтай, пока болтается! Тебе сейчас стал нужен бог? Творца этим не растрогаешь! Наверное, к аллаху мои молитвы дошли быстрее твоих!

Взял и бросил к ногам моим самого начальника ГПУ! Не сомневаюсь, что и змею ядовитую напустил на него сам аллах! Сам, по воле своей божьей! Теперь Всевышнему угодно моими руками, руками невинного раба своего, совершить еще одно священное дело! О, аллах, ты приказал, а я, раб твой, исполню! Бисмилля!

Не торопясь душит Алексея. Тело Алексея несколько раз дергается и застывает.

О аллах, ты приказал, а я, раб твой, исполнил!

Ступая по-кошачьи, выходит. В этот момент раздается душераздирающий крик матери Алексея.

Ма п е л и (*краем глаза она следила за происходящим*). Ах ты змея! Ах, ублюдок! Кто б мог подумать, что ты способен на такое! И тебя величают ханом! И тебя называют джигитом! (*Оборачивается к Мергену.*) Эй, Мерген, чего стоишь? Ведь сейчас подойдут эти звери! Они же погубят тебя, пошевеливайся! Скройся куда-нибудь!

М е р г е н. Подержи коня, я взвалю на него Алексея! Это невозможно, Алексей не предаст меня! Друг мой, брат мой, как только я мог подумать о тебе плохо! (*Схватив Алексея, понимает, что он мертв.*) О горе мне, горе! Что ж ты натворил, Алексей? Брат мой! Что с тобой?! Ты и вправду покинул меня навсегда? Ушел от меня навсегда? (*Плачет навзрыд.*)

Ма п е л и. Ойбай, беги, Мерген, беги! Они вот-вот нагрянут, конь твой готов.

М е р г е н. Куда мне бежать? От кого? От Петлина?! От Петлина я убегу, но как мне убежать от себя?!

Г о л о с П е т л и н а. Окружай юрту! Ружья на изготовку! Будьте внимательны!

Входят Петлин и Гаппар.

А-а-а, контра! Руки вверх, иначе застрелю на месте!

Г а п п а р (*приподнимает веки лежащего навзничь Алексея и будто только сейчас понимает, что тот мертв*). Ойбай, наказал нас аллах, опоздали мы, товарищ Петлин, опоздали! Этот ублюдок успел убить его! Ойбай, родной ты мой, Алекс-е-ей! Родно-о-ой!

Ма п е л и. Ойбай. Сокол ты на-а-аш! (*Всхлипывая, присоединяется к плачу.*)

П е т л и н (*Мергену*). Ах, контра! Вы же были друзьями, как ты мог пойти на такое?! Негодяй!

М е р г е н. Понятно! О, дурная моя голова, выходит, я своими руками отдал его вам! Я сам во всем виноват, сам! О, несчастный глупец! (*Колотит себя по голове.*)

П е т л и н (*целясь в Мергена из пистолета*). Ты уже давно похоронен заживо! Никто и искать тебя не будет!

Но он не успевает нажать на курок. Мерген бросается на него, выбивает из рук наган и, вытащив из-за голенища сапога нож, приставляет его к горлу Фомы.

Мерген. Ты меня знаешь, Фома!

Петлин (*хрипит*). Знаю, знаю...

Мерген. Тогда скажи своим солдатам... Я дойду с тобой вон до того оврага! Пусть не трогают моего коня, он сам последует за мной! Там я тебя отпущу, понял?

Петлин. Гапеке... Объясните солдатам...

Гапшар выходит, немного погода возвращается.

Гапшар. Можете идти!

Мапели (*вероятно, чувство ее возобладало над рассудком. Вдруг вскакивает с места и бросается к Мергену*). Мерген, милый мой, желанный мой! Забери меня, забери! Не оставляй в этом змеином логове! Они не пожалеют меня, не пожалеют! Мерген, солнышко мое, забери меня или прикончи своими руками! (*Пытается обнять Мергена за ноги, Мерген осторожно высвобождается.*)

Гапшар. Эй, сука!..

Мапели. Можешь убить, если хочешь! Сердце мое ныло от невысказанной правды, теперь я все сказала, теперь я спокойна!

Гапшар. Ты посмотришь еще у меня, змея!

Мерген. Ну ладно!

Выходит, ведя Фому, приставив к его горлу нож. Немного погода раздаются голоса: «Убежал! Ушел! Петлин жив! Он подарил ему жизнь! Все равно поймает, куда он денется?!»

Гостиная Кузьминых. Лукерья Васильевна в полубомбочном состоянии. Катерина поддерживает мать.

Лукерья Васильевна. Лексюша! Младшенький мой! Я же говорила тебе: не ходи! Смотри теперь, что ты натворил! Что ты натворил!

Катерина. Мама! Это клевета, это пустые слухи! Не верьте, не верьте! Лексюша! Мерген!

Лукерья Васильевна. Не произноси имени злыдня, не произноси! Ах! (*Теряет сознание.*)

Катерина. Мама! Боже мой! Мама! Это невозможно! Коленка, где ты, Коленка!

За сценой раздаются шум, крики.

Что это? За окном огни, много огней, факелы...

Голоса. Кровь за кровь! Око за око!

— Мечь! Мечь! Дозволь, Лукерья Васильевна!

— Дозволь, Екатерина Александровна!

— Кровь за кровь! Око за око! Перерезать их на корню! Нет им прощенья! Распустились совсем!

Н и к о л а й (*еле волоча ноги, медленно входит в комнату*).
Как мама?

К а т е р и н а (*глядя в одну точку*). Лежит без сознания...
Что это за крики?

Н и к о л а й. Все негодяи города собрались перед нашим домом! Привезли с собой на арбе тело Алексея. Никого не подпускают. Кричат, что перережут всех близких и родственников Мергена. Кажется, их возглавляет Фома. Его голос слышен сильнее других!

К а т е р и н а. Фома Гаврилыч... Это неспроста... Родственников и близких Мергена...

Н и к о л а й. Кричат, что уничтожат, не пожалеют ни стариков, ни детей, всех из рода теке.

К а т е р и н а. Неспроста это... Фома...

Крики на улице усиливаются. Перекрывая их, доносится сильный стук в дверь.

Прислушайся, брат, кажется, стучат в потайную дверь со двора?! Да, так и есть! Но ведь об этой двери знаем только мы! Кто же это? Может быть, Мерген?.. Мерген!

Выбегает, открывает потайную дверь. Входит М е р г е н. Виду него ужасный.

М е р г е н. Прости меня, Катира, если можешь! Дай сказать только одно слово, выслушай меня, а потом можешь убить собственными руками!

К а т е р и н а. Мерген! (*Бросается было к нему, но, посмотрев на брата, останавливается.*) Мерген, что ты говоришь?

М е р г е н. Я не виновен! Я не виновен, Николай!

Н и к о л а й. Мерген...

М е р г е н. У меня нет права задавать вопросы! Но я не могу похоронить вместе с собой один вопрос, который важен и для живых! Это было бы грехом, Никадой! Тяжким грехом! На, посмотри на эту бумагу, разве возможно, чтобы Алексей подписался под такой бумагой?!

Н и к о л а й (*внимательно всматривается в бумагу*). О, дьявольщина! Подпись подделана!

М е р г е н (*опускается на пол*). Я так и знал!

Н и к о л а й (*передает ей бумагу*). Смотри, что за чертовщина, Катя!

К а т е р и н а. Господи, подпись Фомы подлинная, а Алексея подделана!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а (*очнувшись и увидев Мергена, приходит в ужас*). Глаза мои, чтоб вам ослепнуть! Как попал сюда

этот злодей? Кровопийца! Чтобы подавиться тебе кровью! Прочь, прочь!

Н и к о л а й. Мама, Мерген не виноват!

К а т е р и н а. Мергена обманули. Он не виноват!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Кого вы хотите обелить? Как может быть не виноват бесчестный, убивший моего младшенького, моего Лексюшу! Скройся с глаз моих! А еще называл меня мамой, проклятый!

М е р г е н. Да, я называл мамой! Мама! Вот, возьмите ружье, застрелите собственной рукой! Я все равно виноват! Если бы я не убежал, Алексей не пошел бы за мной и его не ужалила бы змея... Я, я во всем виноват! Цена мне — пуля, маленькая, как катышек ягненка! Я бы и сам убил себя, я не боюсь смерти, но не могу нарушить обычай своего народа! Николай, если ты мне друг, помоги мне, застрели меня!

Н и к о л а й. Нет...

М е р г е н. Катира...

К а т е р и н а (*будто очнувшись*). Что ты сказал, Мерген? Его ужалила змея?

М е р г е н. Да, не уберег я его... Но он не должен был умереть, я высосал из раны яд... Наверное, что-то произошло в доме Гаппара! Видимо, неспроста эта женщина, эта дрянь... вытащила меня из юрты...

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Не оправдывайся, бесчестный!

М е р г е н. Я не оправдываюсь, мама! Вот, возьмите ружье и застрелите собственными руками! Я очень вас прошу!

Л у к е р ь я В а с и л ь е в н а. Да, только этого мне не хватало — убить человека!

М е р г е н. Катира, помоги!

К а т е р и н а. Нет! Ты...

М е р г е н. Ну, что ж... (*Вскакивает на подоконник.*) Эй, шакалы, чего вы там воете? Господин Петлин! Я — Мерген, бандит Мерген, преступник Мерген! Ну, стреляйте в меня! (*Снаружи еолнение. Раздается выстрел.*) Эх, недотепа! Не умеешь стрелять, зачем берешься за ружье? (*Согнувшись, хватается за бедро. Вновь раздается выстрел, на этот раз Мерген хватается за правый бок.*) Эх, недотепа! Мазила! Стреляй получше!

Н и к о л а й. Слезай, Мерген, слезай! Приказываю!

К а т е р и н а. Мерген! Друг мой! Душа моя! Слезай!

М е р г е н. Стреляй получше! Стреляй! (*Раздается выстрел.*) Вот это другое дело! Теперь, кажется, попал! Спасибо тебе, кем бы ты ни был! (*Схватившись за сердце, оседает на пол. Николай и Катерина подхватывают его.*)

Н и к о л а й. Мерген!

К а т е р и н а. О, мой Мерген!

Лукерья Васильевна. Мерген, почему ты это сделал?

М е р г е н. Сумел родиться, надо суметь умереть! Как ни береги стекло, когда-нибудь оно разобьется... Я не жалею. Но я уношу с собой во тьму могилы несбывшуюся мечту. Катира! Я был единственным сыном своих родителей, и я ухожу, не оставив потомства.

К а т е р и н а. Потомство... но у тебя есть потомство, Мерген, мой Мерген!.. У тебя будет многочисленное потомство, родной мой!

М е р г е н. Правда? Подними мне голову, Катира! Повыше! Но я опозорен перед своим потомством, перед будущим! Смерть Алексея лежит на моей совести грязью, которая поднимается, будет пятнать мое имя! О, позор на твою голову, Мерген!

Н и к о л а й. ...Если буду жив, если суждено мне ходить по земле... *(Застывает, сжав зубы.)*

Шум сваружи усиливается.

З а н а в е с

Мно
Остаток
нам
Кроне науки...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Брат.

Женеше (женге).

Он (батыр).

Жена.

Друг.

Биртуган.

Майишер (между собой люди зовут его кровопийцем).

Буранбель.

Хан.

Красивая токал — младшая жена.

Мулла.

Красноармеец-казах.

Красноармеец-русский.

Автор (он чем-то похож на Майишера).

Аксакал.

Старший мальчик.

Младший мальчик.

Первый солдат.

Второй солдат.

Пролог

Как-то поздним вечером встретились аксакал и автор.

А в т о р. Ассалаумагалеюм, аксакал!

А к с а к а л. Угалеюм-салам! Откуда ты, сынок?

А в т о р. Из столицы я, аксакал.

А к с а к а л. А-а-а... Это хорошо... Ты, наверное, приехал на завтрашние торжества?

А в т о р. Именно так, аксакал. Вы же знаете, завтра в полдень ему откроют памятник, а вечером во Дворце культуры одну игру покажут. Вот эту... игру придумал, то есть написал, я, аксакал.

А к с а к а л *(со смехом)*. Э-э, дорогой, игру, говоришь, написал? Зря, зря скромничаешь, не принижай свои достоинства. Так и сказал бы, мол, бессу написал, эспектокол увидите. Слава аллаху, сейчас в каждом доме телбизары есть, газеты читаем и различаем, что такое бейса, а что такое эспектокол. Глаза еще видят, уши слышат.

А в т о р. Простите, аксакал, я было подумал, что вы...

А к с а к а л. Древний старик? Это верно, девяносто три нынче стукнуло. В шестнадцатом, когда произошел переворот в степи, я был молодым, сильным и дерзким джигитом, тридцати еще не исполнилось. Для иных я казался уже стариком, а другие просто звали бедовой башкой...

А в т о р. Неужели вы в тридцать лет выглядели... стариком?

А к с а к а л. Э-эх, дорогой мой, не годы старят человека, а суета земная, суета! Время обновляется — человек очищается, время очищается — человек обновляется.

А в т о р. Как, как вы сказали?

А к с а к а л. Да так, болтаю себе всякую дребедень, умничаю...

А в т о р. Время обновляется — человек очищается, время очищается — человек обновляется... время обновляется — человек очищается...

А к с а к а л. Чего тебя заело на этих словах? Хочешь, наверное, черкануть где-нибудь?

А в т о р. А вы, я вижу, аксакал, далеко не простачок! Может, были воином этого батыра?

А к с а к а л. Говорить не был — ложь, говорить был — кощунство.

А в т о р. Говорить не был — ложь, говорить был — кощунство. Хорошо сказали. Понимаю, понимаю.

А к с а к а л. Понимаешь — молодец, сын мой. В тот год, когда начался великий переворот, я тоже взял в руки оружие, поэтому не могу сказать, что не был. Но ведь не все, кто учился, стали мудрецами, а значит, не всякий, кто берется за оружие, становится доблестным бойцом. Бывает, додумаешься так, а ведь в те жестокие годы смерть безжалостно выкосила цветущую молодость, унесла с собой в никуда самых достойных, тех, за кем бы народ пошел дальше! Когда просеиваешь сквозь сито песок, он почти весь просыпается на землю, но кусочки остаются, не падают. Глупая пуля слепого охотника по имени рок, что стреляет всегда невпопад, минует обычно тонкие веточки, облетает хрупкие ростки и впивается в грудь высоченных, могучих, подпирающих небо чинар. Лучшие ушли, остальные живут в печали, поэтому мне не к лицу называть себя воином того батыра.

А в т о р. Вы говорите как-то...

А к с а к а л. Ладно, сынок, не будем ворошить былое.

А в т о р. Правильно, аксакал, не стоит его ворошить. И все-таки, если вы не можете назваться одним из тех, кто участвовал в кровопролитных боях шестнадцатого года, то уж подлинным свидетелем тех времен назвать себя, наверное, можете?

А к с а к а л. Нет, сынок, даже этого не могу себе позволить. А ты, оказывается, тоже не лыком шит, вон какой хитрец, захотел посреди дня старика седого обвести вокруг пальца. Я видел только маленькую часть той великой схватки. Ну, а...

А в т о р. Да, да... Подлинную историю тех великих событий не могут еще до конца восстановить даже ученые мужи, что бьют себя в грудь и громко называются «справедливыми и объективными людьми». Много тут еще белых пятен... Возьмем, к примеру, генерал-лейтенанта Лаврентьева...

А к с а к а л. Не знаю такого. Помню, например, случилось в ту суровую военную пору... я... мы... наша сотня вылетела со всего маху вон на тот пригорок. Выскочили, а впереди река бурная, волны пенятся, шипят, мы так у берега и остались. Тут вдруг с той стороны заухали пушки, застрочили пулеметы... Те всадники, что, опередив всех, кинулись в воду, полетели кувырком вместе со своими конями, а мы поневоле попятнулись. Кто побежал первым, не знаю, ей-богу, словом, все бросились врассыпную. Я тоже — глаза, как тарелки, душа в пятки, дернул коня, исхлестал его, бедного, плеткой прямо

по голове и... И тут кто-то как заорет: «Эй, бабы, куда?! Шкуры спасаете?! Где совесть ваша, где честь?!» Кто так закричал, ей-богу, не знаю, однако народ сразу, как один, встрепенулся, повернул обратно к реке. Я тоже лихорадочно натянул узды и айда на всем скаку в воду. Жарко, холода не чувствуешь. Вылетели на тот берег, глядь, а враг сам уже отступает, бежит со всех ног. И интересно, только что у самого поджилки тряслись, а тут увидел перепуганных насмерть врагов и уже страх сменился каким-то мальчишеским азартом: с гиканьем, криками и воплями погнались за ними...

А в т о р. Тогда-то впервые генерал-лейтенант Лаврентьев потерял поражение...

А к с а к а л. Не знаю, милоч, не знаю: враг дрогнул, побежал, мы кинулись следом, я вместе со всеми, — исхлестал до крови коня, но так ни с кем лицом к лицу столкнуться не ярилось. После, когда бой закончился и все стихло, я огляделся и увидел целое поле трупов: люди, люди, кони... Все давно стыло под этим небом.

А в т о р. Интересно с вами говорить, аксакал! Вы не из тех, что кичатся, мол, перебил я всех неприятелей, разгромил, развеял в пух и прах. Потому-то у меня к вам есть вот такая просьба...

А к с а к а л. Только потом стало нам известно: обе стороны не досчитались почти тысячу человек, потери примерно одинаковые. Все это мы узнали потом, только потом нам сказали. А эта правда, которую я видел собственными глазами, похожа ли она хотя бы немного на ту, какую вы называете Большой правдой? Вот мы говорим — люди, массы, всем миром, сила, а это только издали так кажется. Издали действительно страшно смотреть на толпу, на слитую массу, кажется она грозной и сокрушительной. А подойдешь ближе — вся эта масса состоит из таких же, как ты, слабеньких единиц. Нет, милоч, нет, что ни говори...

А в т о р. Зря вы так, аксакал! Каждому, кто по-настоящему чего-то добивается, по силам побороть все тяготы маеты жизненной и подняться до высокого звания Человека. А Человеку с высокими целями вполне по силам подняться до божеского величия! Дайте лишь срок и момент! Скажите, как вы понимаете длинные, густые волосы, что струятся по самую тонкую талию красивой луноокой девушки?

А к с а к а л. Хм-м... Девушка, говоришь, луноокая, говоришь... когда это было! Уж и не помню, и все-таки ты тоже не из простачков, ответу на твой вопрос серьезно: густые волосы луноокой девушки, что струятся по самую ее талию, я понимаю как верный признак ее красоты.

А в т о р. Хорошо вы сказали, аксакал, здорово! А если эти волосы попадут в руки лютого манкурта?

А к с а к а л. Вырвет он их с корнями и развеет по ветру.

А в т о р. Вот именно, аксакал, именно так! А если имя этого

лютого манкурта — время, лютое время, время — манкурт, оно ведь вырывает из наших рядов самых лучших, самых любимых и бросает их прах на забаву ветру. Да вы и сами только что сказали: время обновляется — человек очищается, время очищается — человек обновляется. Разве не на одном и том же мы с вами сошлись? Согласны, аксакал? Поняли что-нибудь?

А к с а к а л. Ничего я не понял. Разве я могу что-либо путное сказать про само время? Что ты, светик, это не по мне. Я уж попроще буду...

А в т о р (*засмеялся, обнял старика*). Не скромничайте, аксакал, не скромничайте! Кто, если не вы, должен высказывать мудрые суждения? Я говорил уже, что у меня к вам есть одно дело, давайте об этом... приходите завтра на мою игру, а потом встретимся, поговорим наедине. Как, придете?

А к с а к а л. Отчего же не прийти, не поговорить наедине, я ведь не эта, как ты говоришь, луноокая красавица с этой вот по пояс... как ее... Встретимся, посидим, поговорим.

А в т о р. Хорошо, аксакал, договорились!

А к с а к а л. Договорились, договорились...

Они расходятся каждый в свою сторону.

Действие первое

Картина первая

Белая орда, роскошное пиршество, пышное празднество, торжествующий люд, в центре — ханская ставка.

Стремительно входит Хан, он зол. За ним в замешательстве семят Мулла, Майишер и Красивая токал.

Хан. Сукины дети! Ничего вы не умеете, только и можете что языком молоть, мы так сделаем, мы эдак! Играть со мной вздумали?! Из-за вас я нарушил свое слово, которое давал советской власти! Забыли?! Я обещал ей, что кончаю со своим прошлым и признаю новую власть рабочих и крестьян! Ну все, теперь хватит! Всех вас собственноручно отдам под суд! Всех!

Мулла. Спокойнее, таксыр¹, спокойнее.

Красивая токал. Простите его на этот раз, хотя бы ради меня, таксыр!

Хан. Ты тоже его защищаешь!

Красивая токал. Нет, не защищаю, просто прошу быть к нему не слишком суровым, все-таки, кем бы он ни был, пес шелудивый, но ваш верный слуга!

Хан. Бог свидетель, вот вы свидетели, что я ему поручал? Зайти к нему в управление и, ни на что не отвлекаясь, застрелить его, как собаку! Велел я ему, велел? *(Вонзился в Муллу гневным взглядом.)*

Мулла. Велели, таксыр, велели... Но...

Хан. Что «но»?!

Мулла. Это ваше поручение было высказано в гневе и несколько поспешно...

Хан. Что-о-о?

Мулла. Хотя и в гневе оно было высказано, но все равно очень мудрое решение, очень!..

¹ Господин, правитель.

Хан. А-а, вон оно как! Тащите сюда этого шакала!
Майшер. Слушаюсь!

Убегает, вскоре появляется и ведет перед собой сторбившегося Биртугана.

На колени! (*Хлестнул Биртугана плеткой по затылку.*)

Биртуган (*падает Хану в ноги*). Прости, господин мой, прости меня! Отруби мне голову, но оставь язык — так говорили предки. Выслушай сначала, а потом хоть режь, хоть вешай, на все твоя воля!

Хан. Ну говори!

Биртуган. Зачем аллах присобачил мне эту голову?

Хан (*с ухмылкой*). Действительно, и зачем?

Биртуган. Чтобы шевелить мозгами!

Хан. Надо же! О, господи! И что дальше?

Биртуган. Получил было я ваш приказ... бросился было его исполнять, направился в канцелярию к батыру... И вдруг встретился на улице с Оразом этого Магипара...

Хан. Ну?

Биртуган. Куда, спрашиваю, несешься как угорелый, а он — бегу к борсакбайским рудокопам. И что же там, спрашиваю? Приказ батыра несучи! Что за приказ? Неужели не знаешь, отвечает, наш батыр назначил своего брата главным начальником ревкома Борсакбайского рудника. А-а-а, подумал я про себя, если так, на все воля божья... Вот и ты просчитался, батыр, осторожнейший из осторожнейших, хитрейший из хитрейших. Днем и ночью стерегут твою дверь охранники, а тут ты не подумал. К чему тогда мне лезть напролом в его ставку и палить в него на глазах у всего народа? Лучше я вернусь к своему почтенному господину и выложу одну идею о том, как можно легко заманить батыра в ловушку. И вот я скачу обратно с радостной вестью, а тут этот кровопи... то есть простите, ...тут господин Майшер...

Майшер. Какой я тебе господин, идиот?! Говори — товарищ Майшер!

Биртуган. Да, да. Тут товарищ Майшер схватил меня, обозвал предателем, шпионом батыра, приказ, мол, не выполнил...

Хан. Ладно! Давай-ка сядем, потолкуем. Ну-ка, выкладывай, чего ты там придумал и не спеша, повнятнее... Значит, батыр назначил своего брата ревкомом к рудокопам Борсакбая?

Биртуган. Именно так, мой господин! Своего родного брата, своего безмозглого, безграмотного брата, который не может отличить букварь от палки!

Хан. Вот что значит — хотел пукнуть, да обкакался!

Красивая токал. Ой, срам-то какой!

Хан. Чего-о! Ладно тебе, будто вчера родилась!

Красивая токал. Ну, все равно... негоже как-то... при людях... Не к лицу вам так выражаться.

Хан. Ай-й! Что потом?

Биртуган. Потом... мне в голову пришла мысль!

Хан. Говори!

Биртуган. А как же... (*Недоверчиво оглядел Майишера, Мулла, Красивую токал.*)

Хан. Говори, не бойся! Мне нечего от них скрывать!

Биртуган. И все-таки... В передовых странах, в Европе, например, государственные дела за домашним столом на семейном совете не решают, а тем более дела политические. Я хоть в Петерборде не обучался, зато как-никак, но все же закончил учебу в Орынборде. (*Только теперь заметно поднял голову и с петушиной гордостью глянул на Майишера. Майишер тут же сник.*) Господин мой, такие вещи говорятся с глаза на глаз, один на один.

Хан. Биртуган знает, что говорит.

Жестом он велит остальным удалиться. Те с явным нежеланием, медленно оставляют их одних.

Ну, говори теперь!

Биртуган. Значит, так, мой господин...

Мулла поспешно заходит снова.

Мулла. Четки я свои позабыл...

Уходит, бросая как бы невзначай.

Хоть мы в Орынборде и не были, зато постигали науку божескую в Бухаре...

Исчезает.

Хан. Ну?

Биртуган. Значит, так, мой господин...

Картина вторая

Борсакбай — шахтерский поселок. Узкие длинные бараки, чуть поодаль пестреют юрты. Большое здание управления шахты. Высокий жилой дом — личное владение бывшего хозяина шахты. Внутренний вид этого просторного дома. Нынче убранство выглядит, конечно, поскромнее и все же впечатление производит достаточно внушительное. На сцене Женеше и Биртуган.

Биртуган. Если будете ко мне прислушиваться, Женеше, не пропадете. Муж ваш сутками геройски не ел, не спал, кровь за советскую власть проливал, готов был в любую минуту в жертву себя

принести, столько испытал, а что взамен? Вот только сейчас, благодаря его младшему брату, нашему батыру, на ноги встаете, по крайней мере не беспокоитесь, что завтра есть будете. Разве не так?

Ж е н е ш е. Так-то оно так...

Б и р т у г а н. Вот мы нынче горланим, равноправие, мол, теперь и нас, неимущих, коснулось. Если это действительно так — воспользуйтесь хоть раз, Женеше. Вы теперь не кто-нибудь, вы — жена настоящего ревкома! Можете командовать и приказывать. Скажете белое, значит, белое, а скажете черное, значит, оно черное! А посему, вам иногда не лишним будет прислушаться к нам, к младшим своим братьям, которые учились, науку постигали, знают кое-что в современной жизни. Если мы что говорим, то знаем о чем. Богачи и бедняки теперь равны, а значит, и вы, как жена настоящего бая, должны жить по-байски, достойно положения, сплевывая сквозь зубки, и вообще, в конце концов, наймите себе служанок! А вот я вам сейчас покажу одну девицу, ну просто глаз не отвести! Душа не нарадуется на ее красоту! Чистенькая, свеженькая, ладненькая, а готовит как! К вам теперь зачастят большие люди сверху, ученые всякие, вот если вы станете встречать их разными русскими, татарскими, еще какими-нибудь блюдами! Да ваше имя у всех на устах будет! Это же расчудесно! Гости ваши будут цокать языками и восхищаться, нигде, мол, на свете нет такого стола, как у дражайшей жены нашего ревкома!..

Ж е н е ш е. Твоими устами да мед пить, ученый мой братик! Ладно, уговорил. Зови свою кудесницу.

Б и р т у г а н. Вот, вот, умница, моя Женеше!

Выскальзывает и быстро возвращается. Приводит с собой Б у р а н б е л ь, милвидную, очень привлекательную пери с осиною талией.

Вот, Женеше, знакомьтесь со своей сестреночкой, Буранбель ее зовут. Она во многом походит на вас, несомненно, вы подружитесь. Вас уже сейчас связывают такие же родственные чувства, какие связывают меня с нашим старшим братом — ревкомом.

Ж е н е ш е. Хорошо, родной мой, хорошо! Вы — нынешние, молодые, ученые, открывайте нам глаза на свет... учите, учите, родные мои. Ну, сестреночка, как, говоришь, тебя зовут?

Б у р а н б е л ь. Народ прозвал меня Буранбель, то есть...

Ж е н е ш е. То есть тоненькой талией, стройненькой, стало быть, нежненькой?.. Верно сказано, верно.

Б у р а н б е л ь. А настоящее мое имя — Гульраушан.

Ж е н е ш е. Ладненько, будем называть, как прозвали в народе. Ну, милая, будь хозяйкой этого дома. Не пойми меня превратно, мол, сулит мне войти в дом огнем и выйти золой. Нет, что ты! Будь мне верной помощницей, а большего я и не желаю. Надеюсь, заодно

научишь меня многому из того, что умеешь. Но и я не буду сидеть сложа руки, вместе возьмемся за хозяйство, будем по-сестрински, что ли!.. Однако все-таки подождем, что скажет мой муж.

Картина третья

Тот же поселок Борсакбай. Полночь. Дом председателя ревкома. У дверей в карауле застыли два солдата. Переговариваясь, идут Б р а т и Б и р т у г а н.

Б р а т. Ох и замучился же я, черт возьми, голова кругом!.. Не знаю, как быть дальше. Послушай, ты вчерашнюю телеграмму в область отправил?

Б и р т у г а н. А как же! В тот же час незамедлительно и отправил! Вы же меня знаете, одно ваше слово — и все будет исполнено, никаких преград, никаких! Слышал я, что Алиби вызвали в Орынбор...

Б р а т. Значит, мой озорной братишка начальствует у себя один. Что же он-то молчит? Черт возьми, голова кругом! Рабочие голодают, который месяц без зарплаты... Члены ревкома тоже на одном святом духе держатся, ты сам их видел. Кстати, не забудь тщательно переписать протокол собрания! Не получилось бы так, что каждый говорил о своем вразнойбой. Вот так, браток.

Дошли до дома, и он остановился, в недоумении глядя на солдат.

А это еще что такое?

Б и р т у г а н. Это я распорядился патруль у ваших дверей выставить. Всякое может случиться, серый люд голодает, можно ли верить?

Б р а т (*сокрушенно*). Серый люд, говоришь? Не верю, говоришь? Не знаю, не знаю. Голова кругом! Просил я его, умолял не назначать меня на эту проклятую должность! Но разве он послушается, мой младший братец все еще тот — с детства такой. Говорит, Алиби уехал, а больше мне верить некому, и посадил меня. А что я? Клянусь аллахом, до сих пор не знаю, что делать, и вообще, что делаю, чем занимаюсь... Не умею я командовать, поскорее бы избавиться от этой напасти. Какой из меня начальник?

Б и р т у г а н. Батыр не только бесстрашный воин, он ведь еще и тонкий стратег, прозорлив и сметлив, смотрит далеко вперед, решает не с бухты-барахты. Он вас одного не оставит, должен вскорости и сам прибыть. Недавно два алашских полка пришли из Оренбора, дабы сложить оружие, добровольно сдались батыру. Он их сейчас расформировывает, чтобы принять в Красную Армию. Как только закончит это дело, непременно приедет к вам.

Б р а т. Не знаю, как-то оно будет...

Б и р т у г а н. А вы пока отдохните, отдохнуть вам надо как следует... Я тоже пойду в свой барак.

Б р а т. Сколько мы тебя с женой уговаривали перебраться к нам...

Б и р т у г а н. Спасибо вам большое за заботу! Нельзя ведь... Все ж таки мы холостые, как говорится... жить под одной крышей с Буранбель... это все ж таки как-то не того... что народ подумает, слухи все ж таки всякие пойдут...

Б р а т. «Все ж таки»... «все ж таки»... если слухи какие и могут быть, так они уже давно стелются вокруг нашего дома. К тому же эта твоя распрекрасная Буранбель, по всему чувствуется,— чересчур образованная девица.

Б и р т у г а н. Вполне возможно, вполне... все ж таки пожила в городе, повидала, так сказать, всякое...

Б р а т. И жене я сколько талдычил, не нужна нам эта бестия! Завтра в глаза будут тыкать, мол, держишь служанку в такое время, а кругом советская власть давно... Она-то, конечно, мастерица искусная, на все руки... А готовит как!

Б и р т у г а н. Наверняка боженька ее и другими талантами одарил?

Б р а т. Чего-о? На что намекает этот негодник? Ты смотри у меня!

Б и р т у г а н (*незлобно смеется*). Я же шучу! И пошутить нельзя... Пусть господь пошлет сегодня спокойную ночь. Я лишь тут посижу немножко с солдатами, покурю малость, скучно ведь им все ж таки... Потом схожу на шахты, проверю бараки, на всякий случай... береженого бог бережет все ж таки... А вы отдыхайте. Буранбель, наверное, чай приготовила... не спит... заждалась, наверное...

Б р а т. Ну ты... ты со своим языком дождешься!.. (*Бросается на Биртугана.*)

Б и р т у г а н (*шутливо убегает*). Что вы, что вы, я же в шутку!

Б р а т. Шутки у тебя, однако...

Проходит мимо красноармейцев, те, как по команде, отдают ему честь, что приводит его в замешательство. Сильно стесняясь, он оглядывается. На краю сцены, наблюдая за всем этим, стоит Биртуган. Он махнул рукой, подозвал.

Послушай, браток, ты бы этих парней не мучил зря, пусть ребята... товарищи идут к себе в казармы. Кому мы такие нужны, охранять нас?

Б и р т у г а н. Так нельзя, не положено! Вы большой человек, очень большой, ваша жизнь принадлежит не только вам одному, ваша жизнь принадлежит еще и народу! Ваша жизнь — государственная ценность! И наша прямая обязанность беречь вашу жизнь как зеницу ока. Это наш долг, так сказать...

Б р а т. Ну и черт с тобой! (*Уходит в дом.*)

Б и р т у г а н (*приблизился к красноармейцам, закурил*). Видали, какая скромная душа!

Солдаты молчат, как два изваяния.

Эй, да вы че?.. Никого ведь нет. Зачем уж так-то. Хорошо, идите сюда, покурим!

Красноармеец - русский. ...Кхм-м-м...

Красноармеец - казах. Кхм-м-м...

Б и р т у г а н. Чего, чего? Вы что, свихнулись, что ли?

Красноармеец - русский (*словно сорвав кляп со рта*).

Нам не положено.

Красноармеец - казах. Нам положено чужих сюда не пропускать.

Б и р т у г а н. Ой, надо же, вояки какие! Да вы хоть знаете, кому служите?

Красноармеец - русский. Мировому пролетариату.

Б и р т у г а н. Прра-а-льна! А революционный комитет мирового пролетариата признаете?

Красноармеец - казах. Конечно!

Б и р т у г а н. А тогда почему не признаете секретаря-писаря того самого революционного комитета, то есть вот меня?!

Красноармеец - казах. Если так, то, конечно...

Б и р т у г а н. Ну вот! Давно бы так. Давайте-ка садитесь, перекур! Не до утра же вам так торчать... Я же велел вашему командиру, что достаточно поглядывать тут, присматривать... Давайте закури-вайте.

Красноармеец - казах. Нет, я эту гадость не очень...

Красноармеец - русский. Мне нельзя.

Б и р т у г а н. Почему?

Красноармеец - русский. На голодный желудок...

Б и р т у г а н. Что? Что он говорит?! Голодный?! Кто?

Красноармеец - русский. Мы голодные! Вот я и мой друг, мы оба голодные! Весь поселок голодный! Все шахтеры! Все солдаты в казармах!

Б и р т у г а н (*вскакивает с места*). Что он говорит?!

Красноармеец - казах. Да, уважаемый, все голодают. Вот уже третий день ни крошки во рту.

Красноармеец - русский. А чего ты удивляешься? Или ты не из их числа?

Б и р т у г а н. Кого?

Красноармеец - русский. Да этих прожорливых начальников. Мы сегодня с ним собственными глазами видели, куда исчезают продукты: сахар целыми ящиками, чай, масло, рис мешками!..

Рабочие тоже видели. Они хотели было устроить тут небольшой разбор, но мы не пустили их в дом, не посмели нарушить приказ.

Красноармеец - казах. Но они еще могут вернуться. Голодного человека сном не накормишь. Могут еще вернуться...

Биртуган. Сахар ящиками, говоришь, рис мешками?.. В этот дом? В дом председателя ревкома?

Красноармеец - русский. Так точно, товарищ.

Биртуган. Собственными глазами?

Красноармеец - русский. Вот этими вот!

Красноармеец - казах. Видели. Еще видели, как они варили плов!.. Тут девица такая тоненькая, вот-вот переломится, снова туда-сюда, хихикала, гляючи на нас!..

Биртуган (*выхватил из кармана револьвер*). Ах, контра! А я его уважаю, как брата батыра! Ну и что теперь, подумаешь, брат! Враг Советского государства и мой враг! Пойду сейчас и пристрелю его как собаку! Пристрелю!

Красноармеец - русский. Стой! (*Преграждает путь Биртугану и насилу удерживает.*) Мы тоже хотели поступить так же. Но поразмыслили и доложили командиру. Он тоже вскипел сначала, но посоветовались и решили сообщить в область, там разберутся. Уже, наверное, сообщили.

Биртуган. А-а, вон как? А кто почту проконтролирует? Кто проследит за донесением? Так не пойдет! Если мы в самом деле служим мировому пролетариату, то просто не имеем права сидеть вот так, бездействуя. Пожалевший врага — не боец! Ну-ка, кто из вас лучше на коне?

Красноармеец - казах. Я, конечно!

Красноармеец - русский. Конечно, я!

Биртуган. Ты мне нужен, останешься здесь! (*Обращается к казаху.*) А ты, браток, я тебе сейчас найду пару лошадей, скачи в область! Найди самого батыра! Расскажи ему все про его братца! Коней не жалей! За них я буду отвечать. Лети птицей! Доложи батыру, поклонись в ноги и все выложи без утайки! Ну, пошли! А ты, дорогой, будь здесь. Никого не впускай, никого не выпускай. Ах, контра! Да будь он мне родным отцом, и отца бы не пожалел за такое! (*Удаляется, ведя за собой Красноармейца-казаха.*)

На вечернем представлении Аксакал и Автор встретились снова, как и договаривались.

Автор. Ну как, аксакал, нравится вам моя пьеса?

Аксакал. Да как тебе сказать...

Автор. Неужели нечего сказать? Или, вернее, вы не хотите говорить? Значит, вам не понравилось?

А к с а к а л. Е-е, дорогуша, кто я такой, чтобы говорить — нравится мне или не нравится? Вы, нынешние, образованные, начитанные, сами все лучше нас знаете. А мы...

А в т о р. Понятно. Не понравилось, значит...

А к с а к а л. Ты, милочка, не сердчай. Я ведь истосковался по батыру, думал, Его самого покажете, а вы о какой-то ерунде молоть начали! А где Сам предводитель? Где царские прихвостни, что бегут, поджав хвосты? А где баи и волостные? Шестьдесят тысяч сабель было у батыра в войске, хоть бы трех-четыре показали на сцене!

А в т о р. Вот эти слова мне по душе! Говорите, аксакал, говорите!

А к с а к а л. Да что тут говорить? Вместо того чтобы показать правду такой, какую она была, вы развели тут... балаган, понимаешь...

А в т о р. Дорогой вы мой аксакал! Родненький! Именно такое ваше мнение я и хотел услышать! Истории давно известно, что народное восстание шестнадцатого года необратимо слилось потом с Октябрьской революцией. Об этом вам каждый школьник на пальцах объяснит. В Казахстане тогда сразу во многих местах вспыхнули десятки повстанческих очагов. Один из самых крупных...

А к с а к а л. Слушай, дорогой, ты не думай, что нарвался на какого-то дремучего аульного старика! Нечего задаваться и лекции мне тут читать! У меня тридцать внуков, а двадцать правнуков давно уже в школу бегают, к тому же у каждого моего сына дома по тельбизару, еще и с утра до вечера радио мозги парит... Чего ты тут разошелся, понимаешь?!

А в т о р. Да, аксакал, сдаюсь, сдаюсь, переборщил малость! Хотел было...

А к с а к а л. Ладно, сынок, я сам тебе расскажу, что ты хотел мне втолковать. Что говорят в нашем народе? В народе говорят — летящий камень тяжелее лежащего. Тяжелый камень прогибает землю и оставляет вмятину. Ты собираешься, сынок, не спеша и не погоняя события, показать мне ту землю, то место, на которое упал сей камень? Так ведь?

А в т о р. Ой, аксакал, какой вы мудрый человек!

А к с а к а л. Будет! По-русски это называется мелким подхалимажем! Ты лучше слушай дальше. Так ты, значит, собираешься вдумчиво мне объяснить, на какую почву опустится этот камень, то есть главные события еще впереди. Так ведь?

А в т о р. Ах, аксакал, ну какой вы, однако!..

А к с а к а л. Будет тебе! Пойдем лучше посмотрим, чем эта игра твоя закончится. Между прочим, по-русски такая игра инспектором называется!..

Картина четвертая

Красноармеец лихо донес черную весть. Как услышал Батыр про Братовы проделки, почернел лицом, отказался верить, велел даже схватить доносчика, обозвал его предателем и чуть было не расстрелял ни в чем не повинного Красноармейца. Еле-еле пришел в себя. Никому ничего не говоря, вскочил на коня и в угрюмом молчании помчался на юг. Трех коней он загнал за одну ночь и в предрассветном тумане вылетел на пыльные улочки Борсакбая.

Всякая драма перед тем, как воплотиться на сцене, неоднократно перечитывается и частенько переделывается, после колдует над ней режиссер, пока не представляет спектакль зрителю в подобающем виде, и композитор не остается в стороне и не спит подряд много ночей, пока не напишет к спектаклю музыку, а мой скромный труд заключается в том, чтобы вдохновить их на этот труд. Вот и все.

Шахтерский поселок Борсакбай. Тот же самый большой дом в центре поселка, вернее, одна из самых просторных комнат этого дома: прямо на полу, а не на кроватях, что стоят поодаль, постелив толстые одеяла на войлочные ковры, в разных углах спокойно посапывают Женеше и Брат. Раздается оглушительный стук в дверь, будто бешеный вихрь откуда налетел и вот-вот сорвет ее с петель.

Брат. Что такое? *(Вскочил с постели и кинулся к двери.)*

Женеше. Боже сохрани! Что за кошмар? Погоди, вдруг враги! Лучше я открою. Куда подевались те солдаты? *(Подошла к двери.)* Кто там?

Брат. Зачем спрашиваешь? Какой казах встречает гостей расспросами? Открывай немедленно, пусть хоть сам дьявол прибыл по наши души! *(На всякий случай заряжает револьвер.)*

Наконец грохот за дверями поутих, и вот в комнату с треском и грохотом ввалился сам Батыр.

Он. Ну? Где ты? Это правда?

Брат. Фу-ты, черт! А я подумал... Что случилось-то?

Он. Это правда, я тебя спрашиваю?

Брат. Эй, мальчишка, с каких это пор ты со старшим братом стал так говорить? Кто здороваться будет? О жите-бытье, о здоровье не спросишь?! Отдышись сначала. Даже на войне я тебя таким не видел. Что сотворилось-то? Не враги же перед тобой...

Он. Враги! Да лучше бы враги меня зарубили, чем так!.. С ними как-то сподручнее!

В этот момент из дальней комнаты, лениво потягиваясь спросонья, показалась Буранбель.

А-а, вот, вот! Теперь я начинаю верить. Теперь-то... А ну-ка, будь ты мне хоть трижды братом... правду... быстрее, признавайся!

Б у р а н б е л ь. О-о, кого мы видим?! Неужели перед нами Сам хваленый батыр, о котором столько говорят в народе? Да вы, оказывается, с ног до головы в скрипучей коже, неужели и характер у вас такой же скрипучий? Нет чтобы сесть вот так вот вольготнее, как не у родных, правда... *(Садится на стул и обращается к Женеше и Брату.)* Надо бы пригласить Батыра, как дорогого гостя, на почетное место.

Он (явно опешив от столь фамильярного, беспардонного тона). Кажется, я начинаю понимать. Теперь не может быть сомнений. Теперь а ну-ка отворите вон ту комнату! У кого ключи?

Б у р а н б е л ь. Ключи у меня, но я их вам не дам! Если хватит сил, попробуйте отобрать. Если сил хватит, конечно...

Он. Да я сейчас!.. *(Бросается к ней, но девушка прытко уворачивается и выскальзывает.)* Солдат! Эй, стой!

К р а с н о а р м е е ц. Я здесь, товарищ комиссар!

Он. Отбери у этой гражданки ключи!

Красноармеец кидается на девушку и легко отбирает у нее ключи.

К р а с н о а р м е е ц. Вот они ключи, товарищ комиссар.

Он. Отопри вон тот замок.

Красноармеец щелкнул ключом в большом черном замке.

Здесь у них кладовая? Твой товарищ говорил, что здесь где-то такая комната имеется.

К р а с н о а р м е е ц. Так точно, товарищ комиссар! Именно эта комната.

Б у р а н б е л ь. Ах ты лопухий доносчик!

Он. Давай тащи сюда все это добро!

Красноармеец начинает снова взад-вперед, выставляя из дальней комнаты ящики и мешки с продуктами.

Что это? Мука?! Настоящая мука! А это? Рис! Говорят, эта дамочка вкусно готовит плов? А это что? Чай? Индийский! И цейлонский есть! А это — сахар. Вот — масло. Неплохо, неплохо, брательник! Неплохо живете, женеше...

К нему словно бы вернулось доброе расположение духа, и он тихо опустился на стул, задумался.

Неплохо... брательник... женеше... Мой брат... мой родной брат. Ни-кому ведь больше не верил... Мой брат, которого я послал сюда, как самого надежного, самого верного, самого чистого человека, потому что здесь самый трудный участок, здесь нужен только честный во-жак. Совестьливый! Моя родная женеше, которая должна была поза-ботиться о чести своего мужа... Народ беснуется от голода, готов в

любую минуту поднять руку на молодое государство... От постоянной нужды у темного люда совсем помутился разум. Но вот послали им наконец-то долгожданное продовольствие, послали, чтобы они хоть немного оправились, а тут местные начальнички, местные прыщи растащили продукты по домам, и среди них мой брат с женешей... О, духи предков, дождались вы своего проклятого часа! Дождались! О, предки, чья совесть была чище материнского молока! Кто теперь простит мне это?! Государство Советов делает только первые шаги! А тут... Как я дожил до жизни такой!

Б р а т. Ничего не понимаю... Что произошло-то?

Ж е н е ш е. Видно, какая-то страшная новость его мучает? Может, враги в городе?

О н. Враги! Враги!

Б у р а н б е л ь. Днем люди поговаривали, что из Орынбора в нашу сторону направились войска алаша и беляки... Может...

О н. Враги! Да уж мы как-то успели привыкнуть к войне в открытую! Но как быть, если родная кровь, плоть от плоти твоей, оказывается заклятым врагом?! Беда не приходит одна: когда враг хватается за кадык, волк хватается за ноги, так говорят в народе! Враги со стороны — захватчики — вот кто волки, а враги в тылу — свои же враги — они страшнее чудовищ! Вот кто доконает тебя точно. А что делать, когда главарем этого страшного скопища гиен и шакалов оказывается твой родной брат?! Брат! Что делать, когда рядом с ним безучастно стоит, выпучив как ни в чем не бывало глаза, его жена, твоя женге? О-о-о!

Ж е н е ш е. А-а, так ты об этих продуктах говоришь, родной мой? Фу-ты, господи боже мой, чего ж тогда, прям как конец света... Надо же, а я не пойму... Они ведь сами привезли их нам, оставили, сказали, что начальникам положено. Что тут такого?

О н. Положено... Да это же грабеж! Воровство!

Б р а т. Грабеж? Чур меня, чур! Что говорит этот мальчишка?

Ж е н е ш е. Опомнись, родной мой, что ты говоришь?!

О н *(вскакивает с места, кричит)*. Гра-беж!

Ж е н е ш е. Кошмар какой!

О н *(мечется по комнате, наконец, садится снова на стул)*. Значит, так, брательник, так, женеше... Вы меня считаете вспыльчивым, неразумным мальчишкой, озорником... знаю, знаю... что ж... буду говорить спокойно, рассудительно, с расстановками, по-взрослому. Это действительно кошмар, женеше! Ужас! Легче было бы, если бы ты, брат мой, с оружием в руках выступил против советской власти! Легче было бы для меня прежде всего. Может быть, встретились бы на фронте, я бы постарался тебя не заметить и пробежал бы мимо, а может, отвернулся бы, подставив под твой выстрел свою спину... А тут, тут... *(Заплакал в голос.)* Лучше бы я сдох, чем такое видеть!

Солдат! Эй, солдат! Садись и пиши! Пиши свидетельство! Сколько было найдено продуктов, сколько и чего! Все пиши! Потом арестуй мою женеше и вот эту дамочку! Обоих запрешь, потом судить будем! А ты, брательник!.. Теперь тебе жизни нет. И мне, конечно, тоже не жить. Сначала тебя застрелю, а потом и себя не пожалею. Брат такого человека, как ты... он просто не имеет права оставаться на земле, смотреть в глаза людям, нет у него оправдания перед советской властью! Никогда мне не было так тяжело, как сейчас. Даже когда царские жандармы разметали нас по степи и разогнали по углам, не было мне так горько, как теперь! Лучше бы они меня тогда поймали! *(Красноармейцу.)* Закончил? Чего тянешь, быстрее! Своими же глазами все видел, после допишешь! А сейчас всех женщин на улицу! Живо, поторапливайся!

Красноармеец (стесняется, неловко орудует винтовкой).
Ну-ка, граждане... гражданки... выходите...

Женеше (падает на колени перед батыром). Прости меня, родненький, прости! Это я, я во всем виновата, я одна!

Буранбель. Как вы терпите, батыр? Как можно?..

Женеше. Они говорили, что все по закону, что так положено...

Он. Я знаю, что вы чересчур доверчивы и вас легко обмануть... А что же мой брат? Он что, ворон считал? Столько богатства и, главное, за какие заслуги такие? Нет. Не верю! Не верю, что не знали. Неужто председатель ревкома не знал, что шахтеры и рудокопы пухнут от голода? Не знал или не хотел знать? В любом случае, советской власти он не признавал. Совести ни на грош!

Брат. Родной мой, за что такие слова?..

Он. Постовой! Тебе было сказано увести этих женщин!

Красноармеец. Слушаюсь! А ну, товарищи женщины! Выходи по одному!

Буранбель. Не верти ты этой палкой, а то воткнешь еще куда не следует.

Красноармеец. Иди, иди!

Выставив винтовку вперед, уводит женщин. Женеше захлебывается слезами. Буранбель же, будто это ее не касается, идет, как всегда, кокетливо покачивая бедрами, игриво вскинув голову.

Он, как сидел на стуле, так и остался сидеть, замер, не шелохнется, и не поймешь, ухмыляется или плачет. Брат его тоже застыл, недвижим, стоит в недоумении посреди комнаты, словно пытается разобраться, сон это или явь.

Он. Бросился я бы на колени и стал молить прощения, но и бог меня не простит, ибо в раздоре я с ним с шестнадцатого года. На твоих же глазах, брат мой, при тебе я проклял его за то, что он забыл о моем несчастном народе, за то, что он и не снизошел до милости. А коли так...

Б р а т. Коли так, человек, проклявший самого бога, не стесняясь, проклянет и собственного брата.

О н. Каким бы я ни был жестоким, на тебя бы руку не поднял! Но здесь... здесь другие! Я должен! Я застрелю тебя, это значит я самого себя застрелю, я убью тебя — это тебя твой благодущный господь убивает! Есть еще на свете понятие, которое превыше всего на свете — это человеческая совесть! Если она у тебя нечиста, лучше руки на себя самого наложить. Честь! Ее надо отмыть только кровью! Да и то...

Б р а т. Ты считаешь, что нашей с тобой крови недостаточно, чтобы окупить два мешка риса? Тогда давайте захватим с собой твою женеше!

О н. Ты меня так не жалоби! Не время сейчас краснобайствовать! Хватит! Довольно! *(Не спеша, аккуратно расстегивает кобуру и вытаскивает пистолет.)* Лучше бы ты от вражьей пули погиб! Лучше бы я слетел с коня и свернул бы себе шею! Ну, брат мой, прости...

На сцене появляются два мальчика. Старший посадил младшего на спину и, побряхтывая, тащит. Нога младшего обвязана тряпочкой.

М л а д ш и й м а л ь ч и к. Ну хватит, ты же устал, опусти меня, сам пойду. Ты запыхался! Сколько уже несешь... ну, хотя бы посиди, отдохни!

С т а р ш и й м а л ь ч и к. Надо пораньше добраться до дома! Нужно поскорее промыть твою рану, прочистить и прижечь, а то кровь заразится. Нужно поскорее...

М л а д ш и й м а л ь ч и к. Тогда опусти, сам пойду...

С т а р ш и й м а л ь ч и к. Нельзя! Рана глубокая! Этот камень пронзил до кости, я же видел, видел! Поскорее...

М л а д ш и й м а л ь ч и к. Я сам пойду... Ну,пусти...

Дети исчезают.

О н. Что ж! Подойди. Давай хоть обнимемся напоследок.

Брат, словно не расслышал, не двинулся. Он сам подошел к нему, обнял. Прости.

Поднял пистолет, прицелился... В этот момент громко хлопает дверь. Вбегают Мулла, Биртуган и Хан.

М у л л а. Остановитесь, батыр, остановитесь!

Х а н. Стой, батыр, не спеши!

Б и р т у г а н *(кинулся батыру в ноги)*. Не торопись, батыр, вначале выслушай, а потом решай.

О н. А вы откуда взялись?

Б и р т у г а н. Я обошел все шахты и возвращался домой, тут вы мимо проскакали. Я крикнул, вы не расслышали. Я подумал: что-то случилось, и побежал вот к ним... Слава богу, успели!

М у л л а. Слава аллаху!

Х а н. Вовремя мы подоспели!

Б и р т у г а н. Красноармеец, что ездил к вам с донесением, и тот, что стоял у двери, подосланы беляками! Мы их и раньше подозревали. Они дали ложную информацию... Сукины дети! Я приказал обоих арестовать. Хорошо еще, что ваши кони оказались свежими и вы ускакали далеко вперед, а то, кто его знает, пульнул бы в затылок этот наемник! Может, у него такое задание было?! Ничего, мы еще разберемся. Скажет, никуда не денется. Признается.

Х а н. Давай, батыр, успокойся, присядем. В ногах нечего правду искать.

М у л л а (*становится между батыром и его братом*). Чего братья родные не поделили? Всякое в жизни бывает. Не поняли, видимо, друг друга. Кругом кишмя кишат враги, предатели. Этот красноармеец говорил, что здесь нашли целый продовольственный склад...

Б и р т у г а н. Это я распорядился, чтобы хранить продовольствие у надежных людей, всюду враги, и шахтеры от голода лютуют. Если склад будет в одном месте, то и врагам будет легче, а так — продовольствие по частям спрятано, в разных местах. Поэтому...

Х а н. Ты бы проводил Брата в другую комнату, пока батыр успокоится. И до этого додуматься не можешь? Чего вылупился?

Б и р т у г а н. Слушаюсь, слушаюсь! (*Брату.*) Пойдемте пока туда, а то вдруг кровопролитие какое...

Оба уходят.

М у л л а. Батыр, дорогой! Ты бы отдал мне пока эту штуку, ну ее к дьяволу! (*Забирает пистолет и прячет к себе в карман.*) Ну вот, давно бы так! Садись, располагайся.

С улицы доносятся два выстрела. Через мгновение в дверь вламывается, тяжело дыша, М а й и ш е р.

М а й и ш е р. Предатели! Продажные шкуры! Обоих пристрелил! (*Только теперь якобы заметил присутствующих.*) Ассалаумагалеikum! О-о, да здесь сам батыр!

О н. Это еще что за самоуправство?! Кого пристрелил?

М а й и ш е р. Двух волков, что ходили в овечьих шкурах. Этих двух красноармейцев! Оба признались! Один — наемник алаша, второй — Дутова!

О н. Ничего не понимаю...

Хан. Давайте присядем.

Мулла. Посидим, поговорим.

Он (*Мулле*). Ты зачем забрал мой пистолет, а ну верни!

Биртуган. Не зря говорят, что герои слишком доверчивые.

Хан. Ну вот мы и остались одни. Теперь можно поговорить по душам...

Он подмигнул Майишеру, который незаметно прошел за спину батыру, и, как только накинул ему приготовленный аркан, все четверо навалились одновременно, связали по рукам и ногам.

Он. Ах, звери! Обманули, застали врасплох!

Хан. А-а, попался!

Мулла. Из этого капкана уже не вырвешься!

Майишер. Мать твою так!.. С живого шкуру спущу и плетку сделаю! Давно я тебе обещал! Вот и сбылось! Теперь не уйдешь!

Он. Эй, Хан! Эй, Мулла! Сколько вы мне пели, что болеете за народ! Что вы готовы на смерть за него! И как же вы так дешево продались, со спины нападаете! Совесть ваша где?!

Биртуган. Совесть, говоришь?

Майишер. Ах, мать твою!.. На тебе совесть! (*Хлещет плеткой.*)

Он. Эй, Хан! Эй, Мулла! Вы же уверяли, что поддерживаете советскую власть, вы же клялись, что не будете вмешиваться в политику! Вы же слово свое нарушили! А теперь связали по рукам, ногам и отдали на съедение своему дворовому псу! Я этого не забуду!

Хан (*грозно Майишеру*). Эй, мерзавец! Кто ты такой, чтобы поднимать руку на батыра?! Ну-на немедля проси прощения!

Майишер (*понимая, что Хан только смеется над батыром, тут же сгорбился, снял шапку и залепетал*). Батыр... укравший когда-то мою... чужую составную невесту... чужую жену... Батыр... Вожак... Улыбнулась судьба — стал ты батыром, улыбнулась удача — стал ты героем, а если прикинуть, чем ты лучше меня?! Мы же оба когда-то были ворами. угоняли чужих лошадей целыми косяками! Мы же оба барымтачи! Ха-ха-ха!

Он. В своем дворе каждая дворняжка — тигр! Паршивый осел пинает связанного льва! Давай, давай, беснуйся, рви цепь, захлебнись собственной слюной, порви меня на клочки!

Из комнаты, где заперли Брата, слышно, как громыкает дверь, доносится горький его вопль: «Обманули, сволочи! Обманули, гады!»

Ты меня всегда корил, что я доверчив и простоват, а посмотри, как

эти ловкачи нас обвели вокруг пальца? Эх, братишка! Эх, женеше! Хватило вам на мгновение забыться, хватило одной-единственной ошибки! Увы! Увы!

Мулла. Может, развязать тебя? Да ведь изгрызешься весь...

Хан. Ах ты мой верный пес, Майишер! Что, красный комиссар? Достался ты на обед шелудивому псу! Любимчик Москвы — псу на обед!

Биртуган. Зовите его лучше русский крестник! Крестник русских!

Майишер. Если он батыр, то я кто, баба, что ли? Я тоже никого и ничего не боюсь!

Хан. Ладно, хватит! Я не могу отдать батыра на растерзание кому попало! Тащи его на улицу. Посади в мою золоченую пролетку. Езжайте в область. Там главари решат, что с ним делать.

Действие второе

Картина первая

Тесная клетка. Он один. Мечется взад-вперед, как лев на цепи. Тут мы видим, что Аксакал собирается уходить, но Автор догоняет его.

Автор. Аксакал, а аксакал! Уходите, не досмотрев игру? По-терпели бы уж как-нибудь! Досидели бы до конца.

Аксакал. Слушай, мальчишка, ты!.. Хватит!

Автор. Чем я вас так рассердил?

Аксакал. Как не стыдно?

Автор. Не понял.

Аксакал. Всех потомков батыра грязью измазал! Из-за каких-то двух мешков риса обгадил светлый лик святого человека, высмеял принародно... Ведь все высосано из пальца! Где ты видел, чтобы казах родного брата за грудки хватал? Где ты видел, чтобы казах с ружьем кидался на родного брата? Ты это брось! Не могло быть такого! А если и было где, то нечего это выставлять, молодежь смотрит, чему ты их учишь?! «Не жалеите никого, человек человеку волк?!» Ты это брось, милоч! В такие игры сам играй! И потом, слух о том, что батыр в свое время был конокрадом, до сих пор еще жив, зачем это напоминать лишний раз? Сказал бы просто: батыр был настоящим батыром — и все! С тебя бы хватило. Никакой народ не обходится со своими героями так некрасиво, так отвратительно! Вот Алпамыс-батыр, он ни в огне не горит, ни в воде не тонет! Понял?

Автор. Это же сказки, народные байки...

Аксакал. Ну и что?! Разве плохо? Сочини мне такую сказку, напиши мне песню — выучу, буду петь, внуков и правнуков своих заставлю выучить! А ты... какую-то, понимаешь... два мешка риса, два ящика масла... комиссар... нехорошо! Ты не думай, каждый день тельбизар смотрим, радио слушаем, а значит, понимаем, что такое обыраз и с чем его едят. Поэтому я хочу спросить тебя — где обыраз? Где обыраз батыра?

А в т о р. Ну, аксакал, вы меня совсем в тупик загнали! Что я могу вам ответить? Как бы вам объяснить?.. Тс-с-с... Вон, батыр, глядит прямо на нас!.. Садитесь, садитесь, досмотрим до конца...

Оба исчезают.

О н. Обманули! Эх-х! Остается теперь только пальцы кусать! Сам ведь пришел, сам попался в ловушку! Они знали, чем меня взять! Вычислили, что не выдержу таких гнусных слухов и примчусь, как ошалелый, сюда... Кто, интересно, придумал это? Хан? Нет. Мулла? Вряд ли. Майишер? Нет, это животное мозгами шевелить не способно. Биртуган! Да, только он, именно он. Я еще вначале почуял в нем хитринку и усрал подальше от себя... Он умный... и вот на какие пакости расходует свой ум, проклятый шпион! Вот попадется он мне в руки, дай только... вырваться... из этой клетки. Клетка... Как тяжело живому в клетке!

Со скрипом открывается железная дверь. Два солдата вталкивают в клетку Жену батыра. Со света ее глаза не видят в темноте, и она в нерешительности застывает посреди клетки. Солдаты уходят и захлопывают дверь с той стороны.

О, боже, что это? Призрак? Я схожу с ума? *(Поднимается и идет к Жене.)* Неужели я помешался? Это ты? В самом деле ты?

Ж е н а *(идет на его голос, осторожно ступая, как слепая).* Родной мой, где ты? Ничего не вижу... *(Протягивает руки. Он берет ее за руки.)* Любимый мой!

О н. Иди, иди сюда...

Ж е н а. Ничего не вижу... Зато я тебя слышу, так близко!..

О н. Иди сюда, присаживайся... Я тебя хорошо вижу!

Ж е н а. Милый мой! Теперь я тоже вижу! Ты здесь один? Может, кто еще?.. Родной мой! *(Обнимает его.)* Родной!

О н. Радость моя нежная! Значит, ты в самом деле мне не привиделась!

Ж е н а. Нет, конечно. Почему вы так говорите?

О н. Просто не мог даже предположить такое!.. И во сне не приснится! Как ты сюда...

Ж е н а. Вы вчера поколотили и прогнали этого служителя господня — толстого туре. После в городе собрались все святоши, посудачили, посовещались и решили послать к вам меня. Это я помню точно. А сегодня снова вызвали меня и долго-долго что-то втолковывали...

О н. И что они говорили?

Ж е н а *(опустив голову ему на плечо).* Ни одного слова не помню.

О н *(смеется).* Вот здорово! Что же ты тогда пришла?

Ж е н а. А я думала, пусть что хотят, то и говорят, главное, я снова вас увижу. Да и что нового они могут сказать? Все то же — аллах, народ, святой дух...

О н. А-а... Известные басни. Этот толстый туре тоже долго мне мозги парил... Что на воле?

Ж е н а. Войска алаша, что клялись перед вами перейти на сторону красных, переоделись и разгромили весь город. Я слышала, что ваших солдат они всех арестовали и заперли.

О н. Ах, сволочи, изменники! На каждом шагу вопят: «Мы за свой народ, мы за казахов!» — а сами вон что вытворяют! (*Уткнулся лбом в стенку и замер.*)

Ж е н а. Из краевого центра к вам на помощь выступил ваш Друг с войском, но в город его отряд не пропустили, сказали, что в отряде слишком много русских. Потом... потом от вашего якобы имени накатали письмо и обманом забрали оружие... самих пленили, раздели и погнали в степь. Перебили, наверное, всех уже... А Друг ваш здесь, в городе, вроде как в другой тюрьме его держат...

Снова с громким скрежетом отворяется дверь, снаружи раздается густой бас:
«Эй, сучка! Кончай молоть ерунду и переходи к делу!»

О н. Псы поганые!

Г о л о с с н а р у ж и. Эй, шалава, быстро выкладывай там, что велено, и выходи! Некогда шашни разводить!

О н. Ах, шкурники!

Ж е н а (*плачет*). Ослы пинают связанного льва! Что мне делать, любимый мой?.. Что мне делать?!

О н. Ладно, родная, успокойся, ты же умница.

Ж е н а (*вытерла слезы*). Все-таки я — обыкновенная баба... Не могу...

О н. Не поддавайся слабости.

Ж е н а. О, аллах, зачем ты проклял меня на женскую юдоль?! И сказать-то толком ничего не могу! Если даже все у тебя внутри из золота, нельзя, чтобы кто-то увидел его блеск! Как мне сказать, как мне донести?!.. Единственный мой! (*Падает в ноги мужу, обнимает, целует.*) Ненаглядный! Родной мой! Пылиной твоей!.. Лучше бы меня связали этой цепью и оставили издыхать в песках!.. О-о, аллах!

О н (*иронически хмыкнул*). Зря ты к аллаху взываешь, он давным-давно ослеп и оглох.

Входят два солдата без погон.

П е р в ы й с о л д а т. Все, время вышло!

В т о р о й с о л д а т. Мы думали, что эта змея доведет до твоего сведения достопочтенные мысли достопочтенных господ, а вы вон за-тискались, зализались тут!..

Первый солдат (*смеется*). Изголодались, бедненькие, нашли укромное местечко!

Он. Заткнись, придурок!

Второй солдат (*испуганно*). Слушаюсь, господин!

Первый солдат. Не рыпайся! Твое время откуковало! Время большевиков тоже пройдет! А ты, сука, вылазь, хватит!

Жена. Собак не перелаешь! Любимый мой, храни себя, храни! Прощай! (*Снова бросается к нему, обнимает.*) Зачем мне жизнь без тебя?..

Он. Встань, родная! Не унижайся перед... этими...

Первый солдат. Топай, топай!

Солдаты уводят жену.

Он. Родная моя... (*Снова мечется по клетке словно в забытьи.*) Дай только выбраться...

Распахивается дверь. Солдаты втолкнули в клетку его Друга.

Иван?! Брат мой. Это ты?!

Палачи избили, изуродовали Друга до неузнаваемости, он еле держится на ногах.

Друг. Это ты, батыр?..

Он. Звери! Сволочи!..

Друг. Я... Мне нужно успеть сказать тебе... Они специально, они нарочно меня так... чтобы ты увидел... запугать тебя хотят, сломать... Я поверил... они обманули... Написали письмо, будто от тебя... оставьте, мол, оружие, в городе войска алаша, чтобы не случилось кровопролитие... я поверил... Всех погнали в степь... Сейчас они меня...

В клетку входят солдаты.

Первый солдат. Эй, иноверец! Молись своему богу на картинке! Давай!

Друг. Я же говорил. Они, чтобы запугать тебя...

Он. Эй, стервятники!

Первый солдат. Заткни его!

Второй солдат. Слушаюсь! (*Приближается к нему и бьет прикладом по голове.*) На, лежи!

Первый солдат. Эй, смотри не припей совсем! Нам говорили, что он еще нужен. Сказано было лишь слегка развязать язык и вправить мозги. (*Его Другу.*) Эй, несчастный, накрестился на свою картинку? Замолил грехи?

Друг. погоди! Дай попрощаться с другом!

Первый солдат. Прощайся, на это меня хватит. Я ведь не изверг какой-нибудь!

Д р у г (*приподнимает батыра, который тянется к нему не в силах подняться, обнимает*). Прощай, брат мой! Будущее... будущее... Солдаты растаскивают их в разные стороны. Первый полоснул Друга шашкой. Тот дернулся и упал замертво.

О н. Брат мой. (*Жинулся к Другу, но Второй солдат снова ударил его прикладом. Он рухнул как подкошенный.*)

П е р в ы й с о л д а т. Эй, идиот, я тебе говорил: поосторожнее! Убил, наверное! (*Опустился перед ним и приложил ухо к груди.*) Живой! Пошли! Ну его к дьяволу, подохнет еще, а свалят на нас... Сколько бы ты этих красных ни перебил, никто твоей доблести не оценит. Пошли, а то вонь от этих... комиссаров хуже, чем от свиньи! Прибьешь вот так, а потом дышать нечем!

О н (*попытался встать, чуть приподнялся*). И это ведь... люди... Человеки. И того зовут человеком, и этого... Что же, неужели так и перегрыземся? Бились же за правду, бились... Прах. Все обратится в прах... Нет! Так просто меня не ломаешь!

Открывается дверь, входит Х а н.

Х а н. Ах, звери, звери! Эй, где вы там? Уберите этот труп! Как можно?! Рядом с батыром валяется мертвец!..

О н. Рядом с мертвецом валяется батыр... Лучше бы так сказал. Вели меня вести на улицу.

Х а н. Выйдешь, батыр, выйдешь. Не долго тебе быть в клетке. Прислушайся к моим словам, одумайся. Поумнеешь, прямо сейчас тебя освобожу. Не я тебя тут держу — алашовцы. Но если я попрошу, они не откажут.

О н. Как же, как же! Конечно, не откажут тебе, ведь это ты продал меня им! Не откажут, если завтра красные не погонят их отсюда взащей! Посмотрю я тогда, возьмут ли они тебя с собой.

Хан не решается сесть на солому, которой устлан пол.

Х а н. Ты сам знаешь, я ни то и ни это, и за красных, и за белых, и за алаш, я — нейтральный, лишь о народе своем пекусь, лишь о казахах душа болит.

О н. Не душа у тебя болит! Шкура у тебя зудит. Какая у хана душа?! Кто из нас говорил — хан не должен жалеть ни о чем?!

Х а н (*смеется*). А-а, да это я со злости тогда, невзначай, чего в сердцах не скажешь, господи, тем более на дворе шестнадцатый год стоял. Зачем об этом сейчас вспоминать... Я ведь тоже не забыл о твоих проделках, однако не вспоминаю. Однажды вроде пытался даже пристрелить меня? Не пристрелил...

О н. Вот об этом как раз и жалею сейчас... Простивший врага — не боец.

Х а н. Вот, вот. Правильно учишь. Врагов не жалеют, их уничтожают. Смотри, здесь не щадят, как бы жена и дети твои не оделись во все черное. Я пришел предупредить тебя. И ты, и я боролись, по сути, за одно — за светлое будущее своего народа. Здешние господа тоже готовы жизни свои положить за народ свой. Разница в том, что каждый из нас по-своему понимает и представляет себе это будущее. Хотя, скажу тебе, местных управителей я не очень понимал раньше...

Он (*схидно смеясь*). Они видят это будущее слишком упрощенно: наш народ лучше всех, остальные — пасынки, прислужники. Я хочу другого, я хочу, чтобы мой народ был наравне со всеми. Я болею за счастье неимущего большинства, а не за блажь разжиревшей кучи червей. Понятно тебе?

Х а н. Вон лежит умолкший навсегда твой Друг, и вот сидишь чешешь языком ты... о такой разнице ты говоришь? Понятно тебе, ба-а-атыр!

Он. Мертвое тело походит скорее на тебя. А светлая память, светлая душа моего Друга там, на свободе, в народе! Его дело, его подвиги у всех на устах! Мой Друг не умрет, потому что душа его будет жить вечно! А ты... Ты сам признавался, что обездушен, значит, жизнь твоя короче твоих же волос. Ничего в тебе нет, кроме дряхлой плоти твоей! Нищенской плоти!

Х а н. А ты с тех пор, как заделался комиссаром, стал таким красноречивым. Это тебя ордынборские и петерборские дружки испортили. Дружки вроде вон того... Эй, зверюги! Где вы там запропастились? Утащите это... Пленный, он ведь тоже человек, пожалели бы!

Входят солдаты, берут труп за ноги и волокут прочь.

Первый солдат (*Второму*). Осторожней, эй, а то ведь ему больно! Ха-ха-ха! Где твое милосердие, а? Осторожнее!

Второй солдат. Вечно ты со своими шуточками!..

Уходят.

Он. А вы — кучка дерьма — нашли друг друга. И беляки есть, и алашовцы. Что и говорить — прочный союз! Только вы хотите из человека сделать зверя, а мы из зверя пытаемся воспитать человека. Опять же большая разница, зачем же твои помыкатели ищут со мной примирения?

Х а н. Не дразни, батыр, не дразни. Знаем мы добродетель ваших красных, вон — весь город провонял человеческой кровью!

Он. Ты думаешь, я не знаю, какие это «красные» лютуют в городе?! Вот только дай...

Х а н. Выйти отсюда?.. Нет, мой батыр, пока не поумнеешь, не выйдешь. Подумай хорошенько. Подумай.

Он. Незачем. Никто еще не постиг глубин самой мысли. Если

скажу, что ничего не боюсь, значит, совру: когда-то один аксакал говорил: «Человек, который видит занесенный над головой топор палача, все равно надеется на жизнь». Если скажу, что жизни моей грош цена, опять же совру. Я хочу жить! Я верю, что буду жить! Есть еще Оренбург, есть Петербург, Ташкент есть, кто-нибудь да придет на помощь! А вон хотя бы солдаты мои, которых вы тоже обманом заперли в казармах, они тоже ведь не сидят сложа руки... Нынче ранняя весна, земля только-только оживает, но внутри она еще не прогрелась, я не хочу в этот холод. Это правда. А еще есть у меня молодая жена, мы недолюбили друг друга — и это правда! Жалею об этом! И есть еще у меня народ, который только-только стал открывать глаза на свет, я верил, что увижу его вольным и сильным... Но если вы...

Хан (*кричит за дверь*). Эй, два болвана! Ноги уже онемели! Принесите стулья!

Входит Первый солдат, приносит стул.

Эй, болван! И батыру стул!

Первый солдат. По тюремной инструкции не положено.

Хан (*пинает стул*). Тогда на! Этот тоже не нужен!

Солдат уносит стул.

Так ты и не одумался, батыр. Ладно, что ж... (*Вздыхает.*) Давай хоть обнимемся на прощанье.

Он. А вы что же, и поминальную по мне отслужили?

Хан. Скрывать не буду! Да, батыр.

Он. Лихо вы... Не хочу в этот холод, но ни перед ними, ни перед тобой не унижусь!

Хан. Что замолчал? Скажи, скажи еще что-нибудь! Может, я чего-то еще не понимаю в этой жизни проклятой? Ради чего ты так печешься? Ведь и ты, и я сделаны одинаково — из мяса и костей, отчего же ты так предан делу красных? Признаться — хочу понять. Скажи мне, может, есть у этих красных какой-то секрет?

Он. Есть рабы, что считают себя ханами, есть ханы, что считают себя рабами.

Хан. Я тебя не понимаю...

Он. Вот ты думаешь, что ты хан, а ведь ты самый настоящий раб, раб своего положения, своего желудка, своей ненасытной глотки! А мои друзья в Оренбурге и Петербурге говорят: кто всю жизнь занимается крохоборством, тот обыкновенный навозный жук. Вот катит жук к себе в нору катышек дерьма и думает, что он хозяин этого катышка, а на самом-то деле он просто раб, он служитель этого «богатства». А еще мои друзья говорят: каждый человек, у которого есть в душе благородная цель, должен быть ханом, настоящим царем

и правителем своего сознания, воли, высокой мечты, тогда и щедрость и слава его будут великими. Никто не сможет им помыкать, покушаться на его гордость, и незачем ему будет бить челом перед всяким...

Хан. Если каждый раб будет считать себя ханом, зачем мне такое ханство? Нет, батыр, учеба довела тебя до ручки. Не зря народ шушукался, когда ты вернулся в тринадцатом году с учебы из Петирбора, ты — это уже точно — малость подвинулся рассудком. В этой жизни свои непреложные законы: бай, он и есть бай, нищий, он был и будет нищим! Уродившийся калекой так калекой и помрет. Кто-то родился для богатства, а кто-то для рабства.

Хан (*вздыхает*). Ладно, батыр, я свой долг исполнил. Пришел, предупредил, ты не согласился. И не собираешься, как я погляжу. Давай хоть простимся по-людски, обнимемся напоследок!

Он (*поворачивается спиной к хану, который идет, расплачиваясь*). Тебе и этого хватит.

Хан (*обнимает сзади*). Ладно. Все-таки детство наше прошло в дружбе. Кто мог тогда предполагать, что ты будешь по ту сторону забора, а я по эту: ты — красный, а я... пестрый?

Он. Пестрый? Точно! Кровь у тебя такая...

Хан. Зачем такие слова, батыр? Навсегда ведь прощаемся!.. Ты и рабом меня обозвал — я промолчал. Тогда...

Он. Что тогда?

Хан (*кричит*). Эй, живо сюда!

Прибегают солдаты.

Второй солдат. Мы здесь, таксыр!

Хан. Ну вот теперь смотри, батыр. (*Поворачивается к солдатам.*) А ну-ка, олухи, повернитесь ко мне спиной и нагнитесь!

Первый солдат. Что-о, таксыр?

Хан. Нагнулись, я сказал!

Второй солдат. А-а, понятно! Вот так? (*Нагибается.*)

Хан. Вот именно! (*Первому солдату.*) А ты что, оглох?

Первый солдат. Мне тоже... это... нагнутыся?

Хан. А что, у тебя задница не такая?

Первый солдат. Слушаюсь, таксыр!

Становится рядом со своим товарищем. Хан дает обоим пинка. Те падают и поспешно встают.

Хан. Эй, свиньи! А ну благодарите меня, да покрасивше! Мои пинки для вас большая честь!

Второй солдат. Спасибо, таксыр! Это было так здорово! Благодарим вас от всего сердца!

Х а н. Смотри-ка, до сердца дошло! (*Первому солдату.*) А ты что, язык проглотил?

Первый солдат. Мы довольны, таксыр! Мы счастливы! Ваша святая нога коснулась наших... Если не верите, ноги ваши поцелую! (*Падает к его ногам.*)

Х а н (*пинает его*). Пшел вон!

Солдаты, полусогнувшись, попятились и исчезли.

Видал? Кто из нас раб?

О н. Ты, конечно. Ты — раб своего раболепного сознания, хоть и считаешь себя ханом, только потому, что можешь помыкать нищими! Ты — раб сознания, ты раб своего имущества, ибо живешь в постоянном страхе за него! Ты — раб придуманных не нами глупых правил и обычаев: раз родился баем, значит, должен действовать. Вот и все, чему ты всю жизнь поклоняешься.

Х а н. Довольно! Баль-ше-бек!

Уходит.

О н. Раб! Разве пробьется лучик свободы в темень твоего рабского сознания?!

Входит Му л л а.

Му л л а. Ассалау-ма-га-лейкум, батыр!

О н. Чего это вы по очереди отходную мне читаете? Лучше уж собрались бы скопом и хором прочитали.

Му л л а. О, аллах, помилуй! Что ты говоришь, сокол мой?

О н. Отходная читается только раз. Приговор выносятся тоже лишь однажды. Разве ты не встретился сейчас с ханом?

Му л л а. Нет.

О н. В твоих речах через слово упоминается имя господне, как же ты можешь так бессовестно врать?

Му л л а. Клянусь аллахом, батыр, не встретил я никого по дороге сюда. Если в городе всего одна тюрьма, то к ней ведет множество дорог.

О н. Да, это ты верно подметил. В тюрьму ведет много дорог.

Му л л а (*довольный своей находчивостью, ухмыляется*). А вот из тюрьмы на волю только одна дорога. Это дорога — подчиниться судьбе и не отказываться от руки помощи, которую протягивают тебе верные, честные друзья. Распоряжаться и приказывать — на то воля божья, наш мирской удел — подчиниться.

О н. Когда только твои байки кончатся? Хоть бы поменял что, а то уши вянут от твоих перепевов. Помнится, в юности ты вроде как стихи сочинял, народ даже почитал их?..

Му л л а. Было такое, было и прошло. До сих пор как вспомню,

так лицо от стыда пылает. Чуть ведь бродягой-шаманом не заделался, чуть не сбился с пути истинного.

О н. А чего так? Был бы сейчас всеобщим любимцем, народ пел бы твои песни!

М у л л а. Ой, не говори, не говори так! Не напоминай, соколик! Не мучь меня воспоминаниями!

О н. Ладно, не заливай! Ты мне не молитвы читай, ты лучше спой! Спой песню!

М у л л а (*растерян*). Песню? Песню, говоришь, спой? Господи боже мой! Спеть песню?

О н. Давай, давай!

М у л л а. Как же, а?! Обижаете вы меня, батыр! В народе говорят, обидишь друга — обрадуешь врага... Обидел ты меня, соколик, глубокую рану нанес в сердце мое, да ладно, не слышал я твоих слов.

О н. Живо! Песню!!!

М у л л а (*несколько оправился от испуга*). Слушай, батыр, ты чего это на меня взъелся? Одной ногой стоишь в могиле, а еще голос повышаешь! Ты же пленник тут, на цепи...

О н. Песню! Пес-ню!

От властного взгляда батыра Мулла приседает, вобрав голову в плечи.

М у л л а. Таксыр! Господин мой...

О н. Живо, песню.

М у л л а. Замучили вы меня... Что бы такое спеть-то?.. Эх, была не была! Бал-кадиша, Бал-кадиша... Есильди бойлап оскен тал Кадиша!

О н. Зверюга! Такие, как ты, называют создателей этих песен бродячими баксы, безродными шаманами! Раб! Безмозглый раб! Пошел вон!

М у л л а (*выпрямился, нос задрал, от бывшего испуга не осталось и следа*). Эй, конокрад, не особенно-то расходишь! Не я тебя выбрал предводителем, а советская власть, которая вчера канула в небытие! Дни твои сочтены!

О н. Солнце не устает встречать рассвет! Эй вы, паучки, сороконожки, разбежались по темным углам, дни считаете... (*Громко хохочет.*) Эй, навозный жук, ты хоть понимаешь, что это значит — солнце не устает встречать рассвет?

М у л л а. Смейся, смейся, несчастный!

Уходит.

О н. Интересно, а теперь какой жук приползет?.. Эх, судьби-нушка моя, горе горькое! И почему твердая душа облачена в столь хрупкую плоть?

Со скрипом отворяется дверь, через некоторое время в нее по-кошачьи прокрадывается Б и р т у г а н.

А-а! Вот оно что! Теперь твоя очередь? Заходи, будь гостем, располагайся!

Б и р т у г а н. Ассалау... брат мой, родной мой! *(Рыдает в голос.)* Что я вижу?! Батыр, герой!.. Чтоб глаза мои вытекли! *(Бросается к батыру, обнимает, тот брезгливо отстраняет его, Биртуган не обижается.)* Обидишь друга — обрадуешь врага, но я на вас не в обиде: бейте, секите, прогоните!

О н. Коварная душонка! Это же ты по-лисьи мел хвостом! Поздно я это понял и вот теперь в плену. Ты...

Б и р т у г а н. Признаю, брат мой, признаю! Это я! Я обманом заманил вас в ловушку! И я же спасу вас от смерти! Родимый мой!

О н. Что-то вас всех заело на одном, каждый с этим и приходит — спасу, помогу! *(Презрительно.)* Ладно, это по силам хану, мулле тоже можно верить, ну а ты кто такой? Кто ты, завравшийся вконец, серый братец мой?

Б и р т у г а н. Настоящий батыр не расходует силы по пустякам, не борется с кем попало. Мудрец — тот же силач, он не станет выказывать толпе свои ум и знания. Толпа не любит мудрецов. Не вырывайся вперед — она тебя затопчет. Потому, брат мой единокровный, ходил я, слившись с темной толпой, тише воды ниже травы. Я ждал, я, может быть, всю жизнь ждал этого момента, этого исторического мгновения! И вот он, этот миг, наступил. Кто я такой, спрашиваете вы? А вот кто! *(Рванул себя за ворот, на плечах засверкали золоченые погоны.)* Вот! Узнаете, родной мой братец?

О н. А-а, конечно, узнаю. Офицер царской армии. Подполковник!

Б и р т у г а н *(снимает китель, под которым другие погоны).* А эти погоны узнаете, командир?

О н. Это же турецкие погоны!

Б и р т у г а н. Так точно! И обеим я служу верой и правдой! Верите, брат мой?

О н. Верю, отчего же не верить. Хотя, думается, ты не только этим погонам прислуживаешь?..

Б и р т у г а н. Так точно! Под этими погонями есть еще погоны офицера английской разведки. Вас тут держат взаперти алашевские главари, а если пораскинуть мозгами, они все в руках вашего покорного слуги, то есть в моих руках. Верите?

О н. Ну, верю.

Б и р т у г а н. А вы меня никогда не ценили! За человека не считали!..

О н. И сейчас не считаю.

Биртуган. Значит, не верите!

Он. Поверю, если... прикажи освободить меня!

Биртуган. Проверить хотите? Хорошо! *(Зовет.)* Эй, охрана!

Входят два солдата.

Первый солдат. Слушаем, таксыр!

Биртуган. Мои слова для вас закон? Так ведь? Вам об этом говорили ваши господа?

Первый солдат. Да, таксыр, говорили!

Биртуган. Тогда слушайте мой приказ! Снимите кандалы с батыра!

Второй солдат. Будет сделано! *(Вытаскивает ключи из кармана и снимает кандалы.)* Готово, таксыр!

Он. Брат мой, дай я тебя обниму! *(Обнимаются.)* Ну вот, теперь я верю тебе...

Биртуган. Правда? Верите?

Он. Верю!

Биртуган. В чем-то еще сомневаетесь?

Он. Да есть тут одна... Достопочтенный хан, который якобы в твоих руках, только что пинал этих дурачков. А ты сможешь?

Биртуган. Только-то?

Он. Да.

Биртуган. Эй, болваны! Живо, встали ко мне спиной и нагнулись!

Первый солдат. Да вы что, сговорились, что ли?!

Второй солдат. Да... Чего...

Биртуган. Молчать! Гордость проснулась? Откуда она у вас? Это у людей есть честь и совесть, а вы разве люди?

Первый солдат. ...м-м-м...

Второй солдат. ...м-м-м...

Биртуган. Давай, давай, нагибайся!

Солдаты принимают соответствующие позы, Биртуган пнул каждого по разу, те попадали на пол. В этот миг Он, улучив момент, кинулся вперед и наступил на винтовки, что слетели с рук солдат. Биртуган видел это, но сделал вид, что не заметил, а когда повернулся, в руке его был наган.

Брат мой, вы подвергнули меня слишком легкому испытанию, а я ничего для вас не пожалею! Ничего и никого!..

С этими словами он стреляет в солдат.

Вот так, брат мой! Это вам не безобидные пинки по задам! Если хочешь показать свою преданность, покажи ее!

Биртуган пошел в дальний угол темной клетки, сел там и отвернулся. Батыр ошеломлен.

Все, что мог, я сделал для вас, а теперь застрелите меня и уходите!

Он. Что ты, что ты, брат мой, я, оказывается, не знал тебя! Если я уйду, они разорвут тебя! Пошли, пошли вместе, что бы там ни было!

Биртуган. Нет, родной мой, уходите один! И быстрее! Меня никто не посмеет тронуть! Если меня убьют из-за вас, значит, так тому и быть! Бегите!

Он. Что ты... братишка... что я, трусливый заяц... бежать?! Вот так без оглядки! Чтобы из-за меня погиб?! Нет-нет! Не могу!

Биртуган. Да вы что, командир?! Они сейчас будут здесь! Они же слышали выстрелы! Бегите, бегите скорей! Некогда спорить и не о чем!

Он. Нет! *(Садится на пол.)* Никуда я без тебя не побегу!

В камеру забегает Майишер.

Майишер *(успевает накинуть на батыра аркан)*. Да он тут и не собирается выскакивать, как я погляжу! На тогда, на тебе! *(Оттаскивает в сторону, подальше от двери и связывает по рукам и ногам.)* А я все жду и жду, думаю, когда ты выскочишь! Замерз уже, на курок не смею нажать, руки дрожат, вдруг еще промахнусь?!

Он. Черт возьми! Вот зверюга! Опять я прозевал!

Биртуган *(наводит наган)*. А ну-ка, развяжи брата моего!

Майишер *(пинком выбил наган из рук Биртугана)*. Ого, ты посмотри на него! Меня так просто не возьмешь! Тоже мне, вояка!

Биртуган. Приказываю развязать!

Майишер. Мой господин — Хан, и я исполняю только его приказы!

Биртуган. А я господин твоего господина!

Майишер. Я знаю, что Хан тебя побаивается, однако... мой господин именно он, и он мне приказал: мол, сейчас из своей клетки выскочит батыр, ты пристрели его. Я знаю только это! Я человек дела, я исполнитель! Мне было велено, и я исполню! Больше ничего не знаю и знать не желаю! Я ждал, я долго ждал, батыра не видать, а я замерз! Вот и пришел сам, все равно убивать, какая разница где и как, вот возьму и задую арканом!

Биртуган. Постой!

Майишер. Чего еще? Хан приказал, и все! Застрелить не удалось, придется задушить.

Он. Эх, не успел...

Биртуган. Я же говорил, умолял бежать!..

Он. Да с тобой все ясно! А я-то уши развесил! Вот этот пристрелил бы «при попытке к бегству»! Так бы записали, и все!

Биртуган. Брат мой!

Он. Лицемер!

Майишер. Пусть я собака вшивая... Командир! Я ведь тоже был когда-то твоим воином!..

Он. Все, не говори так! Не смей! Может, ты и скрывался полгода под личиной моего воина, однако верным мне товарищем не был никогда!

Майишер. Как хочешь. Не признаешь — не надо, твое право. Теперь мне оттого ни холодно, ни жарко. Все. Говори свое последнее слово!

Биртуган. Что бормочет этот балбес?

Он. Последнее слово, говоришь?

Майишер. Да!

Он. Теперь верю. Теперь это решено бесповоротно. Последнее слово... Есть у меня великий и несчастный народ... а несчастен он потому, что есть еще, живут и поганят белый свет вот такие вот. *(Кивнул в сторону Биртугана.)* Такие вот... Ради паршивой шкуры своей готовы сто раз на дню продать собственную мать... гладкие, жирные, могильные черви... мечтаю... мечтаю только об одном — поменьше бы таких, исчезли бы они вовсе с лица земли... очистился бы мой народ, просветлела бы душа его, и стал бы он наравне со всеми, с лучшими народами, поменьше бы разной погани...

Майишер. Пусть я собака вшивая... но эту твою мечту, батыр, я исполню! Всех перебить, конечно, я не смогу, но одного... *(Поднял пистолет с земли и выстрелил в Биртугана.)* На тебе! Тысяча таких не стоят ногтя твоего, батыр! Командир! Пусть я собака вшивая, но и у меня были свои мечты... Я всю жизнь мечтал быть таким же, как ты, батыром, таким же умным и красноречивым... Но убил человека, чтобы заработать кусок хлеба, а это ведь такое жуткое дело, начнешь, и уже остановиться трудно! Стал я кровопийцей, душегубом, что же мне делать, как быть?

Биртуган еще жив, застонал и приподнял голову. Майишер подошел к нему и не торопясь придушил.

Ступай! Тебя давно в аду заждались. *(Вернулся к батыру, опустился рядом.)* Пусть земля тебе будет пухом, командир! Ты чист и светел, всю жизнь боролся за счастье своего народа и вот теперь отдаешь ее за народ. Что же мне делать... такова жизнь, не убьешь — не поешь. А у меня дети малые... Мой господин велел... прощайся с этим светом. Пусть душа твоя попадет в рай, в райские кущи... Мне туда дорога

заказана. Меня тоже в аду заждались давненько уж... Значит, не встретимся больше, не увидимся... Говори же!

Он. Мне нечего говорить, я все сказал. Хотел посмотреть в глаза свободного своего народа, посмотреть и спокойно умереть, да, видимо, не доведется. Такова жизнь, вздыхаешь ты. Да, такова жизнь: вот и минула она в горестях и бедах. Помню, была такая песня... как там было? Жизнь моя, вот и ты покидаешь меня!.. Последняя просьба...

М а й и ш е р. Да, батыр, говори!

Он. Поверь мне на слово, убежать не стану, ты меня знаешь.

М а й и ш е р. Знаю, командир.

Он. Тогда развяжи меня и убей стоящим.

М а й и ш е р. Хорошо, командир, хорошо. Пусть будет потвоему. *(Стащил все три трупа в один угол и аккуратно сложил в ряд, тщательно проверил винтовки солдат, вынул затворы и сунул в карман, спрягал и наган Биртугана, лишь потом развязал батыра.)*

Ну, командир! Пусть я собака швивая...

Он. Будет тебе! Я готов! Эх, народ мой, братья мои, рассыпаны вы по степи, как зеленые горошины по столу!..

М а й и ш е р. Не спеши, командир, успеешь.

Он. Жизнь моя, вот и ты покидаешь меня!..

М а й и ш е р. Постой, батыр, не торопи... Застрелить оно, конечно, было бы легче, но ведь, черт ее дери, никакого удовольствия! Вот душить совсем другое дело... Бисмилля. *(Аккуратно берется за шею и душит батыра.)* Даже не застонал, родимый! Аминь. Место тебе в раю. Завидую тебе и жалею, твоя душа летит в рай, а меня ждут в аду. Ничего тут не поделаешь, от судьбы не уйдешь.

Снаружи хлопнул выстрел, застрочил пулемет, тысячи голосов слились в единое «ура!». «Красные уже в городе! Быстро они! Что же делать?» Уходит. Сцена безмолвна. Вбежал Б р а т. Оглядел всю сцену, увидел батыра, бросился к нему, обнял бездыханное тело.

Б р а т. Родимый мой, родимый мой! Что осталось нам теперь?! Что осталось нам, кроме этой проклятой жизни?!

В дальнем углу сцены показались два мальчика.

С т а р ш и й м а л ь ч и к. Крепко ты нарвался на этот камень. Вон, аж кость видна! Чего вылупился? Хоть бы поплакал, поревел бы, что ли!..

М л а д ш и й м а л ь ч и к. А мне не больно. Совсем не больно...

С т а р ш и й м а л ь ч и к. Я отдохнул, давай залазь на спину.

М л а д ш и й м а л ь ч и к. Нет! Хватит меня тащить! Сам...

Хромая, пошел сам. Старший мальчик, глядя на него, не выдержал, заплакал.

Старший мальчик. Тебе же больно!..

Прежняя сцена. Вбегает **Жена** батыра.

Жена. Любимый!.. Любовь моя! (*Застыла у порога.*)

Брат. Что осталось нам, что осталось нам, кроме жизни? Родной мой!

Два мальчика, один тащит на спине другого, уходят.

Старший мальчик. Потерпи, потерпи немного! Дом рядом, совсем рядом...

Младший мальчик. Горошины, горошины, зеленые горошины...

На сцене все смолкает.
Входят **Аксакал** и **Автор**.

Автор. Погодите чуток, аксакал! Куда это вы несетесь без оглядки? Убегаете? Не понравилась вам игра?

Аксакал. А-а, это ты. Я так тороплюсь, тут одно дело...

Автор. Аксакал, ну выскажите свое мнение, какое бы оно ни было! Попереживаю да переживу как-нибудь...

Аксакал. Скажу тебе честно, сынок, в душе у меня сейчас не сладко. Днем и ночью сидим у тельбизара... образ твой вот, характер, понимаешь... однако, что толкового может тебе сказать вчерашний колхозник, лучше оставь меня в покое...

Автор. Попереживаю, да переживу, аксакал. Не стесняйтесь, говорите правду.

Аксакал. Разве мой командир, мой батыр... чем он хуже того же Алпамыса или Кобланды, которые ни в огне не горят, ни в воде не тонут?.. А этот твой... как все мы, обыкновенный... из мяса и костей... простой человек!

Автор. Вот именно, аксакал! Вот именно! Именно это я и хотел сказать. Наш батыр — обыкновенный человек, как вы, как я, как любой из нас... простой... Только настанет такой день, такой момент, и он... и любой из нас...

Аксакал. Нет, нет, не говори так, сынок! И слушать не желаю! Мой батыр, он не такой, он — особенный! Они вообще святые души — герои! А ты хочешь сказать, что все они, как и ты, обычные смертные? Ты хочешь сказать, что он просчитался, прозевал, ошибся, чуть брата не убил... Нет-нет! Нельзя так! Нельзя!

Автор. Но ведь это правда! Батыр чуть не застрелил своего брата!

Аксакал. Правда... да, это правда, но... какая от того польза, что ты скажешь об этом сегодня? Только вред один: батыра высве-

тишь в нехорошем свете, молодежь от него отвернешь. Ты лучше брось это дело, дорогой. Разве мало батыр совершил подвигов, достойных его имени?! Почему об этом не пишешь? Копаешься в чем-то... А твои эти вымыслы мне не по нутру! Все, довольно. Оставь меня. Третий сын седьмого моего сына, то есть любимый внук, вернее, правнук от невестки моей Кыскашаш, вот этот сорванец заждался меня совсем, плачет, наверное. А если Кыскашаш рассердится, весь аул не находит себе места, крутой у нее нрав! Все, милоч, прощай! Ухожу. Ухожу. Ушел...

А в т о р. Аксакал, а, аксакал?.. Ну, а вы, вы, уважаемая публика, как считаете вы?..

Ожидая ответа, Автор замер на сцене.

З а н а в е с

Jim
u
mod cygbod...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А к т а й — член партбюро завода.

М а н д и б а й — заместитель директора завода, член партбюро.

А х м е т — директор завода, член партбюро.

Ж ы л ы м б а й — снабженец, член партбюро.

Р о з а — жена Актая.

А с е м к у л ь — секретарша.

З а р а — шустрая девушка.

Н а р к а р а — аппаратчик.

Н е с и п к у л ь — мать Наркары.

А н д р е й А н д р е е в и ч С к р и п к а — секретарь парткома.

Г а л и н а И в а н о в н а — член партбюро.

Т а й с о й г а н — мастер, член партбюро.

А к р а м ж а н — грузчик, член партбюро.

К а з т а й — молодой инженер, член партбюро.

С е р е г а — начальник цеха, член партбюро.

Действие первое

Лето 1980 года. События происходят в предгорьях Каратау на крупном химическом заводе.

Картина первая

ВО СНЕ И НА ЯВУ

В тот день Актаю приснился странный сон. Он — в комнате, вдоль стен чернеют уродливые тумбы с бычьими головами, рога у голов железные, заостренные и наточенные до блеска...

В центре сцены на диване лежит Актай. Он мечется и бредит.

Актай (*вскакивает, садится, пораженный*). Роза! Эй, Роза!

Входит Роза.

Роза. Что случилось? Бедняжка, кричишь как при смерти!

Актай. Что это?

Роза. О чем ты?

Актай. Куда делась обстановка из нашего дома?

Роза (*кажется, только поняла*). А-а... Ты о гарнитуре? Так я выкинула его на улицу! Почему ты спросил?

Актай. Ну, дорогая, ты в своем уме? Разве можно выкидывать совершенно новую мебель?

Роза. Прошло время — вот я и выкинула.

Актай. Нет, с тобой явно что-то не в порядке.

Роза. Мужчины вообще мало что понимают, а ты — один из них! Та твоя мебель уже вышла из моды! В моде теперь вот что! (*Показывает на тумбы.*)

Актай (*погрясен*). Это? Эти черные тумбы? Эти бычьи головы?

Роза. Да, это и есть современная мода!

Актай. Астапыралла...

Роза. Чему ты удивляешься?

Актай. Ты меня удивляешь!

Роза. Я?

Актай. Да, ты. Ты же была совсем другой...

Роза. Другой? Какой же?

Актай. Ты... была моей Розой! Ты не была похожа на тех, кто гоняется за модой...

Роза (*приходит в бешенство*). Ах-ха-ха! Оказывается, ты меня еще не знаешь! (*Наступает на Актая, будто хочет наброситься на него.*) До сих пор не знаешь! Я... я же раба моды!.. Теперь навсегда для меня и друг и супруг — мода! Понял ты — мода!

Актай. Астапыралла... Роза, неужели это действительно ты?

Роза. А-ха-ха! Не веришь, да? Если не веришь, запущу в тебя когти! Тогда поверишь... (*Бросается на Актая и начинает длинными ногтями царапать его лицо.*)

Актай (*кричит*). Роза!

Роза (*не отступая*). Что-о-о?

Актай. Прочь! Во-о-он отсюда!

Роза. Не уйду! Здесь мое имущество, если хочешь, уходи сам, а я никуда не уйду, не уйду, не уйду!

Актай. Ты называешь имуществом эти... вешалки?

Роза. Это все, чем я живу!

Актай. Ах, так?! (*Подбежав, пинает одну из тумб.*) Вот тебе! Вот!

Бычья голова на тумбе, которую пинал Актай, ревет и пристально смотрит на парня. Актай в испуге отшатывается.

Роза (*злорадно смеется*). А... а... ну как?! Ты хотел оскорбить новую Моду? На колени перед ней! Иначе пропадешь!

Актай (*оскорбленно*). Ты в своем уме, Роза?

Роза. А ты? Чего трясешься?

Актай. Я не узнаю свою жену.

Роза. Теперь у меня есть рогатые быки... Я тебя не боюсь!

Актай. Интересно, когда я тебя пугал, Роза?

Роза (*скорбно*). Всю жизнь...

Актай (*возмущенно*). Ах, так?!

Роза. Так!

Актай (*бежит по сцене и пинает все тумбы по очереди*). На тебе тогда, на, на, на!

Быкоголовые тумбы оживают, сыплют искры из глаз, покачивают рогами, мычат и режут. Актай хочет отступить, но с ужасом видит, что сзади на него наступают «быки». Все это сопровождается диким смехом Розы.

Роза. А-ха-ха! Ну как, мой батыр! Каково, а?!

Быкоголовые тумбы, ревя, со всех сторон окружают Актая.

А к т а й. Ро-о-о-за!

Затемнение.

Сцена освещается вновь. А к т а й лежит на диване в своей гостиной. Вытирает руки о передник, входит Р о з а.

Р о з а (*оживленно, доброжелательно*). Что случилось, ты кричал? Мне тут на кухне показалось. Ну, что с тобой?

А к т а й. Я звал тебя?

Р о з а. А что, не звал?

А к т а й (*растерянно*). Нет-нет!

Р о з а. Не может быть. Я слышала.

А к т а й. Да, пожалуй, и в самом деле звал... хотел узнать, готов ли обед...

Р о з а (*смеется*). Если б был готов, я б сама тебя позвала. Хотелось, чтоб ты немного поспал. Тебя ждут Жылымбай и Наркара.

А к т а й. Где они?

Р о з а. В беседке.

А к т а й. А сюда почему не пришли?

Р о з а. Я не хотела тебя будить...

А к т а й. Неудобно получилось! Зови их быстрее.

Роза выходит. Входят Жылымбай и Наркара.

Жылымбай (*чуть пригнувшись, угодливо*). Ас-са-лау-га-лей-кум, Ака!

Наркара (*бросает невразумительное*). Ас-с-с...

А к т а й. О-о! Входите, входите. Проходите на торь...

Парни рассаживаются.

Жылымбай. Вот, нагрянули. Ака, вы уж не обижайтесь!

А к т а й. За что? Я не видел еще казаха, которого бы обидел приход гостей, напротив, это радость. Разве не так?

Жылымбай. Оно верно, но заявиться к такому большому человеку, как вы...

А к т а й. Жылымбай, кажется, мы с тобой ровесники, а? Почему же ты церемонишься: со мной на «вы»? Не пойму я этого...

Жылымбай. Так-то оно так, Ака, но вы большой человек... Слава о вас идет по всей округе, а я простой снабженец, имею дело с одними железками да картошкой-мартошкой... Такие люди, как вы, — гордость всей области, сливки на бледной поверхности молока, ну а такие, как я, — не что иное, как абрат. Как я могу воспользоваться тем, что мы ровесники, и быть с вами запанибрата?

А к т а й. Эх, Жылеке, скажешь тоже, хоть стой, хоть падай!

«Гордость власти», «сливки», «абрат». И откуда ты только выудил эти словечки? Ведь любой человек — прежде всего человек, разве не правда?

Жылымбай. Так-то оно так... но все же, Ака, ваше положение особое. Что будет, если каждый станет входить к вам в дом без стука и спроса? Да... но я хотел сказать не об этом... Ака, мы узнали, что вы скоро отправляетесь в дорогу... Выезжаете за границу. Говорят, едете надолго. Целых полгода мы будем лишены возможности вас видеть. Как тосковать-то будем!

Актай (*машет руками*). Ты... ты...

Жылымбай (*перебивает*). Но я не об этом, Ака. Вот ваш братишка Наркара... надумал тоже... имеет к вам большое дело... Сам прийти он не решился и попросил меня пойти с ним. Разве легко прийти к такому человеку, как вы?

Актай. Я же и без тебя хорошо знаю Наркару.

Жылымбай. Конечно, вы его хорошо знаете, Ака, но я не об этом. Ваш братишка хоть и неуклюж с виду, но оказался... как его... рационализатором. Он что-то там сделал со своим станком, железки какие-то сдвинул туда-сюда, и от этого, представьте, большая польза получается для завода, да что там завод — для всего государства! Сами знаете, Ака, я не химик, не механик, я, бедняга, простой снабженец и, конечно, ничего не понимаю в мудреных чертежах. Мое дело — просто помочь близкому человеку, стать между вами посредником! Мне и этого хватит!

Актай (*смеется*). Как ты говоришь: «какие-то железки туда-сюда»?

Жылымбай. Да, да, да, Ака! Я не инженер, не химик, я всего-навсего простой снабженец. Вы уж помогите этому парню.

Актай. Если ты простой снабженец, то я простой рабочий, и поэтому мы оба имеем одинаковое отношение к открытию Наркары.

Жылымбай. Хе-хе! Не скажите, Ака, не скажите! Вы не сравнивайте себя со мной — беднягой! Нас даже мысленно сравнивать грех! Кто я и кто вы. Вы можете одним словом, одним движением бровей помочь этому парню... Он нам не чужой, свой, аульчанин, вот и протянули бы ему руку.

Актай. А ты, Наркара, почему молчишь?

Наркара (*смущенно*). Я?.. Что я?

Жылымбай. Вы не удивляйтесь, Ака, он всегда такой... Знает только свою машину. Из-за своей молчаливости и дикости до сих пор холостым ходит. Не имеет подхода к женскому полу. Его мать, наша женге, стоит мне только показаться в ауле, сразу хватается за ворот: почему братишку не женишь, почему не сделаешь из него человека? А что я могу? Я бы и рад проверить такое дельце, да, жаль, он неспособный к этому.

А к т а й. Ты, Жылеке...

Жылымбай. Да я не о том, Ака! Просмотрите сначала сами его дело, а потом замолвите словечко этому... Мандибаю. Наш Наркара давно уже сделал открытие. Отнес чертежи к Мандибаю, чтобы тот взглянул, а они валяются у него уже полгода. Вот человек — ни рыба ни мясо, скользкий, как угорь, попробуй такого поймать.

А к т а й *(смеется)*. Эй, Жылеке, как ты говоришь о заместителе директора!

Жылымбай. Ака, вы же знаете, что иногда я режу правду-матку в глаза. Чего мне скрывать? Об этом джигите я думаю именно так. Никто не ведает, чем он, собственно, занят. Ходит, все время поджав губы, словно в рот воды набрал. Неизвестно, что у него на душе. Да бог с ним, с этим джигитом...

А к т а й. Это твое личное мнение?

Жылымбай. Да, да, Ака, мое личное! На заводе что есть он, что нет его — все едино, никто не заметит.

А к т а й. По-моему, ты чересчур хватил! Но и вправду, что есть он, что нет его!

Жылымбай. Вот-вот! Вы и сами так думаете, Ака! И вообще, у нас подбор кадров, поставлен, скажем прямо, неправильно! Этот самый Мандибай вот уже полгода водит за нос Наркару. Совсем измучил беднягу! Одно бы ваше слово, Ака... Что ж, мы так и позволим измываться над Наркарой кому попало?

А к т а й. Ладно. Ну давай сюда свои бумаги. Хоть я и не инженер, но чертежи прочесть, наверное, сумею. Давай посмотрю!

Жылымбай. Ну, вот и ладненько, а то заскромничали, мол, я всего простой рабочий. Как будто мы не знаем, кто вы! Одного вашего слова достаточно, чтобы передвинуть небольшой город с места на место!

А к т а й *(строго)*. Опять? *(Смотрит на чертеж то так, то эдак.)* М-м-м, значит, так... так... м-м-м... Ну, объясни теперь сам.

Наркара. Вот это, Ака, вы сами знаете, ну, это самое, вот у этого и того... забарахлило... и мы это самое... делали... как его... ну, брак. Ну, и чтобы исправить это, надо вот это сделать так, а потом так, и тогда это будет вот так... и брака... того, не будет.

А к т а й. Наркара, дорогой, а ты заправский оратор, как я погляжу!

Наркара. Ака, вы извините, но я к этому не очень. А говорить я не того, это верно... И мама все время ругает, что я не того, но я действительно не того, Ака!

Жылымбай. Что хорошо в этом парне, так это то, что он ничем не интересуется, кроме своей машины. Он человек дела, Ака, человек дела!

А к т а й *(смеется)*. Значит, ты сам все это... того?

Наркара. Да, я сам, Ака, сам.

Акт ай. И чертежи... того?

Наркара. И их, Ака.

Акт ай (*подражая Наркаре, но чтобы не обидеть его. Шутливо*). Конечно, я не инженер... Но если я того... (*Стучит себя по лбу.*) То в этой твоей штуке что-то есть. Так что идем к Мандибаю, а если его нет, пойдем к Казтаю.

Жылымбай собирается рассыпаться в благодарности, но тут видит незаметно вошедшую Розу.

Роза. Куда это вы собрались? Нет, не пойдете. Обед готов, мойте руки...

Жылымбай. О, айналайын, моя сиятельная женге! То-то и оно! Из этого дома никто не уходил, пока не лопалось его брюхо, а как же иначе!

Картина вторая

НА ЯВУ И ВО СНЕ

Приемная и кабинет директора завода. Секретарша — девушка по имени Асемкуль — печатает на машинке. Входят Акт ай, Жылымбай и Наркара. Асемкуль, вскочив, здоровается с ними.

Асемкуль. Здравствуйте. Здравствуйте, Акт ай-ага, вас искал Ахмет Галиевич. Я звонила вам, и Роза-апай сказала, что вы пошли сюда.

Акт ай. Он один? (*Кивает в сторону кабинета.*)

Асемкуль. Они вдвоем с Андреем Андреевичем. (*Нажимает на стоящий перед ней тумблер.*) Ахмет Галиевич, пришел Акт ай-ага. (*Слушает.*) Акт ай-ага, входите, а вы, Жылымбай-ага, извините, пока подождите здесь... и вы подождите... (*Последнее относится к Наркаре.*)

Акт ай. Посидите пока здесь. Я сейчас.

Освещается кабинет директора завода. В кабинете сидят Ахмет и Андрей. Входит Акт ай.

Ахмет. Проходи, Акт ай, проходи, садись. Мы уже давно ищем тебя. Если точнее — тебя искал не я, а Берекен.

Акт ай. Зачем? Мы же только вчера были вместе на бюро.

Ахмет. Видишь ли, он не знал, что ты завтра улетаешь на Кубу. Сам он только что вылетел в Алма-Ату...

Акт ай. Но как же тогда...

Ахмет. А вот так... Ты ведь пробудешь в Москве два-три дня?

А к т а й. Вероятно.

А х м е т. Значит, Берекен тебе поручает следующее. Сам знаешь, что наша область на протяжении пяти-шести лет сидит почти без воды. Воды не хватает ни для производства, ни для сельского хозяйства...

А к т а й. Да, это мне хорошо известно...

А х м е т. Что там говорить! Так вот, наши инженеры нашли новый способ, новый метод решения проклятой проблемы. Их соображения и расчеты лежат вот в этой черной папке. Берекен хочет, чтобы ты захватил ее с собой в Москву. Видишь ли, этот проект торознули. Надо сделать так, чтобы дело опять завертелось.

А к т а й. Но разве это в моих силах?!

А х м е т. У тебя же есть твоя знаменитая улыбка. «Улыбка-камнеплавительница»!

А к т а й смеется.

Во-во-во, эта самая! Эта твоя обольстительная улыбка обезоружит самого непреклонного человека. Не знаю, как другие, но я всегда сам поднимаю перед тобой обе руки.

А к т а й. Тогда, Аха, будьте осторожны!

А х м е т. Как это?

А к т а й. Я сейчас поверну «камнеплавительницу» против вас!

А х м е т. Ты о чем-то хочешь просить? *(Смеется.)*

А к т а й. Избавьте меня от вашей черной папки.

А х м е т. Э, нет! Нельзя! Обратись с этой просьбой к Берекену.

А к т а й. Но ведь он сейчас в Алма-Ате. А моя улыбка не действует на расстоянии.

А х м е т. Не говори так, А к т а й. Благодаря «камнеплавительнице» мы построили стадион и Дворец культуры.

А к т а й. Ну вы и скажете!

А х м е т. Чего ты засмущался? Всем известно, что благодаря именно тебе мы не раз брали большие суммы.

А к т а й. Стадион, Дворец культуры — все это мелочь. Но эта черная папка...

А х м е т. А что такого?! Нацепишь на грудь звездочку, флажок и гордо войдешь в Госплан. Войдешь и пустишь в ход свои чары.

А к т а й. Скажите лучше — «спустишь с цепи», Аха! Вот мы смеемся... А ведь эта цепочка многовато весит... Тут нужны такие люди, как Берекен, а мне это не по зубам.

А х м е т. Это и сам Берекен знает. Он просил передать тебе — большой зуб нельзя сразу рвать. Сначала его надо раскачать, ослабить, чтобы потом было легко рвать. Пусть, говорит, А к т а й пойдет и раскачает людей из Госплана, а потом, говорит, и мы посмотрим.

А к т а й. Да, действительно, больной зуб сначала надо раскатать... раскатать...

А н д р е й. Вот и раскатайте, Актай Сангирбаевич! Ведь мы тут молимся на вас!

А к т а й. Ладно, не знаю, что из этого выйдет, но ясно как день, что придется подчиниться. *(Встает с места.)*

А х м е т. Посиди еще, разговор есть. От тебя у нас секретов нет.

А к т а й. Как хотите. *(Садится.)*

А н д р е й. Да, Актай Сангирбаевич, может, хоть ты образумишь его, а то наш Ахмет Галиевич задумал что-то нехорошее.

А к т а й. Что именно?

А н д р е й. Говорит, на пенсию собрался, возраст, говорит, давно подошел, молодым, говорит, надо место уступать...

А к т а й. Бросьте, Аха! Вы что, в самом деле?

А х м е т. Такими вещами не шутят. Мне уж скоро семьдесят как-никак. Пришло время. Я с шестнадцати лет на заводе. Когда мы в сорок седьмом пришли сюда искать место, чтобы заложить первый камень, здесь только ветер гулял. Тогда я был тридцатитрехлетним инженером. Теперь к этим тридцати трем прибавилось еще столько же. Если завод доволен мною, то и у меня на него обид нет. Я отдал ему все силы, всю душу, считал его своим детищем. Но теперь вижу: детище повзрослело, и не только повзрослело, но и превратилось в гиганта, которым уже и управлять-то не под силу. Да... не всегда замечаешь, когда повзрослело твое дитя... Не хочется быть похожим на ту старуху, которая с прутиком гоняется за сорокалетним сыном. Не зря казахи говорят: пока ты еще в уме — будь на своем месте. Я решил последовать этой пословице. Конечно, что кривить душой, не скажу, что я сразу и легко пришел к этому решению. Ведь тоже раб божий из плоти и крови и не лишен гордыни. Иногда кажется, что без меня, без моей руки заводу крышка, без меня молодежь разбредется кто в лес, кто по дрова. Вот какие порой мысли посещают мою седую голову! А ведь это и есть гордыня! Прибавь к тому нашу казахскую психологию — какой казах поверит, что я ушел по собственному желанию. «А, скажут, выжили!» И возблагодарим бога, если успокоятся на этом, а могут пойти дальше, мол, «нахватался» или «заелся»? Долго я маялся, пока оглядывался на всех и каждого, пока, наконец, решительный Ахмет не победил во мне мелочного Ахмета! Я достиг своей вершины, подошел к своему рубежу. Теперь все — точка! Железный храбрец Тимур говорил: пока этот мир с позором не сверг тебя, посмейся над ним и сам оставь его! Прожить с честью в этом мире — искусство, но уйти с честью — искусство вдвойне! Если гость слишком долго засиживается, он обуза для хозяина. Я не хочу быть таким гостем! Я решил окончательно, и переубедить меня — напрасный труд.

А к т а й (в волнении вскакивает с места). Как же так, Аха, разве так можно?..

А х м е т. Нужно, дорогой Актай, нужно.

А к т а й. Эй, Андрей, скажи что-нибудь этому человеку!

А н д р е й. Что я ему скажу! То, что он сказал тебе, и я уже слышал. Характер Ахмета Галиевича мы, слава богу, знаем, он из тех, кто семь раз отмерит, прежде чем один раз отрежет, так что вряд ли мы его уговорим. Остается одно — закрыть дверь кабинета и побить его.

А к т а й. Ты думаешь, Андрей?

А х м е т (Актаю). С 17-ти лет ты у меня на глазах. Разве было, чтобы я сказал что-нибудь дважды?

А к т а й. Не было такого, Аха!

А х м е т. Тогда зря не старайся. Я открылся вам не для того, чтобы решать — уходить или нет. Я хотел посоветоваться с вами о том, кого можно рекомендовать на это место. Возможно, наверху не согласятся с нашей рекомендацией, но и не посчитаться с нашим мнением тоже не смогут. Вот я и хотел, чтобы не ошибиться, не остаться завтра с носом, посоветоваться с вами.

А к т а й. Эх, Аха, я знал, что вы крупный человек, знал, но мне и в голову не приходило, что вы такая... личность!.. Извините, вы сами только что сказали, что я рос у вас на глазах... За эти годы я ни разу не хвалил вас в глаза... Не посчитайте мои слова за лесть... Я действительно не думал, что вы вот такой...

А х м е т (смеется). Какой?

А к т а й (немного растерявшись). Ну... вот такой...

А х м е т. Ладно, Андрей, Актай, успокойтесь. Давайте лучше подумаем, кого можно рекомендовать?

А н д р е й. Ну как, Актай, придется покориться?

А к т а й. Что делать.

А н д р е й. Да, кого? В самом деле, кого? Мы, оказывается, и не думали до сих пор над этим!

А н д р е й. Я что-то никого не могу припомнить.

А к т а й. Да и я не припомню никого подходящего.

А х м е т (поняв, что только он может прервать затянувшееся молчание). Вижу, затрудняетесь. И я затруднялся. Чего скрывать — и наверху затрудняются.

А к т а й. Выходит — они знают!

А х м е т. Знают, знают. Уж больше месяца, как знают. Уступили мне и ищут человека. Я потому держу с вами совет, что они просили помочь!

А н д р е й. Но вы никогда зря ничего не обещаете. Значит, есть кто-то у вас на примете?

А х м е т. Действительно, есть. Но я удивлен, что это имя не приходит вам в голову.

А н д р е й. Так кто же он?

А к т а й. Да, кто?

А х м е т (*смеется*). Да Мандибай же!

А н д р е й. Ман-ди-бай?!

А к т а й. Ма-а-ан-ди-бай?!

А х м е т (*первым нарушает повисшее молчание*). Вот, вот! И никто не помнит его имя! А почему? Потому что Мандибай — образцовый человек! Инициативный! Добросовестный исполнитель! Вот, к примеру, в машине много разных деталей, но обращает на себя внимание лишь одна. Это — мотор. Почему, как вы думаете?

А к т а й. Потому что от него зависит, заработает машина или нет.

А х м е т. Это верно. Мотор — основная деталь. Но мотор обращает на себя внимание не из-за этого.

А н д р е й. А из-за чего?

А х м е т. Из-за грохота! Мотор — ревет, грохочет, стучит, кашляет, чихает, вопит, воет, даже свистит иногда. Мотор всегда напоминает, что он есть. Но существует множество деталей, не менее необходимых, но о них не сразу вспомнишь, ибо все они выполняют свои обязанности молча. Пока эти детали не ломаются, их не замечают, а когда ломаются, машина останавливается, вот тогда и хлопаешь себя по лбу!

А н д р е й. Понятно, Ахмет Галиевич! Вы хотите сказать, что Мандибай — важная деталь, молча выполняющая свои обязанности.

А х м е т. Вот именно. Мандибай тоже растет у меня на глазах, из рядового инженера вырос до первого заместителя директора. Ни в чем предосудительном не замечен. Сами знаете — положиться на него можно, из него и клещами слова не вытянешь. Мы с ним соседи, так у него и в семье — полнейший покой, никакой суеты — ни гостей, ни знакомых, ни с кем не общается, живет сам по себе.

А н д р е й. А может, в его скрытности нет ничего хорошего?

А х м е т. Что ты, Андрей! Мне лично нравятся люди способные, сдержанные, сосредоточенные. Такие никогда не подведут.

А к т а й. Конечно, вы его лучше знаете, чем мы. Поэтому... Не зря в народе говорят: в тихом омуте черти водятся. Может, подумаете еще?

А х м е т. Как бы там ни было, про себя я уже решил. Чего скрывать, думаю, и там, наверху, прислушаются.

А к т а й. В таком случае, за чем же дело стало...

Все встают.

Затемнение. Вновь освещается приемная, где ждут Актая Жылымбай и Наркара. Секретарша Асемкуль сидит за своим столом.

А с е м к у л ь. Актай-ага, вас...

Жылымбай (*перебивает*). Ойпырмай, Ака, еле дождались! Но, конечно, я не о том. Мы ведь знаем: когда такой большой человек, как вы, входит к такому человеку, как Аха, то они всегда засиживаются, решают большие-большие проблемы. Я хотел сказать — мы опять упустили этого проходимца. Он сам сюда пришел, ну я и говорю ему: тебя Актай-ага ищет, подожди, он сейчас выйдет, а он посмотрел на Наркару и, кажется, сразу понял, зачем он понадобился, сказал «сейчас приду», и был таков. С тех пор сгинул. Пусть я ослепну, Ака, если видел когда-нибудь такого проходимца, как Мандибай. Это самая настоящая ящерица, от которой, даже если и поймашь — ничего в руках, кроме хвоста, не останется. Да и по виду его, проклятого, не отличишь от ящерицы.

А к т а й. Не надо, Жылымбай, не говори так, ведь Мандибай — парень довольно симпатичный.

Жылымбай. Ака, никто лучше меня не знает, у кого что прячется за душой!

А к т а й. Вот как? (*Испытующе смотрит на Жылымбая.*)

А с е м к у л ь. Актай-ага, Роза-апай звонила дважды, искала вас. Я сейчас соединю. (*Набирает номер.*) Алло, Роза-апай? Пожалуйста, говорите с Актаем-ага.

А к т а й (*берет трубку*). Да, что случилось? Почему ты так... (*Бросает взгляд на Жылымбая и Наркару.*) Да, они здесь, рядом... м-м-м... ну, ладно, понял, понял. (*Кладет трубку.*) Итак, Наркара, Жылымбай, сейчас опять идем к нам.

Жылымбай. Что-то случилось?

А к т а й. Там узнаете, пошли.

Картина третья

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЯВИ И СНА

Гостиная Актая. Входят А к т а й, Жылымбай, Наркара.

А к т а й. Роза! Эй, Роза! Где ты там? Ни во дворе, ни дома, куда она пропала? Роза, эй, Роза! Позвала нас, а сама куда-то делась! Роза! Роза!

Из спальни с лукавой улыбкой выходит Роза.

Р о з а. А-а-а, пришли? Значит, вас можно заполучить только обманом...

А к т а й (*пораженный, не понимает жену*). Роза, т-т-ты в с-своем у-у-уме? Что это значит?

Р о з а. Сейчас поймешь!

Из спальни выбегает старуха Несипкуль с гибким прутиком в руках.

Несипкуль. А-а-а, попался, проклятый! *(Бросается к Наркару. Тот убегает от нее, в испуге не знает, куда спрятаться.)* Ах, черт долговязый, я покажу тебе, как бегать от родной матери, чучело! *(Хлещет прутиком согнувшегося в три погибели парня.)* Ишь, как легко хотел избавиться от меня! Вот тебе, вот, вот, вот!

Наркара. Апатай, апатай! За что меня так?

Несипкуль. Он еще спрашивает?! Уже полгода, дорогой мой Актай, дорогой Жылымбай, дорогая Роза, как я не могу поймать этого недотепа! На завод не попадешь. Не пускают. Каждую неделю таскаюсь в общежитие, а он то ли предупредил там всех этих тужурных, никогда его не найдешь — прячут. Все время твердят, мол, только что был, а где сейчас, не знаем! О, недотепа! Где это видано, чтобы бегали от родной матери! Дорогой мой Актай, дорогой мой Жылымбай, дорогая моя Роза, с каких это пор дети от родной матери бегут, как от демона смерти Азраила? Дорогие мои, что это за напасть такая?! Что за закон такой?! Дорогие мои Актай, Жылымбай, Розажан, ведь все эти ваши казит, тлебезер изо дня в день повторяют: уважай своих родителей, уважай, уважай, уважай! Так почему не слушает их этот сопливый? Актай, Розажан, Жылымбай, я родила и вырастила девятерых сыновей, и чем же они мне отплатили? Восемь сыновей ухватились за подола восьми невест и ушли! А этот? Чем порадовал меня этот недотепа, которого я считала своим младшеньким, хозяином шанырака, наследником отца своего Курымбая, тридцать лет терпевшего и не поддавшегося застрявшей в лопатке фашистской пуле?! От кого бежит? Над кем измывается? От матери! Над матерью! Вот что мучает меня! Не прощу злодея, прибью на месте! Вот тебе, вот, вот!

Наркара. Апатай, апатай!

Актай. Успокойтесь, апа, успокойтесь! Поделитесь со мной вашей обидой. Сядьте поудобней, возьмите себя в руки. Давайте поговорим. Скажите, что натворил ваш сын? Вот Жылымбай, вот Роза, давайте мы сейчас все вместе возьмемся за вашего озорника!

Стоило Несипкуль сесть на диван, как она сразу преобразается. Говорит спокойно, буднично.

Несипкуль. Уф, ох и устала же я, ноги подкашиваются! Ну, Актай, Жылымбай, благополучно ли поживаете?

Актай. Да, не жалуемся, спасибо!

Жылымбай. Не жалуемся, апа, не жалуемся! Живем там же, где и жили. Вот если бы и в нашем доме навели, как сейчас, порядок! Похоже, этому дому не хватает вашего прутика. Вы уж объясните, что натворил этот неслух? А мы уж тут возьмемся за него хорошенько!

Несипкуль. Эй, недотепа, скажи вот перед старшими, почему ты от меня бегаешь?

Жылымбай. Да, объясни.

Роза. Ну, давай, говори нам!

Роза смеется, она конечно же знает, в чем дело.

Наркара. Ну она... того... сама...

Жылымбай. Ну?

Роза. Давай, давай!

Наркара. Пристала — найди, мол, жену...

Несипкуль. Эй, безголовый, мне жена не нужна, она тебе нужна, а мне нужна невестка. И я тебе не говорю, чтобы ты привел первую попавшуюся! Мне нужна дочь старухи — соседки Бактыгуль — Зара. Я о ней говорю, хочу, чтобы ты ее привел! Эта востроглазая старуха, чтоб ей пусто было, опозорила меня до невозможности. Пробрала до костей! Говорит, мол, сыновья Несипкуль, не успев жениться, рука об руку уходят со своими женами, поэтому я не отдам свою дочь за ее младшего. Вот какую чушь позволяет себе эта развалина! До коих пор востроглазой нечисти издеваться надо мной, дурень? Приволоки в мой дом, как собаку, эту ее вертихвостку Зару, сделай своей женой хотя бы на день, а потом, если хочешь, гони обратно! Мне хватит и того, если ты бросишь мне в ноги эту востроглазую надменную Бактыгуль. Все дети при ней, так она и задрала нос, помело проклятое!

Жылымбай. Эх-хе-хе, значит, вы просто злитесь на свою соседку и хотите ей отомстить?

Несипкуль. Пусть не заносится! Никому не позволю унижать себя! Разве я для этого растила девятых сыновей!

Наркара. Вот видите... она всегда так... как же... того... не убежать?!

Жылымбай. О-о, от такой, как наша апа, наверное, не убежишь!

Несипкуль (*резко оборачивается к Жылымбаю*). Эй, чего это ты... языком замолол?!

Жылымбай. Ойбай, апа, виноват, я нечаянно, апа, простите, апа!

Несипкуль (*будто поняв свою неправоту, смеется*). То-то же! (*Обернувшись к своему сыну*.) Эй, скажи вот перед старшими, перед своей Розой-женгей — заткнешь ли ты рот этой сплетнице Бактыгуль, сделав моей невесткой дочь ее Зару?!

Наркара. Ы-ы-ы...

Несипкуль. Ты что, пшена в рот набрал?

Наркара. Ы-ы-ы...

Р о з а (*хочет поддеть Наркару*). Да разве Зара посмотрит на такого парня! Зара — это же огонь, пламя! Зара — это...

В этот момент раздается звонок в дверь.

Кажется, она!

Н а р к а р а (*испугавшись, лезет под стол*). Она... она... З-з-здесь?.. Н-но к-как?..

Р о з а (*настойчиво*). Возьми себя в руки! Ростом ты здоров, а сердце как у зайца!

Затемнение.

Картина четвертая

Маленькая кухня. На сцене шустрая, подвижная З а р а и Р о з а.

З а р а. Здравствуйте, тате, как поживаете? Как живет Актай-агай? Как ваше здоровье? Как ваши дети? Что-то их не видать. Они, наверное, в лагере, да? Я все хочу спросить и все забываю, скажите, наверное, нелегко быть женой известного человека? Вы, наверное, с ног валитесь, да, тате? Но зато у Актая-ага характер спокойный, мягкий, как перина! И все же быть женой известного человека — это, наверное, ой-ой-ой, да, тате? А ответственность какая!

Р о з а (*смеется*). Ты сядь, успокойся. Вопросы свои задашь потом, а то зарядилась с ходу...

З а р а. Да, да... Ну вот я села, а вы, тате, скажите теперь, — вот когда вы выходили замуж за Актая-ага, вы знали, что он станет известным человеком?

Р о з а. Откуда мне это было знать?! Когда мы с ним познакомились, он был смуглый худощавый парень, не способный сказать ни бе ни ме.

З а р а (*звонко смеется*). Ни бе ни ме — ой, как вы здорово сказали! Но ведь, тате, Актай-ага хорошо говорит на собраниях!

Р о з а. Говорят, если бить, можно и аллаха забить до смерти. Затаскали по разным собраниям, вот он и заделался оратором.

З а р а. Значит... потом... и он сможет стать оратором, да, тате?

Р о з а. Ты о ком?

З а р а. Ой, стыдно-то как! Что это я несу, тате?

Р о з а. Да о ком ты?

З а р а (*пытается отвертеться*). Да я так просто... сорвалось с языка...

Р о з а. Эй, девчонка, хочешь что-то скрыть от меня? А ведь я и без тебя все знаю!

З а р а (присаживается как оглушенная). Да ну! Знаете? А откуда?

Р о з а. Знаю, знаю.

З а р а. Если знаете, скажите, как он выглядит?

Р о з а. Рост — во-от такой! Плечи — во-от такие!

З а р а. И в самом деле все сходится. А на какую букву начинается его имя?

Р о з а. Имя? На букву «Н».

З а р а. Ужас! А на какую букву кончается?

Р о з а. На букву «а».

З а р а. Кошмар. Вы... вы... верно нашли... но откуда вы его знаете, а, тате?

Р о з а (и сама удивленная тем, что разгадала тайну девушки). Кто же не знает Наркару? Да и сам он вообще-то симпатичный!

З а р а. Конечно, тате! Вот только... это... ни бе ни ме, да, тате?

Р о з а. Да он бросит скоро эту привычку, увидишь.

З а р а. Правда?

Р о з а. Конечно!

З а р а. Ах, если б вы знали, как меня бесит его бычье молчание. Я просто из себя выхожу. И чтобы досадить ему, начинаю строить глазки другим мужчинам, хочу, чтобы он заревновал, чтоб сказал мне что-нибудь... но он такой... такой... противный — молчит, и все тут, все равно молчит! Ох и злюсь же я тогда — не мо-гу! Так и хочется броситься на него, расцарапать упрямую физиономию! Это он из-за меня перевелся в другую бригаду, от меня убежал. Ну, погоди, проклятый! Но он еще исправится, да, тате?

Р о з а. Потерпи немного, я возьмусь за этого растяпу.

З а р а. Хорошо, тате! А то у меня уже стало привычкой заигрывать с каждым встречным-поперечным. А может, кто знает, так и выйду за кого-нибудь другого? А тате?

Р о з а. Нет, дорогая, чепуха все это. Не смей так говорить. Ты же не такая. Я же знаю тебя. Знаю!

З а н а в е с

Действие второе

Картина первая

СНОВА СОН

Все в той же гостиной, на том же самом диване, Актай увидел сон, причем очень интересный. Во сне гостиная показалась ему намного просторней, чем обычно, никаких сервантов, стенок — пустота. Быкоголовые, железнорогие тумбы украдкой, медленно поползли к дивану. Он хотел крикнуть: «Роза», но только прохрипел: «Р-р-р!» В пустую комнату вошел Наркара. Сначала он застыл, пораженный зрелищем медленно ползущих к дивану тумб-быков, потом вышел наперерез этим чудовищам...

Зажигается свет. Гостиная Актая. На сцене огромные черные тумбы с бычьими головами.

Посредине сцены — Наркара.

На диване лежит Актай.

Наркара. Откуда взялась эта нечисть?! Прочь, эй, прочь!

Быкоголовые тумбы грозно ревут.

Прочь, эй, прочь, ишь, что делают, а?!

«Быки», сверкая железными рогами, монотонно ревут.

Прочь, эй, прочь! Ойпырмай, что за напасть такая?! Зара! Зара!

Входит Зара.

Зара (с издевкой). А-а! Наконец-то, ты назвал мое имя! Конечно, как говорится, и батыру жить хочется! Ты же молчал всегда, как занузданный вол, так что же теперь, а? Каково? А? Да, тате?

Наркара. Что?

Зара. Да, тате!

Наркара. Если из твоих слов я ...того, то пусть я буду... того...

Зара. А-а-а-ах, та-а-ак?! Да, тате! Да, тате!

С каждым «Да, тате!» быкоголовые тумбы, сверкая остроконечными рогами, издают устрашающий рев. Наркара в тисках, Наркара при смерти, Наркара задыхается. Еще мгновение, и острые рога пронзят его. Актai ворочается на диване.

А к т а й. Роза!!!

Один из быков (кричит). Это же собака, собака! Ну-ка, на рога ее, на рога!

Быки свистят и ревут.
Наркара с Зарой застыли, потеряв дар речи.

А к т а й. Роза! (Ворочаясь, падает с дивана.)

Затемнение.

Снова гостиная Актai. А к т а й сидит на полу, почесывая затылок.

А к т а й. Приснится же такое! Ро-за! Ро-за!

Входит Р о з а.

Р о з а. Солнышко мое, ты кричал, как при смерти. Что случилось? Почему ты сидишь на полу?

А к т а й (садится на диван). А?

Р о з а. Выспался?

А к т а й. Да вроде.

Р о з а. Если вроде, то вставай и умывайся. К тебе гость пришел.

А к т а й. Кто это еще?

Р о з а. Жылымбай. Он давно уже пришел. Но я ему объяснила, что ты два дня не спал. Пусть, говорю, отдохнет, придет в себя. Коро-че, не пустила к тебе. Теперь на кухне чайком его балую.

А к т а й. Роза, и когда ты успела стать такой бюрократкой? Зови его, стыд-то какой!..

В дверях показывается Жылымбай.

Жылымбай. Я и сам иду к вам, Ака, сам иду! (Согнувшись в поклоне, протягивает руки.) Ас-са-лаума-га-лей-кум, Ака!

А к т а й. Алейкум салам, Жылымбай.

Жылымбай. Ойпырмай! Пожать вашу руку... все равно что пожать руку хаджи. Вы не на Кубу съездили, а хадж совершали, хадж! О, если б это было в доброе старое время! Люди стали бы целовать подол вашего платья, так-то.

А к т а й (удивленно). Чего это ты, Жылымбай?

Р о з а. Я пойду приготовлю что-нибудь.

Жылымбай. Я ведь правду говорю, Ака, как на духу. Разве легко оказаться на другом конце земного шара и учить людей другой

нации премудростям химии? Скажите мне, кто из казахов добивался такого? Нет-нет, Ака, нельзя быть слишком простым, слишком скромным. Лично у меня, когда я увидел вас в программе «Время», чуть сердце не разорвалось от радости.

А к т а й (*делает вид, что сердится*). Жылымбай!

Жылымбай (*прижимает руки к груди*). Ей-богу, Ака! Я как вскочил да как закричу: «Это же наш Ака передает кубинцам свой опыт!» То-то смеху было, ей-богу. Насмешил собственных детей!

А к т а й. Ну, ладно, успокойся. Здоровы ли твоя жена, детишки?

Жылымбай. Хорошо, Ака, здоровы.

А к т а й. А сам как поживаешь?

Жылымбай. Хорошо, Ака, очень хорошо! Повезло нам с начальником, Ака, очень повезло!

А к т а й. Не понял, о чем это ты?

Жылымбай. Я о Мандеке говорю!

А к т а й. Что, разве он стал директором?

Жылымбай. Ойбай, что вы говорите, Ака! Не прошло и двух-трех дней после вашего отъезда, как Мандеке сел на благословенное место! Ну-у вы, оказывается, еще не слышали об этом? Как же это вам Роза не сказала? Что и говорить, Ака, повезло нам с начальником, очень повезло!

А к т а й. Что ж, поздравляю! Он молодой, способный, глядишь, освоится, привыкнет. А как же иначе?

Жылымбай. При чем тут «иначе», Ака? Мы довольны — слов нет. Наконец-то нам повезло на начальника. Да-а-а, Ака, чего там! Не говоря уж о том, что мы приходимся дальними родственниками Мандеке... как не скажешь о его личных прекрасных качествах!

А к т а й (*усмехнувшись*). Жылымбай, а ведь ты не так давно костерил этого своего Мандибая самыми последними словами! Называл проходимцем, ловчилой!

Жылымбай (*изумленно*). Что вы, когда это! Вы же большой человек. Известный, знаменитый! Разве можно так шутить? Не дай бог, Ака, не дай бог! Казах может назвать того, кого любит и безухим! Быть может, я так и сказал... из любви! Да что вы, я и не говорил, не мог сказать. Я аж вспотел... Такая шутка может человека убить. У меня чуть сердце не разорвалось, Ака!

А к т а й. Говорят, в некоторых странах вместо сердца стали вставлять мотор величиной с кулак. Вот если бы у тебя разорвалось, мы бы тебе вставили такой мотор. Тебе бы это очень даже пошло.

Жылымбай (*не поняв*). Эх, Ака, конечно, но я не об этом! Меня прислал к вам Мандибай. Сегодня в три часа заседание парт-

бюро. Там будет рассматриваться дело этого, нашего, чтоб ему пусто было, братишки Наркары.

А к т а й (*изумленно*). Дело Наркары?

Жылымбай. Ойбай, чего там говорить, Ака, опозорились мы, опозорились! Только, можно сказать, добрались до власти, как перегрызлись между собой, это ли не позор?! Позор, еще какой позор!

А к т а й. Что случилось? Объясни толком!

Жылымбай. Сейчас, Ака, сейчас. Как только Мандибай оказался у власти, сразу же оказал поддержку этому недоумку. У Наркара была одна штука, ну та, которую он вам показал, вот Мандеке и поддержал эту штуку. Сразу ввел в производство, завод получил выгоду сто тысяч рублей, ну, Наркара и загредел вовсю. Со страниц газет улыбается, по телевизору его показывают. Бешеные деньги заработал на этом рацпредложении! Кто бы мог подумать, Ака! Но не зря казахи говорят: сытость переносят только овцы. За каких-то два-три месяца Наркара прославился на весь мир, заимел «Волгу» — и задрал нос... Помните, в школе нас заставляли учить стихотворение? Ну, как его? Там говорилось о том, что кто-то хотел одним прыжком перескочить куда-то, а в результате сломал себе шею. Вот и Наркара доигрался. Говорил я ему: эй, джигит, не задирай носа, а то, не ровен час, споткнешься и расшибешься! Оказывается, как в воду глядел. Теперь, наверное, его засудят.

А к т а й. Эй, Жылымбай, говори самую суть, что он натворил?

Жылымбай. Ойбай, Ака, легче спросить, чего он не натворил! Ведь чем он оплатил за все добро, сделанное им Мандеке? Разбил в кровь ему лицо! Избил в собственном кабинете!

А к т а й. В собственном кабинете?

Жылымбай. Да.

А к т а й. Избил?

Жылымбай. Да. До потери сознания.

А к т а й. Что с ним стряслось? С чего это он так?

Жылымбай. Говорит, пьян был, себя не помнил.

А к т а й. Но ведь Наркара не пьет?

Жылымбай. Да, не пил. Но, наверное, нашло что-то на него-дя — напился в тот день.

А к т а й. Надо же, а?! (*Взволнованно ходит по комнате.*) Тяжелый случай, стыд-то какой!

Жылымбай. И не говорите, Ака!

А к т а й. Нет, наши парни не могут вынести счастья, даже если оно с мизинец!

Жылымбай. Что там говорить, Ака!

А к т а й. Не могут вынести счастья, даже если оно с мизинец.

Стоит им занять хотя бы чахоточного козленка, как они тут же начинают выпендриваться.

Жылымбай. Верно говорите, Ака!

Актай. В самом деле сытость переносят только овцы. А у наших парней жеребьячий нрав.

Жылымбай. Не в бровь, а в глаз, Ака!

Актай. Говорят, если у плохой лошади вырастает грива, она даже потник не дает накинуть, так и эти.

Жылымбай. Верно, Ака, верно, сам пророк лучше не скажет.

Актай. Нет! Таких не надо жалеть, если заслужил, пусть получает! Под суд негодяя!

Жылымбай. В самую точку попали, Ака! Как говорится, туда, где чешется!

Актай. Один катышек ведро масла портит, так и эти... Они же весь рабочий класс позорят!

Жылымбай. Да, таких не надо жалеть! И все же Наркара — наш братишка, от общего предка, так сказать, род ведем.

Актай. Что из этого? Если от общего предка, значит, людям на голову надо садиться?

Жылымбай. И все же я вас прошу — не упоминайте слова — «судить». Накажем его слегка — вот и все. И Мандеке так считает, и вам просил передать, что хоть и дурной, да свой, не будем слишком строгими, ведь только в прошлом году мы приняли его кандидатом в партию, теперь продлим ему кандидатский срок еще на год, так и накажем его.

Актай. Не понимаю, как можно быть таким великодушным к человеку, который жестоко тебя избил?

Жылымбай. В том-то и дело! Мы совсем не знали Мандеке, не знали! Он оказался таким добрым, таким душевным! Вместо того чтоб засудить хулигана, который избил его в собственном кабинете, хочет ограничиться легким наказанием! Какая доброта, какое величие! Но, вообще-то, я не об этом, Ака, не об этом!

Картина вторая

БИТВА

За длинным столом сидят Актай, Ахмет, Жылымбай, Андрей Андреевич, Галина Ивановна, Акрамжан, Казтай, Сергей. Переговариваются с Актаем. Видимо, слушают рассказ о поездке на Кубу. У всех благодушное настроение.

Актай. Ладно, товарищи, об остальном расскажу потом. Андрей, уже третий час, пора начинать!

А н д р е й. Начнем, начнем. (*Украдкой смотрит на часы, на дверь, поднимает телефонную трубку.*) Вера, Мандибай Мандибаевич... а-а, хорошо, хорошо.

А к т а й. А я-то думаю, чего ты все тянешь, а ты, оказывается, начальника своего ждешь!

С е р е г а. Начальники не опаздывают — задерживаются.

Ж ы л ы м б а й. Т-с-с-с, Серега, ты... такой молодой, и... держи язык за зубами.

С е р е г а. А что я сказал?

Ж ы л ы м б а й. Тс-с-с, ойбай!

С е р е г а. Ну, что? Говорят, точность — вежливость королей. Ведь и в самом деле, иные начальники нарочно опаздывают, чтобы показать всем важность своей персоны.

Ж ы л ы м б а й. Т-с-с-с, ойбай... Что станешь делать, если в разгар твоей болтовни войдет Мандибай Мандибаевич?

С е р е г а. Ну и что? Войдет — сразу бюро начнем.

Ж ы л ы м б а й. Ойбай, дитя ты и есть дитя. Если он войдет и увидит, что ты смеешься, то подумает, что мы все смеемся.

С е р е г а. Разве я смеюсь?

Ж ы л ы м б а й. А что ты делаешь?

С е р е г а. Я говорю, что есть поговорка такая — начальники не опаздывают, а задерживаются.

Ж ы л ы м б а й. Господи, что с ним сделаешь? Пошел я от греха подальше! Меня здесь нет! (*Отходит в дальний угол.*) Ох уж эти юнцы, не умеют уважать старших, упрутся на своем и твердят что попало! Говорим, воспитание, воспитание! Слабовато у нас с воспитанием.

Г а л и н а И в а н о в н а. Да-а, Жылымбай, куда ты теперь денешься?

А к т а й. Пусть приедет Мандибай Мандибаевич, а уж мы ему все о тебе расскажем.

Взрыв хохота. Открывается дверь, и входит М а н д и б а й. Все замолкают. Мандибай, ни с кем не здороваясь, проходит к столу, садится возле Андрея, всем своим видом говоря: «Вы должны быть благодарны мне за то, что я удостоил вас своим посещением. Ну, начинайте, я — не вы, я человек занятой, меня ждут дела поважнее». Замечает Актая.

М а н д и б а й. А-а, Ака, а я и не поздоровался с вами! (*Протягивает Актаю руку.*) Ну, здравствуйте, с возвращением. Надеюсь, с честью выполнили возложенное на вас поручение? (*Грозит пальцем.*)

А к т а й. Старался, как мог. Все нормально, а здесь, я вижу, в мое отсутствие произошло столько изменений... Ну, поздравляю!

М а н д и б а й. Не с чем, Ака, не с чем. Голова идет кругом. Как говорится, потянешь сюда — вола прибьешь, потянешь обратно — телегу сломаешь. Не завод мне достался, а шарашкина контора, сколько ни бьюсь — никакого толку.

В кабинете устанавливается мертвая тишина. Ахмет готов провалиться сквозь землю.

А н д р е й. Итак, товарищи, все, кроме Сакбаева, здесь. Сакбаев в командировке. По-моему, можно начинать.

М а н д и б а е в. Начинайте.

А н д р е й. На повестке дня два вопроса. Первый — итоги года и обязательства на будущий. Об этом Мандибай Мандибаевич делает нам маленькую информацию, второе — персональное дело кандидата в члены партии Наркары Жаманкараева. Какие есть предложения насчет повестки дня?

Г о л о с а. Утвердить.

М а н д и б а й. У меня есть предложение, давайте первым рассмотрим второй вопрос.

А н д р е й. Предложение принимается. Все согласны?

Г о л о с а. Согласны.

А н д р е й. Тогда за дело. Вопрос в общем-то несложный, рассмотрим его быстренько, освободимся, тогда и итоги полугодия будем рассматривать не торопясь, обстоятельно.

Г о л о с а. Хорошо. Пусть будет так. Давайте.

А н д р е й. Товарищи, прежде чем приглашать Наркару, договоримся. Вы все хорошо знаете, что произошло. Десять дней назад, во время обеденного перерыва, Наркара, выпивший, войдя в кабинет директора, избил Мандибая Мандибаевича. А сколько добра сделал этому парню Мандибай Мандибаевич!

Жы л ы м б а й. А я о чем говорю! Ввел в производство... сделал ему кучу денег... наконец, к премии представил.

А к т а й. Как, вы его представили к премии?

А н д р е й. Да.

А к т а й. Я не слышал об этом. Да-а, вскружили вы ему голову!

Жы л ы м б а й. Не говорите!

А н д р е й. Товарищи, можно сказать, что нет такого добра, которого бы не сделал Наркаре Мандибай Мандибаевич, а чем все это кончилось?.. Какой позор!..

А к т а й. Не надо жалеть таких!

М а н д и б а й. Спасибо, Ака, я очень признателен за то, что вы поняли.

А к т а й. К чему благодарность, Мандибай дорогой! Разве мало

таких, которые распоясываются, точно звери, если не держать их в узде?

Жылымбай. Очень верно говорите, Ака!

Андрей. Хорошо, товарищи, Мандибай Мандибаевич предлагает простить Наркаре этот хулиганский поступок и не передавать дело в суд, разобраться самим. Мы в прошлом году приняли Наркару в кандидаты в члены партии. Мандибай Мандибаевич предлагает отложить прием на год. Все согласны?

Актая. Товарищи, вам не кажется, что такое наказание слишком мягко?

Мандибай. Конечно, товарищи, мягкое! Очень мягкое, Ака! Но, как говорится, нельзя отрезать собственную руку. Наш святой долг — беречь каждого работника как зеницу ока! Так что, думаю, вы поймете мое предложение и поддержите.

Жылымбай. Безусловно.

Голоса. Правильно. Верно. Согласны.

Андрей. Договорились! *(Нажимает на кнопку.)* Валя, скажи Наркаре, пусть войдет.

Входит Наркара, нелепо ссутулившись.

Товарищи, это и есть знаменитый Наркара Жаманкараев... С обстоятельствами дела мы все хорошо знакомы. Итак, какие вопросы будут к товарищу Жаманкараеву?

Галина Ивановна. Все это правда, Наркара?

Мандибай. Нашли о чем спрашивать, Галина Ивановна! Выходит, я лгун, по-вашему?

Галина Ивановна. Упаси боже, Мандибай Мандибаевич! Видите ли, я знаю Наркару с первого дня его прихода на завод. Он никогда не пил ни грамма. Не пойму, как он мог так опуститься. Уже десять дней, как я слышала о случившемся, и до сих пор не могу заставить себя поверить этому. Я бы хотела, чтобы он рассказал, как дошел до такого.

Андрей. Это ваш вопрос, Галина Ивановна?

Галина Ивановна. Да, вопрос.

Андрей. Хорошо. Ну, Жаманкараев, ты понял вопрос?

Наркара. Понял.

Андрей. Если понял — отвечай, как ты дошел до такого состояния?

Наркара *(долго мнется, не зная, что сказать)*. Н-ну, я т-т-того...

Андрей. Чего «того»? Как это понять «того»?

Наркара. Этого... того...

Андрей. Чего «этого»?

Н а р к а р а. Ну... это самое. (*Щелкает по кадыку, мол, выпил.*)
Ну и... это самое, пьяный стал... Потом того... но я не знаю...

А н д р е й. Чего не знаешь?

Н а р к а р а. Как я его того...

Жылымбай. Но признаешь?

Н а р к а р а. Признаю.

Жылымбай. Вот-вот!

А н д р е й. В таком случае... все ясно, товарищи! Кандидат в члены партии товарищ Жаманкараев запятнал звание рабочего хулиганским поступком. Но, учитывая, что ранее за ним не замечалось таких грубых действий, а напротив, мы все знали его как передового, образцового рабочего, а также учитывая предложение Мандибая Мандибаевича, предлагаю продлить кандидатский стаж товарища Жаманкараева еще на год. Если в течение этого испытательного срока он зарекомендует себя только с положительной стороны, пусть вопрос о принятии его в члены партии будет пересмотрен. Я верно говорю, товарищи?

Г о л о с а. Верно. Правильно.

А н д р е й. Ты, наверное, и сам чувствуешь, товарищ Жаманкараев, что мы вынесли тебе слишком легкое наказание... Итак, товарищи, все согласны? Других предложений нет? Тогда проголосуем... Кто за то, чтобы утвердить предложение о продлении кандидатского стажа товарища Жаманкараева на один год, прошу поднять руки.

Все поднимают руки.

Вы, товарищ Жаманкараев, свободны.

Наркара выходит. В полной тишине, громко, как эхо в горах, слышится шепот Серёги.

С е р е г а. Бо-юсь я...

А н д р е й. А-а?

С е р е г а. Бо-юсь...

М а н д и б а й (*вспылив*). Что он несет, а? Чего ты боишься?

С е р е г а (*продолжает, будто говорит сам с собой*). Боюсь завтрашнего партсобрания...

М а н д и б а й. Ничего не понимаю.

Пауза.

А н д р е й. Серёга, ты говори понятнее.

С е р е г а. Боюсь, завтра нас разнесут на партсобрании.

А н д р е й. Кого разнесут?

С е р е г а. Нас.

А н д р е й. Почему?

С е р е г а. Чувствую...

Мандибай (*подавляя гнев, вскакивает*). Ничего не понимаю. Вы... как ваша фамилия?

Серег а. Антошкин.

Мандибай. Вы... товарищ Антошкин, объясните нам, почему мутите воду?

Серег а. Ничего подобного. Это все мы начинаем мутить.

Мандибай. Ничего не понимаю. (*Нервно пожимает плечами.*)

Серег а. В самом деле не понимаете? Или...

Мандибай. Что «или»? Вы посмотрите на него, он мне еще вопросы будет задавать!

Серег а. А почему бы и нет? Если вы можете задать мне вопрос, почему я не могу?

Мандибай. Ты не вправе!

Серег а. Почему? А какое у вас право выводить меня на середину? Я вышел для интереса, а вам и невдомек.

Серег а возвращается, садится на свое место.

Мандибай (*выходя из себя*). Что это за самоуправство? Ну-ка встаньте. (*Бьет кулаком по столу.*)

Серег а (*и не думая уступить*). Не кричите так. Я не в вашем кабинете. Здесь у нас всех одинаковые права. Привыкли кричать на своих инженеров. А со мной у вас не получится, товарищ... как там ваша фамилия?

Мандибай. Андрей Андреевич! И вы позволите ему... так надо мной издеваться?

Серег а. Вы вправе забыть мою фамилию, а я что, не вправе?

Андрей. Серег а, ты... это... Мандибай Мандибаевич, и вы тоже... это...

Мандибай. Вы, Андрей Андреевич, не можете управлять даже сидящими здесь людьми!

Андрей (*сурово*). Мандибай Ман-ди-ба-евич...

Жылымбай. Товарищи, товарищи! Конечно, во всем этом виноват я!

Мандибай (*пораженно*). При чем тут вы?

Жылымбай. Не хочу, чтоб сшиблись две горы... уж лучше пусть я буду виноват во всем.

Мандибай. В чем?

Андрей. Что за вина?

Жылымбай. Вообще-то я не об этом хотел сказать...

Андрей. Что это сегодня с нами?.. Серег а, ты затеял все это, ты и объясни, чтобы было всем понятно.

Серег а. Хорошо. Дайте мне тогда слово...

Жылымбай (*юлит*). Такое историческое собрание... Това-

рищи, а мы кто в лес, кто по дрова! Зачем нам эти споры-тяжбы, товарищи? Не надо тяжб, не надо споров!

А к т а й. Жылеке, с чего это ты затараторил?

Ж ы л ы м б а й. Да я так просто, не надо, говорю, тяжб, не надо споров!

А н д р е й. Какие тяжбы?

С е р е г а (*выходя на середину*). Жылымбай Курымбаевич не зря заволновался, он чувствует что почем! И я поэтому сказал, что боюсь завтрашнего собрания. Теперь мне все ясно. Ахмет Галиевич любил повторять пословицу: тот, кто разделся,— не побоится воды, так что... Я жалею, что только что проголосовал вместе с вами. Я это сделал из уважения к сединам Жылымбая Курымбаевича, поддался его уговорам.

М а н д и б а й. Это партбюро или детский сад?

С е р е г а. Прошу не перебивать меня!

М а н д и б а й (*стучит по столу*). Пре-кра-ти!

А к т а й (*тоже стукнув по столу*). Сам прекрати! Ты... откуда ты такой взялся? Ишь, захотел людям рты позакрывать?

Ж ы л ы м б а й (*чуть не плача*). Ойбай, Ака! Вы многого не понимаете, многого не понимаете!

А к т а й. Серега, дорогой, скажи обо всем прямо, без утайки. Почему ты все темнишь?

С е р е г а. Слава богу, значит, и вы, Актай Сенгирбаевич, не знаете подоплеки. Слава богу... То-то, я думал, почему вы молчите...

А вы, оказывается, не знаете...

А к т а й. Что я должен был знать?

С е р е г а. Это же ложь!

А к т а й. Что ложь?

С е р е г а. Наше голосование.

А н д р е й. Серега, что ты хочешь сказать, скажи на понятном русском языке!

С е р е г а (*Мандибаю*). Вы боитесь правды, товарищ директор?

М а н д и б а й. Я? Правды? Ну и что же это за правда?

С е р е г а. Наркара избил вас не оттого, что был пьян.

М а н д и б а й. Это и есть та правда, которой я боюсь?

С е р е г а. Да!

М а н д и б а й. Кто сказал тебе об этом?

С е р е г а. Сам Наркара сказал.

М а н д и б а й. А что же он только что говорил здесь, перед всеми?

С е р е г а. Здесь он сказал неправду, потому что вы с Жылымбаем Курымбаевичем десять дней ему морочили голову. Говорили, если он скажет по-вашему, то вы избавите его от суда.

М а н д и б а й. Ишь как за-ли-ва-ет... Ты что, сам видел, как мы морочили ему голову?!

С е р е г а. Об этом мне сказал сам Наркара. Не сказал, а просто выдавил из себя, говорил, что не может не покориться вам, что вы на него и мать натравливаете.

Ж ы л ы м б а й. Может, мы его заставляем покориться совсем другому? Может, мы по просьбе его матери заставили его жениться, этого недотепу... Ты подумал об этом, Антошкин?

С е р е г а (*слегка растерявшись*). Хорошо, пусть будет так. А вы, Мандибай Мандибаевич, почему скрываете, что, когда вас бил Накара, в кабинете был третий человек?

М а н д и б а й (*сначала растерявшись, переходит на крик*). Прекра-ти, сопля! Откуда выискался такой следователь, а? Андрей Андреевич, вы специально вызвали меня, чтобы надо мной издеваться? Что это за нападки? Кто я, кто он? Или мы какой-нибудь сброд у пивнушки? Укройте этого своего хулигана, иначе я уйду. (*Встает и хочет выйти.*)

А н д р е й. Мандибай Мандибаевич, извините, конечно... но ведь Серега не сказал ничего такого, на что вам стоило бы сердиться.

М а н д и б а й. Ах, так? Тогда и с вами все ясно. (*Идет к дверям.*)

А н д р е й. Мандибай Мандибаевич!.. Рядовой член партии, товарищ Кендыбаев, сядьте на свое место... Прошу вас...

А к т а й (*едва сдерживаясь*). Ну-ка, дорогой, сядьте на место, это ведь заседание партбюро!

А х м е т (*поднимает голову*). Да, милый, вы можете не уважать нас, но партийное собрание уважать обязаны...

Ж ы л ы м б а й. Маке... О, боже, Маке... Вопрос об Антошкине мы не оставим так, конечно...

А к т а й. А что такого сделал Антошкин?

Ж ы л ы м б а й. Я не об этом.

С е р е г а. Всем известно, Мандибай Мандибаевич, что вы крикун, но меня не запугаете!

М а н д и б а й (*нехотя садится*). Ладно, Андрей Андреевич, ладно, Ака, ладно, Ахмет Галиевич, пусть меня травят, пусть топчут авторитет директора, я потерплю, а потом посмотрим.

А к т а й. Ты что, Мандибай, запугиваешь? Угрожаешь, что ли?

М а н д и б а й. Нет, не запугиваю, травите, жрите, делайте что хотите...

С е р е г а (*настойчиво*). За полгода своего директорствования вы успели прогнать с завода половину инженерно-технических работников. Вы можете прогнать и меня. Но я рабочий человек, а рукам всегда найдется работа. Вы же... Вы...

М а н д и б а й. Что я?

Серега. Вы скрываете от людей, что, когда Наркара избивал вас, в кабинете была и Зара.

Мандибай. Эй, что ты мелешь?

Серега. А что, ее там не было?

Мандибай. Ну и что из этого?

Серега. А то, что вы хотите потихоньку замять это дело.

Мандибай. Какое дело?

Серега. Вы сами взбесили Наркару. Вы сами пришли в тот день нетрезвым. Конечно, выпить у вас повод был, вы принимали иностранцев. Причина уважительная. И тем не менее для людей не секрет ваше пристрастие к спиртному.

Мандибай. Прекрати! Выметайся отсюда! Ты ответишь за клевету!

Серега. Не кричите, я вам не лакей. Скажу все! С тех пор как вы стали директором завода, началась всеобщая лихорадка. Коллектив начал разлагаться, бригады распустились, хорошие специалисты убежали на другие заводы... И у меня самая заветная думка — сбежать отсюда!

Мандибай. Если ты сбежишь, завод, пожалуй, не станет! Посмотрите-ка на него! Мы не будем в трауре из-за того, что сам Антошкин покинул нас! Ишь, напугал!

Серега. Вот-вот, вы и завели свою песню, показали свой истинный облик!

Актая. Товарищи дорогие, где мы вообще находимся?..

Внезапно над шевелюрой Мандибая блеснули два иссиня-черных рога. Актая застывает с разинутым ртом. С резким стуком открывается дверь, и в кабинет врывается Зара.

Зара. Если говорить начистоту, во всем виновата я! А теперь делайте со мной что хотите! Вот я пришла во всем признаться. Во всем виновата я!

Андрей. Постой, постой, Зара. О чем ты говоришь?

Зара. Во всем этом я виновата! Наркара стоял такой важный, такой противный. Ой, не могу, я и взбесилась. Начала заигрывать с директором, и то так на него взгляну, то этак, а он был немного под мухой... А ведь когда мужчина под мухой... Так и растаял весь, расплылся... Вы знаете, когда Наркара стоит чурбан чурбаном, я просто не могу! Хочу, чтоб он заревновал, чтоб ему было больно, чтобы он... сказал мне что-нибудь, а он, вместо того чтобы заревновать... Этот человек обнял меня за талию, нет, вот так... за бедро и говорит Наркаре: «Выйди, выйди пока», — а этот придурок как двинет! Ой, стыд-то какой! Это я во всем виновата! Но если б этот человек не сказал: «Выйди, выйди пока», — кто знает, может быть, и не было бы беды, а теперь меня подруги в бригаде чуть не съели, набросились со всех

сторон: «Почему Наркару не защищаешь? Иди в партбюро, расскажи всю правду!»

М а н д и б а й. Прекрати, заткнись, тебе говорю! Выметайся отсюда!

З а р а. Ого! Стыд-то какой, почему этот человек кричит на меня? На меня не то что вы, отец родной так не кричал! Значит, не зря люди вас крикуном обзывают! Если вы так, то я и о воровстве вашем расскажу!

А н д р е й (с раздражением). Зара, это уж слишком.

З а р а. Отчего же? Почему не сказать вслух, что все прекрасно знают? Этот человек взял «Волгу» на имя Наркары. Тот, бессловесный чурбан, только месяц и покатался, а потом этот забрал ее обратно! Забрал и продал машину кому-то там с Намангана. Это каждый подтвердит! Вот тебе за твои крики. Кричит еще на меня...

А н д р е й. Зара...

З а р а. Я и сама уйду. То, что хотела сказать, сказала, а теперь и сама уйду.

Зара уходит. Сидящие в кабинете долгое время не могут поднять глаз друг на друга.

Пауза.

А н д р е й. Да... интересно...

М а н д и б а й. Чего там говорить, Андрей Андреевич, очень даже «интересно», но я этот «интересный» случай так не оставляю. Я понимаю ваше сегодняшнее, с позволения сказать, заседание, как специально организованную провокацию с мелочной, грязной целью опозорить директора завода, подорвать его авторитет, свести с ним личные счеты. Иначе невозможно, чтобы вы сразу набросились на меня, иначе этот... Антонов...

С е р е г а. Ан-тош-кин! Моя фамилия Антошкин, товарищ директор!

М а н д и б а й. Да, Антошкин... разве посмел бы этот... Антошкин так разговаривать? Разве посмела бы эта безумная девка изрыгать из себя здесь всякую чушь? Какое имеет она право являться на заседание?! Значит, все специально подстроенная провокация! Их много, тех, кто не хотел бы видеть меня директором, не хотел бы признавать мой авторитет! Даже все здесь сидящие...

А х м е т. О, проклятье мне, проклятье! Во всем я виноват, я! И не заметил, как в последние годы оказался в яме гордыни и самодовольства, не заметил, как два мои глаза, чтоб им ослепнуть, затянулись бельмами. Оказывается, многих мало-мальски авторитетных людей я спровадил с завода и собирал вокруг себя бездарей и молчунов, беспрекословно исполняющих мои приказы. Мне не было ника-

кого дела до того, что там они скрывают за покорным молчанием... Я... я...

М а н д и б а й. Ах, вот как! Я понял. Один из тех, кто не хочет роста моего авторитета, это вы! Вам нужно, чтобы после вашего ухода завод полетел в тартарары! Вы бы лопнули от гордости, если б люди заговорили: «Эх, как было при Ахмете Галиевиче и как стало теперь!» Зря я оставил вас начальником отдела кадров, надо было прогнать, избавиться навсегда! Но еще не поздно, мы выйдем еще из этого кабинета! Одной ногой уже в могиле, а... Ты посмотри на него!

А х м е т. Мандибай. *(Хочет встать с места, но, схватившись за сердце, падает.)*

Все вскакивают, бросаются к нему.

Г а л и н а И в а н о в н а. Воды! Принесите воды!

А н д р е й. Откройте окно! Окно!

Актai случайно бросает взгляд на Мандибая, вновь видит над его головой блестящие рога.

А к т а й *(с ужасом)*. Что это? Где я? Явь это или сон?

А к р а м ж а н. Айналайын, Аха!

Расправив носовой платок, Акрамжан обмахивает лицо Ахмета. Мандибай как стоял на месте, так и застыл недвижно. Казтай тоже словно окаменел.

Галина Ивановна бросается к телефону.

Г а л и н а И в а н о в н а. Алло, медпункт? Нужна скорая помощь! В партком! Ахмет Галиевич, да, да, сердце, сердце!

А к р а м ж а н. Дорогой наш Аха, айналайын! Надо же, а?

Г а л и н а И в а н о в н а. Ахмет Галиевич, потерпите немного, сейчас придет доктор. Здесь близко. Сейчас придет.

А к р а м ж а н. Спокойнее, спокойнее, агатай! Откройте глаза!

Т а й с о й г а н. Как бы не потерять такого человека!..

С е р е г а. Разве так трудно подняться сюда с первого этажа? Я сбегаю за ними.

Серег а открывает дверь. Входят врачи. В кабинете устанавливается тишина. Врачи склоняются над лежащим навзничь Ахметом, делают ему укол, кладут на носилки и уносят.

М а н д и б а й *(после неловкой паузы)*. Ну что, поморочили друг другу головы, теперь разойдемся?

С е р е г а. Как он не понимает, что человека не стало... человека!

Г а л и н а И в а н о в н а. Нет, он должен жить, надо узнать!..

А к р а м ж а н. Даже если и останется жить!..

Т а й с о й г а н. Для таких, как он, и ста лет было бы мало, неужели мы потеряли его?

А н д р е й. Нет! Мандибай Мандибаевич! Заседание не закончилось, как же мы разойдемся? Садитесь, садитесь, товарищи!

Мандибай не двигается, пока все рассаживаются по местам.

М а н д и б а й *(в напряженном раздумье)*. Эх, я бы с удовольствием ушел с вашего базара-вокзала, но ведь тогда у вас будет формальный повод и завопите, как шакалы... Ладно уж, потерплю. Кончится же когда-нибудь сей балаган! Но попрошу, давайте побыстрее! Поберегите время, товарищи!

А к т а й. Для такого дела времени не жалко. *(Смотрит на Мандибая, того не узнать — кроткий, смиренный, и рога над его головой исчезли.)*

А н д р е й. Говорите, Актай Сенгирбаевич!

А к р а м ж а н. Говорите, Ака! Скажите обо всем! Скажите от имени всех нас!

Т а й с о й г а н. Да, говорите, Ака! Подшутил над нами аллах, не дал нам с Акрамом дара речи! Говорите!

А к т а й. Я... Извините, кажется, я говорю слишком громко. *(Пораженный тем, что его голос звучит так громко.) Я (тише)* побывал во многих странах. И вот что интересно, там я с первых дней начинаю тосковать, с первых дней начинаю торопиться домой. Порой видишь такие замечательные города, такую роскошную природу... Я, конечно, люблюсь, восторгаюсь, но... Сколько святых слов мы засюсюкали, превратили в пустышки... Мне трудно говорить... И все же. Тоска по Родине, любовь к Родине все сильнее с каждым днем, с каждым часом там. Вот мы говорим: «Мы произвели на душу населения столько-то тонн пшеницы, столько-то тонн угля, столько-то тонн железа!» Конечно, все это правильно. Но там, далеко от дома, понимаешь, что наше основное богатство не это, наше основное богатство — доброта! Да, основное наше богатство доброта людей друг к другу! В других странах этого нет! Мы живем в самой доброй стране на свете, товарищи! Этого мы, к сожалению, часто недоуваем! И я, оказывается, тоскую за границей по гуманизму нашей страны, по ее доброте.

Ж ы л ы м б а й. Что вы хотите сказать, Ака?

А к т а й. Я хочу этим сказать, товарищ Жылымбай, что я сегодня здесь... как во сне... будто попал в другую, незнакомую среду. Люди, скажите, неужели я нахожусь на моем родном заводе? Мы же без тени сомнения доверяли друг другу, от всей души уважали друг друга? Что случилось с нами сегодня? Неужели мы так сильно изменились за какие-то полгода? Где было доверие? Где уважение? Где доброта? Как мог войти в нашу среду этот крикун? Ведь Мандибай Мандибаевич был молчун из молчунов... Тише воды ниже травы... Видно, он огромный зуб точил на людей, вот и скрывал до поры...

Перед поездкой на Кубу я своими глазами видел чертежи... Их автор — Наркара...

Всплыло наружу грязное дело с машиной... Как Мандибаев говорил с Сергеем!.. Он же за человека его не считает! А случай с Ахметом? Он отравлен ядом грязных, низких слов... Что теперь ждать от Мандибаева? До чего он довел завод? Я не смогу оставить так это дело! Судьбу завода не доверим кому попало. Мы сами строили этот завод, сами его подняли, и мы за него в ответе. Судьба завода — это и моя судьба!

Г а л и н а И в а н о в н а. Судьба всех нас.

А к т а й. Да, судьба всех нас. Короче, на завтрашнем партийном собрании я предлагаю рассмотреть вопрос о дальнейшей судьбе завода.

Г а л и н а И в а н о в н а. Правильно!

А к р а м ж а н. Правильно!

А н д р е й. Правильно! А что скажете вы, Казтай? Вы же заместитель директора.

Казтай молчит. Над головой Казтая показываются бычьи рога и исчезают.

Так вы ничего не скажете, Казтай?

А к т а й. Мандибай Мандибаевич когда-то вот так же молчал...

Г а л и н а И в а н о в н а. Надо бы узнать, как там Ахмет Галиевич...

А к т а й. Обязательно.

Ж ы л ы м б а й. Я б-о-о-ю-юсь!

С е р е г а. Бойтесь завтрашнего собрания.

Ж ы л ы м б а й. Боюсь, Серега, боюсь.

Пауза.

З а н а в е с

Трактат

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Буран } пограничники.
Сапар }

Гуль-Айша }
Кара-Бори } нарушители границы.

Иван Иванович — майор, начальник заставы,

Константин Буранович Буриев — полковник,
уполномоченный из центра.

Етжемес-бей — бай, муж Гуль-Айши.

Мзия — медсестра.

Солдат.

Часть первая

События происходят в 1980 году.

Явление первое

Зима. Горы. По одну сторону закованной в лед маленькой речки пограничный знак с надписью «СССР», по другую — одна из азиатских стран. Укрывшись за деревом, Буран и Сапар следят за пограничной полосой. Вдруг слышатся крики. Буран и Сапар настораживаются. На лед выбегает Г у л ь - А й ш а, поскользнувшись, падает, поднимается и опять бежит. Буран и Сапар берут автоматы на изготовку.

Буран. Смотри, погоня за ней. Как бы они ее не застрелили!
Сапар (прикладывает палец к губам). Т-с-с! Не застрелят.
Буран. Смотри, Сапар, там еще кто-то.

На сцену выбегает К а р а - Б о р и. Гуль-Айша, добежав до Бурана и Сапара, падает.

Г у л ь - А й ш а (отчаянно кричит). Спасите! Агатаи, помогите!
Не отдавайте меня!

Буран (удивленно). Смотри, она же по-казахски шпарит!
Сапар (выбегает навстречу Кара-Бори). Стой! Руки вверх!
К а р а - Б о р и (не обращая внимания на Сапара, бросается на землю, разгребает тонкий снежный наст, дрожащими руками хватается горсть земли и целует ее). О-о, земля родная! О-о, отчий край мой! Как истосковался я по твоему запаху!.. Теперь мне больше нечего желать. Хоть застрелите — буду счастлив. О-о, родная земля!

Г у л ь - А й ш а (удивленно смотрит на Кара-Бори, потом подбегает к нему). Эй, Кара-Бори, где девочка? Господи, где девочка? Где моя Гуль-Айжан?!

К а р а - Б о р и. Девочка осталась там... Подбежал сам Етжемесбай и схватил ее... Что было делать, что было делать?!

Гуль - Айша. Ты лжешь, лжешь! Ты обманул меня, бесстыжий! Ты обманул меня! (*Плачет навзрыд, рвет на себе волосы, падает на землю и бьется в рыданиях.*) О-о, я несчастная, кому я доверилась, как я могла! Ведь чуяло мое сердце, чуяло, что так произойдет!

Кара - Бори (*поглядывая на пограничников, шипит*). Прикуси язык, баба поганая. И пикнуть теперь не смей! Что бы я ни говорил, кивай головой, подтверждай! Иначе Етжемес-бей прирежет девочку!

Сапар. Прекратить разговоры! Ну-ка, Буран, обыщи их!

Буран (*обыскивает Кара-Бори*). Ничего нет. (*Подходит к распластавшейся на земле плачущей Гуль-Айше.*) Ну-ка, вставайте!..

Гуль - Айша (*встает, не может унять рыданий*). О-о, я несчастная, довериться такому проходимцу!..

На дальнем берегу реки появляется Етжемес-бей. У него на руках девочка двух-трех лет.

Кара - Бори (*свистящим шепотом*). Эй, баба, посмотри-ка на ту сторону! Видишь муженька? А дочку свою у него на руках видишь? Посмей теперь хоть слово сказать, муженек дочку-то собственными руками прирежет. Будешь подтверждать каждое мое слово: и дочь останется в живых, и ты тоже.

Гуль - Айша (*причитает*). Да пропади она, такая жизнь. Не жить мне без моей Гуль-Айжан, без доченьки моей!

Кара - Бори (*злобно*). Заткнись!

Буран (*Сапару*). Ну что, так и будем смотреть, как они лопочут?!

Сапар. Ты ведь немного понимаешь по-ихнему, хоть о чем это они говорят? Запомни, потом пригодится!

Кара - Бори (*злобно*). Все поняла, баба поганая?! (*Заглядывая в глаза Бурану и Сапару, неожиданно льстиво.*) Простите, господа! Я знаю, в вашей стране друг друга называют «товарищ», но... я не знаю, можно ли мне так обращаться к вам?

Сапар. Грамотный какой. Ишь, заливает! Буран, сообщи на заставу!

Буран. Есть! (*Пройдя несколько шагов, берет под деревом телефон.*) Дежурный, алло, алло, дежурный, я — Береза, я — Береза. Мы задержали двух нарушителей!..

Кара-Бори успевает что-то шепнуть Гуль-Айше. Раздается окрик Сапара.

Сапар. Прекратить разговоры!

Кара - Бори. Простите, слушаюсь, господин!

Сапар (*ворчит*). Я тебе покажу господина!

Кара-Бори. Воля ваша, делайте, что хотите. Теперь мне все равно. Хоть застрелите! Больше мне ничего не надо. Я мечтал разочек, всего разочек вдохнуть запах родной земли и умереть! Благодарение аллаху, моя мечта сбылась!.. А с этой бабой... простите, с этой женщиной... она — такал — младшая жена Етжемеса-бея, четвертая жена... Вышло так, что мы полюбили друг друга... Етжемес-бей хотел нас убить, вот мы и убежали... Так ведь, Гуль-Айша?

Гуль-Айша молчат.

Сапар. Расскажешь обо всем этом, где положено. Для меня ты нарушитель границы. А остальное меня не касается!

Кара-Бори. О, всевышний, настанет ли день, когда и меня назовут товарищем?! Товарищ! Какое прекрасное слово!

Буран (*по телефону*). Понятно, товарищ майор!

Кара-Бори (*льстиво*). Как прекрасно звучит: «Товарищ»! Как мы мечтали с моей Гуль-Айшой добраться до родной земли и хоть одним глазком посмотреть на страну социализма! И вот, наконец-то, мы достигли своей цели!

Сапар (*недовольно*). Откуда вы так хорошо знаете русский?

Кара-Бори. Мой дед до революции жил в Баку, отец тоже там родился и вырос. У них, пусть земля им будет пухом, до самой смерти было только одно заветное желание — взглянуть на Россию хоть разок и умереть.

Гул приземлившегося вертолета. Появляется начальник заставы, майор Иван Иванович.

Сапар (*в мгновение ока, приведя себя в порядок, вытягивается перед командиром*). Товарищ командир, ефрейтор Нарынов!..

Иван Иванович. Ладно, ладно! Ну, показывай добычу!

Сапар. Вот полюбуйтесь...

Кара-Бори. О, ваше высокоблагородие!

Иван Иванович. Отставить! Отведите задержанных в вертолет! Потом поговорим! (*Посмотрев на Бурана, смеется.*) Чего смеешься, Алтаев?

Буран (*весело*). Они, товарищ майор, сами к нам, можно сказать, в ноги повалились!

Сапар. Т-с-с... Алтаев...

Кара-Бори (*воздевает руки к небу*). О-о, аллах, о-о, всевышний, тысячу раз спасибо тебе, что отдал нас в руки таких милосердных людей!

Уходят. Раздается гул вертолета.

Явление второе

Солдатская казарма. Пять железных кроватей, пять табуреток. В глубине сцены высокое окно, из которого видны крупные звезды. У окна стоит Буран Алтаев, смотрит на небо. Сапар, раскачиваясь на табуретке, недовольно косится на приятеля. Потом, повернувшись к зрителям, крутит пальцем у виска, мол, смотрите, ненормальный.

Сапар (громко). Эй, Астроном, может, хватит?

Буран (оборачивается). Чего «хватит»?

Сапар. Пялиться в небо!

Буран (удивленно). А что?

Сапар (притворяясь расстроенным). Ты вот видишь, а я не вижу!

Буран (удивляется еще больше). Чего не видишь?

Сапар. Откуда я знаю, что ты там видишь?

Буран (пожимает плечами). Чего ворчишь, если не знаешь?

Сапар (упрямо). Ты видишь, а я нет?!

Буран (кричит). Да чего ты там не видишь?!

Сапар (как бы подводя итог разговору). То, что видишь ты!

Буран (отмахивается). Сиди себе тихо! Я смотрю на звезды.

Сапар. Да брось ты, так я и поверил!

Буран. А почему не веришь?

Сапар. Да зачем они сдались тебе, эти звезды?

Буран (назидательно). Конечно, для тебя нет в мире ничего загадочного! Для тебя что земля, что небо — все едино.

Сапар (смеется). А как же иначе! Не хватало еще голову ломать над всякой чепухой!

Буран (важно). А для меня весь мир — загадка!

Сапар (подозрительно). Ты что, десятилетку не закончил?

Буран. Закончил, можно сказать, почти с золотой медалью!

Сапар. Тогда почему для тебя весь мир загадка? Мне, например, все довольно ясно!

Буран (с горькой иронией). Да?.. Счастливый ты парень!

Сапар. Что верно, то верно, но ты не думай, что если я счастливчик, то ни о чем не мечтаю!

Буран (удивляется, с иронией). Да ну?! Значит, и у тебя есть мечта.

Сапар. Есть!

Буран. Интересно какая?

Сапар. Тебе интересно, а мне тоска-печаль...

Буран (с нарочитым участием). Печаль? Скажите пожалуйста...

Сапар. Да!

Буран. Мечта? Печаль? У тебя? Кто бы мог подумать!

Сапар. Сам удивляюсь... Но это так. Есть у меня мечта. Не мечта, Буран, а беда! Давно хотел тебе рассказать. Но если честно, боюсь, что ты будешь смеяться!

Буран. Разве можно смеяться над чужой бедой? Говори, чего там...

Сапар (*раздумчиво*). Да, и не рассказать тоже не могу... Так и распирает! И потом, ведь никто, кроме тебя, не сможет помочь мне.

Буран. Тем более выкладывай!

Сапар. Уже три дня, как я получил письмо. От Глаши...

Буран. Глаша? Какая Глаша? Вроде у тебя не было такой...

Сапар. Верно говоришь — не было, а теперь нашел!

Буран. Так вот вдруг, с бухты-барахты?!

Сапар. Почему с бухты-барахты?! Не с бухты-барахты! Я взял ее адрес, написал письмо, послал свою фотографию, она мне выслала свою... Понравилась... Она мне подходит...

Буран. Как это «подходит»?

Сапар. Как, как!.. (*Вытаскивает из нагрудного кармана тщательно завернутую в бумагу фотографию девушки, бережно разворачивает, подает Бурану.*) Не веришь, вот смотри. Что губки, что глазки — все на месте. Вишь, какая красавица!

Буран (*внимательно рассматривает фотографию, читает надпись на обороте*). «Милому Саше на долгую память!» Э... да это же не тебе подарили... а какому-то Саше.

Сапар (*выпячивает грудь*). Я и есть Саша!

Буран. Ты?!.. Но ведь ты Сапар!

Сапар (*гордо*). Для тебя Сапар, а для Глашеньки — Саша.

Буран (*усмехаясь*). О-о, даже Глашенька?

Сапар. Да, Глашенька! Я влюбился в нее с первого взгляда!

Буран (*старается скрыть насмешку*). Что и говорить! Влюбиться по письму — на такое способен только настоящий джигит. Я бы, например, не смог. Так, может, оттого и не везет мне?

Сапар. Не переживай. Я напишу Глаше, чтобы она познакомилась с самой красивой подружкой! Только вот, Буранжан... Насчет письма-то я и хотел поговорить с тобой... Ты же знаешь, что я насчет высоких материй не очень... Первое письмо к ней мне помог написать Славик Заргарян... но с ним я, сам знаешь, недавно поспорился... Я... э-э... вынужден обратиться к тебе... Очень прошу тебя, помоги, ведь ты младше меня... значит, э-э... как бы братишка! Буранжан!

Буран. Но... чем я могу помочь?

Сапар. Ты напиши Глаше письмо от моего имени... Красиво напиши... Ну, чтоб там были... луна, звезды... сердце... страсть... любовь до гроба... ну, стихи какие-нибудь залепи...

Б у р а н. Да... Потрясающе! Значит, написать? И стихами желательно? К примеру: «О, Глаша, ты и солнце, и луна! Влюбился я, в том не моя вина! Я был б вдвойне отважен на границе, скажи мне лишь, что любишь ты меня!» Ну как, пойдет?

С а п а р (*восхищенно*). Ух ты, как здорово! Ты прямо настоящий акын-импровизатор! И любовь есть, и политика! Здорово! Просто здорово! Ну-ка повтори, я запишу!

Б у р а н. Понравилось? Так уж и быть, записывай! «О, Глаша! Ты и солнце, и луна! Влюбился я, в том не моя вина! Я был б вдвойне отважен на границе...»

Входит майор И в а н И в а н о в и ч. Он громко кашляет, чтобы обратить на себя внимание. Буран и Сапар, вскочив с мест, вытягиваются по стойке «смирно».

И в а н И в а н о в и ч (*видимо, в веселом расположении духа*). Как вы думаете, работает у меня голова или нет? Ладно, ладно, сидите!.. Наверное, думаете, что не совсем, а?

С а п а р. Что вы, товарищ майор?

Б у р а н (*улыбается*). Как можно, товарищ майор!

И в а н И в а н о в и ч. Ну, ну! Шучу! Я ведь тоже человек и имею, наверное, право пошутить.

С а п а р. Конечно, конечно!

Б у р а н. Вам идет, когда вы шутите!

И в а н И в а н о в и ч (*делает строгое лицо*). Комплименты будешь отпускать девушкам. А насмеяться над таким стариком, как я, — грешно, молодой человек!

Б у р а н (*смеется*). Боже сохрани нас от этого! Что нам — жить надоело?!

И в а н И в а н о в и ч. Вы лучше спросите — с чего это я с вами зубы скалю?

Б у р а н. С чего, товарищ майор?

И в а н И в а н о в и ч (*грозит Бурану пальцем*). Кара-Бори-то до приезда товарищей из Москвы мы заперли в бане, а как быть с женщиной... Ума не приложу! Хотел к себе забрать, да сами видели, ни я, ни жена не смогли уговорить.

С а п а р. Так точно, не смогли, товарищ майор!

И в а н И в а н о в и ч. Не хочет ни в какую, и все тут! Куда ее девать? Думал я, думал и, наконец, придумал! Поселю ее здесь, в вашей казарме!

Б у р а н. В нашей?

И в а н И в а н о в и ч. В вашей, в вашей!

Б у р а н. Эта женщина скорей умрет, чем согласится!

И в а н И в а н о в и ч. Согласится! Я вас пятерых расселю по одному в разные казармы.

Буран. Тогда — другое дело.

Иван Иванович. Вас двоих оставлю при ней. Почетными караульщиками. Днем, разумеется. А ночью придется запереть. Вот так. Ну, Алтаев, приведи-ка нашу капризную пленницу!

Буран. Есть, товарищ майор! *(Чеканя шаг, выходит.)*

Сапар. Разрешите обратиться, товарищ майор!

Иван Иванович *(добродушно)*. Обращайся, обращайся!

Сапар. Короче, не верю я этой бабе! Прикидывается она, товарищ майор! По-моему, Кара-Бори искреннее, честнее!

Иван Иванович. Как знать, как знать! Завтра из Москвы приезжает спецуполномоченный, он и допросит сам. Наша обязанность — поймать, мы и поймали. Остальное их дело, товарищ ефрейтор!

Входят Буран и Гуль-Айша. Гуль-Айша идет осторожно, точно пугливая лань, готовая чуть что отпрыгнуть.

Гм... э-э... Придется поселить тебя здесь, в этой комнате...

Гуль-Айша. Нет, нет, нет!

Буран. Почему?

Гуль-Айша. Здесь мужчины!..

Иван Иванович. Не бойся, будешь одна! Ну, Алтаев, ты пока останься здесь, через час тебя сменит Нарынов. Ты того... поговори с ней... развлеки немного... подними настроение... Все же человек она, понял?

Буран. Понял, товарищ майор!

Иван Иванович и Сапар выходят. Гуль-Айша и Буран в замешательстве смотрят друг на друга. Оба явно волнуются.

Са-са-садитесь, Гуль-Айша!

Гуль-Айша. С-са-са-ми са-са-ди-тесь!

Буран, напряженно поглядев на стул, садится. Гуль-Айша садится, растерянно озираясь.

Буран. У нас, у казахов, говорят — чем молча сидеть, лучше уж дремать... Кстати, откуда вы знаете казахский?

Гуль-Айша молчит.

Зря вы упрямитесь! Хотел просто по-человечески поговорить. Жаль... *(Подходит к окну. Кажется, совсем забыв про женщину, смотрит на небо.)*

Гуль-Айша настороженно следит за ним. Буран начинает тихо насвистывать. Напеваает.

О, Алтай и Тарбагатай,
Вы остались вдали,
Не смог я с вами проститься!
О, просторы и кручи родимой земли,
Смогу ли я к вам возвратиться!
Слезы из глаз текут и текут,
Как тяжело прощание, как тяжок мой путь!

Гуль-Айша встает, подходит к окну. Становится рядом с Бураном.

Гуль-Айша. Вы... Вы... Откуда вы знаете эту песню? Это же песня моей мамы!

Буран. Песня твоей мамы? Как это? Это наша народная песня Песня алтайских казахов.

Гуль-Айша. Мы и есть алтайские казахи!

Буран (*удивленно смотрит на нее. В его голосе появляется насмешка*). Да что вы? Это не вы, а я из алтайских казахов!

Гуль-Айша. И я тоже...

Буран. Какая же ты алтайская казашка, если прибежала сюда из-за границы!

Гуль-Айша. Мы перекочевали туда... А сначала жили на Алтае... в Восточном Туркестане... В шестьдесят втором году наш народ поднял восстание... Китайцы бросили на восставших войска пожгли наши аулы, почти всех поубивали. Оставшиеся в живых бежали из Туркестана в Тибет, там тоже, не найдя прибежища перевалили через снежные горы. Я в те времена еще в колыбели лежала, потом мне мама-бедняжка рассказывала...

Буран. А мы-то с Сапаром удивились, когда вы заговорили по-казахски.

Гуль-Айша (*горько*). Но в той стране мы не можем сказать вслух, что мы казахи! Они говорят, у них одна нация. Горе тому, кто назовет себя иным! Таким грозит или тюрьма, или нож башибузука.

Буран. Интересно.

Гуль-Айша. Ничего интересного.

Буран. Простите... Так, к слову пришлось. Я хотел сказать, что это настоящая трагедия, настоящая трагедия!

Гуль-Айша. Да, настоящая беда! Нас погибло так много! Да и жизнь тех, кто остался, нельзя назвать жизнью. В шестнадцать лет несчастная моя мать продала меня баю Етжемесу за корову с теленком. Иначе мои братишки умерли бы с голоду. С тех пор я стала четвертой подстилкой этого кровопийцы! Два года! Два долгих года я жила, как в аду! У меня есть маленькая дочка, зовут ее Гуль-Ай. Когда мы бежали сюда, ее нес Кара-Бори, но он отдал ее Етжемесу... (*Плачет.*) Он же известный проходимец, Кара-Бори. И как только я

могла поверить этому Кара-Бори?! Ты, говорит, хрупкая, тебе нельзя бежать с ребенком, ведь я мужчина, давай, говорит, понесу ее, ну я и поверила! О, бедняжечка моя, жеребеночек мой! Что мне теперь делать?

Б у р а н (*расстроено*). Перестаньте, не плачьте, Гуль-Айша! Если вы останетесь в нашей стране, наши пошлют запрос, и все уладится. Вам помогут!

Г у л ь - А й ш а. Как же мне не плакать?.. Ведь Кара-Бори грозился, что, если я скажу хоть слово русским, мою дочку прирежут...

Б у р а н (*сам себе*). Так вот, значит, о чем он тогда говорил!

Г у л ь - А й ш а (*поняв, что допустила промах*). Ойбай, пропала я, пропала! Я сама погубила свою Гуль-Ай! (*Опускается на пол, рыдает.*) Пропала я, пропала!

Б у р а н (*растерянно*). Успокойтесь, Гуль-Айша!

Г у л ь - А й ш а. Пропала я, пропала! Я сама погубила свою Гуль-Ай! Я же вам все выдала. Теперь Кара-Бори не пощадит ни меня, ни мою дочь! Ведь ее смерть — это моя смерть! Етжемес-бей прирежет ее!

Б у р а н (*усмехается*). Вряд ли теперь ваш Кара-Бори скоро вернется домой. Его будут судить по закону нашей страны.

Г у л ь - А й ш а. Вы же его не знаете! Он из-под земли убежит! Не раз совершал побеги из тюрем! Говорили, недавно он убил учителя нашего аула. Это Кара-Бори склонил меня к бегству. Заморочил мне голову. Сказал, что бежит от преследований в Страну Советов, что, мол, если я хочу избавиться от Етжемес-бея, то должна бежать с ним. Сказал, что возьмет меня с собой. Я и поверила этой черной поганке Кара-Бори!

Б у р а н. Вы назвали его черной поганкой?.. А он вас называет своей любимой!.. Возлюбленной!

Г у л ь - А й ш а (*изумленно*). Любимой? Возлюбленной?! Когда он это сказал? Кому?

Б у р а н. При задержании. Нашему командиру.

Г у л ь - А й ш а (*не понимает*). Какому?

Б у р а н. Нашему начальнику.

Г у л ь - А й ш а (*внезапно падает на пол и бьется в рыданиях*). О, аллах, не жить мне теперь, не жить! Чужой мужчина сказал обо мне плохо, опорочил меня! О, не жить мне теперь, не жить!

Б у р а н. Как это понять, Гуль-Айша? Ну-ка успокойтесь, встаньте! (*Схватив ее за локоть, хочет помочь встать.*)

Г у л ь - А й ш а (*вопит пуще прежнего*). Ойбай, дайте мне нож, я лишу себя жизни!

Б у р а н (*невольно рассмеявшись*). Чего это вы? Вот темнота!

Г у л ь - А й ш а. О, аллах, не жить мне теперь, не жить! Я сама

погубила Гуль-Ай! О, я женщина! О, я ничтожная! Распустила язык, выдала свою тайну! Теперь Етжемес-бей прирежет мою доченьку, мою маленькую девочку! О, я несчастная!

Буран (*растроганно*). Успокойтесь, Гуль-Айша, пожалуйста, послушайте меня. Я никому ничего не скажу. Вы мне ничего не говорили, а я ничего не слышал. Поверьте мне.

Гуль-Айша (*перестает плакать*). Правда? Не скажете? И этому... хозяину своему тоже не скажете?

Входит Сапар.

Сапар. О-го-го! Судя по вашему смеху, вы неплохо тут время проводите! (*Враждебно смотрит на Гуль-Айшу.*) Алтаев, идем, тебя майор зовет!

Гуль-Айша, вероятно, что-то хочет сказать Бурану, но при виде настороженного Сапара прикусывает язык. Буран жестом успокаивает ее и выходит вместе с Сапаром.

Гуль-Айша (*после паузы*). Непонятные люди! Дикари какие-то!

Явление третье

Маленький кабинет начальника заставы.
Иван Иванович, Сапар, Буран.

Сапар. Разрешите доложить, товарищ майор!

Иван Иванович. Слушаю вас.

Сапар. Они нашли общий язык... Я имею в виду рядовой Алтаев и иностранка.

Иван Иванович. И что же?

Сапар. Развеселились до невозможности! Сидят и хохочут!

Иван Иванович. Вот как? Это же замечательно. Пусть теперь кто скажет, что у меня голова не работает! Думаете, я зря поселил женщину именно к вам? (*Смеется.*) Вы же говорите на одном языке. Я и подумал, пусть поговорят между собой в спокойной обстановке, поймут друг друга, поделятся сокровенным. Ведь именно в такие моменты человек и выкладывает то, что из него потом никакими допросами не выжмешь! Я знал, что эта простодушная женщина сама не заметит, как попадетсЯ! Ну-ка, садись сюда! Садись и выкладывай!

Буран (*непонимающе смотрит на него*). Что выкладывать?

Иван Иванович (*раздраженно*). Не с луны ли ты свалился? Говори все, что узнал от нее.

Б у р а н. Иван Иванович! Товарищ майор! Ничего не понимаю! Значит, вы меня оставили возле этой женщины специально?

И в а н И в а н о в и ч. Да, да. Именно. А что в этом удивительного? Лучше садись и выкладывай! Ну, начинай! Она тебе открылась?

Б у р а н. Да, открылась.

И в а н И в а н о в и ч. Ну, говори!

Б у р а н. Нет!

И в а н И в а н о в и ч *(не понимает)*. Что «нет»?

Б у р а н. Я вам ничего не скажу!

И в а н И в а н о в и ч *(изумленно)*. Эй, он что говорит? Ты своему командиру отказываешься открыть тайну врага?

Б у р а н *(повторяет всерьез, упрямо)*. Да! Я не выдам ее тайну! Это во-первых. Во-вторых, она совсем не враг. И в-третьих, я не следователь! Я не обязан был ее допрашивать. Так получилось, она сама рассказала кое-что о себе, а потом пожалела. Начала плакать, биться в истерике, ну, я и... дал ей слово, что никому не скажу! Поверьте, ничего особенного...

И в а н И в а н о в и ч *(сердито)*. Рядовой Алтаев! Я знаю, что вас призвали издалека, что вы тоскуете по дому, поэтому стремлюсь как-то заменить вам и отца и мать, говорю с вами по-дружески, порой даже шучу, но это не означает...

С а п а р. Разрешите вставить слово, товарищ майор! *(Не успев получить разрешения, продолжает)*. Вы очень верно говорите, товарищ майор! Вы добрый человек, но некоторые безмозглые солдаты не понимают и считают это излишней мягкостью...

Б у р а н *(удивленно)*. И один из них — рядовой Алтаев, так, что ли? Нет, товарищ ефрейтор, ошибаешься! Я знаю, что если Иван Иванович балует нас, как собственных детей, то это не от бесхарактерности, а от душевной широты и щедрости. Но все равно, на этот раз я не смогу выполнить просьбу Ивана Ивановича.

И в а н И в а н о в и ч. Так... Так... *(Шагает по комнате)*. Как же быть с тобой, Алтаев, а? Какая просьба? Это ведь приказ!

С а п а р. Разрешите вставить слово, товарищ майор? Отдайте рядового Алтаева мне!

И в а н И в а н о в и ч. Зачем он тебе, ефрейтор?

С а п а р *(растерянно)*. Ну я... допрошу...

И в а н И в а н о в и ч *(машет рукой)*. Вот, вот! И я не знаю, что с ним делать?! Может, посадить на гауптвахту?

Б у р а н *(гордо)*. Я ничего не боюсь!

И в а н И в а н о в и ч *(разводит руками)*. Верно. Не боишься! Может, отдать тебя под суд за невыполнение приказа? Но ведь ты, наверное, и этого не боишься?

Буран (*высоко подняв голову*). Да, не боюсь! По мне некому плакать. Вы же знаете, я детдомовский, товарищ майор. У меня ни отца, ни матери! А с родственниками я давно порвал начисто. У меня даже невесты нет, хотя бы вот как у Сапара.

Иван Иванович (*трет ладонью лоб*). Да, знаю! Поэтому-то и затрудняюсь! Не могу же я побить тебя за то, что не выдаешь чужую тайну!

Сапар (*мечтательно*). Эх. Вот бы... мне поддать ему разочек!

Буран. Да уж, это твоя заветная мечта! Знаю!

Сапар. Ах-ах! Всезнайка нашелся!

Буран (*цедит сквозь зубы*). Эх ты, Гастроном!

Сапар. А ты Астроном!

Иван Иванович. Хватит! Прекратите! Вы что тут передо мной!.. (*После паузы.*) Конечно, я ничего не могу сделать тебе, Алтаев, а точнее, не хочу, потому что хорошо тебя знаю. Можешь идти. Даю тебе полчаса на размышление. Вдруг эта женщина — враг! Подумай и прими решение! А ты, Нарынов, иди дежурить к той женщине!

Сапар. Есть, товарищ майор! Я понял вас!

Иван Иванович. Понял, говоришь?

Сапар. Понял, товарищ майор!

Иван Иванович. Ну ладно, ладно, иди, посмотрим, как ты понял! И ты иди, Алтаев, погуляй! Подумай! Как надумаешь, возвращайся! Через полчаса!

Сапар и Буран, отдав честь, выходят.

Явление четвертое

Знакомая солдатская казарма. Гуль-Айша, увидев входящего Сапара, испуганно забивается в угол.

Сапар. Что это вы так? Людей никогда не видели?

Гуль-Айша молчит.

Не бойтесь, я такой же человек, как и вы! Людей не ем!

Пауза.

Забыл, как вас зовут? Кажется, Гуль-Айша?

Гуль-Айша кивает.

Гуль... Айша... Красивое имя! А если попроще, то Гуля, да?

Гуль-Айша. Не поняла!

Сапар (*ласково*). По-вашему Гуль-Айша, а по-нашему Гуля!

Гуль-Айша. Не поняла, разве вы не казах?

Сапар. Я? Казах.

Гуль-Айша. Но почему тогда так говорите?

Сапар. Да так же легче — Гуля! Легко и понятно!

Гуль-Айша. А!

Сапар. Если не поняла — спроси!

Гуль-Айша. Нет, я у вас спрашивать не буду! А вот у того парня, Бурана, спросила бы!

Сапар. Смотри-ка, значит, нашли общий язык!

Гуль-Айша. Он чистый человек.

Сапар. Да?

Гуль-Айша. А вы — другой!

Сапар. Почему?

Гуль-Айша. Я не могу вам это объяснить.

Сапар. Ладно, не можешь, не надо. Лучше скажи, что ты здесь делаешь? Кто такой этот Кара-Бори?

Гуль-Айша опять забивается в угол.

Скажешь или нет?

Пауза.

Ишь, уперлась! Доставалось, наверное, от мужа за упрямство-то, бил он тебя?

Гуль-Айша. Бил. Так что мне не привыкать.

Сапар. Я не собираюсь тебя бить.

Гуль-Айша. А почему?

Сапар. У нас нет такого закона.

Гуль-Айша молчит.

У нас нельзя бить человека!

Гуль-Айша. Не может быть? Откуда тогда быть порядку? Что мужья не бьют своих жен?

Сапар. Не то чтобы бить, пальцем не смеют прикоснуться!

Гуль-Айша. Не может быть! Жен положено бить!

Сапар (*смеется*). Эх, ты... Жертва капитализма! Ну ничего, если ты останешься в нашей стране... У тебя откроются глаза на мир! Но для этого тебе нужно сказать, кто ты такая? И кто такой Кара-Бори?!

Гуль-Айша (*опять забивается в угол*). Не задавайте мне вопросов! Я вам ничего не скажу.

Сапар. Почему? Бурану сказала, а мне не хочешь?

Гуль-Айша. А что я ему сказала?

Сапар. Все! Но, оказывается, он дал тебе слово, что никому ни слова не скажет!

Гуль-Айша молчит.

И вот из-за тебя теперь расстреляют такого хорошего парня!

Гуль - Айша. Расстреляют?

Сапар. Да, расстреляют!

Гуль - Айша. За что?

Сапар. Из-за тебя!

Гуль - Айша. Нет, нет и нет! Он же говорил, что ваша страна — страна справедливости. Я бы не поверила Кара-Бори и никому бы не поверила, но об этом сказал сам Буран! Он говорил, что здесь у вас нет ни баев, ни бедняков, что здесь ни унижают человека и не наказывают ни за что! Тогда почему его должны расстрелять?!

Сапар. Он скрыл от командира то, что ты ему рассказала! Но если хочешь спасти ему жизнь, не таись, скажи мне всю правду! Тогда его освободят! Ну, говори! Кто такой Кара-Бори? Кто ты такая сама?

Гуль - Айша. Я ничего не знаю! Спросите у Кара-Бори. Все, что он говорит, правда!

Сапар. Ах так! Тогда...

Гуль - Айша *(забивается в угол)*. Вы... вы...

Сапар. Будешь ты говорить или нет? Может, вы оба шпионы. Бурану сказала, почему мне не говоришь? Ну-ка! Если не скажешь...

Сапар делает шаг в сторону женщины. Гуль-Айша, испугавшись, вскрикивает и прикрывает голову руками. В это время в дверях появляется Буран.

Буран. Ты что, скотина?

Сапар. А-а, это ты, Астроном? Врага, значит, жалеешь? Из-за нее скотиной меня обзываешь?! Я покажу тебе, кто из нас скотина! Ас-тро-ном!

Буран. А ты не пугай женщину!

Происходит короткая, скорее шуточная, схватка с использованием приемов самбо.

В дверях показывается Иван Иванович.

Иван Иванович *(усмехаясь)*. Вот это молодцы! Ну-ка, посмотрим, кто кого!

Буран и Сапар виновато опускают головы.

Буран. Извините, товарищ майор!

Сапар. Извините...

Иван Иванович. Я вам покажу «извините»! Ну-ка марш отсюда!

Солдаты выходят, чеканя шаг.

Хан ум, чего вы испугались? Эх, черт, вот что значит не знать языка! Не бойтесь, не бойтесь! Садитесь! А я пойду поговорю с этими бодливыми козлятами!

Иван Иванович выходит, Гуль-Айша остается в одиночестве.

Гуль-Айша. Эх, Буран, Буран!.. Значит, тебя действительно расстреляют из-за меня! *(После паузы.)* Эх, Буран, Буран... Алтайский казах... Вот и дошла я до земли своих предков, о которой так мечтала моя бедная мать! Да и Кара-Бори... не соврал... Ничего не понимаю! Гуль-Ай, моя доченька, моя единственная, осталась там, а я здесь... Теперь вот накликала беду на парня, которому бы еще жить да жить! О-о, я несчастная, несчастная! *(Схватившись за голову, падает на пол.)*

З а н а в е с

Часть вторая

Явление первое

Кабинет начальника заставы. Входят Иван Иванович и Константин Буриев.

Иван Иванович. С заставой вы ознакомились. Теперь, пожалуйста, в мой кабинет. С сегодняшнего дня он в вашем распоряжении. Если понадобится помощь, мы всегда готовы, товарищ полковник!..

Константин Буранович. Спасибо, спасибо, товарищ майор!

Иван Иванович. Садитесь вон на мое место.

Константин Буранович. Нет-нет! Мы можем и на диване с вами поговорить! *(Садятся.)* Ну, я вас слушаю. Как говорится, начнем сначала.

Иван Иванович. Как я уже сообщил, вчера в 11.23 была нарушена граница, с противоположного берега к нам по льду перебежали двое — мужчина и женщина. Пограничники — ефрейтор Нарынов и рядовой Алтаев — задержали их. При этом между перебежчиками произошла ссора. Но наши солдаты не поняли ее причины. До вашего приезда я назначил этих двоих джигитов дежурить посменно возле задержанной. Но во время дежурства между ними произошла стычка. Об этом я сообщил вам еще вчера вечером.

Константин Буранович. Честно говоря, я не понял. Почему они подрались?

Иван Иванович. Я и сам не пойму. Они вроде были дружны...

Константин Буранович. А где они сейчас?

Иван Иванович. Кто? Ребята?

Константин Буранович. Да.

Иван Иванович. Оба на гауптвахте. Как с ними поступить

дальше, сам не знаю... Они хорошие солдаты... Примерные, дисциплинированные. Хотите поговорить с ними? Позвать?

Константин Буранович. Нет, пусть ко мне приведут мужчину-перебежчика. Как, вы сказали, его зовут?

Иван Иванович. Кара-Бори.

Константин Буранович. Кара-Бори... Черный волк... Это, конечно, скорее всего, кличка!

Иван Иванович (*говорит в тумблер*). Дежурный!

Голос дежурного: «Слушаю!»

Приведите ко мне вчерашнего нарушителя границы!

Голос дежурного: «Есть!»

Константин Буранович. Черный волк, Кара-Бори! Надо же! Замечаете, ведь и я по фамилии Буриев! Прямо — ирония судьбы! (*Усмехается.*)

Иван Иванович (*вежливо улыбается*). Это еще ничего, товарищ полковник, одного из подравшихся солдат зовут Бураном!

Константин Буранович. Как? И его тоже? Буран... Буранович... Надо же, а? Судьба, кажется, и в самом деле смеется надо мной!

Входит Кара-Бори.

Кара-Бори. Здравствуйте, господа! Мое почтение, господин полковник! Мое почтение, господин майор!

Константин Буранович. О-о! Да, вы отлично разбираетесь в знаках отличия!

Кара-Бори. К побегу в вашу страну я готовился два года. Так что...

Константин Буранович. И русским языком вы владеете отлично.

Кара-Бори. Я уже объяснял господину майору...

Константин Буранович. Вы знаете, в нашей стране слово «господин»...

Кара-Бори. А как же! Знаю! Так как в данное время я под следствием, то должен обращаться к вам — гражданин начальник... Я и это знаю. (*Смеется.*) Просто не хотел выкладывать все сразу!

Константин Буранович. Вы начали что-то рассказывать. Продолжайте.

Кара-Бори. Видите ли, я сносно владею русским вот почему. Во время революции мой дед жил в Баку, отцу тогда было всего восемнадцать. Темные, безграмотные бедняки, они поверили слухам, что красные вырежут всех мусульман, и бежали вместе с баями за границу. Но и отец, и дед считали своей родиной только Россию!

Бедные, чтоб земля им была пухом! Так и не довелось моим родным упокоиться на родной земле! Амины! (*Проводит ладонями по лицу.*)

Константин Буранович. Ну что ж, понятно. Чем вы занимались за границей?

Кара-Бори. Не буду скрывать, я был наемным башибузуком. Дубинкой в руках знаменитого бая Карасусского округа Етжемес-бея! Сами знаете, там бедняку обязательно надо найти влиятельную особу и жить у нее под крылышком. Мой последний проступок, нет, не проступок, а преступление, бросившее меня в ад угрызений совести, — было убийство аульного учителя. Я убил его по приказанию Етжемес-бея. Вся вина этого бедняги была в том, что он будто бы сказал детям: «В Советской стране нет таких кровососов, таких угнетателей, как Етжемес-бей, там их давно прогнали!» О-о! Кто знает, говорил так учитель или не говорил, но в той стране не затрудняют тебя выяснением истины. Какой-нибудь ушастенький донес об этом байеке — и все! Бай подмигнул мне, я понял и, улучив момент, отправил учителя на тот свет! Все сделал аккуратненько, чистенько, чтобы у закона не было ко мне претензий. Конечно, нашлись такие, кто забормотал было о моей причастности к преступлению, но стоило на них цыкнуть, и они поджали хвосты!

Константин Буранович. Куда же смотрели органы власти, правосудие?

Кара-Бори. А что правосудие? Правосудие — это табуны и отары Етжемес-бея на его пастбищах и его деньги в банке, не так ли?

Иван Иванович. И то верно!

Константин Буранович. Значит, вы перебежали в нашу страну, чтобы скрыться от преследования за убийство? Так я понимаю?

Кара-Бори. Нет! Что вы! Если бы органы власти начали формальное преследование, я бы для отвода глаз пожил год-два в Западной Германии или во Франции, или вообще махнул в Аргентину. Для меня это не трудно!

Константин Буранович. Понятно.

Кара-Бори. Тогда поймите и то, что я просто не мог продолжать жить такой собачьей жизнью. Вот где она у меня! (*Чикает пальцем по шее.*) Сыт ею по горло! Возненавидел себя самого хуже собаки. Задумался: если я человек, притом уже не мальчик, ведь мне уже за сорок перевалило, то должен и жить по-человечески!.. Я к чистоте стремился, понимаете? Чис-то-те! Но я знал, что жить чисто и светло, по-человечески, смог бы только у вас, в вашей стране. Кто-то писал: «В стране, где правит справедливость, души людей раскрываются подобно цветкам!» Я запомнил эти слова. Ваша страна — страна справедливости. Вы смеетесь, господин полковник! Извините... гражданин начальник. Для вас все это — слова!

Что делать? Слово — слабое подобие правды, поэтому бедняжка-правда не всегда походит на саму себя! Несмотря на мою искренность, вы можете не верить мне. Ведь в этот момент я для вас только нарушитель границы, не правда ли?

Константин Буранович. Да, вы правы! Впрочем, вы должны понимать, что абсолютная искренность все же залог доверия и ваш шанс.

Кара-Бори. Разумеется! Поэтому и выкладываю все без утайки. Поверьте, я перешел границу не из страха перед их судом.

Константин Буранович. В этом я верю вам. Я не раз бывал в странах Востока. Поэтому верю, что вы перебежали к нам не из страха перед наказанием.

Кара-Бори. Значит, понимаете меня... Верите мне?

Константин Буранович. Вы очень быстры. Я сказал верю, что вы не боялись наказания за убийство.

Кара-Бори. Понятно. Не продолжайте... Я знаю, что могу быть привлечен к суду за нарушение вашей границы.

Константин Буранович. О, вы, по-моему, из тех, кого лучше иметь в друзьях, чем в противниках! Такие, как вы, преданны в дружбе, а во вражде — беспощадны!

Кара-Бори. Наверное, это первая похвала мне за все сорок лет моей жизни. Спасибо!

Константин Буранович. Я приму вашу благодарность, если вы действительно окажетесь другом. Ведь благодарность врага — признак того, что ты столь же бесчестен, как враг. Не так ли?

Кара-Бори. С вами трудно разговаривать. Однако наш поединок доставляет мне удовольствие!

Константин Буранович. Поединок? Я не ослышался? Интересно. Вы сами произнесли это слово, я вас не принуждал!

Кара-Бори (*понимает, что допустил промах*). Как бы то ни было, вы, наверное, заметили, что я не хитрю!

Константин Буранович (*официально*). Поэтому, господин Кара-Бори, — к существу дела. Почему вы перешли границу?

Кара-Бори (*подумав*). Любовь! Вот причина. Женщина по имени Гуль-Айша, перебежавшая вместе со мной, была четвертой женой Етжемес-бея! Ну, мы сошлись с ней... Появился ребенок... Етжемес-бей почуял неладное. Из такой далекой провинции, как Карасу, трудно было бы бежать в другие страны, а к вам близко. Вот и махнули к вам! Ну, хоть этому вы верите?

Константин Буранович. В это могу.

Кара-Бори. Спасибо, господин полковник! Извините — гражданин начальник! Беседа с умным человеком, как вы, одно наслаждение.

Константин Буранович. Слава богу, что не «поединок». Эту женщину зовут Гуль-Айша?

Кара-Бори. Да. Она четвертая жена Етжемес-бея, единственная дочь многострадальной старухи-беженки, которая мыкала горе на чужбине и под старость прижилась в нашем ауле. Етжемес-бей купил Гуль-Айшу у матери за корову с теленком. Я частенько заживал в дом к Етжемес-бею, там мы с Гуль-Айшой и приглянулись друг другу, а потом сблизились. Но, как говорится, шило в мешке не утаишь. Пошли слухи, сплетни, поэтому нам пришлось бежать! К сожалению, мы не смогли захватить с собой двухлетнюю Гуль-Ай. Во время погони я уронил ее...

Константин Буранович. Поверим и этому. Но как вы смогли так легко перейти границу?

Кара-Бори. Это было легче легкого...

Константин Буранович. Почему?

Кара-Бори. У меня там знакомый офицер Мустафа. Я дал ему взятку...

Константин Буранович *(удивляется)*. Взятку?

Кара-Бори. Да, взятку.

Иван Иванович *(вступает в разговор)*. Насчет Мустафы он не врет. Действительно, есть такой офицер.

Константин Буранович. Фамилия? Чин?

Кара-Бори. Мустафа Озгун. По-вашему капитан.

Константин Буранович. Хорошо. На сегодня хватит. Отдыхайте, Кара-Бори... *(Поворачивается к Ивану Ивановичу)*. Как там их содержат? Все в порядке?

Иван Иванович. Пусть сам скажет.

Кара-Бори *(поспешно)*. Все хорошо, даже очень. Если честно, не ожидал такого гостеприимства! Все-таки я нарушил границу, поэтому ждал холодного приема, строгого отношения. Думаю, положение Гуль-Айши не хуже моего, если не лучше. Не помню сейчас, кто именно, но какой-то английский ученый говорил: «В Советском Союзе есть только один привилегированный класс, это — дети!» Но мы знаем, что у вас есть еще один привилегированный класс — женщины! *(Встревоженно)*. Кстати, гражданин начальник, как бы мне встретиться с Гуль-Айшой? Как говорится, томлюсь, тоскую...

Константин Буранович. Понимаю... *(Смеется)*. Но сегодня, пожалуй, не выйдет...

Кара-Бори *(качает головой. Ломает руки)*. Жаль, очень жаль...

В кабинет входит вооруженный солдат.

Иван Иванович. Уведите нарушителя!

Солдат и Кара-Бори выходят.

Константин Буранович (*устало проводит рукой по лицу*). Мой многолетний опыт подсказывает, что этот Черный Волк — не простой волк! Но что он волк — никаких сомнений!

Иван Иванович. Да-а, по всему видно. Притом волк осторожный, матерый. Ну что, будете теперь говорить с женщиной?

Константин Буранович. Погодите. Пусть придет один из этих драчунов, ну тот, упрямец.

Иван Иванович. Есть! (*Нажимает потайную кнопку, в кабинет входит вооруженный солдат.*) Позовите Алтаева.

Солдат молча выходит.

Этого паренька зовут Алтаев Буран. Он из Катон-Карагайского района, Восточно-Казахстанской области, круглый сирота, воспитывался в детском доме. С родственниками в ссоре, не поддерживает никаких отношений, даже на письма не отвечает. На первый взгляд кажется мягким, но на самом деле очень упрямый, неуступчивый, всегда отстаивает свое. Очень много читает, склонен к мечтательности. Друзья зовут его Астрономом. Говорят, он может часами смотреть на звезды. В отряде его любят и солдаты, и командиры. Общительный паренек, быстро находит с людьми общий язык. Наверное, поэтому эта женщина так быстро, с первого раза, открылась ему!

Константин Буранович (*усмежается*). Если действительно открылась.

Входит Буран, отдает честь.

Буран. Товарищ майор, по вашему приказанию прибыл!

Иван Иванович. Проходи, Буран, садись!

Буран медлит, не зная, сесть или лучше постоять.

Я же говорю, Алтаев, садись!

Буран садится.

Спецуполномоченный из Москвы, полковник Буриев Константин Буранович хочет поговорить с тобой.

Буран снова делает попытку встать.

Константин Буранович. Садись, садись. Если старший по званию говорит садись, надо воспринимать это как приказ. Вот так, батыр! А теперь спокойно, обстоятельно объясни мне: о чем у вас был разговор с женщиной — нарушителем границы?

Буран. Действительно, у нас с ней был разговор, товарищ полковник! Оставшись со мной наедине, она очень испугалась, я тоже растерялся...

Константин Буранович. Почему?

Иван Иванович. Она хоть и нарушитель границы, но все же женщина! И какая женщина! А наш джигит — еще холостяк! (Смеется.)

Буран. Товарищ майор!

Иван Иванович. Ладно, ладно! Чего ты, словно аршин проглотил? Держись свободнее!

Константин Буранович. Итак, почему же ты растерялся?

Буран. Иван Иванович прав, я, наверное, смутился в присутствии женщины!

Константин Буранович. Ну, а потом?

Буран. Потом, может быть, чтобы скрыть смущение, я сам не заметил, как стал тихо напевать...

Константин Буранович. Дальше?

Буран. Оказалось, что она знает песню, которую я пел. Эта женщина спросила, откуда я знаю ее, сказала, что часто слышала эту песню от своей матери.

Константин Буранович. Ну и что это за песня?

Буран. Грустная песня. «О, Алтай и Тарбагатай, вы остались вдали, вряд ли когда-нибудь увижу я вас» — и так далее, что-то вроде этого! Короче, эта женщина оказалась казашкой из Восточного Туркестана. В свое время там поднялось восстание против китайцев, но это восстание жестоко подавили. Поэтому ее родителям пришлось бежать через Тибет в Пакистан. Ну, а больше... Что еще сказать? Растроганная песней и разговором, она, бежняжка, поведала мне о многом... И сразу же пожалела... Заплакала... Ну и я, чтобы хоть как-то успокоить ее, дал ей слово, что никому ничего не скажу.

Константин Буранович (терпеливо, как ребенку). Правильно. Слово надо держать. Это, конечно, похвально. Но, Буран, пойми, ведь эта женщина могла ввести тебя в заблуждение, ты же не знаешь, с какой целью она открылась тебе. Нам бы ее показания сравнить с показаниями Кара-Бори. Тогда и правду быстрее бы установили. Подумай, ведь очень вероятно, что она окажется матерью врагом! Ты же не можешь гарантировать, что эта женщина не разведчица?

Буран (простодушно). Конечно. Но она не такая. Ей можно верить.

Константин Буранович. Вот как? М-м... (Встав с места, шагает по комнате.) А о чем они говорили с Кара-Бори на том месте, где вы их задержали?

Буран. Мужчина что-то сказал ей. Но на каком языке, я не понял. Правда, там было и по-казахски... Заприте меня на полчаса

в темной комнате, и я восстановлю в памяти казахские слова, все до одного! Да, пожалуй, и те, на незнакомом языке.

Константин Буранович. Как это?

Буран (*смеется*). Есть у меня талант, еще с детства. Я могу восстановить в памяти звуки в той же последовательности, в какой их когда-то слышал.

Константин Буранович (*удивленно*). Я знал, что есть такие люди, но...

Буран (*наморщив лоб, вспоминает*). Женщина сказала что-то по-казахски... Мужчина прикрикнул на нее на другом языке. Это один из тюркских языков, попробую вспомнить...

Иван Иванович. Значит, дело стало за темной комнатой? (*Смеется*.) Ну, это мы мигом!

Буран. И все же, Иван Иванович, товарищ полковник, давайте условимся заранее — если слова, которые я вспомню, будут иметь отношение к той тайне, что открыла мне женщина... Я их... все равно... не скажу вам!

Константин Буранович (*выразительно смотрит на Ивана Ивановича. Тот пожимает плечами*). Ладно, Буран, ладно, согласны! Ты можешь не говорить нам слов, которые касаются тайны женщины, естественно, если ее тайна не задевает интересов нашей Родины.

Буран (*от волнения вскакивает с места*). ...Интересов Родины? Что вы, товарищ полковник, разглашение ее тайны может повредить только ей! Не дай бог...

Иван Иванович (*раздраженно*). Ладно, иди к интенданту, скажи, что я велел запретить тебя на полчаса в продовольственном складе!

Буран. Есть, товарищ майор! Разрешите идти? (*Обернувшись к полковнику*.) Будьте спокойны, товарищ полковник, интересы Родины — это мои интересы!

Константин Буранович (*терпеливо*). Верю! Можешь идти!

Буран выходит. Продолжительное молчание. Полковник мерно рассказывает по комнате, Иван Иванович сидит на стуле.

(*Задумчиво*.) Знаете, Иван Иванович, этот парень здорово похож на моего сына Гришу. Все-таки мы плохо знаем современную молодежь, не считаете? Льем по ним слезы, называем инфантами, иждивенцами, а ведь не хотим видеть очевидного! Конечно, есть среди них и иждивенцы, и инфанты, но таких десятки. А таких, как ваш Буран или мой Гриша, — миллионы! Кристальные души, их идеал — чистота... Понимаете? Кристальная чистота! Я рад за современную молодежь, Иван Иванович, искренне рад! Главное, нам с вами не испортить их!

Иван Иванович (удивленно. Он не ожидал такой реакции полковника). Да, конечно...

Константин Буранович. Да, да, мне нравятся эти ребята! Кстати, на вашем месте я отдал бы его дело в комсомольскую организацию.

Иван Иванович. Да, наверное, так и сделаем...

Константин Буранович. А теперь позовите второго парня.

Иван Иванович (нажимает потайную кнопку. Входит дежурный солдат). Позови Нарынова. (Полковнику.) Нарынов Сапар, из Узбекистана Бухарской области. Казах. Кличка среди товарищей — Гастроном! Выполняет приказы начальства без раздумий и сомнений. Исполнитель, аккуратен. Говорят, переписывается с какой-то девушкой, заочно влюблен в нее.

Входит Сапар.

Сапар. Товарищ майор, ефрейтор Нарынов по вашему приказанию прибыл!

Иван Иванович. Проходи, Нарынов, садись вон на стул.

Сапар садится.

Вот, наш спецуполномоченный из Москвы...

Сапар вскакивает с места.

Константин Буранович. Садитесь, товарищ ефрейтор! Вы не слышали, был ли какой-нибудь разговор между нарушителями при их задержании и, если вы поняли его, то о чем.

Сапар. Я заметил, они переговаривались, но о чем, не знаю. По сообщению моего товарища, рядового Алтаева, женщина говорила по-казахски.

Константин Буранович. А потом?..

Сапар. Виноват, товарищ полковник!..

Константин Буранович. Что виноват?

Сапар. Я человек не слова, а дела! И не придал значения их словам.

Константин Буранович. Почему?

Сапар. Виноват, товарищ полковник!

Константин Буранович. Ну, в чем ты еще виноват?

Сапар. Я не смог выполнить задание командира!

Константин Буранович. Какое задание?

Сапар. После того как рядовой Алтаев отказался доложить командиру о своем разговоре с нарушительницей границы, товарищ майор поручил мне узнать намерения врага. Но это женщина ничего мне не сказала!

Константин Буранович. Что ты говорил ей. и что она тебе отвечала?

Сапар. Виноват, товарищ полковник, я человек не слова, а дела. Точно не помню, что говорил я, что — она! Но так я ничего и не узнал от этой поганой бабы!

Константин Буранович. Ты начал пугать ее? Угрожать ей?

Сапар. Не пугал я ее, товарищ полковник! Шагнул к ней разок, она как закричит дурным голосом!

Иван Иванович *(строго, поглядывая на полковника)*. Но разве я тебе поручал узнать ее тайну любой ценой?

Сапар *(тоже глядя на полковника)*. Упаси бог, товарищ майор! Вы ничего такого не говорили... Но я... я... разозлился... на то, что Буран такой упрямый, и хотел узнать, что он скрывает... Хотел помочь... следствию...

Иван Иванович. Помочь?.. М-м... *(Многозначительно переглядывается с Константином Бурановичем. Тот кивает.)*

Константин Буранович. Что еще скажете, ефрейтор?

Сапар. Ничего, то есть все, товарищ полковник.

Константин Буранович. А почему ты подрался со своим другом?

Сапар. Это недоразумение, товарищ полковник! Женщина меня не так поняла и закричала. В это время вошел Буран, он тоже, не разобравшись, сразу бросился на меня. Ну, я поневоле стал защищаться.

Константин Буранович. Ладно, иди. Передаем ваше дело на рассмотрение в комсомольскую организацию.

Сапар, отдав честь, выходит.

Теперь, наверное, нам самое время увидеться с женщиной.

Иван Иванович *(нажимает кнопку. Входит солдат)*. Приведите сюда нарушительницу границы! *(Обернувшись к полковнику.)* Об этой женщине я знаю не больше, чем вы...

Константин Буранович. Понятно... Пока мы с вами знаем только, что зовут ее Гуль-Айша! Гуль — это цветок, Айша — луноподобная... Помучается, лунный цветок!

Входит Гуль-Айша, сопровождаемая солдатом.

Иван Иванович. Ну-ка, что ж, гражданка, садитесь! Вот, на стул.

Айша ведет себя не так, как раньше, — уверенно, свободно. Видимо, она на что-то решилась. Садится.

Этот человек — спецуполномоченный из Москвы, приехал специально, чтобы поговорить с вами... Понятно?

Константин Буранович. Если не поняли, я вам перевожу. Я специально приехал из Москвы поговорить с вами. Поняли?

Гуль-Айша. Поняла.

Константин Буранович. Это хорошо. Ваше имя, отчество?

Гуль-Айша. Гуль-Айша.

Константин Буранович. Местожительство?

Гуль-Айша. Все остальное спрашивайте у Кара-Бори. Я готова подтвердить, что он скажет. Но сама я ничего не скажу. Зовут меня Гуль-Айша! Все!

Константин Буранович. А что может нам сказать Кара-Бори?

Гуль-Айша. Откуда я знаю?!

Константин Буранович. А если не знаете, почему с такой уверенностью готовы подтвердить каждое его слово?!

Гуль-Айша. Он знает, почему мы перебежали сюда.

Константин Буранович. А вы?

Гуль-Айша. Я женщина — какой спрос с меня, ничтожной!

Константин Буранович. В нашей стране женщин не называют ничтожными. Не унижайте себя. Зачем? У вас с нами одинаковые права.

Гуль-Айша (*хохочет до изнеможения*). Равенство между мужчиной и женщиной? Ха-ха-ха!

Смеются и Константин Буранович с Иваном Ивановичем.

Иван Иванович. Конечно, ей в такое трудно поверить.

Константин Буранович. Да, наверное... Значит, вы готовы подтвердить любое слово Кара-Бори?

Гуль-Айша (*неуверенно*). Да...

Константин Буранович. Тогда, значит, так. Кара-Бори сказал нам, что Гуль-Айша — четвертая жена бая Етжемеса. Это правда?

Гуль-Айша. Правда.

Константин Буранович. Вы родом из Восточного Туркестана... Это правда?

Гуль-Айша. Правда.

Константин Буранович. У вас есть дочка по имени Гуль-Ай.

Гуль-Айша. Правда. (*Вот-вот заплачет.*) Правда, правда!..

Константин Буранович. Кара-Бори сказал так же, что в течение двух лет... как бы это сказать... состоит с вами в любовной связи.

Гуль-Айша (*потрясенная, меняется в лице*). Что вы такое говорите!

Константин Буранович. ...В любовной связи?..

Гуль-Айша. Я замужня женщина... и, хоть и не люблю своего мужа, но... у меня никогда в мыслях не было изменить ему! Проклятый Кара-Бори! Ославить замужнюю женщину! О-о, не жить мне теперь, не жить! *(Рвет на себе волосы.)*

Иван Иванович. Перестаньте, успокойтесь... *(Наклоняется к Гуль-Айше, но та, отпрянув, заливается слезами пуще прежнего.)* Не подходи, не подходи! О-о, аллах, не жить мне теперь, не жить!

Константин Буранович *(строго)*. Ну-ка, гражданка, успокойтесь! Что же это такое! Вставайте. Безобразие!

Гуль-Айша. Проклятый Кара-Бори!

Константин Буранович. Значит, Кара-Бори сказал неправду?

Гуль-Айша *(приходя в себя)*. Кара-Бори... он... Больше я вам ничего не скажу...

Константин Буранович *(усмежается)*. По словам Кара-Бори, Етжемес-бей, узнав о вашей с ним связи, хотел убить вас обоих и вы перебежали к нам в надежде найти прибежище.

Гуль-Айша *(укусив себя за руку, с криком падает на пол)*. О-о, аллах!

Иван Иванович. Или эта женщина настоящая артистка, или... Что, интересно, приводит ее в такое отчаяние?

Константин Буранович. Я тоже думаю, что?!

Иван Иванович. Может, все дело в дочке?

Константин Буранович. Ну-ка, успокойтесь, так мы ничего не добьемся! Всегда лучше улаживать дела общими усилиями, не правда ли?

Гуль-Айша *(придя в себя, вытирает слезы, садится на стул)*. Да... Конечно...

Константин Буранович. В таком случае, помогите нам!

Гуль-Айша. Как?

Константин Буранович. Скажите всю правду.

Гуль-Айша. Нет, я не могу. Отпустите меня, я пойду к своей дочке!

Константин Буранович. Вы по своей воле к нам пришли, по своей воле и уйдете! Возможно, мы не будем вас удерживать.

Гуль-Айша *(обрадованно)*. Правда?

Константин Буранович. Правда. Я официальное лицо, вы должны мне верить. Но только, если вы вновь хотите туда, откуда пришли, если вам снова хочется увидеть вашу дочь, откройте нам правду. Поймите, вы нарушили границу, за это вас должны судить. Ведь, может быть, вы пришли со злым умыслом, может, вы — шпи-

онка. Но если вы пришли с чистым сердцем, если вы действительно искали у нас защиту и прибежище, вам ничего не сделаем вопреки вашей воле! Если захотите остаться здесь, поможем. Постараемся и дочку вашу вернуть, насколько это в наших силах!

Гуль - Айша. Пойдите! Пойдите! Что вы говорите? Какой может быть у меня злой умысел?

Константин Буранович. Ну, мало ли... А вдруг вы — разведчица?

Гуль - Айша. Ойбай, стыд-то какой! Что говорит этот человек?

Константин Буранович (*переглядывается с Иваном Ивановичем. Оба смеются*). Хорошо, допустим, мы вам поверили, но ведь нужны доказательства. Чем вы подтвердите свою невиновность?

Гуль - Айша. А чем?

Константин Буранович. Как чем? Расскажите правду.

Гуль - Айша. Какую?

Константин Буранович. Ну, например, кто такой Кара-Бори? В каких вы с ним отношениях?

Гуль - Айша (*вскакивает*). Нет, нет! Хотя убейте меня, я ничего не скажу вам об этом!

Константин Буранович. Наш солдат, по имени Буран, сказал о вас... (*Намеренно замолкает.*)

Гуль - Айша (*испуганно*). Что? Что он сказал? Он выдал меня, да? Выдал?!

Константин Буранович. Не выдал.

Гуль - Айша. Не выдал? Нет? Ах, Буран, Буран... О-о, я грешная, о-о, я несчастная! Значит, он не выдал? Да? А что вы ему теперь сделаете?

Константин Буранович. В самом деле, что мы ему сделаем? (*Вопрощающе уставился на Ивана Ивановича, тот в большом затруднении.*)

Гуль - Айша. Да, что ему будет?

Иван Иванович (*подойдя к Константину Бурановичу, многозначительно бормочет*). Да простит нас Бог! Да простит нас Бог...

Константин Буранович (*тоже бормочет*). Да, да... Да простит нас Бог...

Гуль - Айша. Я не поняла, что вы говорите?

Константин Буранович. Вы спрашиваете — что мы сделаем с ним? Он понесет наказание! За помощь врагу, за сокрытие вражеской тайны...

Гуль - Айша (*погрязенно*). За помощь врагу? За сокрытие вражеской тайны... понесет наказание?..

Иван Иванович. А как же иначе!

Гуль-Айша. О-о, я бесчестная! О-о, я грешная! *(Опять рвет на себе волосы.)* О-о, я бесчестная! О-о, я недостойная! Из-за меня понесет наказание безвинный джигит! Нет, нет, господин, я скажу вам всю правду, вы только не наказывайте его, не наказывайте! Я скажу, я все скажу!

Константин Буранович. Вот это другое дело. Ну-ка, садитесь поудобнее, успокойтесь! Выпейте воды.

Гуль-Айша *(вытирает слезы)*. Кара-Бори действительно подговорил меня бежать. Мол, есть такая страна, Советский Союз, а там — Казахстан — родина казахов. Чем терпеть, говорит, издевательства Етжемес-бея, беги лучше к себе на родину, я помогу. Эти слова он повторял мне изо дня в день. Вот я и согласилась, хотя позже поняла, что он-то идет сюда с черными мыслями. Но мне было все равно — хотелось добраться до земли моих предков, по которой изошла тоской бедная мать. Однако Кара-Бори жестоко обманул меня, он не взял с собой мою дочь. Когда мы перешли границу, он стал угрожать, что, если я не буду подтверждать его слова, — он вернется и прирежет мою девочку. Это действительно так. Ему ничего не стоит, он прирежет... *(Заливается слезами.)* Это же отъявленный негодяй, изверг, кровопийца!

Константин Буранович *(деловито)*. Вы что-то сказали насчет его черных мыслей... Какие же мысли?

Гуль-Айша *(оглядываясь по сторонам)*. За неделю до побега к нам в дом, о аллах, почему «к нам», в дом к Етжемес-бею приехал какой-то столичный гость. Этот господин долго говорил наедине с Кара-Бори. Прислуживая им, я случайно услышала часть их разговора.

Константин Буранович. И что же?

Гуль-Айша. Столичный гость сказал: «После того, как перейдешь туда, сядешь в тюрьму, там...» Потом сказал название города... Как же он сказал?.. Ну вроде ножа...

Константин Буранович. Город, название которого похоже на «нож»?

Гуль-Айша. Да-да.

Иван Иванович. Какое же это? Нож, нож... нож...

Константин Буранович *(задумчиво)*. По-тюркски нож будет «баки»... Наверное, он имел в виду Баку?

Гуль-Айша *(радостно)*. Баки, Баки. Так вот, в этом Баки в тюрьме сидит один парень. Дай Бог памяти... Его имя было похоже на имя аписера, переправившего нас через границу... Да, да! Муста-фа! Но было еще одно слово... Не то козленок, не то ягненок!

Константин Буранович. Может быть, теленок?

Гуль-Айша. Нет, нет... Кобен... Да, Кобенау... Кобенау...

Константин Буранович. Может быть, Кобенов?

Гуль-Айша (*облегченно*). Да, он сказал, что в этой тюрьме сидит Мустафа Кобенов, который якобы должен через год освободиться. После освобождения, он сказал, Мустафа поступит под начало одного человека в Баку... И Кара-Бори... тоже.

Константин Буранович. Вы не помните имя-отчество этого человека?

Гуль-Айша. Постойте, постойте... Улица, где он проживает, что-то вроде ведра... Щелек... Нет, Бақыршы! Улица Бақыршы! Он еще сказал: «Не забудь, сколько молока вмещается в одно ведро».

Константин Буранович. Десять — двенадцать?

Гуль-Айша. Вот-вот — двенадцатый дом! Он проживает в этом двенадцатом доме, а фамилия его что-то вроде барана.

Константин Буранович. Может быть, Баранов?

Гуль-Айша. Нет. А что это такое? Барану?

Константин Буранович (*понимает, что ошибся*). Значит, что-то вроде барана?

Гуль-Айша. Да, что-то вроде барана... Как же это я запомнила... А, да! Кошкар, Кошкар!

Константин Буранович. Наверное, Кошкар?

Гуль-Айша. Да, Кошкарау...

Константин Буранович. Хорошо! Спасибо вам!

Гуль-Айша. Но ведь Буран невиновен?! Буран не выдал меня, потому что дал мне слово. Теперь не расстреливайте его, умоляю вас, не расстреливайте!..

Константин Буранович (*удивленно*). С чего это вы взяли?

Гуль-Айша. Этот... второй, плохой парень, сказал, что Бурана расстреляют! (*Плачет.*)

Константин Буранович. Понятно. (*В раздумье шагает по комнате.*) Понятно...

Входит солдат.

Солдат. Рядовой Алтаев просит разрешения войти.

Иван Иванович. Пусть войдет.

Входит Буран.

Буран. Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу полковнику!

Иван Иванович. Разрешаю.

Буран. Товарищ полковник...

Гуль-Айша. Так он же на свободе!

Буран недоуменно смотрит на нее.

Константин Буранович. Рядовой Алтаев, ты посиди пока. *(Наклонившись, что-то шепчет Ивану Ивановичу и передает ему записку.)*

Иван Иванович, кивнув, выходит.

Гуль-Айша. Слава аллаху, вы живы-здоровы!

Буран *(вежливо)*. Да, жив-здоров... Извините, товарищ полковник!

Константин Буранович. Как ты думаешь, Алтаев, Гуль-Айша помнит казахский язык?

Буран. Помнит.

Гуль-Айша. Они запрещают нам говорить на родном языке. Издеваются, мол, ваш язык — примитивное подобие нашего!

Буран *(нетерпеливо)*. Товарищ полковник!

Константин Буранович. Постой, успокойся! Значит, не разрешают говорить на казахском языке?

Гуль-Айша. Кара-Бори наобещал мне золотые горы! Чем только не прельщал! В Советском Союзе, говорил, казахи свободны, самостоятельны, у всех есть своя земля, свои школы на родном языке, никто никого не обижает, никто не унижит женщину!

Константин Буранович. В данном случае Кара-Бори сказал правду. Объясни ей, Алтаев.

Буран. А чего объяснять, товарищ полковник? Разве не ясно?

Константин Буранович. Это для нас с тобой ясно, а для нее наша жизнь — фантастика. Понимаешь, ей трудно поверить, как это человек не обирает человека, а народы друг с другом не враждуют.

Гуль-Айша *(пожимает плечами)*. Это все только красивые слова.

Константин Буранович. Видишь, то, что для нас с тобой повседневная жизнь, для них — невероятная сказка, в лучшем случае — пропаганда! Но, Гуль-Айша, если вы останетесь в нашей стране — все увидите собственными глазами!

Гуль-Айша *(заламывает руки)*. Как мне остаться в вашей стране, когда доченька... единственная! осталась там, в той стороне! Я выдала вам тайну Кара-Бори, и теперь не жить моей маленькой доченьке! *(Плачет.)*

Буран. Она сама вам все рассказала?

Константин Буранович. Кара-Бори не вернется в ту страну, его будут судить. Так что не бойтесь! *(Бурану.)* Да, она нам все рассказала... И знаешь почему?.. Чтобы спасти тебя от

наказания! И если ее слова подтвердятся, они принесут большую пользу...

Г у л ь - А й ш а. Если подтвердятся... Значит, вы все еще не верите мне?

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Извините, Гуль-Айша... такая уж у нас работа!

Б у р а н. Товарищ полковник! *(Радостно вскакивает с места.)* Это же надо как здорово все получилось! Я ведь шел сюда... боялся... Готов был понести любое наказание. Ведь решил: не буду говорить о том, что мне удалось восстановить в памяти.

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Теперь можешь забыть все свои страхи! Гуль-Айша... *(подмигнув Бурану)* спасла тебя от расстрела!.. Ну-ка, поблагодари ее!

Б у р а н. Спасибо...

Входит Иван Иванович.

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Все готово, Иван Иванович?

И в а н И в а н о в и ч. Да... *(Замолкает в неуверенности.)*

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Не смущайтесь, майор, докладывайте. Надеюсь, все в порядке?

И в а н И в а н о в и ч. Воля ваша, товарищ полковник! Можно и не скрывать.

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Тогда приступайте!

И в а н И в а н о в и ч. Кобенов Мустафа действительно сидит в бакинской тюрьме. Освобождается на будущий год. В свое время за торговлю золотом, валютой, наркотиками был осужден на двенадцать лет. Выяснилось, что некий Кошкарлов действительно проживает по улице Бакыршы, 12. Он нечист на руку и находится под надзором.

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Прекрасно! Гуль-Айша, большое спасибо за вашу искренность! Ну, Алтаев, теперь докладывай ты! Только без страха и смятения! *(Добродушно смеется.)*

Явление второе

Знакомая нам солдатская казарма. Буран и Гуль-Айша.

Г у л ь - А й ш а. Это и вправду так?

Б у р а н. А как же иначе! Бескрайние просторы от рукава Кигаш до снежных вершин Алтайских Актау — это и есть Казахстан. В нашей стране пятнадцать таких республик.

Г у л ь - А й ш а. Рес... пу... рес-пу...

Б у р а н. Республика — это суверенная страна... У нас пятнадцать таких республик, пятнадцать сестер, живущих в мире и дружбе. Так-то!

Гуль-Айша. Рес-пу... Пятнадцать сестер? А они... не воюют между собой?

Буран (*хмыкает*). Вот это вопросик! Ну, как бы тебе объяснить?.. Да нет, не воюют!..

Входит Буриев. Буран, вскочив, отдает честь.

Константин Буранович. Ну-ка иди сюда, разговор есть... (*Отводит Бурана на некоторое расстояние.*) Хотя ты, Алтаев, младше меня и по возрасту и по чину, если что, извини, но к тебе есть одна просьба. Может, старею, но что-то стало трудно разговаривать с женщинами. Когда во время допроса она несколько раз чуть не упала на пол, я еле сдержался. Теперь дело прошлое, можно признаться... Поэтому, Алтаев, такая просьба. Надо сообщить нашей гостье одно печальное известие. По-моему, у тебя лучше получится...

Буран вопросительно смотрит на полковника.

Дело вот в чем. Сначала скажи, что Кара-Бори будут судить. Но вот какая штука. Те наотрез отказываются отдать нам ее дочь. Видите ли, отец девочки категорически против. Так что теперь она сама должна решить — оставаться ли у нас или вернуться... Таково решение сверху...

Буран. Как это? Что же тогда получится?! Ей ведь нельзя туда возвращаться, ее муж убьет! Нельзя так, товарищ полковник!

Константин Буранович. Все это не в моих силах, Алтаев. Не в моих силах. Пусть решает сама. Оставаться или нет — ее воля! Вот сам и поговори с ней. Начни с главного — сообщи сразу о дочери. Потом, когда уймутся причитания и слезы, я и расскажу о дальнейшем.

Буран. Есть, товарищ полковник!

Константин Буранович. Ну, давай...

Уходит.

Гуль-Айша (*с испугом смотрит на Бурана*). Что с вами? У вас такой вид... Плохое известие?

Буран. Кара-Бори во всем сознался. Теперь его посадят в тюрьму, и надолго. Так что можете не бояться его!

Гуль-Айша. О, какое счастье!..

Буран. Да, еще я хотел сказать...

Гуль-Айша (*встревоженно*). Гуль-Ай?..

Буран молчит.

(С ужасом.) Чуюло мое сердце, я так и думала, что кровопийца Етжемес никогда не согласится отдать мне дочь. (Падает в обморок.)

Входит Буриев.

Константи́н Бура́нович. Принеси воды!

Буран приносит воду. Буриев брызгает на женщину.

Гуль-Айша (приходит в себя). По-моему, вы самый большой начальник в округе, господин, послушайте, умоляю вас, молю на коленях! Верните меня туда, домой, хотя, конечно, нет у меня там дома! Без Гуль-Ай нет жизни, лучше смерть, чем такая жизнь! Етжемес хоть и жесток, но не убьет же он свое дитя! А со мной пусть делает, что хочет, лишь бы посмотреть разочек на дочку, и все! Больше ничего и не надо! Господин, верните меня туда...

Буран (трясет ее за плечо). Не говорите так, не возвращайтесь, не возвращайтесь туда! Заклинаю вас на коленях. Они теперь не пожалеют вас, убьют, прикончат. (В исступлении трясет головой.)

Константи́н Бура́нович. Ал-та-ев!

Буран (очнувшись). Извините, товарищ полковник! Нельзя ей туда. Убьют они эту бедняжку.

Гуль-Айша. Пусть! Все равно без Гуль-Ай нет мне жизни! Верните меня, верните! (Падает в ноги Буриеву.)

Явление третье

Горы. Государственная граница. Скованная льдом река. На одном берегу — Иван Иванович, Буриев и знакомый нам караульный солдат. На другом — офицер, двое солдат. Етжемес-бей в толстой фуфайке, держит на руках двухлетнюю девочку. За спиной Етжемес-бея два джигита. Етжемес-бей окутан облаками поднимающегося из проруби пара. Двое солдат выводят на сцену Гуль-Айшу.

Иван Иванович (кричит). Эй, Мустафа, мы готовы!

Мустафа (кричит). Мы тоже.

Константи́н Бура́нович. Ну, Гуль-Айша...

Иван Иванович. Гуль-Айша... еще не поздно...

Буран. Ну, Гуль-Айша... Ты слышала, что сказал Иван Иванович? Еще не поздно... Оставайся! Не к добру ты туда возвращаешься, не к добру!

Гуль-Айша. Теперь все равно! Прощайте, Буран! Передайте от меня поклон родине, которой мне не довелось узнать. Скажите всем, что видели несчастное ее дитя, обиженное Богом и людьми! Конечно, душа моя так и осталась там, на родной земле, но самой мне было не суждено дойти до нее. Что делать, наверное, не судьба!

Поцелуй трижды за меня родную землю! Ты первый отнесся ко мне по-человечески... Прощай! Что делать... *(Склоняет голову перед Бураном, затем обращается ко всем.)* Большое спасибо! Я думала, вы будете издеваться надо мной, унижать меня, но вы были первыми, кто обратился ко мне на «вы».

Гуль-Айша еще раз кланяется до земли и идет по льду. Ее движения очень медленны. На весь зал раздается пульсирующий тревожный звук. Быть может, это стучит сердце Бурана или... кто знает... Медленно ступая, словно отсчитывая шаги, Гуль-Айша достигает противоположного берега.

Е т ж е м е с - б е й. А-а, ничтожная, попалась! Держите эту оскверненную неверными суку! *(Офицеры хватают Гуль-Айшу и заламывают ей руки за спину.)*

Г у л ь - А й ш а. Гуль-Ай, доченька моя, где ты? Жеребеночек мой, зрачок глаз моих!

Е т ж е м е с - б е й. Эй, красные! Остатки всегда сладки, но только для вас, а не для Етжемес-бея! Вы сейчас убедитесь в этом!

Г у л ь - А й ш а. Етжемес-бей, постой! Послушай мое последнее слово! Я знала, что ты не пощадишь меня! Ради аллаха, ты же мусульманин, пощади мою единственную... ведь она не чужая тебе, пощади!..

Е т ж е м е с - б е й. А-а! От подлой родятся только подлые, мне не нужно такое потомство! Вот тебе! *(Бросает девочку в прорубь. Пронзительный крик ребенка сливается с душераздирающим криком женщины.)* И это ничтожество — тоже в прорубь!

Офицеры подволакивают Гуль-Айшу к проруби. Рука палача запутывается в волосах женщины. Гуль-Айша успевает крикнуть последний раз.

Г у л ь - А й ш а. Буран, поклонись родной земле!

Буран бросается к ней, но его с двух сторон обхватывают Иван Иванович и Константин Буранович.

Б у р а н. Пустите, пустите меня. Своими руками убью этого зверюгу! А-а-а! *(Теряет сознание.)*

Явление четвертое

Больничная палата. В постели лежит Б у р а н. Неслышно входит М з и я.

Б у р а н. Наверное, уже пять?

М з и я. Откуда вы знаете?

Б у р а н. По вас можно проверять часы!

М з и я *(смеется)*. Это похвала или насмешка?

Б у р а н. Парню непозволительно смеяться над девушкой. Вы, конечно, принесли градусник?

М з и я. Да. Вот, засуньте под мышку!

Б у р а н. Я думаю, градусник покажет те же тридцать пять и три. Вы спросили у врача, почему так происходит?

М з и я (*смеется*). Спросила. Врач сказал, что такая температура бывает у человека, который проживет двести пятьдесят лет!

Б у р а н. Дай вам Бог всего хорошего!

М з и я. Что вы сказали?

Б у р а н. Так благодарят казахи за хорошую весть.

М з и я. Кстати, к вам пришел один человек. Впустить?

Б у р а н. Кто это?

М з и я. Солдат. Судя по внешности, ваш земляк...

Б у р а н. А-а-а... (*Назмурившись, садится.*) Как он собирается со мной разговаривать?

М з и я. Что вы сказали?

Б у р а н. Так просто... Пусть входит... (*Отдает градусник женщине.*) Я говорил, будет тридцать пять и три. Вот, посмотрите!

М з и я (*посмотрев, смеется*). Верно. Значит, проживете двести пятьдесят лет.

Б у р а н. Мне не надо такой долгой жизни!

М з и я. Как это не надо?

Б у р а н. За долгую жизнь можно с ума сойти со скуки!

М з и я. Скажете тоже. Ну, ладно, я пошла.

Уходит.

Входит С а п а р.

Б у р а н (*смотрит исподлобья*). Ну?

С а п а р. Вот... пришел...

Б у р а н. Зачем?

С а п а р. Проведать.

Б у р а н. Зачем?

С а п а р. Хочу прощения попросить... На комсомольском собрании мне такой разнос устроили... ну и... это... прости меня... Нам же с тобой дали отпуск... я хотел пригласить тебя к себе... если бы ты знал, какой у нас кумыс в Кызылкумах! Ты там быстро поправишься! Ведь все равно на Алтае у тебя никого нет. Поедем к нам, прошу тебя...

Б у р а н (*усмехнувшись*). А как же граница? Как ты собираешься перейти границу между нами?

С а п а р. Также скажешь — хоть стой, хоть падай! Какая граница, я же тебе не враг. Ведь говорят, у мужчин размолвка — это залог дружбы.

Б у р а н. Не знаю, не знаю! Время хорошее, потому и ты хороший...

С а п а р. Ну я же попросил у тебя прощения... Что мне теперь... на коленях ползать?!

Б у р а н. Я-то прощу, за этим дело не станет. Я-то прощу...
(*Вздыхает.*)

Входит М з и я.

М з и я (*смеется*). Вы сегодня прямо нарасхват, Буран. К вам еще двое пришли!

Б у р а н. Ну так пусть заходят!

М з и я. О, это такие люди, что войдут и без разрешения. Задержались у главврача, а не то...

Входят Б у р и е в и И в а н И в а н о в и ч. Буран и Сапар застывают по стойке «смирно».

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Здравствуй, солдат!

И в а н И в а н о в и ч. Здравия желаю, товарищ полковник, товарищ майор!

И в а н И в а н о в и ч. И ты здесь, Нарынов?

С а п а р. Так точно, товарищ майор! По вашему приказанию!

И в а н И в а н о в и ч. Я вам не приказывал, Нарынов, я вам посоветовал. А разница между приказом и советом, как между землей и небом!

С а п а р. Виноват, товарищ майор!

И в а н И в а н о в и ч (*насмешливо*). Ты не виноват только в том, что появился на свет, Нарынов! А иначе каждый твой шаг — увязание в болоте! (*Машет рукой. Неловкое молчание.*)

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч (*Бурану после паузы*). Я сегодня еду в Москву. Пришел проститься. Если как-нибудь окажешься в Москве, вот мой телефон, звони, будешь гостем. Не думаешь поступать в институт, в военное училище? Понимаешь, твой феноменальный дар — восстанавливать в памяти звуки и голоса — не должен пропасть. Но без тренировки это неизбежно, талант заглухнет. Так что подумай об этом. Приезжай в Москву, что-нибудь придумаем... Ладно?

Б у р а н (*помолчав, взволнованно*). Лад-но...

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Значит, договорились? Ну, тогда до свидания! (*Закрывает Бурана в объятия.*)

И в а н И в а н о в и ч (*смеясь*). Товарищ полковник! Может, все-таки посидим на дорожку-то по русскому обычаю?

К о н с т а н т и н Б у р а н о в и ч. Ну да, а я и забыл! Ну-ка!

Все садятся.

Явление пятое

ЭПИЛОГ

Под звуки Государственного гимна поднимается знамя заставы. Перед вытянувшейся в струнку солдатской шеренгой стоит командир. Это, конечно,
Иван Иванович.

Иван Иванович. Приказываю заступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

Солдатская шеренга (*выдыхает, как один человек*).
Есть заступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

Солдаты, печатая шаг, уходят со сцены. Среди них — **Бурани** и **Санар.**

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБНЯК. <i>Перевод автора</i>	3
ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК. <i>Перевод автора</i>	39
ВЕЗУЧИЙ БУКЕН. <i>Перевод автора</i>	69
КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ АДАМА. <i>Перевод автора</i>	103
ХАНТЕНГРИ — МОЙ БЕЛОГРИВЫЙ АРГАМАК. <i>Перевод автора</i> .	149
ТУРГАЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ. <i>Перевод автора</i>	185
ЧТО ОСТАЛОСЬ НАМ КРОМЕ ЖИЗНИ... <i>Перевод Е. Турсунова</i> . .	219
ЭТО И МОЯ СУДЬБА... <i>Перевод автора</i>	259
ГРАНИЦА. <i>Перевод автора</i>	293

Акым Тарази

(Акым Уртаевич Ашимов)

КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ АДАМА

Редактор

Н. Н. ГОЛОСОВСКАЯ

Художественный редактор

А. Г. ЧУВАСОВ

Технический редактор

И. М. МИНСКАЯ

Корректор

В. Т. АНИСИМОВА

ИБ № 8197

Сдано в набор 29.11.90. Подписано к печати
20.08.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1.
Обыкновенная новая гарнитура. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 20,25. Тираж 2660 экз.
Заказ № 810. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский
писатель», 121069, Москва, ул. Воронского, 11.
Тульская типография Государственного комитета
СССР по печати, 300600, г. Тула, проспект
Ленина, 109.

Тарази А.

Т 19 **Колыбель для Адама: Пьесы. Пер. с каз.— М.: Советский писатель, 1991.— 336 с.**

ISBN 5—265—01989—8

Пьесы известного казахского прозаика и драматурга Акима Тарази поднимают острые проблемы нашей современности. Они широко идут в театрах страны.

Пробрауом героя в драме «Незучий Букен» послужил Худевко, директор совхоза один из пионеров хоарасмета, необоснованно репрессированный и умерший в тюрьме годы брежневского застоя.

Пьесы заставляли задуматься над сложностью и хрупкостью человеческих взаимоотношений, говорят о чести и достоинстве, без которых немислима настоящая личность.

4702250203—232

Т ————— 288—91

083 (02) — 91

ББК 84 Каз

